

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак¹²⁺

ТАТАРСТАН

tm
татмедиа

№1 (22)

март
2015

ФОТОВЕРНИСАЖ АЛЁНЫ НОВИКОВОЙ. Стр. 64

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арзамас

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 1(22) • МАРТ • 2015

***Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь Слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.***

***И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.***

И. А. Бунин

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – первый секретарь
Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна – исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Зарипов Айрат Ринатович – руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Руденко Гульзада Ракиповна – генеральный директор Елабужского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника;

Суворов Виктор Семёнович – ректор Набережночелнинского государственного
торгово-технологического института.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Н. Бабаев – председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Н. Н. Беляев – член Союза российских писателей (Казань);

Н. М. Валеев – доктор филологических наук,
член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская – кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);

В. Н. Гофман – протоиерей, член Союза писателей России
(Нижний Новгород);

В. А. Ермаков – заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова – член Союза писателей СССР (Москва);

Д. Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск);

С. Д. Кузнецихин – член Союза российских писателей (Красноярск);

С. Е. Михеенков – член Союза писателей России (Таруса);

Н. В. Переяслов – секретарь Союза писателей России (Москва);

Н. Б. Рачков – член правления Союза писателей России
(Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин – кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Казань);

В. П. Хамидуллина – член Союза российских писателей (Набережные Челны);

М. А. Чванов – президент Международного
Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Заместители главного редактора – Александр Воронин,
Любовь Сивко

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

ЗАПЕВ

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ

КУРАЙ

*Предкам моим,
древним булгарам...*

1

Степь дышит древней новизною,
Стреножит мысль твою, когда,
Как миражи, струятся зноем
Опившиеся города.
Мрак – в непробудных погребеньях,
Сухое, ветхое тепло...
Окаменелое забвенье
Молчанием их облегло.

Усталое,
 как в Вифлееме,
Нагромождая прах на прах,
Влечёт расплавленное время
Солончаки и пыль в степях.
Жар и стле в а е т под руками...
Чьи ж это, прашур, имена
Скрывают въевшиеся в камень
Изношенные письма?
Где ваш исток – в полынных скифах?
Певцы обугленной земли,

Они забились в гущу мифов,
В гранит
 преданьями вросли.

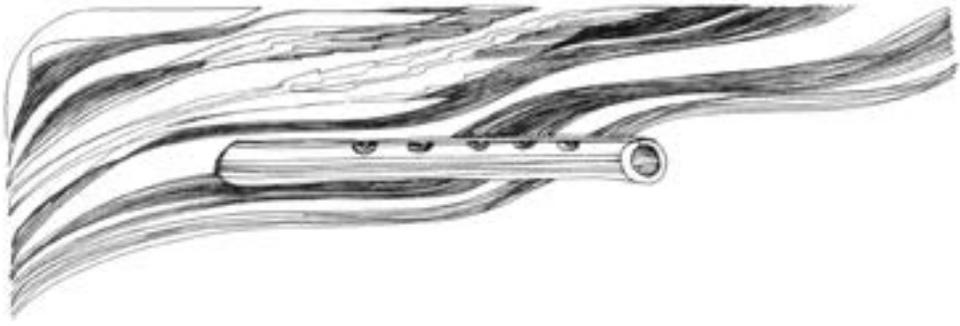
Широкоскулая (?) свобода...
Через полынный, пыльный рай
Прям – от заката до восхода –
Пролёт мелодией курай.
Струя пронзительную ноту
Неистлевающей любви,
Он выпил бледную дремоту,
Оцепеневшую в крови.

Но память прошлого коснулась,
Когда, распадно клокоча,
На певчем горле затянулась
Она, монгольская камча.
Вот так,
 взметая в небо пламя,
Замшелой злобой налита,
И боль, и ужас вмяла в память
Набега потная пята.
Замахиваясь на Стожары,
Печальный изнуря взгляд,
Багроволицые пожары,
Над степью выгнувшись, грозят.
Так шёл Батый на нас...
Понурий,
С тоскливым отсветом в глазах,
Выкашивающий аулы,
Булгарией растёкся страх?

Нет! – в брани, столах, взвизгах сечи,
Под проливнем ревущих стрел,
Сшибая расы и наречья,
Пульс эволюции гремел.
И, ужасая белым свистом,
Слепили солнце, высоки,
В руках упревших полемистов
Диалектичные клинки...

2

Исходит жаром камень под руками...
В морщины трещин погружая взгляд,
Что
 я ищу в оцепеневшем камне,
Неудержимой памятью богат?

Вся в табунах сухой травы, раздольна,
 Не степь лежит, а солнечный пролёт,
 Где, пронизав тысячелетья, вольно
 Курай,

 курай через века пролёт...
 Он утешает и забвенью лечит.,
 И тишиною изнурённый слух
 Отзывно распускается навстречу,
 К иным напевам и реченьям глух...

Курай непритязателен, казалось б...
 Но, если б встал ты из-под камня вдруг,
 Ты б изумился, пращур, как связал нас
 Дыханьем раскалённый
 Узкий звук.

3

Ложь, что вражда кровей стоит меж нами!
 Необозримость наполняет взгляд...
 Перетекает в душу, не клинками,
 Но табунами

 взболтанный закат.
 Омыло вечер дуновенье мяты,
 Полынный запах под рукой погас...

«Льняная лада,
 лёгкая,
 моя ты,
 Сама судьба благословила нас!

За тихую рекой курай колдует,
 Идёт косяк на поздний водопой...
 Под золотую голову кладу я
 Ладони, опьянённые тобой.

Какая лёгкость наливает руки!
 Я позабыл о матери, отце...

Протя-яжную свечу слади-имой муки
Объятие затеплило в лице...
Волною
 к сердцу подступает свежесть...
Курай мерцает мягко у реки.
Как жадно обнимаешь ты! И нежность
Размыла потемневшие зрачки.

Под нами травы, извиваясь, рвутся,
Разгневанно топорщится пырей...
Объятия наши в сыне отзовутся
Биением
 обнявшихся
 кровей!..».

Продрог мой взгляд в непроходимых звёздах,
Как на оси, вращаются миры.
Покалывая воспалённый воздух,
Зовут мой взор далёкие костры.
Курай вздохнул у речки...
Ожиданье
Любви и счастья теплится во мне...
Огрузлое, развёрнутое ржанье
Рябит по отсыревшей тишине.

И я, от вещей запахов хмелея,
В себе степь, до былинки, растворил,
Ведь был настырной веточкой пырея,
И запахом полыни тоже был...

4

Угрозою набрякла ночь,
Тревожно разметались степи...
Но ветру острому невмочь
Задуть былинки щуплый лепет.

Понур усталый стебелёк,
Не расправляясь под руками...
Натруженный, согбенный сок
В нём тускло движется толчками.
В оврагах, дрёмую налит,
Слежался заскорузлый воздух...
Печально слух мой тяжелит
Былых времён истлевший отзвук.

От чьих страданий далеки,
Свои глаза стыдливо прячем?

Через меня — шли табуны, толкаясь,
 Монголы потно травами лились,
 И, судьбами на лезвиях скипаясь,
 На бердышах

 столетья запеклись.

Погони.

 Битвы.

 Жар костров.

 И кони.

И, проливаясь в ханское кольцо,
 Свечой в монгольском вспыхнуло полоне
 Твоей прабабки талое лицо...

В потёмках жарких кровь твоя колдует,
 И в чистом нетерпении любви,
 Льянная лада,

 голову кладу я

На руки приворотные твои.

6

Вкрадчив ранних побудок сон,
 И смыкается под звездой
 Красный ропот смурных знамён,
 Проносимых перед ордою,
 В наши степи вломившейся...

Грай...

Луч идёт по рядам, играя,
 Ханский загодя малахай
 Гибким пламенем поджигая.

В перебранке литых стремян
 Каждый видит перед собою
 Прожигающее туман
 Волчеглазое солнце боя.
 На ремнях усмехнулась медь,
 Сочно лыбясь, повеселела.
 Спит в глубоких колчанах смерть,
 Расфасованная по стрелам.
 В грузных росах светлеет даль,
 И заходится, жертву чуя,
 Холод, вжавшийся в злую сталь,
 Непреклонную, ножевую...

Вот — вражда выгибает бровь,
 Взвоят сеча, как только лязгнет
 Сабля в ножнах,
 И кровь — на кровь,

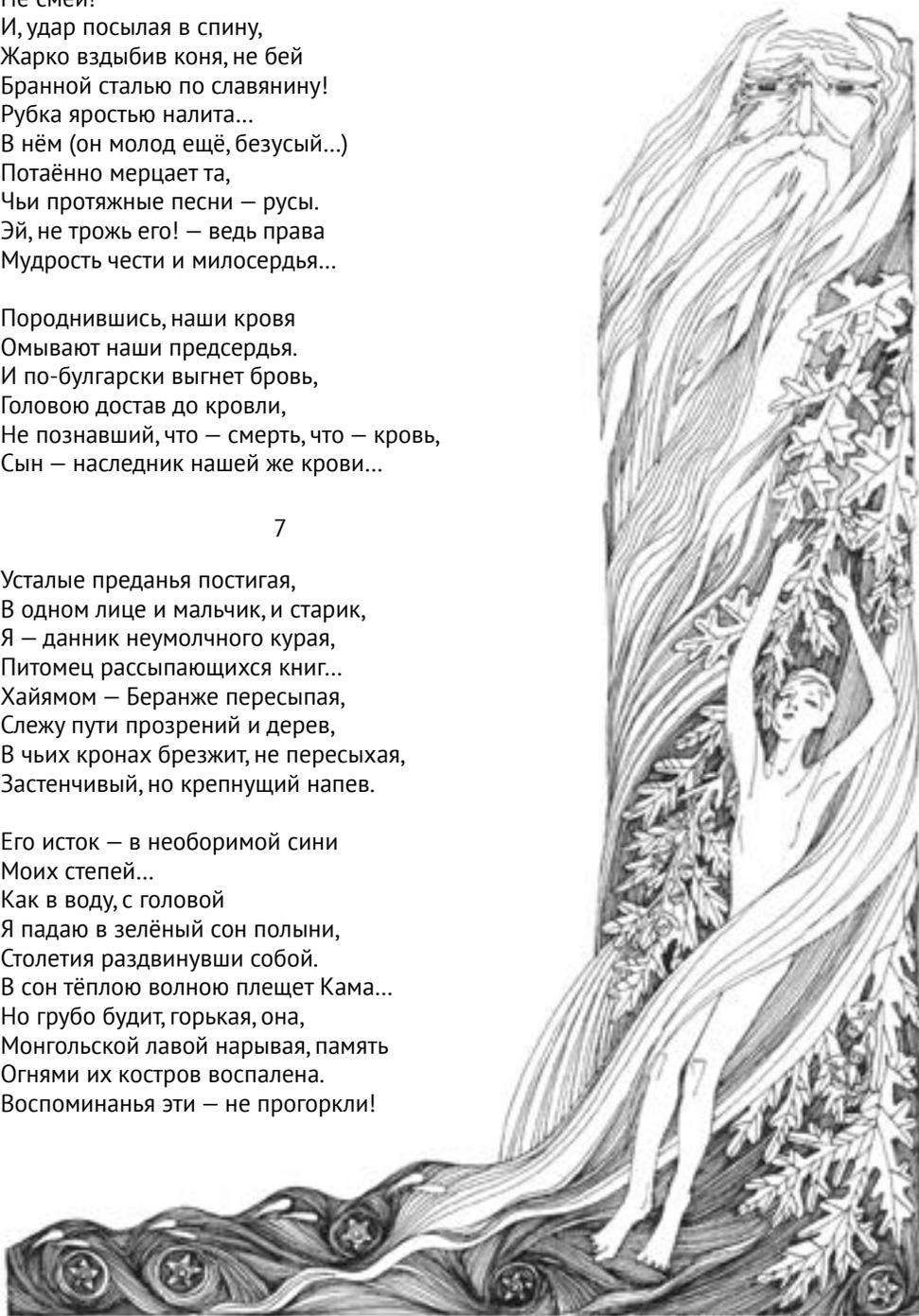
Род — на род...
 Что, монгол, погаснет
 Мой — грядущий! — удел?
 Не смей!
 И, удар посылая в спину,
 Жарко вздыбив коня, не бей
 Бранной сталью по славянину!
 Рубка яростью налита...
 В нём (он молод ещё, безусый...)
 Потаённо мерцает та,
 Чьи протяжные песни — русы.
 Эй, не трожь его! — ведь права
 Мудрость чести и милосердья...

Породнившись, наши кровя
 Омывают наши предсердья.
 И по-булгарски выгнет бровь,
 Головою достав до кровли,
 Не познавший, что — смерть, что — кровь,
 Сын — наследник нашей же крови...

7

Усталые преданья постигая,
 В одном лице и мальчик, и старик,
 Я — данник неумолчного курая,
 Питомец рассыпающихся книг...
 Хайямом — Беранже пересыпая,
 Слежу пути прозрений и дерев,
 В чьих кронах брезжит, не пересыхая,
 Застенчивый, но крепнувший напев.

Его исток — в необоримой сини
 Моих степей...
 Как в воду, с головой
 Я падаю в зелёный сон полыни,
 Столетия раздвинувши собой.
 В сон тёплой волною плещет Кама...
 Но грубо будит, горькая, она,
 Монгольской лавой нарывая, память
 Огнями их костров воспалена.
 Воспоминанья эти — не прогоркли!

ОСТРОВ СВЯЖСК СТАНЕТ ГРАДОМ МУЗЕЙНЫМ

Об этом на международной научно-практической конференции «Историко-культурное и духовное наследие Свяжска», прошедшей в Казани под занавес минувшего Года культуры, сообщил Государственный советник РТ, председатель Попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» Минтимер Шарипович Шаймиев.

По словам директора историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск» Артёма Силкина, сегодня у них работают только два музея, но в ближайшие годы планируется открыть ещё двенадцать. В том числе Музей Гражданской войны, Музей археологии дерева, Музей уездного быта, Музей православной культуры, детский центр «Музей сказок А. С. Пушкина», Музей Геннадия Архиреева, Музей уездной медицины, Музей старинных карт и даже Музей волжских пиратов.

Последний из названных — при всей привлекательности и необычности названия, согласитесь, новая и яркая тема для музейного дела. Спроси любого школьника — кто самый известный пират? Наверняка, они ответят: Джек Воробей из диснеевских «Пиратов Карибского моря». Ведь даже не все взрослые сегодня знают, что наши соловьи-разбойники, появившиеся на

Волге и Каме четырьмя столетиями ранее, подвигами своими были круче культово-киношного «воробышка».

Взять тех же новгородских ушкуйников, вот были орлы! На них даже правители Золотой Орды жаловались русским князьям, мол, угомоните своих грабителей, житья от них нет... Кстати, на ушкуях (ладьях с плоским дном и вырезанным из дерева медведем на носу) плавали, в основном, купцы. Но по ночам они вполне могли заняться и набегами. И проплывавших мимо грабили и топили. Об этом сохранилось немало свидетельств в летописях XIV–XV веков.

Потом вместо ушкуек появились лёгкие челны... И волжские казаки (в переводе с тюрского — вольные люди) нравами своими ушкуйникам не уступали. Время было такое, ватаги весельников-висельников промышляли по всем рекам. Скажем, те же два наших самых знаменитых Тимофеича. Как известно, до покорения Сибири в XVI веке Ермак Тимофеевич пиратствовал на Каме, а прославленный в народных песнях и сказаниях Степан Разин, занимавшийся грабежами по Волге и Каспию в XVII веке, за победу над персидским флотом получил амнистию от самого московского царя Алексея Михайловича.

Даже в просвещённом осмнадцатом столетии о волжских пиратах ходили легенды. Скажем, о волжской дворянке Дуровой, которая с тремя своими сыновьями по ночам грабила торговые суда, и сама скакала верхом, не отставая от собственных детушек. И то

был далеко не единственный пример, когда пиратами руководили дворяне, отставные военные. Вот и в Казанском крае водились такие «добропорядочные» помещики.

По всей Волге до сих пор рассказывают немало легенд о разбойничьих кладах, что прятали пираты по крутым волжским берегам и пещерам... И если в Музее истории волжских пиратов на острове-граде Свяжске, помимо витрин с документами и артефактами, удастся совместить интерактивные викторины с виртуальными картами и детскими аттракционами, можно не сомневаться, что задумка будет иметь успех.

Другой уникальной «фишкой» Свяжска должен стать Музей археологии дерева. Ничего подобного в России пока не имеется, если не брать в расчёт историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы» (как и Троицкая церковь в Свяжске, это совсем другая форма музеефикации). Дело в том, что территория на слиянии рек Волги и Свяги сохранила уникальный «мокрый» археологический слой, в толще которого веками сохраняются различные органические материалы, включая конструкции деревянных построек. И недавние археологические раскопки позволяют говорить об уникальности находок. В будущий музей уже сегодня можно передать около шести тысяч предметов, которые прошли процесс консервации, а также около двух тысяч предметов из металла.

Как рассказал директор государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск» Артём Силкин, в ходе работ на острове был открыт редкий комплекс средневековой деревянной жилой застройки — хорошо сохранившиеся остатки зданий и улиц XVI — XVIII веков. В будущем музее они станут доступны для туристов.

Музей археологии дерева разместится под землёй, он будет использоваться также и в качестве научной базы Казанского федерального университета.

Стоит отметить, что у российских учёных уже имеется опыт создания подобных экспозиций. Известно, что с 1968 года на мысу между Западным Бугом и левым рукавом реки Мухавец, на территории Волынского укрепления Брестской крепости велись археологические раскопки под руководством доктора исторических наук П. Ф. Лысенко. Там 2 марта 1982 года открыли филиал Брестского областного краеведческого музея «Берестье». В экспозиции площадью 1118 м² представлено 28 жилых срубов и хозяйственных бревенчатых строений, в фондах музея хранится в общей сложности 43 тысяч экспонатов. Само собой, сегодня этот музей находится в соседнем государстве — Беларуси. Почему бы российский аналог не открыть в Свяжске? Безусловно, это добавит привлекательности острову-граду в глазах многочисленных туристов.

А число их с каждым годом растёт. За пять лет, с тех пор как по инициативе Минтимера Шариповича Шаймиева был создан Республиканский фонд «Возрождение» и стартовал комплексный проект «Культурное наследие Республики Татарстан: древний город Болгар и остров-град Свяжск», туристский поток на остров-град увеличился более чем в пять раз! Только в прошлом году Свяжск посетили более 180 тысяч туристов — до тысячи человек на каждого жителя острова. А, согласно прогнозу туристского потока, до 2020 года Свяжск смогут посещать до 250 тысяч человек. И, судя по темпам прироста, этой планки на острове-граде можно достичь уже в 2015 году, благо внутренний туризм теперь прирастает за счёт снижения загранпоездок россиян. И наоборот, снижение курса рубля сделало поездки по России более привлекательными для иностранных туристов, особенно для китайцев. В связи с этим в Свяжске появилась ещё одна проблема — нехватка экскурсоводов со знанием иностранных языков, в том числе китайского.

Впрочем, в разгар туристического сезона этот дефицит можно покрыть за счёт студентов, которые летом уйдут на каникулы. Также были бы кстати аудио- и радиогиды на не-

скольких языках, чтобы гости могли самостоятельно пройти по маршруту и получить всю необходимую информацию. Кстати, на официальном сайте Государственного комитета РТ по туризму в этом году стал доступен ресурс «Автопутеводитель по Татарстану». По информации, полученной нами от начальника отдела развития туристической индустрии Туркомитета РТ Артура Абдрашитова, любой желающий может его скачать по ссылке <http://tourism.tatarstan.ru/rus/putevoditelrt.htm> на свой планшет или мобильный телефон. Для путешествующих на личном автомобиле в Свяжске с этого года намечается ещё один приятный сюрприз — бесплатная автостоянка здесь значительно расширится.

Однако, как и прежде, самой привлекательной дорогой на остров всё равно останется водная прогулка. И для любителей подобных экскурсий приятным сообщением станет информация от «БИЗНЕС Online», что Ростуризм утвердил реестр инвестиционных проектов регионов РФ, включённых в федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» на 2011–2018 годы», куда вошёл и туристско-рекреационный кластер «Свяжск». Суть данного проекта заключается в создании дополнительных возможностей использования туристских и рекреационных ресурсов острова-града за счёт строительства объектов туристской инфраструктуры, проведения работ по углублению части русла реки Волги и созданию дополнительного судоходного фарватера к пристани Свяжска. Отмечается, в частности, что за пять лет число туристов, посетивших Свяжск на теплоходе, выросло почти в 12 раз. В 2014 году их число немногим превысило 24 тысячи. Объём финансирования на 2015 год из федерального бюджета составит 72 миллиона рублей, из бюджета Татарстана — 14,4 миллиона, внебюджетные средства — свыше двухсот миллионов рублей. Таким образом, общий объём финансирования составит около 288 миллионов рублей (на 2016 год — 282,5 млн.) Согласно данным презентации о перспективах туристического кластера, объём налогов с 2015-го по 2020 год за счёт увеличения объёмов туристических услуг в Свяжске превысит 188 млн рублей.

Среди проектов частных инвесторов значится создание на острове гостиницы со спа-зоной, комплекса гостевых домов и ремесленных мастерских.

Привлекательности острова-града способствуют и ставшие ежегодными здесь фестивали «Театральные сезоны», «Свияжская уха» и другие ролевые квесты.

Президент Татарстана Рустам Минниханов на итоговой коллегии Министерства культуры РТ в конце января особо отметил ключевую роль Государственного советника РТ Минтимера Шаймиева в «нашей общей победе» по включению Болгара в список всемирного наследия ЮНЕСКО. И подтвердил желание видеть там и Свияжск: «Объект заслуживает этого. Времена непростые, в той ситуации, в которой оказалась наша страна, предвзятое отношение некоторых стран... осложняет эту работу, — подчеркнул глава республики. — Но я считаю, что системная работа и те материалы, которые нами подготовлены, бесспорны. И это позволяет нам претендовать на такое звание. Мусульманскую святыню мы продвинули, Казанский Кремль уже в списках, и очень важно, чтобы Свияжск тоже прозвучал — это наше наследие, которым мы гордимся».

Президент Татарстана призвал создавать на базе музеев образовательные центры, приведя в пример музей-усадьбу Льва Толстого в Казани, которую после завершения реконструкции планируется передать средней школе № 39. Рустам Минниханов также напомнил о широких возможностях IT-технологий и предложил активно внедрять их в библиотечном и музейном деле. «Культура продвигает туризм, над этим мы работаем, создали бренд «Наследие Татарстана», — заявил он. — Следует и дальше работать над его продвижением».

Популярность Свияжска среди российских туристов, безусловно, увеличится за счёт дальнейших работ по изучению его святынь. В частности, для уточнения времени постройки деревянной Троицкой церкви планируется проведение специального (и недешёвого!) дендрохронологического анализа. Аналогичная работа по уточнению датировок и материалов с применением физико-химических методов предстоит и в отношении фресковой живописи Успенского собора.

Специалисты подчёркивают, что именно архитектурный комплекс Свияжского Успенского монастыря (объекта культурного наследия федерального значения) и, в частности, Успенского собора, что был построен знаменитым Псковиком Яковлевым — псковским мастером, возводившим всемирно известный собор Василия Блаженного, со временем станет главной доминантой Свияжского историко-культурного и духовного наследия, позволяющей говорить о всемирной универсальной ценности, соответствии объектов острова-града требованиям «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО. Ещё в XIX веке внимание исследователей привлекали фрески Успенского собора, уже тогда историки отмечали, что особенности живописи неизвестных «богомазов» являются уникальными. К тому же фрески в соборе неплохо сохранились, и сейчас активно ведутся работы по их реставрации. Будем надеяться, что в самом скором времени они станут доступны для тысяч туристов и ценителей старинной живописи.

Как сказал на недавнем заседании Попечительского совета фонда «Возрождения» его председатель, Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев, Свияжск многими воспринимается как прообраз острова Буяна из пушкинской сказки и уже давно служит источником вдохновения художников и писателей. Возрождённый остров-град по праву становится объектом культуры мирового значения, символом духовного возрождения нашего общества. И убедиться в этом уже летом 2015 года смогут посетители создаваемой на острове художественной галереи, которую разместили в здании отреставрированной водонапорной башни. Свои лучшие работы для

её экспозиции предоставили известные живописцы, такие как Рашит Сафиуллин из Москвы, Евгений Голубцов из Казани, Владимир Акимов из Набережных Челнов и другие. Кстати, многие из них ещё в советские годы приобрели на заброшенном острове жилые дома и дачи, а ныне по полгода живут постоянно в Свяжске.

В связи с этим, думаю, очень знаменательным стало решение открыть на острове-граде Музей художника Геннадия Архиреева, который родился и вырос в Свяжске, на территории Успенского монастыря, превращённого тогда в лагерь для репрессированных. Мать до конца дней

своих так и не рассказала Генаше, за что она попала на зону для политзаключённых, кто был его отцом... Многие годы я знал Геннадия Архиреева и удивлялся, почему он наотрез отказывался поехать с нами на остров. Мы с редакцией журнала «Казань» ездили туда неоднократно и его звали, не понимая, видимо, насколько тяжела для Гены была сама мысль о такой корпоративной «прогулке по Волге»!

В 2009 году Сергей Ольденбург-Свинцов снимал в Свяжске полнометражный игровой художественный фильм «Голубка» по рассказам Светланы Колиной, которые режиссёр прочёл в том же журнале «Казань». Картина рассказала о жизни художника Геннадия Архиреева, она завоевала ряд призов на кинофестивалях, прошла в широком прокате и была показана по Первому каналу, правда, когда самого художника уже не было с нами.

Его вдова Светлана Колина опубликовала у нас, в литературном журнале «Аргамак» (№ 1(14)2013), свои воспоминания об этом и предоставила для большой цветной вклейки подборку лучших картин художника. А когда этот материал готовился к печати, Светлана Закировна в эксклюзивном интервью «Аргамаку» рассказала, что Министерство культуры РТ закупило у неё 28 лучших картин Геннадия Архиреева для будущего музея. Все работы уже отправлены в Свяжск. Правда, директор историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск» Артём Силкин пока не смог ответить, где именно будет размещён музей Геннадия Архиреева. Однако его картины туристы и гости Свяжска могут увидеть в художественной галерее вместе с полотнами других мастеров.

* * *

Елабуга с населением до ста тысяч человек имеет 15 музеев — и это сегодня рекорд по Татарстану. Свяжск, где ныне проживает меньше двухсот жителей, очень скоро может догнать Елабугу. Но даже если и не перегонит, мы не обидимся. Ведь посмотреть на острове-граде и раньше было что, а с этого года достопримечательностей становится больше. Теперь мы сможем посетить и отреставрированные здания Земской больницы (она была построена в 1875 году по типовому для казённых медучреждений проекту). В главном больничном корпусе, доме персонала и хозяйственном амбаре, в частности, размещены музейные экспозиции, реставрационные лаборатории и мастерские.

Александр ВОРОНИН

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ БЛАГОДАРНОСТЕЙ

В Казанском кремле вручили пятый том Книги благодотворителей. На его страницах можно прочитать сведения о восьми тысячах татарстанцев, которые в 2014 году внесли пожертвования на восстановление Болгара и Свияжска.

Турпоток в Болгар и Свияжск в прошлом году увеличился до 500 тысяч человек, если считать с начала возрождения острова-града. Остров-град и древний город обязательны к посещению у всех, кто приехал в Казань. Во многом это заслуга татарстанцев, которые вкладывали личные средства в восстановление исторических мест. Каждого, а таких 38 тысяч человек, вписали в почётную Книгу благодотворителей.

Их имён нет в списках «Форбс». Обычные татарстанцы: врачи, учителя, пенсионеры. Люди со средним доходом, которые не жалеют кровных на благодотворительность. Раз в год семья Лилии Галиевой из Менделеевского района выделяет сумму для пожертвования.

— Три года назад появилась духовная потребность. По телевизору увидела, что люди вкладывают деньги в восстановление памятников. Теперь каждый год вносим по небольшой сумме. Это для души, потом как-то легко становится, — рассказывает директор ДК им. Сергея Гассара Лилия Галиева.

Некоторые и вовсе отчисления делают каждый месяц. Ветеран труда из Спасского района Галина Купоросова средства на восстановление религиозных мест вносит с начала реставрации. Три года назад женщина вышла на пенсию: доходы стали меньше, но от доброго дела она не отказалась:

— Просто отдушину в сердце есть. Я большое не могу сделать, но что-то маленькое хочется. На это денег не жалко.

Болгар и Свияжск являются святынями. Поэтому большинство благодотворителей говорят, что именно вера приводит их к мысли о том, что надо помочь.

— Вера наша должна реализовываться в делах наших. Если человек старается соотносить поступки с заповедями, то Господь укрепляет его. И уже в этой жизни человек получает ту необходимую помощь, которая нужна ему не только для реализации сиюминутных желаний, но и, прежде всего, это надежда во спасение уже в жизни будущей, — говорит настоятель храма Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи протоиерей Александр Павлов.

— Смысл религии — в помощи окружающим. Например, человек построил мост, и этот мост потом будет служить людям. Это благо для души. Каждый, кто умирает, нуждается в добрых делах, которые он делал при жизни, — сказал имам-хатыб казанской мечети «Ярдэм», заместитель муфтия Татарстана Ильдар хазрат Баязитов.

Конечно, в почётной книге есть и имена тех, кто переводит большие суммы: к благому делу подключились и крупные предприятия. Но кто какую сумму перевёл, на её страницах не указано. Здесь все: и кто пожертвовал рубль, и миллион. Кстати, самым юным благотворителям по 3–4 годика. Они вписаны в историю наравне со взрослыми.

— Всё из семьи идёт. Все детишки, которые здесь сидят, всё равно это запомнят, потому что благие дела западают в душу, — сказал Госсоветник Минтимер Шаймиев.

Благотворителями переведена четвёртая часть от всех поступлений. Без такой огромной финансовой поддержки работы затянулись бы на долгие годы, а многих объектов могло и вовсе не быть.

— Средства были направлены на цели, на которые мы не можем использовать федеральные и республиканские деньги. Скажем, разве может быть Болгар без Белой мечети? Но Белую мечеть по финансовым правилам и требованиям мы на бюджетные средства не можем построить. Благодаря инвесторам она появилась, — объяснила корреспонденту «Событий» исполнительный директор Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова.

Работы в исторических местах ещё не закончены. «Посмотрите, что там будет лет через пять», — интригуют в Фонде «Возрождение».

— Туристов, желающих посетить Болгар и Свияжск, становится всё больше. Есть понимание вопроса, работа идёт, — отметил Минтимер Шаймиев. — Много сегодня делается по сохранению и возрождению памятников истории и в Казани. Этот процесс возглавляет Президент Татарстана Рустам Минниханов, а в большом городе делать это сложнее. Надо знать прошлое, делать дела в настоящем времени для того, чтобы они приносили успехи в будущем.

Ксения ЖАРКОВА

В ЧЕЛНАХ И ЕЛАБУГЕ НА НИКОЛАЯ УГОДНИКА

Обычно я, всегда впопыхах, везде запаздывая, прибегаю на посадку самолёта или поезда в последнюю минуту, рассекая с сумкой зону досмотра в аэропорту, прыгая иногда на подножку уходящего вагона. И всегда успеваю. А на этот раз ехал во Внуково из Ново-Переделкино, полчаса от дома на рейсовом автобусе. Прибыл рано, часа за два. При этом прошёл регистрацию заблаговременно, через Интернет. И ходил потом по аэропорту в ощущении бездны свалившегося свободного времени, когда спешить, наконец-то, некуда, можно посмотреть товары в бутиках, рекламу, народ, готовящийся к полёту. Вовремя, за треть часа, приблизился к стоявшей у стойки «выхода на посадку» веренице пассажиров. Человек пять впереди, жду. Слышу — чего-то люди шумят, доказывают. Опережаю митингующих, показываю соответствующий

документ, мол, вы тут разбирайтесь, а мне-то на посадку. «Да мы с этим же!..», — затряс передо мной посадочным талоном рослый парень с добродушным лицом.

Скоро нам всем пришлось оценить оборотную «выгоду» «невозвратных билетов». Обычно выход на посадку прекращается за двадцать минут, но явился прошедший регистрацию пассажир на три-пять минут позже — вызовут автобус, довезут. А сотрудники переживающей кризис авиакомпании «Тюменские авиалинии» сделали так: минута в минуту. Причём посадка у них заканчивается, в отличие от общепринятого времени, за двадцать пять минут.

Представитель авиакомпании с эмблемой Utair находился в противоположном конце здания. Там уже толпилось человек двадцать — наш рейс был в Набережные Челны, но «отсекание» пережили и пассажиры рейса в Сочи, причём некоторые с детьми.

Словом, после значительной перепалки все мы отправились в кассу. Компания сшибла прибыль, а пассажиры — не разевая варежку — потеряли деньги. Ждать никто не хотел, кассиры, имея опыт, предлагали взять билет в соседствующие города: «сочинцам» — в Краснодар, а тем, чей путь лежал в Набережные Челны и Нижнекамск, — в Казань. «Летим в Казань», — обрадованно предложил Добродушный, — там по тыще скинемся — и на такси», — он был с другом.

В Набережных Челнах — на юбилейных торжествах журнала «Аргамак» — мне надлежало быть не позднее тринадцати часов следующего дня. Лететь, не лететь? Уже вечер, прилетим ночью, а там ещё четыре часа... Да и будет ли среди ночи это такси?

В воображении рекой проплыло название города, так романтически воспеваемого в годы юности моей: «На-бе-ре-жные Челны-ы». Слово «набережная» — само по себе притягательно. Кто не мечтает прогуляться по набережной? А тут ещё и какие-то «Челны». И Камаз, выпускаемый в Челнах, пронёсся где-то в Сафари, выбивая песок из-под колёс. И потекли воды Камы, которую доселе я видел только в городе Березняки.

Я спешно позвонил главному редактору журнала «Аргамак», поэту Николаю Алешкову, который должен был встречать меня в аэропорту Нижнекамска-Набережных Челнов. Сообщил о новом маршруте.

Перелёт в Казань был очень короток: чуть более часа. Мои замечательные попутчики, парни из Нижнекамска, выходили из самолёта в приподнятом настроении: ещё во Внуково, после зоны досмотра, они набрали в ресторанчике дорожущего пива. Добродушный — его звали Евгений — тотчас протянул и мне расписную импортную бутылку, невзирая на строгие штрафы за распитие в общественном месте. Широта души так и плескала в нём через край!

Таксисты вились вокруг нас гуртом! Но... оказалось, мои приятели ещё из Москвы позвонили своему другу в Нижнекамск, и тот, поднявшись среди ночи, уже ехал за двести с лишним километров встречать друзей! Пурга мела, морозило — на дороге даже возле аэропорта просто ледяное покрытие!

Мы ждали! Ели в ночном кафе вкусную горячую лепёшку, разделив по-братски, запивали чаем. Евгений звонил в таксопарк Нижнекамска, узнавал, как и за сколько потом мне можно будет доехать до Набережных Челнов: там, между городами, километров сорок расстояние. Евгений был белобрысым, с ямочками на внушительных щеках и при этом с заметной азиатской скуластостью. Растягивал слова на поволжский лад. По возрасту он годился мне в сыновья, но рядом с ним я всё более чувствовал себя мальчиком, а его видел дяденькой из моего детства, беспечным и добрым, какими на Алтае, среди родни моей и соседей, были через одного да каждый.

Наконец, приехал друг из Нижнекамска, замотанный, усталый. И вот мы на стареньком автомобиле «ДЕО» помчались по абсолютно беспросветной метели. Водитель бесконечно курил, чтобы не заснуть. Хлопья снега, крупные, наваристые, кружили и рассыпались в свете фар! Вдруг впереди вспыхивали огни, и пылающее чудище, воплощённый Змей Горыныч, приближалось, надвигалось, наконец, вырисовывался силуэт обложенного фонарями Камаза, так что казалось, на дороге не разойтись. Камаз пронёсся мимо, обдавая потоком воздуха: корейский автомобилишко ощутимо сносило к обочине. В поднятой снежной пыли водитель метров пятьдесят-сто управлялся с рулём, вообще не видя ни зги.

Но иногда, в низине, чуть стихало. И какой же красивый, выхваченный светом фар, открывался мир: косогор, сизое небо в хлопьях! И опять только снег в стекло.

Никогда не подозревал, что меня так могут обрадовать приметы цивилизации! Автозаправка с какой-то диковинной конструкцией из светящихся огней, рядом ещё одна, и снова с сетчатой башней из фонарей — нигде, кроме Татарстана, я такого не встречал. Улица, словно взлетающая новая красавица-мечеть...

Евгений вызвал, подъезжая к городу, такси. Дождался, стоя со мной под снегопадом, пока машина подошла. Пожал на прощание руку — заботливый хозяин-дядька из моего детства, ничуть не изменившийся по характеру русский человек, хотя он, может, был и татарин. Спасибо, дружище! Я даже простил авиакомпанию «Тюменские авиалинии», на которую, было, заточил зуб!

И снова я ехал на корейской, только ещё более разбитой машине. Было уже недалеко, да и снегопад утихал.

Всю ночь Николай Алешков, вместо того, чтобы готовиться к празднованию юбилея созданного им журнала, отслеживал дислокацию московского гостя. И уже под утро, в брезжащем рассвете, ждал меня у старой церкви. Он шёл ко мне по сугробу с распротёртыми объятиями, и я шагнул в снег, явственно взмахнув крылами! Какая же это была встреча близких друзей, которые до сей поры виделись всего один раз!

Вдыхая морозный воздух, я понимал — Набережные Челны не могли меня принять просто так: прилетел, встретили, в гостиницу. Челны испытывали и... готовили.

Не стоит объяснять, как вкусны были оставшиеся с приготовленного для гостя ужина манты и пироги! И как мягки были подушка и тёплое одеяло!

Впрочем, по поводу яств надо сказать отдельно. Меня поселили в гостинице торгово-технологического института, где существуют и факультет среднего образования, в том числе подготавливающий и поваров. Так что манты и пироги были приготовлены высококвалифицированными специалистами!

Гостиница находится прямо в здании института. Первые «челнинцы», которых я обнаружил, «выйдя в свет»: уединившиеся на лестничной площадке при входе в «рукав» гостиницы юноша и девушка, которые стремительно и стыдливо отпрянули друг от друга (в московских школах подростки обнимаются без стеснения, причём обычно с активной ролью выступает девушка, что в годы моей юности было совершенно нереальным). У меня в руках были книги, и студенты тотчас бросились помогать. В коридорах учебного заведения взгляд стал «тормозить», выявляя нечто непривычное. Живинка, интерес, искорки в юных глазах, застенчивые — это было понятным, в Якутии я встречал подобные! Но что-то ещё?.. Одежда. Строгая, ученическая. Тёмные юбочки, пиджачки, белые блузки и рубашки.

Оказалось, абитуриенты, поступающая, подписывают договор о том, что будут соблюдать определённые нормы одежды, макияжа, поведения в стенах института: отбор происходит не только по знаниям, но и по внутренней готовности принять

правила, как было это, скажем, в Царском лицее (там, правда, лицеистов и домой на каникулы не отпускали).

Николай Алешков озвучил фамилию ректора — Суворов. Что ещё добавить?

Ректор института, доктор педагогических наук Виктор Семёнович Суворов внешне выглядел человеком не столь суровым, как его великий однофамилец-генералиссимус. Скорее, радушным. Умело, речисто, при этом не увлекаясь, держал речь на сцене во время торжеств. Я ему подарил свою книгу «Малинка». И, признаюсь по секрету, стал опасаться, всё более узнавая о методике воспитания и образования, внедрённой Виктором Семёновичем. Роман мой поднимает темы самые серьёзные — соответствие плоти, души, духа в отношениях мужчины и женщины, ответственности за деторождение. Материал требует значительной обнажённости и откровенности. Однако в стенах учебного заведения, где сущее охраняло целомудрие, думалось, а ко двору ли моё повествование?

Также продумывалось: а не послать ли своих младших детей, пока школьников, из Москвы учиться сюда, в Набережночелнинский торгово-технологический институт?

Опустим описание торжеств. Люди, способные выпускать литературный журнал в наши дни, когда в магазинах разбирают крупу и гречку, в страхе деляя запасы, — герои! А журнал — посмотрите сами, полистайте, почитайте, что говорить?! С умом и душой издание! Замечу лишь, из юбилейных выступлений я выяснил, что Николай Алешков родился в победном сорок пятом. Выглядел он не просто моложе, а молодцевато!

Никто специально не подгадывал, но происходило всё в день Николая Угодника.

По дороге в Елабугу Николай Алешков рассказывал об удивительном землячстве. Он вёл машину и постоянно забирал вправо, к непрочищенной от снега обочине. Машина запросто могла пойти юзом, я советовал ему взять левее. Но по-человечески понимал: там, по правую сторону дороги находилось его родное село, теперь оказавшееся в центре города. Несколько лет назад, продав трёхкомнатную квартиру и взяв вдобавок кредит в банке, отчаянно рискуя, он построил здесь деревянный дом, в котором и живёт с семьёй. В былые-то годы Николай по всей России

помотался, а завершить жизненный путь хочет там, где его начал — на берегу реки Челнинки. Дома, улицы здесь оставались прежними — сельскими. Как в детстве, которое в мужчине живёт вечным зовом. А если это ещё и поэт!.. Не сразу речь зашла о «Челнинском землячестве», которое образовано и находится в городе. В Москве, скажем, много разных «землячеств», но это и понятно: люди приехали издалека, а душа просит родного. Но вспомним: Набережные Челны — город комсомольской стройки. Сюда стекались отовсюду. А есть же коренные местные жители — «Матера», неушедшая под дно! И вот такие-то, коренные, местные, объединились — запросила душа своей сохранности, того, бывшего, природного мира.

А каким он был или мог быть, легко понять, взглянув на картины уроженца Елабуги Ивана Шишкина. В моём сибирском детстве чуть ли не в каждом доме на стене радовали глаз шишкинские медведи, лазающие по статным корабельным соснам. Это уж потом, когда учился в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) вузе, шибко умные ребята объясняли, что Шишкин это банальность, примитив, вот «Чёрный квадрат»... Не будем спорить!

Лес-то — прямо такой, как на полотнах Ивана Ивановича Шишкина, сына купеческого, знавшего ему цену и назначение, — лес, несмотря на весь производственный натиск, внедрившийся в край, на разливанное водохранилище, — высился стройными деревьями вдоль дороги!

У меня в повествовании много тире появилось. И неслучайно, видать. Мы приблизились к Елабуге, месту, где трагически оборвалась земная жизнь Марины Цветаевой, в поэзии которой тире — величина постоянная.

«Бедный город... у многих, как и у меня, он ассоциируется только с МЦ. Елабуга, город, где вы всегда сможете беспрепятственно повеситься», — прокомментировала писательница Мария Ряховская размещённое мною в Фейсбуке фото улицы со старинными домами и транспарантом: «Елабуга — город, где вас всегда ждут».

В Елабуге сегодня выпускают «Форды», «Шевроле». Надо отдать должное развитутому производству: людям есть где работать, у города есть средства. И не только строить новые современные кварталы, но и сохранять старый город. Такой, каким он был ещё при Шишкине, при Цветаевой, несмотря на упадок военного времени. Мне старая Елабуга напомнила ещё и родной Бийск. Одно-, двухэтажные дома, широкие улицы.

Именно в Елабуге я подумал, что нет, не этот город добавил отчаяния великой поэтессе, она не прожила здесь и двух недель. Отчаяние прибыло с ней. И продолжало прибывать. Здесь, на берегах Камы, полагаю, и столкнулись в её душе два мира — тот, изменчивый, и этот, по существу, незыблемый при всех потрясениях. Чёрный квадрат и утро в сосновом бору. Это нам только кажется, что всё можно примирить. Так хотим, чтоб не было границ! Убрали, отменили — и нет разницы между добром и злом, мужским и женским, светом и тьмой. Из чёрного квадрата не вырастет корабельная роща, а строевую сосну легко упаковать в квадрат... И нет обратного пути.

Марина Цветаева желала обрести вечный покой в Тарусе. Нашла в Елабуге. По природе и укладу бытия эти места близки.

В «Библиотеке Серебряного века» предстояла встреча с читателями. Бревенчатый дом, лестница, деревянная, узенькая, на второй этаж. Чистота и порядок музейные. Небольшой зал, полон людей, ждущих, к чему-то готовых.

И неспроста. Как обычно проходят выступления писателей? Представили автора, и распыляйся он в меру возможностей. На телевидении или радио — это диалог с ведущим.

Я был просто поражён, какое представление затеял молодой человек по имени Андрей, как позже выяснилось, директор библиотеки. Действо началось с того, что две девушки разыграли маленький спектакль, где одна читала традиционным способом, держа книгу в руках. Другая — глядела в компьютерный планшетник, при этом она ещё слушала музыку в наушниках, чего-то жевала и говорила по телефону: «Прикольно!.. Да это я не тебе, это я книжку читаю. Достоевского. «Преступление и наказание». Скоро в руках ведущего — Андрея Иванова — появилась расписная тарелочка. Выяснилось, что в Самаре выпускаются такие керамические изделия со стихами Дианы Кан, писанными на доньшке древней вязью. Так, «на тарелочке», была «подана» поэтесса из Самары Диана Кан.

Знал я Диану с её юности, правда, встречались мы считанные разы, и я мог отметить разницу: она, русская и кореянка по крови, тогда лицом была больше славянка. Теперь побеждал восток — это во внешности. А в поэзии — такая русская ширь!

На сцене валялось полено, ведущий вдруг вбил в него ржавый гвоздь и поднял с вопросом: «Что делать, если в душе, как в полене, торчит ржавый гвоздь?». Это уже было из моей повести «Двое на голой земле». Или рассыпал жестяные крышки для консервирования по полу — это из одноимённого фильма. Андрей втягивал в свой замысел и зрителей, и выступающих, то бишь меня и Диану, и всё через наши же тексты. Разворачивался импровизированный спектакль, сюжет которого знал он один.

Как человек, работавший в электронных СМИ, я понимал, что это готовый образ телепрограммы. Если учесть, что 2015 — год литературы, то ах как было бы здорово видеть такую программу на ТВ. Все эти беседы о литературе и творчестве — вопрос, ответ, застольные разговоры — даже при самом талантливом ведущем могут быть интересны только узкому кругу людей. То, что уже наработал, устраивая встречи писателей и читателей, в своей библиотеке Андрей Иванов, — могло бы стать массовым телевизионным зрелищем. Как сейчас говорят, иметь рейтинг. Соперничать в этом

плане с передачами типа «Пусть говорят». Только речь бы шла — о литературе, современной, классической, к душе обращались бы!

Но, к сожалению, никто устроенного Андреем действия не снимал. Показать в качестве «пилота» и «заявки» программу в редакциях ТВ, как стал я уже планировать, было нечего...

В своё время авторскую радиопрограмму «Национальный герой» — о выдающихся людях российской истории — мне помогли создать воины-интернационалисты. В Набережных Челнах бывшие воины, которым, казалось бы, и без того есть чем отчитаться перед Господом, организовали «Братство Святой Троицы», строят Воинский Храм — Памятник Святого Великомученика Георгия Победоносца. Рядом — новый городской район, недавно заселённый. Дома громадные, а церковная служба пока проходит в часовенке, устроенной из рабочего вагончика. Храм почти готов — остались коммуникационные работы, роспись. И, как всегда к завершению, туго со средствами. Кризис, опять же. Тихий воин, бывший спецназовец, не привыкший называть своё имя и регалии, хотя ныне он просто строитель, показывал Храм и стыдливо говорил о деньгах, которых не хватает. Я планировал записать материал о строительстве воинами Храма для выпуска «Национального героя», но вот тоже — не получилось. С меценатством нынче сложно, но, тем не менее, пользуясь случаем, если не через эфир, то посредством печати обращаюсь: уже не так много нужно вложить — и можно разрезать ленточку, войти в Воинский Храм: свечи горят, роспись свежая. Храм светлый, на берегу Камы.

Ночь мы провели, напарившись в баньке, в том самом шишкинском сосновом бору, на базе отдыха предприятия, которым руководит коренной челнинец, президент (не иначе!) «Челнинского землячества» Альберт Николаевич Петров. Он, как и доктор педагогических наук Виктор Семёнович Суворов, — друг поэта Николая Алешкова. Такая вот в Челнах спайка творчества, бизнеса и образования.

Ближе к утру ехали в аэропорт вновь по пурге. Самолёт был тот, на котором я должен был лететь сюда. Маленький, поэтому и очередь на посадку тогда, во Внуково, быстро стояла. Так, в обильный снегопад, самолётик и разбежался по взлётной полосе. Летел долго, прыгая, будто на кочках: вновь долгожданными были огни цивилизации. Снег, пока лёгкий, пришёл и в Москву. Славно было на душе...

Владимир КАРПОВ

P.S. Как было бы славно, если бы на этом я и завершил свой очерк. Но, увы, снег прибыл в Москву, а встречным движением шёл на восток кризис. И вот Николай Алешков сообщил, что его предупредили о возможном прекращении финансирования журнала «Аргамак». Только детёныш, было, поднялся, а его бросают помирать.

Друзья! Напомню смысл выступления ректора Суворова на торжествах журнала. Он выявил удивительную закономерность: величю правителей, государственному расцвету всегда сопутствовала высокая востребованность литературы. Александр Македонский, которого Аристотель воспитывал, читал наизусть Гомера, Цезарь, захваченный пиратами, развлекал их поэмами собственного сочинения. Иоан Грозный на мифах воспитывался, сам стихиры сочинял, Русь при нём и шагнула за Урал. Екатерина Вторая... Да это отдельная научная работа: не знаю, есть ли такая, но заняться бы ей стоило! Упомяну ещё Иосифа Сталина. Мне доводилось беседовать с дочерью Леонида Леонова, и она говорила, что книги её отца были испещрены пометками Сталина. Тогда было время низвержения чуть ли не всего советского, и уж тем более, имени «вождя». Но даже тогда, слушая, я недоумевал: так ведь это надо было как читать, чтобы на каждой странице оставлять замечания?! А есть ещё Булгаков, Горь-

кий... Всех читал! Скажут, было идеологическое государство — а у Николая Первого какое государство было, когда он лично Александра Сергеевича рецензировал?! И басни Крылова, и драму Гоголя на свой счёт принимал, при этом смеясь, прозванный Палкином.

Руководители — хочется сказать казённым языком — ведомств и организаций. В той или иной степени, вы тоже — правители. Может статья, великие!

Обращаюсь к президенту Татарстана Рустаму Минниханову с просьбой о государственной республиканской поддержке журнала «Аргамак». Издание получилось живым! По художественному уровню немногие, даже популярные, с большой историей толстые литературные журналы России могут соперничать с издаваемым в Набережных Челнах. Журнал выходит на русском языке, вбирая тематику Татарии и всей России как единого многонационального организма. Аргамак — порода лошади. Журналу всего пять лет. При рачительном хозяине жеребёнок имеет все основания вырасти в породистого скакуна.

Великие правители, как закон, были «литературацентричны»: да и как иначе, если «в начале было Слово... и без него ничто не начало быть, что начало быть».

ОТ РЕДАКЦИИ. Дорогие читатели и авторы нашего журнала! Очень хочется надеяться, что тревога за «Аргамак» развеется, как февральская метель. На мои сообщения в Интернете о возможном прекращении финансирования откликнулось более шестидесяти человек. Их письма я передал в Казани нашим руководителям и учредителям. Все пишут об одном — несмотря на финансово-экономическую блокаду России со стороны США и Западной Европы закрывать литературные журналы нельзя. Это на руку нашим врагам.

Предупреждение о нехватке бюджетных денег высказано в Татарстане не мне одному. А в Москве, говорят, прекращает деятельность «Дружба народов» — многонациональное издание с более чем полувековой историей. И это в Год литературы, провозглашённый не кем-нибудь, а президентом Владимиром Путиным. Мыслимо ли?

Писем поддержки много.

Благодарю всех откликнувшихся. Настоящих друзей у «Аргамака» становится всё больше. Это значит — мы на верном пути. И победа будет за нами!

Николай АЛЕШКОВ

ЖЕНЩИНА. ЛЮБОВЬ. ВЕСНА

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

ТРОПИНКИ ПО КРУГУ

* * *

Тишины бы в округе, такой,
Чтобы слышать на ветке сороку,
Как врезается лодка в осоку,
Возвращаясь на берег другой.

Чтобы слышать за вёрсты пургу,
Как в полях оседают туманы,
Как швыряет листву на поляны
Этот ветер, влетевший в тайгу.

Слышать всё бы, до дальних морей,
Не проникшись ни счастьем, ни горем,
Слышать даже, как где-то, за морем,
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы, до самой луны,
Я на небо глаза поднимаю,
Но, проснувшись, опять понимаю:
Не бывает такой тишины.

* * *

Молилась бабушка три года,
Слезой писала мне в Афган:
«Есть или нет такая мода,
Но при себе держи наган.
Хоть и на всё Господня воля,
Ты первой не беги вперед
И, раненых таская с поля,
Смотри, не надорви живот».
Каракули вещали бойко,
Советовали, что куда,

А мы посмеивались только
Над милой бабушкой тогда.
В ладонях чай вчерашний грели,
На кавардак махнув рукой,
Мы доползали до постели
С куском печенья за щекой.
Порой, родные вспомнив дали,
Минорный поднимая лад,
Цепляли новые медали
Тайком на выцветший халат.
И, вырвав листик из тетрадки,
Я бабушке писала так:
«Вперёд не рвусь. Живот в порядке.
Наган не выдадут никак».

* * *

Нас соберёт однажды время,
Нарушив будничный уклад,
И, лапу положив на темя,
Заставит посмотреть назад.

Вручит стаканы нам по праву
И, насыщая интеллект,
К словам подсыплет, как приправу,
Родной афганский диалект.

Война покажется подружкой,
Вновь обнажая полюса.
И будет вертолёт – «вертушкой»,
«Зелёной» – редкие леса.

Тяжка смертельная пропажа.
Воскреснут лица в тишине,
Которые эпоха наша
В чужой рассеяла войне.

В укор посмотрят, неутешно,
С иконы будто – свысока.
За третьей стопкою поспешно
Сама потянется рука.

За тех, кто под звездой упрятан
От жизни этой, как от бед,
За тех, кто в цинке запечатан
И у кого могилы нет,

Кто жуткий крик в горах оставил,
Чей стон в душе своей храню,

За всех, кто, падая, добавил
Свеченья Вечному огню!

* * *

Принося затяжную простуду,
Во дворе рассыпая дрова,
Налетают ветра отовсюду
И с бумаги сдувают слова.

Стёкла выбиты, радости мало,
И уходит из дома тепло.
Прячу мысли от страшного шквала,
Только б голову с плеч не снесло!

Так легко расшатались избышки –
Сколько мести в погоде и зла!
Но с церковью не слетают макушки,
Не срываются колокола.

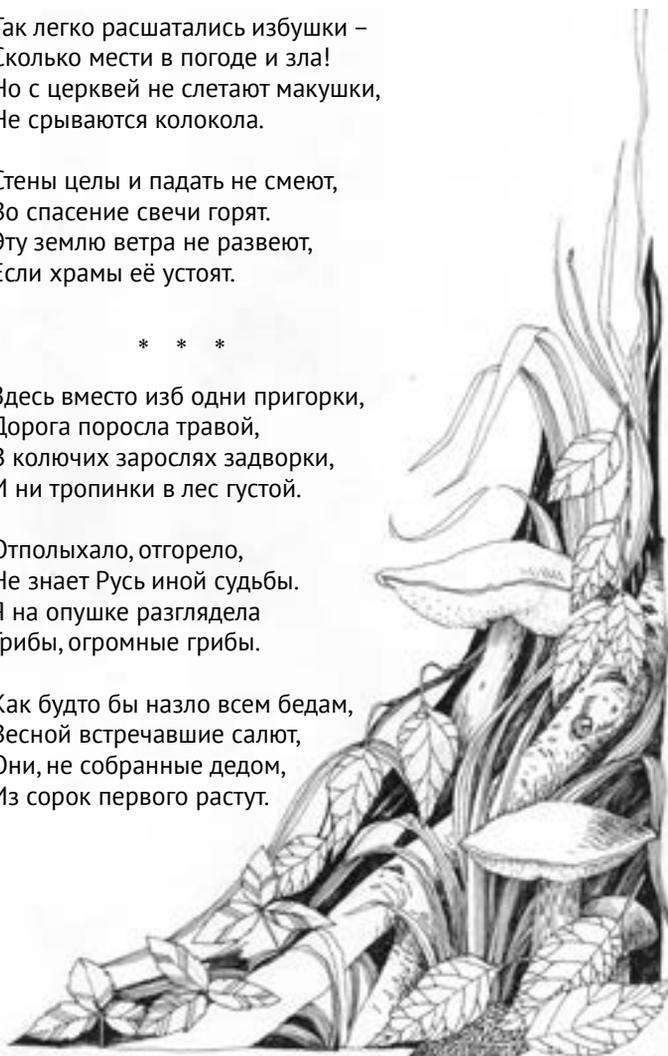
Стены целы и падать не смеют,
Во спасение свечи горят.
Эту землю ветра не развеют,
Если храмы её устоят.

* * *

Здесь вместо изб одни пригорки,
Дорога поросла травой,
В колючих зарослях задворки,
И ни тропинки в лес густой.

Отпыхало, отгорело,
Не знает Русь иной судьбы.
Я на опушке разглядела
Грибы, огромные грибы.

Как будто бы назло всем бедам,
Весной встречавшие салют,
Они, не собранные дедом,
Из сорок первого растут.

* * *

Я повернулась на восход безродно,
Мне показалось, что на полчаса,
И вот уже кириллица не модна,
И с запада слышнее голоса.

Уже с востока тащат разносолы,
Пестры наряды, в золоте персты –
Сыны Батыя – новые монголы
Идут сюда, под древние кресты.

И спеть бы про туманы-растуманы,
И выпить чарку, и тоску забыть –
Везде базар, и лысые Иваны
Торгуются, боясь продешевить.

Распутная, а может быть, святая,
Какие силы есть в тебе, о Русь,
Коль от тебя, ругаясь и рыдая,
Сто раз уйду и столько же – вернусь!

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то – под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколение глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отпрёт,

Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

Н И Н А

Живёт в небогатой квартире,
Ни мужа, ни даже детей,
Все годы одна в этом мире,
Без связей и нужных людей.

Всплакнёт ли когда, улыбнётся?
Ни радостей будто, ни бед,
Всё ладно, живёт, как живётся,
Со шваброй спешит в кабинет.

В жару ветерка не попросит,
Мороз, так мороз, ну и что,
Платок потеплее набросит,
Подденет жакет под пальто.

Живёт, никого не ужалит,
Всё мимо — молва, суета,
Картофелин пару отварит,
Закусит лучком — и сыта.

И кто-то сердечный найдётся
И как-то подыщет подход:
«Ну, как тебе, Нина, живётся?» —
«Неплохо», — плечами пожмёт.

ПАМЯТИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

*Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.*

Михаил Анищенко

Чей взгляд придирчивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер? —
Ты уходил, ты уходил.

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру,
Пусть за тебя он всё решит,
И, в старый шкаф запрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

* * *

Всё просто: встретить на пути
Дубок и выдохнуть без фальши,
И не мешать ему расти,
Идти своей дорогой дальше.

С корзиной в чашу углублюсь,
Грибы — занятие непустое,
«Ау!» услышу, отзовусь,
И вот в лесу уже нас двое.

То снег, то дождь, а я о том,
Что память вовсе не остыла,
Позвать бы всех в притихший дом,
Кого люблю, кого любила.

Сесть у стола и всё простить,
Поговорить бы нам о многом,
И если не с кем говорить,
То остаётся — только с Богом.

* * *

Дожди зарядили, так сыро, а мне бы
Хорошей погоды и слов бы простых.
На птиц посмотрю — и захочется в небо,
Забуть навсегда о печалях земных.

И станет легко от такого полёта,
Никто не обидит, никто не предаст,
Но к сердцу родное прилепится что-то
И будет болеть, и покоя не даст.

Друзей ли ушедших мелькнувшие тени
И след одинокий на влажной траве,
Не это ль крыльцо и худые ступени,
И сад у крыльца, утонувший в листве?

Заплачу и слёзы утру от бессилья,
И снова смирюсь и подумаю: что ж,
И здесь, и на небе всё та же Россия,
Тропинки по кругу – куда тут уйдёшь?

ВОДОПРОВОДНАЯ ВОДА

В страну кисельных берегов,
С её красой живой и яркой,
Хозяин каменных домов
Явился с трубами и сваркой.

Достал Алёнушку со дна,
Прогнал притихшего козлёнка.
Взбодрился – ох и глубина,
Повеселел – что за сторонка!

С водой схватился он – устал,
Шумели вековые ели...
Одели, бедную, в металл –
И потекла, куда велели.

И не бряцал никто ведром,
И поднялась вода до крыши.
Всё ближе звёзды, громче гром,
А плач козлёночка всё тише.

Алёнушка пришла сюда,
Открыла кран с водой холодной –
Её не вспомнила вода,
Навеки став водопроводной.

* * *

Всё продумала, всем подала,
Всех под куполом синим простила.
Я планету с орбиты сняла
И её на ладонь поместила.

Обезумев, затих океан,
И вода не туда стала литься,
Заметавшись от страха, в карман
Залетела какая-то птица.

И метели не там замели,
И равнинные ветры пропали,
К югу с севера льды поползли,
И сквозь льдины цветы прорастали.

От Земли осторожным перстом
Отвела я тяжёлые тучи,
Голос мой разразился, как гром:
«Люди, я же хотела как лучше!».

Пусть найдутся другие пути,
И её, голубую подругу,
Я подбросила кверху — лети!
Но она завертелась по кругу.

ХОЗЯЙКА

На столе остался зайка,
Куклы, мишки — тут и там.
Всех ревнивая хозяйка
Рассадила по местам.

Всё манерно в ней и броско,
Взгляд из-под очков стальной,
Кабинетная причёска —
Стала девочка большой.

Нет, она не изменилась,
Черкнула под графой —
И легко распорядилась
Чьей-то светлую судьбой.

* * *

Как получается — не знаю,
Что, чуя дух родных ветров,
Опять дорогу выбираю
Вдали от храмов и крестов.

Намаявшись по белу свету,
Я в край попала, да такой,
Где с небом сходится по цвету
Мечети купол голубой,

Где Бог сменил свои уборы –
Венец терновый на чалму.
Не загораживают горы
Лампад таинственных в дому.

Восток Руси моей не прячет,
А добавляет в грудь тепла,
Но молится, как будто плачет
О чём-то горестно мулла.

И эхо катится, рыдая,
И я смотрю туда, где Русь,
И, за муллой не поспевая,
Словами русскими молюсь.

ЭЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА

СЕРДЦЕ С СЕРДЦЕМ ГОВОРИТ

КАША ДЛЯ ГРАЧЕЙ

Лишь отступало с поля половодье
Под раскалённым натиском лучей,
В апреле по традиции народной
В селе варили кашу для грачей.

Сбирала всех – от мала до велика –
Старейшая из бабушек села,
На гору Тюбетейку птиц покликать
И поклониться солнцу нас вела.

Теперь у нас богатые застолья,
Но хлеб всему, как прежде, голова.
И Тюбетейка встретит хлебом-солью,
Где каша для грачей дымит с утра...

И мы готовы вновь к горе собраться
И у её подножия сидеть,
Чтоб солнечным лучам сполна отдаться,
Чтоб душу светлой радостью согреть.

Пусть бабушка Нурлый нам улыбнётся:
«Спаси, Всевышний, от худой сумы!
Пусть ни врагам, ни вам не достаётся
Всё то, что повидали в жизни мы!»

Как завещанье, словно заклинанье,
Её рассказ над кашей для грачей...
Я режу хлеб, и вдруг – воспоминанье,
Обряд из детства видится ясней.

Теперь у нас богатые застолья...
Но что же в жизни всё-таки важней?

Нет, неспроста, наверно, хлебом-солью
Была и будет каша для грачей.

ГУСИНЫЙ СУББОТНИК

На тропинке к роднику я посеяла перо:
Пусть гусей вам будет столько, сколь глотков войдёт в ведро.

На субботнике гусином я уменье покажу,
А найдётся парень милый, с ним и в танце закружу.

Мы попляшем, поиграем, пококетничаем.
Пусть накосники звенят, а мы секретничаем.

Это старая традиция, давно заведено –
У татар гусей ощипывать приходит всё село.

Для приданого невесте, что спела, как ягода,
Пух отделим от пера для перины загодя.

Настроение весёлое и лёгкая рука,
Как пушинка, что запуталась в кудряшках паренька.

Вот сходила на родник и гусей помыла я.
Это значит – по приметам, парень влюбится в меня...

ДУША

Отчего душа звенит тоской?
Сколько струн минором в ней звучат?
Мне б забыться, обрести покой,
Путь найти сквозь ураганный вой,
Смысла не искать в пустых речах,
Счастье выпить ключевой водой...

Отчего душа звенит тоской?
Сколько струн минором в ней звучат?
Чувства, как беснующийся рой:
То жеребчик дикий молодой,
То луна, что смотрит на закат, –
Каждый вечер блещет новизной.

Отчего душа звенит тоской?
Сколько струн минором в ней звучат?
Птичка певчая, мне песню звонко спой,
Подари чужой души настрой,
Дай терпенье, силы, твёрдый взгляд,
Чтоб смогла я справиться с судьбой,
Чтобы одолела сто преград!..

УХОЖУ В СКАЗКИ

Ноет и ноет сердце моё.
Взгляд мой не может тебя отыскать.
Тысячу тайн не раскроешь чужим.
Тысячу слов им не сможешь сказать.

Вновь я бреду сквозь октябрьскую ночь,
Ночью бессонной прощенье молю.
Видно судьба невзлюбила меня,
Не на распутье стою – на краю!

Верится в сказки... Я в них ухожу,
Будто хочу, чтоб волшебник помог
Мне возвратить из потёмок тебя,
Ведь без тебя мой удел одинок!

Горе не сможет мне путь указать
В дебрях бескрайних волшебных лесов.
Сколько я слёз растеряю и лет,
Взвесив реальность на чаше весов.

Вдовы, сироты, да где же вы все?
На людях легче и горе, и смерть...
Но одинок мой заоблачный мир,
Нет в нём спасенья и сказок в нём нет.

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Над могилой снежный наст
Тонет в утреннем тумане.
Солнце в стороне стоит
В бледно-жёлтом одеяньи.

Грусть в расщелине души
Двери открывает горю.
Плачу я или смеюсь –
Эхом мне твой голос вторит.

Мысли хлопьями летят,
Непрерывным снегопадом.
В грустной пляске снежных дум
Твоё сердце бьётся рядом.

Сердце с сердцем говорит,
Только голоса не слышно...
Может, этот день послал
В испытанье мне Всевышний?

Тёплый миг в душе моей
Струны заново подтянет...
Смех девчонок вдалеке
Серебром звенит в тумане.

Им нет дела до меня.
Их чужая боль не ранит.

САЛАСПИЛС*

Белые цветы – сама невинность,
Красные, как символ крови красной...
Вот опять на камнях Саласпилса
Разлеглись цветы ковром атласным.

За волной волна бежит по лугу
В океане пряных разнотравий...
В сорок первом в окруженьи вышек
Здесь бараки мрачные стояли.

В сорок первом здесь из тел ребячьих
Кровь сосали с «гансовским» размахом.
Было их не семь, а все семь тысяч.
Здесь из детства их вели на плаху.

Было их не семь, а все семь тысяч.
Непосильный труд глаза туманил.
Матерей же виселицы ждали,
Если детям пайку отдавали.

Кутался закат в туман белёсый,
И цветы обнял туман, и души.
Что вам снится, сосны на опушке?
Вы событий тех глаза и уши.

К небу свои ветви простирали
И молили отвести невзгоды.
Думаю, что реки в час зловещий
Вспять катили горестные воды.

Лучше умереть, чем видеть зверства!
Лучше умереть – такая малость...
Только им пришлось терпеть и верить,
Крест нести, пока душа держалась...

* Саласпилс – концентрационный лагерь, созданный во время Второй Мировой войны на территории оккупированной нацистской Германией Латвии. Наиболее печальную известность этот лагерь получил из-за содержания в нём малолетних узников, которых затем стали использовать для отбора крови для раненых немецких солдат, вследствие чего дети быстро погибали.

* * *

Поляны, в страшные года
Вы для кого цвели?
И улыбаться-то тогда
Их души не могли!

В решётку – небо, детство – в плен,
Охрана у дверей.
Семь тысяч вжали между стен –
Нет чувства тяжелей!

Рука ребёнка не сорвёт,
Не тронет лепестков,
Не видно бабочек полёт
Сквозь щели потолков.

Как звуки крыльев о стекло,
Их номера звенят.
По этим номерам метлой
Детей сметали в ад.

И будто не было имён...
Кого и как зовут?..
Спасенья нет, всяк обречён
В плену барачных пут.

Здесь выстрел затыкает плач
И лепет детских губ.
Фашист – он деспот, он палач,
Тиран и душегуб.

Чтоб беззащитных малышей
Распят и выпить кровь,
И к сортировке их вещей
Испытывать любовь,

Ни честь, ни совесть не нужны,
Рука не задрожит.
Здесь с чувством скорби и вины
Лишь Азраил кружит.

Цветы да лес, седой, как дым...
Тропинки среди плит...
И старикам и молодым –
Боль душу берedit.

Игрушки, хлеб лежат, как дар...
Нет, долг перед детьми,
Чьё детство без стыда попрал
Стальной сапог войны!

ИТОГ

Сытый голодного не понимает.
Сытый смеётся, голодный нет.
Горит наша лампа – и людям светлее.
Потёмки наступят, лишь выключим свет.

Понять, осознать, оценить, подытожить –
Не хватит, наверное, жизненных сил.
Оценят, возможно, и нас подороже,
Коль свет наш пробьётся сквозь толщу могил.

* * *

Каждый день принимай за праздник,
Чтобы счастьем он был отмечен.
На Земле все мы вечны разве?
Только время струится вечно.

Оступившись, не стоит плакать.
Может, это начало взлёта.
Солнце слезы смахнёт украдкой,
И о горе забудет кто-то.

На земле все мы вечны разве?
Мы пришельцы, мы только гости.
Боже! В этом многообразии
Реже думать бы о погосте!

На Земле все мы вечны разве?
Только время струится вечно.
Каждый день принимай за праздник,
Чтобы жизнью он был расцвечен!

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОЧКО

Золотое яблочко – внучок.
Речка света из тебя течёт.
Улыбнёшься, ямочки играют
Ровно посередке нежных щёк.

Волосы пропахли молоком,
А глаза сияют васильком,

Никакое поле не вмещает
Радость от общения с внучком.

Боже мой, налюбоваться дай!
Вот он – первый шаг, давай, шагай...
Жизнь пройти – великая наука,
За отцом беги, не отставай!

Горячее солнечных лучей,
Ярче, чем Луна и сто свечей,
Ясный свет, мой свет на этом свете,
Сладость дней, услада всех ночей.

Золотое яблочко – внучок.
Речкой света сквозь меня течёт.

*Перевела с татарского
Вера Хамидуллина.*

ОЛЬГА ЛУКЬЯНОВА

ОКОШКО В НЕБО

* * *

В стихотворениях Ольги Лукьяновой органично встречаются друг с другом самые разные темы, прописанные автором вполне подробно и насыщенные работой сердца и ума. Здесь и хрупкость мира, ещё в давние годы увиденная детским взглядом лирической героини и подтверждённая её поздним жестоким опытом...

И волшебное соединение слов, когда отдельные предметы вдруг складываются в широкую картину и начинают незаметно жить собственной жизнью, а душа, как и прежде, не устаёт удивляться чуду поэтической речи...

И благоговейное преклонение перед православными святынями и подвижниками, очищение и устроение по-новому внутреннего мира поэтессы...

И нерасторжимая связь с донскими просторами и высоким небом над степью...

И тяга к старой народной песне, способность раствориться в её ритме и перенять высокую простоту слога...

И, наконец, умение легко вплести в стихотворную строку слова бытовые, можно сказать, бросовые, не поступившись мерой и вкусом, — и тем самым сообщить поэтическому рассказу высокий демократизм и теплоту живого чувства.

Каждое из упомянутых «тематических» движений авторского голоса предстаёт перед читателем в лирике Ольги Лукьяновой по-своему — так, что видно не только лицо поэтессы и её характер, но и способность очертить реальность вполне узнаваемо, не затеняя множеством деталей панораму.

Героиня её стихотворений — существо непосредственное, израненное жизнью, но не утратившее драгоценной детскости, которая помогает ей переносить тяготы. Она похожа на птицу небесную, обременённую тяжким земным знанием, но не устающую петь, ибо так ей назначено Создателем. Стихи Лукьяновой таят в себе детское удивление перед окружающим миром, где снег побеждает грязь и горлинка порхает в лучах золотого солнца. Быть может, это самое главное их достоинство — художественное и мировоззренческое. Все иные литературные качества живут уже внутри него — будто в родном доме.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
член Союза писателей России

* * *

Мне в окно только небо и видно –
 Белый-белый безбрежный простор!
 И ничуть, ну ничуть не обидно,
 Что земли не касается взор.
 Иногда облака, как белуги,
 Проплывают в окне предо мной.
 А дожди, словно Божии слуги,
 Так стучат в мои стёкла весной!
 Мол, пора прогуляться по небу
 Налегке, без забот, без тревог.
 Приплывает и облако-лебедь –
 Говорят, посылает Сам Бог!
 Это вовсе не гордость, не сказки.
 Край небесный велик да пригож.
 Как сияют небесные краски!
 Ну, да вот пропадёшь ни за грош
 В этих дебрях безоблачно-слёзных.
 Там вдали зоревые дворцы...
 Только тропкой медовою звёздной,
 Что укажут святые отцы,
 Ты вернёшься ждать точного срока.
 Но душа вострепещет о том,
 Что окошко не слишком высоко,
 И не слишком приветлив наш дом...

* * *

Ещё поёт церковный хор,
 И колокол медовым звоном
 Втекает в дремлющий простор
 И растекается по склонам.
 Давно у Господа сочли
 Страдания, слёзы и увечья.
 А мы по тайным тропам шли,
 Ведомые родимой речью...
 Бурлит России океан
 В снегах, дождях, акаций цвете.
 И длится жизнью караван
 Из повестей и междометий
 Под колокольные века
 И неусыпное моление...
 Сияет Божия строка,
 Как небеса в Богоявленье!

* * *

По позднему снегу. По ранней капели.
 Когда Божий мир, как скворечник, свистит.
 Когда синеву ощущаешь на теле,
 А сердце от запаха воли частит.

По райской тропинке России безбрежной
С печалью на сердце и с болью в глазах
Бредёшь потихоньку всё выше. И реже
Тебя тянут руки калины назад,
Где будут багровые ягоды с кровью
И песня-насельница русской души,
Где крест да воронья орда в изголовье,
Где вера в Христа расцветает в глуши.
И память останется – в сене иголка.
И если сподобится в небо возлечь
На облаке сонном, несправедно-колком –
Потянет к земельке родимая речь.

* * *

Серебряный свет. Ты куда? Ты куда?
Ты мне обещал быть со мною.
– На мельницу я, где ночная вода
Присыпана пылью мучною.
А ты куда, милый кружащийся дождь,
Со мною играющий в прятки?
– А мне освежить надо матушку-рожь,
Хочу пробежаться по грядкам.
А ты куда, ветер? Как заяц-русак,
Бежишь от меня. Я в обиде.
– А мне надо срочно надуть паруса,
Чтоб страны корабль увидел.
А как же мои одинокие дни
Без дождика, света и ветра?
– А ты их в зарю, как детей, заверни.
А ты разукрась их все щедро
Лучами, цветами, плодами добра –
И будешь жива Божьей лаской.
И строки взметнутся ввысь из-под пера,
Маня голубиной окраской.

* * *

Сентябрь палехом расцвёл.
И лаком дождь покрыл футлярчик –
Папье-маше червонных сёл.
И золото дерев всё ярче.
Всё глубже этот фон в ночи,
Длинней фигуры, кроны, лики...
И колокол – огнём свечи.
Пылают радужные блики
И жгут рубахи кумачом,
И у девиц змеятся косы.
И мир – пшеничным калачом,
И липнут, словно к мёду, осы...
Там дни с отливом янтаря.

Персты и перси заострёны
Красавиц, что в краю парят
Малиновом и златозвонном.
Ласкают взор, тепло даря,
Там самовары и баранки,
И Божьи кудри сентября
Смиренно блещут спозаранку.
Мы глаз не в силах отвести
От этой русской Палестины,
Где палехские жжёт мосты
Октябрь-богомаз, как инок,
Он погружает всё в мольбу.
И простота, как Божья Правда:
— Эй, Боже, по Руси гряди!.. —
Святых небес святой отрады!
Он тихо-тихо обойдёт
С кадиллом каждую лощинку
И тихо на небо взойдёт,
Смахнув сентябрь, как песчинку.

* * *

Память моя, уходи восвояси.
Там тебя ждут белобрысые сны.
Там до сих пор откликается ясень
На сонный шёпот подруги-сосны.
Там желторотое радио пело,
На сковородке яичный желток
Там раскалялся воинственно-смело,
Словно он солнца ершистый браток.
Там разливались гармони на дачах,
С вишен стекала густящая кровь...
Там я в траве задыхалась от плача,
Зная, что есть злая рифма «любовь».
Страшная рифма. Замены ей нету.
В Дон только броситься с белой горы!
Кончится Дон... Вот тебе и край света.
Там и живут-то одни глухари,
Что в сторожах у России и лета
С кровью густящей. Я знала, что Бог
Слёз мне отмерил на долю поэта...
Дон приголубит, к поэтам не строг.
Пусть комаров разъярённые рати
Будут воинственным зудом стращать.
Там я однажды усну на закате
В длинных бескровных ладонях хвоща.
И упаду в золотые объятия
Памяти знойной, шипом проколов
Сердце, прикрытое ситцевым платьем
(чайная роза — виновница снов)...

Память, прости! Я тебя короную!
Твой поцелуй в ледяные уста
Расколдовал озорницу дрянную,
Что продремала годочков полста!..

* * *

Уже потеплело всерьёз и надолго.
Над звонницей гулкой сияют кресты.
Стихами завалена книжная полка,
И пахнет сиреневым утром густым.
Сердечно глядят манекены в витринах.
Орут в подворотнях от счастья коты.
Я в храм направляюсь, чтоб срочно отринуть
Бесцельно-досужие дни маеты
Унылого города, ранних потёмок.
Домой возвращаясь, сирени куплю...
И месяц за ворот, как сонный котёнок,
Нырнёт и мяукнет чуть слышно: «Люблю»,
И вечер утонет в сиреновом дыме,
Смешавшийся с запахом ладана впрок.
Я вспомню о море в сиреновом Крыме.
И, как белый флаг, треплет шейный платок
Сиреневый ветер... И где-то на крыше,
Как Божий цветок, расцветает звезда...
Я слышу, как город задумчиво дышит –
Так дышат весной от любви города,
Так дышат весной голубые соборы,
Так дышит, насытившись небом, земля...
И тихо, как лодки, плывут разговоры.
И ветки, набухшие соком, болят...

* * *

Клёнов ноябрьских грубеет кора.
Мне восемнадцать лет было вчера.
И, как вчера, распевает щегол,
Что он девицу из дома увёл.
И лишь ему она будет верна...
Бросит Господь золотого зерна –
Будем клевать его в сонной тиши,
Будем петь, чтоб с небесных вершин
Бисер струился на платье Руси...
Боже, Твоими судьбами спаси!
Ах ты, щегол-сердцевед, душегуб,
Слов заповедных не много ли с губ
Горько роняю?.. В дорогу пора.
Мне восемнадцать лет было вчера...

ЕЛЕНА КОЛЯДИНА

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ ДО СЛЁЗ

ВЯЗАНОЕ СЧАСТЬЕ

Марина легла и обняла свитер мужа, как малыши обнимают любимого медвежонка — замурзанного, со скатавшейся ниткой, засохшим пятнышком томатного сока и дырочкой в боковом шве. Она вдохнула родной запах и принялась плакать. Марина не признавалась себе, что плакать мучительно приятно. Разве может быть наслаждение в слезах? И страдала оттого, что с каждым днём запах истончался, слабел, и теперь уже свитер больше отдавал пылью и овечьей шерстью, чем телом мужа. Она не стирала его целую осень и всю зиму, потому что... Потому что кто из брошенных женщин не обнимал и не вдыхал аромат футболки или джемпера любимого мужчины?

Нет, конечно, Дима её не бросил. Он ушёл, потому что так сложилась судьба, и он ни в чём не виноват. Он же мужчина, а она не смогла дать ему того, что обязана дать женщина — сына или дочь. Он хотел, чтобы всё было, как создано небесами, — двое просто любят друг друга, а потом она говорит: «У нас будет ребёнок». А с ней, с Мариной, приятное и естественное дело превратилось в цепь технических мероприятий, занявших аж семь лет! Сперва она боялась забеременеть — хотела получить диплом о втором высшем и найти денежную работу, а с ребёнком кто на хорошую должность возьмёт? — и мужу приходилось вечно думать «как бы чего не вышло». Потом решила, что пора, и стало ещё хуже. После каждого объятия она принималась размышлять, забеременела или нет? Или вдруг это будет мальчик, а не девочка, как ей хотелось? А как они его назовут? Где поставят кроватку? В какой кружок будут водить на дополнительные занятия? А может, в студию раннего развития по системе Монтессори?

— Ладно, фигурное катание или английский — там видно будет. Главное, чтоб здоровенький родился, — прижавшись щекой к плечу мужа, вслух мечтала Марина.

Но каждый месяц надежды рушились. Марина выходила из ванной, пряча заплаканные глаза. Опять ничего не получилось... И если сперва она напоминала мужу по телефону: «Тест не забудь купить», то потом стала заходить в аптеку сама, тайком, и дожидалась, пока Дима уйдёт из дому, прежде чем взглянуть на полоски и опять убедиться, что вторая не появилась.

Дима злился. Ему хотелось страстного секса, а не комплекса упражнений: «Нет-нет, эта поза неудачная для зачатия! Нет-нет, теперь я должна полежать спокойно. Нет, не сегодня — завтра самый благоприятный день». Потом пошли витамины по схеме, анализы, УЗИ. Самое смешное, что он-то как раз ещё и не думал о детях: «Мариша, пусть всё будет, как будет». Но она постоянными мыслями, разговорами,

действиями, вертевшимися только вокруг её цели, напугала и разозлила его. Но самое отвратительное началось, когда Марина объявила, что они должны попасть в региональную квоту на ЭКО. Он пришёл в ужас от этого слова — экстракорпоральное оплодотворение. И не выговорить! Больше всего его бесило, что всё решалось без него.

— Дима, я созвонилась с центром, нас ждут на обследование. Ты сможешь взять на работе день?

— Я никуда не поеду, — сказал он и положил трубку.

Марина примчалась домой разгневанная.

— Как это ты никуда не поедешь, если я уже договорилась?! Там шанс более шестидесяти процентов. Если сейчас не попадём в список, то же самое придётся делать за деньги!

— А что потом, если в эти шестьдесят процентов не попадём? Суррогатное материнство? Я устал чувствовать себя ничтожеством, которое даже ребёнка нормальным способом сделать не может...

Он ушёл в понедельник. Просто оставил под зеркалом в прихожей — она даже не сразу её заметила — записку и ушёл. Марина знала — живёт у матери. А в Новый год добрые люди сообщили: «Твой-то квартиру снял, женщина появилась, кажется, вместе работают». Она со страхом ждала известия о том, что «сожительница» ждёт от мужа ребёнка и с ненавистью шептала: «Хоть бы не забеременела!». А потом нашла в сети фотографию разлучницы, распечатала и, перекрестившись, яростно исколола её живот скрепкой.

— Марина, так нельзя, ты себя всю съела, — вздыхала подруга. — Живёшь слезами, воспоминаниями, злостью. Димка, конечно, подлец, но пусть хоть он будет счастлив!

В один из дней, когда снег начал бурно таять, Марина пошла с работы пешком — подышать воздухом, размяться, а то от компьютера шея уже не поворачивается, и в глазах песок. Остановившись перед светофором, увидела объявление на стене цветочного павильона. Прочитала мельком: «Дорогие женщины! Дому ребёнка нужны вязаные шерстяные носочки в резиновые сапоги для детей от 1 года до 3 лет. Служба «Милосердие». Контактный телефон...». Перешла на другую сторону проспекта. А потом побежала назад, расталкивая спешивших навстречу пешеходов.

— Дура! — крикнули из кабины автобуса. — Куда лезешь!

Марина оторвала от объявления трепыхавшийся язычок с номером телефона и пошла, радостно улыбаясь.

Дома она вытащила из шкафа свитер мужа, прижала его к лицу, а потом решительно засунула в стиральную машину.

Из распущенной шерсти — выстиранная пряжа распушилась, стала мягкой и вкусно пахла «Ленором», получилось восемь пар носочков. Мысочки Марина связала из других ниток — купила два ярких моточка — жёлтый и красный.

Через неделю вместе с ещё тремя женщинами она стояла на крыльце Дома ребёнка.

— Входите, пожалуйста! — сказала директор. — А вот и наши детки. Ребята, поздоровайтесь с гостями, они вам подарки принесли — новые носочки. Выходим в раздевалку, не бежим, осторожно идём. Сейчас все оденемся и пойдём гулять!

Беленькая, как ленок, маленькая девчушка кинулась к Марине и обхватила её за колени. Марина присела и взглянула в серые глаза с белёсыми ресничками.

— Ты ко мне пришла?
— К тебе, маленькая. Как тебя зовут?

— Аня.

Девочка обняла Марину за шею, потом потрогала её щеку, ворот джемпера, прядь волос и сказала:

— Ты красивая! У тебя беленькая кофточка. Ты вкусно пахнешь. Ты хорошая. Ты мама?

— Не знаю, — растерянно сказала Марина, чувствуя, как набегают слёзы, и полезла в сумку. — Я тебе носочки связала.

— Красивые! А меня вязать носочки научишь?

— Обязательно, моя родная! И носочки, и варежки, и кофточку.

ДВА БИЛЕТА НА КОВЁР-САМОЛЁТ

— Зачем тебе это старьё? — Егор бросил связанный скотчем ковёр в багажник и отёр ладони, словно пришлось держать что-то грязное. — Мало у нас дерьма в доме!

Настя виновато молчала. Да, чужие вещи — в коробках и «россыпью», громоздились в прихожей. И на лоджии тоже. И даже — слава Богу, любимый об этом не знал — под их кроватью.

— Склад какой-то! Вшивый рынок! — злился Егор, повалив в потёмках очередную набитую сумку или пластиковый мешок.

— А старухами-то воняет! — скривился он, когда, закрыв багажник, они с Настей сели в машину.

Действительно, в салоне явственно запахло корвалолом и чем-то чистеньким, но бедным: смиренным прозрачным тленом, «смертным» — платочком, чулками со штаньками и платьем, приготовленными на собственные похороны.

Настя снова виновато-просяще поглядела на Егора.

Ковёр — единственная вещь, которую она взяла из бабушкиной комнаты. Но разве объяснишь кому-нибудь, почему?

— У тебя паранойя, — сказал бы Егор, попытайся она рассказать всю эту историю... — Лечиться пора.

«Может, и пора», — вздохнула Настя.

— Этот ковёр мы с твоим дедом из Молдавии привезли, — бабушка протянула исхудавшую, в синяках от капельниц руку и дотронулась до тёмных, местами поредевших нитей. — После свадьбы поехали в Кишинёв и там с рук на толкучке купили.

Она заулыбалась, даже хихикнула, и смущённо поглядела на Настю.

— И на этом ковре вы занимались сексом, — засмеялась Настя.

— Ох, бессовестная! — довольно лицемерно воскликнула бабушка. — Разве можно незамужней девушке так говорить? Мы раньше и слова-то такого не знали. И ничем

на этом ковре не занимались, потому что он висел на стене. Должна была родиться твоя мама, а в нашем бараке так дуло, что по утрам под порогом половик примерзал к полу, — она неожиданно замолчала, а потом твёрдо сказала: — Когда я умру... Молчи! А я умру скоро. Выбрось из комнаты весь этот хлам. Возьми только ковёр. Обязательно возьми! Когда будут мучить сомнения, а обратиться не к кому и не с кем посоветоваться — с твоим-то Егором поделиться сокровенным невозможно, я знаю, — просто посмотри на этот ковёр. И ничему не удивляйся!

Настя хотела повесить ковёр на стене над диваном, но Егор сказал, что не собирается смотреть телевизор, вдыхая аромат старушечьей богадельни.

— Как на кладбище! Хоть бы в химчистку сдала! — с досадой бросил любимый.

— Хорошо, — согласилась Настя и положила ковёр на старинный венский стул в кухне. Готовила ужин и поглядывала на узор, хоть и угловато, схематично, но изображавший деревья и цветы.

«Бабушка, тебе хорошо сейчас? Ты встретила с дедом?» — мысленно спросила у ковра Настя. И вдруг птица на ветке орешника встряхнула клювом, словно собралась издать весёлую трель, а цветок мальвы явственно стал больше и ярче! Настя вздрогнула и уронила в сковороду металлическую лопатку, которой переворачивала кусочки рыбы в кляре.

— Ну чего, скоро там? — перекрывая шум телевизора, крикнул из комнаты Егор. — Сдохнешь, пока твоего ужина дождёшься! Надо было пиццу заказать, давно бы уже привезли.

— Да-да, пять минут, — неподаваясь Настя, подхватила лопатку, судорожно включила вытяжку, обернулась к ковра и шёпотом спросила: — Егор хоть немного меня любит?

Виноградная лоза на ковре медленно поникла, а с розы посыпались лепестки.

В субботу Настя заказала такси и повезла ковёр в химчистку. На сайте химчистки было сказано, что старый ковёр осмотрит специалист, аж кандидат искусствоведения, и даст советы по реставрации.

— Максим Васильевич! — позвала приёмщица, когда Настя спросила про искусствоведа.

К стойке вышел мужчина лет тридцати в очках, джинсах, вязаном джемпере и улыбнулся Кате.

— У меня тут волшебный ковёр, — вдруг весело сказала Настя. — Пятидесятих годов прошлого века. Взгляните, пожалуйста.

— С удовольствием, — Максим Васильевич внимательно поглядел на изнанку, затем развернул полотнище. — Нет, это более старое изделие. В двадцатом веке молдавские узоры приобрели черты упадка, краски были ядовито-анилиновыми, фон — чёрный. А у вас, видите, дерево опирается на корень, но веток нет, листья и цветы растут прямо из ствола, а цвета — тёплые, мягкие. По технике ткачества молдавские ковры относятся к гладким, безворсовым. Неплохой экземпляр. Не музейный, конечно, но замечательный.

— А вы в музее работаете?

— Да, заведую отделом ковров и гобеленов в государственном музее декоративно-прикладного искусства, а по выходным дежурю в химчистке — иногда приносят редкие изделия, даже антикварные, тогда уговариваю хозяев передать или продать их на хранение в нашу коллекцию.

— Какая интересная у вас профессия!

— Пока не жалею. А вы чем занимаетесь?

— Я — человек финансово неуспешный, незаметный, — со вздохом сказала Настя. — Работаю в благотворительной организации: принимаю вещи, которые мы потом через наш склад передаём нуждающимся. Иногда вещи приносят мне домой. Человек, с которым мы вместе живём, просто бесится — недавно не пустил женщину, которая привезла детскую кроватку, а это такая востребованная вещь у одиноких мамочек! У нас на лоджии сейчас две детские ванночки, трёхколесный велосипед, мешок постельного белья и коробка обуви.

— А могу я у нас в музее бросить ключ на сбор вещей?

— Было бы здорово. Только вещи нужны почти новые, чистые, приоритет — детским кроваткам, коляскам и одежде для мужчин. Туфли на шпильке и вечерние платья, к сожалению, не нужны — не востребованы у многодетных и социально незащищённых.

— Всё понял. Оформляем ваш замечательный ковёр в чистку? — Максим Васильевич с улыбкой начал складывать полотнище.

— Да, — сказала Настя. — Ой, подождите, секундочку.

Она поглядела на узор и быстро прошептала: «Это он, моя половинка?».

Затрепетали листья орешника, роза стала белоснежной, а птица на ветке залилась радостной трелью.

На улице Настя взглянула на всё ещё сжатую в руке квитанцию и засмеялась. ФИО заказчика, адрес, телефон. Изделие: ковёр-самолёт, двухместный. Степень загрязнения: чище чистого. Дефекты: нет. Особые отметки: есть два билета на выставку французских гобеленов. Идём?

ЗАПАС СЛОВ

Крошечные коготки уцепились за подушку, прошагали к Катиному плечу и нырнули в волосы. Катя потрясла головой сквозь сон. По лицу махнуло крыло, а маленький палец попытался открыть Катин глаз. Катя застонала и приподняла голову с подушки. Две пары глаз — серые, чуть припухшие, и мелкие бусинки — молча смотрели на неё.

— И чего хотим? — хриплым со сна голосом спросила Катя. — Уйдите оба отсюда! Играть в своей комнате, — Катя сердито взмахнула рукой. — Кыш! Пошли прочь!

Обладатель серьёзных серых глаз испуганно отпрянул, и изумрудный волнистый попугайчик суматошно заколотил крыльями, пытаясь удержаться на его плече. Наконец, он, помогая себе клювом, уцепился за воротничок детской рубашки и возмущённо загорланил:

— Катя плохая! Плохая! Гоша хор-роший мальчик! Кеша хор-роший мальчик! Катя плох-хая!

Гоша, опустив плечи, побрёл к двери. Кеша покачивался на его плече, то теребя клювом мочку торчащего уха, то пощипывая белесую бровь. «Кеша любит Гошу», — услышала Катя. Уже в прихожей попугайчик встрепенулся и гневно — Катя руку бы дала на отсечение, что выражение его бусинок было именно таким — оглянулся на хозяйку.

Катя вздохнула и пошла следом — умыться и кормить завтраком недоразвитого ребёнка, от которого всё равно толку не будет, только крест на всю жизнь.

— Я дрянь последняя даже в глазах попугая! — возмущённо сообщила по телефону Катя подруге, пока Гоша ел омлет, а Кеша выгрызал, придерживая лапкой, половинку ореха из скорлупы.

Подруга сочувственно молчала. Катя глянула на Гошу, вышла из кухни и понизила голос. — Ну не могу я полюбить чужого ребёнка! Его даже мать родная видеть не хочет, а от меня ждут христианского участия!

— Но ты ведь его отца любишь? — примиряюще сказала подруга.

— Люблю. И что? Любишь хозяина — люби и его собаку? Прости меня, грешную!

— Может, тебе нужно переосмыслить ситуацию? Лёгкая форма аутизма — это не трагедия. Такие дети часто берут другим. Может, он будет выдающимся математиком или пианистом?

— Какая математика? Он в четыре года до сих пор не говорит!

— А как он может говорить? С ним же никто толком не занимается.

— Ага, опять, значит, я виновата! — возмутилась Катя.

Отца Гоши, лётчика полярной авиации Николая Сурова, Катя встретила в кафе гостиницы в аэропорту Архангельска, где коротала двое суток из-за нелётной погоды. За эти два дня Николай скупил всю «Рафаэлла» в баре, все розы в цветочном киоске, большую часть ассортимента сувенирного магазинчика, даже в церковной лавке ухитрился потратиться, надев на шею Кате золотую цепочку с медальончиком Богородицы. Он бы сорил деньгами и дальше — но на этом перечень торговых точек аэропорта закончился. Через месяц он сделал Кате предложение руки и сердца. И вдруг этот ребёнок!

— Ну, правильно, за всё надо платить, — жаловалась Катя подруге.

— А мать этого Гоши где?

— Ребёнка она высудила, чтоб алименты с Николая драть. А сама работает технологом на плавучей рыбообрабатывающей базе, какие-то консервы они там делают, бычков в томате. Дома бывает раз в месяц. Николай в рейсах. А я — крайняя. И что дальше с этим ребёнком делать? В обычную школу не возьмут, это точно. У него запас слов... Да и те не говорит. Кеша мой больше знает! Когда мы вдвоём, я, честно говоря, к нему и не подхожу. Они с Кешей сидят перед телевизором или бродят по комнатам. У Гоши такой круг интересов ограниченный — часами тупо на машины в окно с Кешей глядит.

Бросив телефон на диван, Катя зашла в ванную и открыла горячую воду. Последнее, что она услышала, — хлопок и шум вырывающегося из титана пара. Она повалилась на пол, срывая карниз со шторкой, за которую попыталась схватиться.

Очнулась Катя в больнице. С недоумением посмотрела на сидящего возле кровати Николая. Перевела взгляд за его спину — возле окна стоял Гоша и сосредоточенно смотрел вниз.

— Титан взорвался. Тебя «скорая» привезла.

— «Скорая»?

— Гоша с Кешей вызвали, — поводя глазами, словно всё ещё сомневаясь, сказал Николай.

— Что?

— Я сам не поверил. Но в диспетчерской все вызовы записываются на магнитофон. Мне дали переписать.

Николай достал мобильник и включил воспроизведение.

«Скорая помощь. Слушаю вас, говорите, — услышала Катя деловитый женский голос. — Что у вас случилось? Говорите!» — «Это Гоша Суров. Катя упала и лежит на полу. Катя хорошая! Гоша любит Катю!» — «Не плачь, малыш! Успокойся и скажи, где ты живёшь?» — «Тут трамвай номер 7 и автобус номер 202. А на второй стороне улицы на доме российский флаг. В доме четырнадцать этажей. На первом этаже тридцать окон, а на четырнадцатом этаже восемь окон. Перед домом двенадцать чёрных машин. На первой чёрной машине номер 001...» — «Ясно, администрация правительства области. Дом ваш найдём, Гоша, а номер квартиры ты знаешь?» — «Сейчас у Кеши спрошу. Кеша, какой номер нашей квартиры? Кеша говорит — квартира 109. Сто и девять».

В мобильнике зашуршало и затихло. Катя перевела взгляд на окно, возле которого всё так же сосредоточенно стоял Гоша. Фигурка сына начала дрожать и двоиться, а потом стала ясной, умытой слезами, которые всё текли и текли из Катиных глаз.

СТРОКИ ВЫДОХНЕШЬ – И ОТПУСТИТ...

* * *

*Домой прийти смешной и маленькой,
снег принести в замёрзших валенках,
а на спине – следы снежков...
И улыбнуться, и зажмуриться,
вдохнув с дымком морозной улицы
волшебный запах пирожков.*

В этом стихотворении о возвращении в детство – «лучшие слова в лучшем порядке». Они не обманывают – перед нами поэт. Сложившийся, со своей интонацией, со своим взглядом на мир, со своим жизненным опытом. Пришедший ни рано, ни поздно, а вовремя, когда есть что сказать и – как сказать...

Поэт узнаётся по мудрости, по умению кратко сказать о многом, ясно о сложном. В шестнадцати строчках стихотворения «Весна» – целая женская судьба. А прочитав стихотворение «Птица чёрная в небе летала», я почувствовал ужас того, что происходит сегодня в Донбассе, хотя, казалось бы, стихи не об этом, но о какой-то глобальной тревоге, нависшей над каждым из нас. Лирическая поэзия, как, наверное, и музыка, ассоциативна и многомерна.

Не ради славы и гонораров пишутся стихи. Поэт не может их не писать. Это – судьба, это не только Божий дар, но и тяжкий крест.

*Это как кипятком –
на живое,
или в грудь вчера –
ножевое,
а сегодня ходи, дыши...
И улыбка –
живая маска...
А когда нужна
перевязка,
то садись и пиши,
пиши!*

*Строки выдохнешь –
и отпустит...*

Ангела-хранителя за правым плечом Вам, Светлана Летяга!

Николай АЛЕШКОВ

МНЕ БЫ...

Вышло солнце на поля,
утро расплескало.
Мне бы в небе журавля –
ох, синицы мало...

Мне б в лесу густом пропасть
да не заблудиться,
с родником целуясь всласть,
свежести напиться.

Мне б рассудок потерять
в пряном разнотравье
и до ночи загулять
с пьяными ветрами...

А потом, глаза закрыв,
разбежаться мне бы...
Руки-крылья...Вдох...Порыв!..
И ворваться в небо!..

Но спокойно и тепло
с преданной синицей.
Только тянет на крыло
с журавлем, что снится...

ТАК ХОЧЕТСЯ

Во что-то веря, но не веруя,
сквозь миллион оттенков серого
и одиночество в сети
порою так безумно хочется
в том далеке, ещё без отчества,
себя счастливую найти.

Домой прийти смешной и маленькой,
снег принести в замёрзших валенках,
а на спине – следы снежков...
И улыбнуться, и зажмуриться,
вдохнув с дымком морозной улицы
волшебный запах пирожков.

А в горький миг, когда обиды ком –
нырнуть под одеялко-облако,
и, с головой зарывшись в нём,
уткнуться мокрыми ресницами
и рассказать ромашке ситцевой
о детском горюшке своём.

И утром, солнцем разлинованным,
что дарит нам надежды новые
и день – как с чистого листа,
проснуться от кота соседского
и замереть от счастья детского,
где жизнь прекрасна и проста.

* * *

Е.Ю.

В июльской зелени листвы
вздыхают сумерки лениво,
и рядом, чуть забавный – Вы...
Наш разговор неторопливо

ведётся тихо ни о чём.
Но мысли строчкою прошиты –
как быть с подобранным ключом?
Ведь он не нужен – всё открыто...

Вдруг робкий уловила взгляд
и поняла – Вы с той планеты,
где Женщину боготворят
и посвящают ей сонеты.

Где, сном любуясь на заре,
целуют нежные запястья
и где готовы умереть
за миг подаренного счастья.

* * *

Удел рождённого поэтом –
в сердцах задеть струну звенящую
стихом своим.
И, наполняя души светом,
тепло
живое, настоящее
оставить им.

И мир замрёт, что нами переполнен.
На вздохе остановится дыхание...
И разразится небо вспышкой молний
от обнажённых душ и тел слиянья.

ВЕСНА

Подарила сосуд из тайны –
восхищался и гладил нежно.
Но однажды разбил. Случайно,
отодвинув на край небрежно.

И рассыпалась на осколки,
и дышать перестала – нечем.
Долго так умирала... Сколько?
Разве вспомнишь. Казалось – вечно...

Всё течёт, всё меняет формы.
Снова – небо, улыбки рядом.
И соскучился старый двор мой,
и коты мне безумно рады.

Солнцем брызжет весна шальная.
Пью взахлёб сумасшедший воздух.
Вдруг: «Ну, здравствуй. А я вот, знаешь...»
«Знаю. Поздно...»

* * *

Хочешь,
я расскажу о полёте?
Когда стропы
стали петлёй, те,
что были должны спасти.
Вдох – и небо обнять
руками!
Ничего, что под небом –
камни.
Ты хотела летать?
Лети!..

Это как кипятком –
на живое
или в грудь вчера –
ножевое,
а сегодня ходи, дыши...
И улыбка –
живая маска...
А когда нужна
перевязка,

то садись и пиши,
пиши!

Строки выдохнешь —
и отпустит...
И заполнится
светлой грустью
воспалённых ночей разлом.
И, пока тишина
под кожей,
ты зависнешь опять,
быть может,
где-то между
добром и злом...

* * *

Стакан наполовину полон или пуст —
о том философы ломают копья. Пусть...
Всё это слов искусная игра.
Посуда мелкая в России не в чести:
уж пить — так вёдрами, и лить — как из ведра,
да с полными дорогу перейти!

Любить, как на вечерней на заре
купают лето сосны в янтаре...
А в час урочный рубануть с плеча,
сметая всё, что встало на пути.
И, чтобы унесла тоску-печаль,
букашку малую с ладони отпустить.

Что нам стаканы да мензурки?
Что нам канканы да мазурки —
от русской «Барыни» заходятся меха!
Душа поёт!..
Чужой, её не трогай —
ей без того два шага до греха.
Да шаг до подвига.
И только миг — до Бога.

* * *

Птица чёрная в небе летала —
на полнеба себя распластала.
Ей не плоть, чьё-то имя — пища.
Не твоё ли теперь ищет?

То не косы в лугах мелькают,
то крыла её рассекают
с тонким свистом тугую высь.
Небо низко... И ты пригнись

да уйди головою в плечи,
спрячься и не будешь замечен,
не дыши, на неё не смотри —
поскорее замри, замри...

Птица близко — пусты глазницы:
что-то, что-то должно случиться.
И в предчувствии скорой беды
застывают сады...

* * *

Далеко-вдали, на краю земли,
род людской живёт — люди добрые.

Люди добрые да хорошие,
да добро-то всяк под себя гребёт.

В тёмной темени души спрятали,
день и ночь они в суете живут.

В суете живут, думу думают,
как схватить бы им пирога кусок.

Пирога кусок, да послаще бы,
а соседский кус — так ещё милей,

Речь их тонкая мягко стелется,
только спать на ней больно косточкам.

А улыбки-то — медоточивы,
ядом-ложью все сквозь пропитаны.

И порою жизнь гладко ладится,
да вот счастья нет. И берёт тоска...

Непонятно им, что спасение —
доброта души *бескорыстная*.

И живут вот так веки вечные.
Только маются, неразумные.

* * *

Я – в осени... Исчерпана весна.
 Всё. Отлюбила. Досуха. Сполна.
 Теперь святая.
 И – да простят все те, кому нужна, –
 легка, светла и опустошена,
 я улетаю.

Но вижу, опрометчивой строкой
 отправить своё сердце на покой
 поторопилась...
 Наивная! Веригами оков
 смирить хотела вечный зов веков.
 Не получилось.

И дрогнуло предательски в груди,
 когда, откинув полог, ты входил
 в мою обитель...
 А полыхнёт (Господь, не приведи!) –
 прими как дар, а хочешь – осуди,
 ты не обидишь...

* * *

Мечтая след оставить на земле,
 ты рвёшься, душу выпустив из клетки,
 сверкнуть хотя бы маленькой кометкой,
 созвездья разгоняющей во мгле...

И вот – полёт!..

Удар!..

Но ты, увы, лишь метка
 на чьём-то пыльном лобовом стекле...

* * *

Сергею Есенину и Борису Рыжему

«Пере-живём»,
 словно «пережуём».
 Кто-то выплюнет, кто-то проглотит...
 А кому-то будет мешать
 в горле ком.
 С ним ни жить, ни дышать...
 Лишь взойдёт высоко
 стих,
 сгущаясь до крови и плоти.

Выпало им –
птицей раненой спеть
(мир услышит, но не поможет)
и уйти.
Не приняв этот мир,
всё простить...
Быть поэтом и в сердце
Россию вместить –
это жить на ветру
без кожи...

* * *

Ах, не судите, господа –
вам свыше мантия не выдана.
И в час назначенный Суда
не перед вами скорбно выйду я

с повинной светлой головой.
И слух ласкающего хруста
не ждите от меня, живой,
на вашем ложе от Прокруста.

О, благородство на словах!
Но вот, сомнения рассеяв,
я нахожу – увы и ах –
обыкновенных фарисеев.

То не в укор – прошу простить:
несовершенство – наше право.
Позвольте мне собою быть,
как позволяю это я вам.

Где души отданы в музей,
где коронованы дензнаки, –
я верю в искренность друзей
и в благодарный взгляд собаки.

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ПОДАРКА ПАПЫ

Серьёзно фотографией занимаюсь с 2012 года. Первый мой фотоаппарат подарил мне папа, это было очень давно. Фотоаппарат был плёночный. Я безумно радовалась, почти с ним не расставалась. Фотография стала для меня любимым занятием. Честно говоря, я никогда и не думала стать фотографом. Всё получилось само собой, и подтолкнули меня к этому дети. Когда они родились, хотелось запечатлеть буквально каждый миг, каждое новое мгновение их жизни. И тут понеслось... Фотографировала много, но в какой-то момент поняла, что нужна более профессиональная техника и знания в этой сфере. Так я попала на фотокурсы к Игорю Попову. До сих пор очень благодарна ему за новый взгляд на фото, за знания, которыми он делился с нами, и за тёплую атмосферу, которая царила на занятиях.

Сейчас фотографирую свадьбы, делаю семейные фотосессии, ну и, конечно, детские. Больше всего люблю в фотографии эмоции: естественные, счастливые, открытые. Считаю, что неожиданно пойманный хороший момент — это самые дорогие фотографии... во всяком случае, для меня. Предпочтение отдаю съёмкам на улице, работая с естественным светом. Очень много идей, которые хочется воплотить, и, надеюсь, в будущем так оно и случится. Для себя считаю, что ещё многому нужно учиться, постоянно развиваться и совершенствоваться. А вообще я благодарна судьбе за ту редкость в жизни, когда работа любима и приносит столько радости и удовлетворения. И вдвойне приятно, когда люди говорят тебе от души «спасибо».

Буду рада откликам. Пишите мне: alenska091003@mail.ru

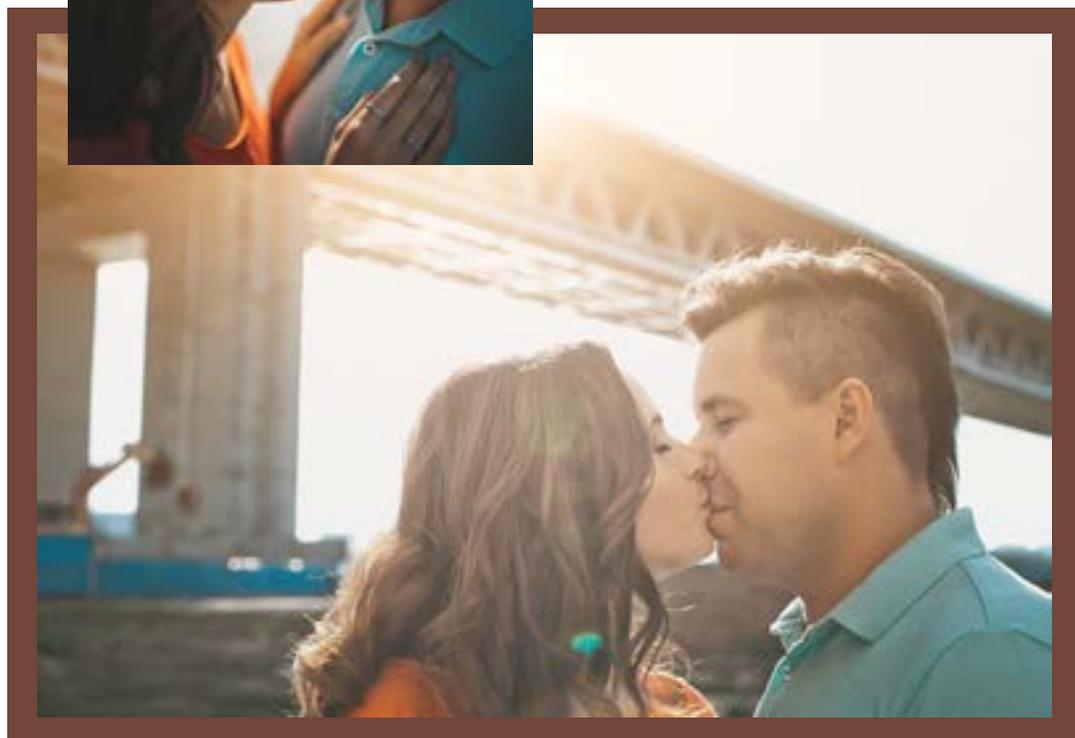
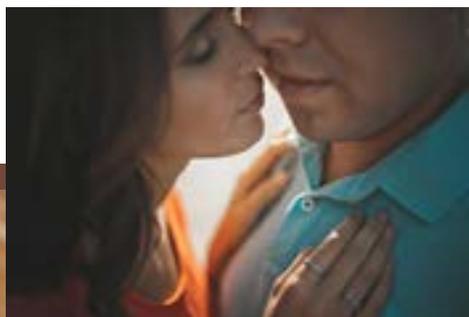

ЖЕНЩИНА. ЛЮБОВЬ. ВЕСНА.

ФОТОВЕРНИСАЖ АЛЁНЫ НОВИКОВОЙ

ЖЕНЩИНА. ЛЮБОВЬ. ВЕСНА.

ФОТОВЕРНИСАЖ АЛЁНЫ НОВИКОВОЙ

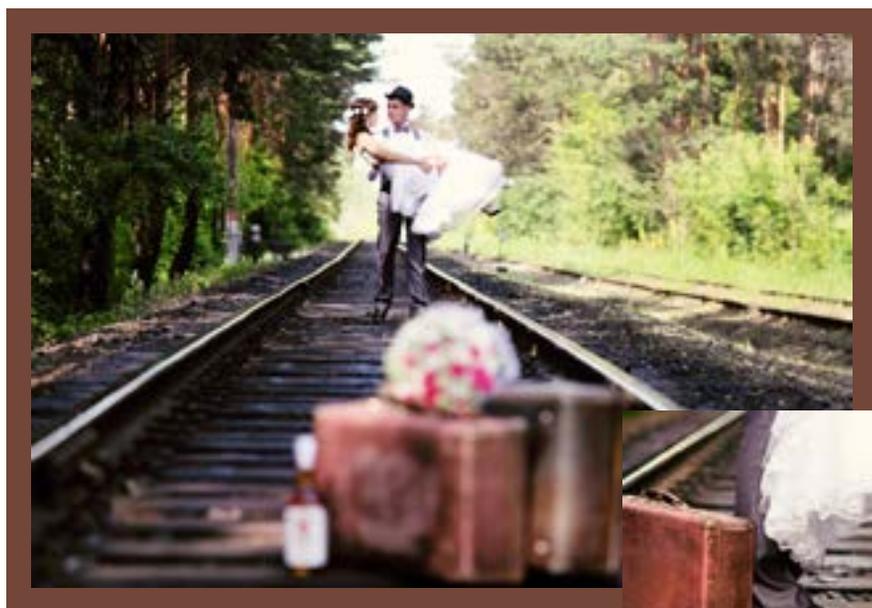

ЖЕНЩИНА. ЛЮБОВЬ. ВЕСНА.

ЖЕНЩИНА. ЛЮБОВЬ. ВЕСНА.

НАМ, ТАТАРАМ, ВСЁ РАВНО

Повесть

1

На рассвете зазвонил мобильник. Кому неймётся в ранний час? Продрав глаза, Бугра повернулся к окну. Солнце и на толщину оглобли не поднялось, лениво подумал он. Номер не опознавался. Прокашлявшись, Бугра нажал на кнопку.

— Алё?

— Разбудил, что ли? — голос на том конце не стал утруждать себя приветствием. — Вы то и дело подначиваете народ — мол, татары, проснитесь, а сами спите до обеда. Кто это? Что за мужлан?! Хорошо забытый старый приятель, что ли?

— Татарин мудр после обеда, — отмахнулся Бугра пословицей.

На том конце громко и раскатисто рассмеялись. Ага, а смех-то вроде бы знаком. Один его друг вот так же ржёт на всю округу. То ли хочет искренность свою показать, то ли на публику играет. Но тот с утра пораньше беспокоить не станет. В это время он сам ещё спит. Среди ночи может позвонить, но чтобы на заре...

— Не узнал, что ли?

— Разве можно не узнать тебя? Ты же незабываемая личность.

Мозг продолжал напряжённо трудиться: кто же это? Что нужно ему с утра пораньше?

Бугра отёр ладонью лоб. Какой-то липкий пот выступил на нём. Не любил Бугра, когда его заставляли угадывать. Вот идёт, к примеру, кто-нибудь навстречу, весь такой улыбающийся и доброжелательный, здороваётся, а потом спрашивает, пристально глядя в глаза: «Ты не узнал меня, что ли?» А ты его и вправду не узнал. Хотя вроде бы и видел где-то. Но, не желая обидеть, отвечаешь: «Узнал, конечно же, узнал». Однако этот приём не проходит, твой «хорошо забытый старый друг» успел затаить обиду. Он, подозревая тебя в зазнайстве, готов метнуть в лицо прямой вопрос: «Ну и как же меня зовут?»

И в этот раз Бугра, опасаясь подобного «булжника», поспешил защититься встречным камушком:

— У тебя какое-то дело ко мне?

— Никакого дела у меня к тебе нет, — ответили на том конце. Ледяной отстранённый голос явственно давал понять: какое может быть дело у достойного человека к тебе, жалкий поэтишка? — Звоню по просьбе босса. Он собирается провести большой сабантуй. В Кукуе. Слышал, наверное, про это?

— Нет, — удивлённо ответил Бугра.

— Ты где живёшь? Про кукуйский сабантуй сто раз сообщили по телевизору. Совсем оторвалась от народа ваша поэтская шайка-лейка!

— Какой ещё сабантуй?! — сорвался на крик Бугра, теряя терпение. — Скоро урожай собирать начнут.

На том конце опять громко рассмеялись.

— У нас круглый год сабантуи, — ответил незнакомец, резко оборвав смех. В его голосе не осталось и тени веселья. — Хозяин даже зимой устраивает сабантуй для полицейских.

— А я какое отношение имею к его сабантуям?

— Не умеешь ты жить, вон твой друг Хусни... Стих посвятил нашему хозяину! — торжествовал незнакомец. А сам снова разразился смехом.

— Послушай... — Бугра уставился в экран телефона. Ему привиделся клоун, дразнивший его трагической гримасой с заломленными бровями и печальной трубочкой губ. — У меня нет времени. Ты меня с кем-то спутал. Я начальникам стихов не посвящаю. Сабантуи меня не интересуют. Прощай.

— Подожди!

— Ну?

— Хозяин велел позвать тебя. Не бесплатно. Завтра в семь часов возле Конгресса будет ждать машина.

— Чтобы к семи добраться, мне нужно в пять вставать. Спасибо. Это не вписывается в мой режим дня. — Бугра нажал на «отбой».

Не прошло и минуты, как телефон зазвонил вновь.

— Ну что ещё?

— В семь вечера! Это же ночной сабантуй! — в этот раз незнакомец рассмеялся по-доброму, — кто, ты думаешь, наш хозяин-то? У него всё не как у других.

— Ну и кто же?

— На сабантуе и увидишь. Прислушайся к моим словам, приходи обязательно. Нынешний сабантуй пройдёт под девизом: «Поднимем национальный дух!», — телефон перешёл на короткие гудки.

Сон окончательно развеялся, Бугра встал с кровати и отправился в ванную.

Но воды в кране не было...

2

Во дворе фирма «Вамин» установила голубенькие будки и приспособила их под продажу артезианской воды. Некоторые ошибочно думают, что «ваминовцы» занимаются только производством и продажей молока. Нет, сфера их деятельности значительно шире, щупальца фирмы проникли во все отрасли экономики Татарстана. Например, строительство коттеджей в готическом, барокко и других стилях ведётся с более широким размахом, чем продажа молока. Однако для возведения таких дворцов, которые древним татарским ханам и не снились, недостаточно прибыли нескольких фермерских хозяйств. Тут нужно присосаться к крестьянам всей республики, скупая у них молоко за бесценок и втридорога перепродавая продуктовым магазинам и супермаркетам. На днях только Бугра прочёл в какой-то газете хвалебную статью о «Вамине». «Их молоко чисто, как родниковая вода, а вода полезна, как молоко!» — было написано в той статье.

Вот за этой-то полезной водой отправившись, Бугра и увидел на двери подъезда объявление: «Воды не будет три дня».

Решение поехать на ночной сабантуй созрело в ту же минуту.

Возле приютившегося в одном из уголков площади Свободы здания Конгресса татар многолюдно. Вокруг трёх автобусов бурлят нешуточные страсти, в руках каждого третьего — красно-зелёный флаг. Видны и несколько транспарантов. На красных полотнищах написано: «Поднимем национальный дух!», «Да здравствует сабантуй в Кукуе!» Из здания оперного театра звучит бравурный марш Сайдашева. Но собравшихся эта музыка не привлекает, в тенёчке за первым автобусом красноносый пузатый гармонист в молодецки заломленной набок тубетейке поверх почтенной седины наяривает плясовую мелодию, коротко стриженные татарские бабушки, раскинув руки, отчаянно пытаются воспарить над асфальтом; вот в их толпу с криком «асса» врывается тщедушный мужичок с одутловатым лицом, лихо прикусив карандаш, он начинает трястись и выгибаться, словно припадочный.

За вторым автобусом девочки-подростки и безусые угловатые мальчики, пытающиеся примерить на себя великоватый прикид крутых парней, затеяли хоровод — из установленного в центре круга магнитофона «Маяк» выплёскивается непонятная музыка, но молодёжь крутится в совершенно ином ритме, их лица блаженны и безмятежны.

За третьим автобусом не столь многолюдно. Там женщина, знакомая Бугре и в лицо, и по голосу, читает проповедь о былой славе татарского народа. Похоже, речь её приближается к финалу, потому что фразы становятся похожими на поэтические строки, кулаки задраны к небу, глаза пылают мокрым огнём... Ну да, Бугра позновато оказался здесь — женщина ещё раз грозно вскидывает кулачок и надсадно кричит: «Азатлык! Свобода!» Её клич подхватывает толпа. Бугра тоже вскидывает кулак и орёт «Свобода!», в душе отчаянно костеря коммунальщиков, перекрывших воду в самый разгар жары. Похоже, он вложил в крик всю злость на эту контору, митингующие невольно обернулись на него, а женщина-вождь обдала с головы до ног одобрительным взглядом.

Кто-то бьёт его по плечу.

— Алё! Ну что, надумал?!

Вчерашний голос! Бугра обернулся. Ну да, он этого человека определённо знает. Только вспомнить никак не может. А тот смеётся, лицо — одна сплошная улыбка, один кроваво-красный Рот!

— Правильно поступаешь, Бугра! Видишь, какой здесь национальный дух!

— Бодрый, — ответил Бугра.

— А ты меня, похоже, так и не вспомнил...

— Вспомнил, вспомнил, — перебил его Бугра. — В какой автобус садиться?

— В какой пожелаешь! — рассмеялся Рот. — В первом — фольклорный ансамбль и прочий простой народ. Во втором — студенты. В третьем...

«То ли не поехать уж», — снова засомневался Бугра. Когда вокруг него было многолюдно, он чувствовал себя особенно одиноким.

— А с чего это твой хозяин решил меня позвать?

Рот посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— В гости. Вы же... вы же поэты! Под нынешний формат весьма кстати приходиться, — губы рта торжественно сомкнулись, но лишь для того, чтобы через мгновение сложиться в пафосную трубочку. — Титаны! Опора и подъёмная сила! Национального духа, я имею в виду.

— Выступать-то надо будет?

— Ты в программе. Зажжёшь толпу стихом-другим.

В груди Бугры всколыхнулась жаркая волна.

— Из поэтов я один? — спросил он.

Рот посмотрел на часы.

— Нет. Остальные уже добрались до места, наверное. На своих машинах поехали.

— А почему меня отделили?

— Не отделили. Ты вместе с народом! — поставил жирную точку Рот. И он был прав. Вяло перебирая ногами, Бугра направился к автобусу. Не было печали, черти накачали. Жил себе Бугра, как говорится, никого не трогал, а теперь вот должен ехать в какой-то там Кукуй. И вдруг его лицо в секунду озарилось. Кукуй! Кукуй, Кукуй... У него же есть один приятель из этого села. Да, точно. Бугра тогда работал в молодёжной газете. Однажды к ним в редакцию зашёл странный тип в кожаной куртке с холщовым мешком за плечами. Имя его забылось за давностью лет, а вот прозвище до сих пор в памяти. Калахи. Помнится, он обстоятельно, во всех подробностях доказывал, что его предки — выходцы из Колхиды. И доказательства неоспоримы: весь их род унаследовал свойственную горцам отвагу. Он, значит, рассказывает о храбрости и отваге, а из его мешка на пол — кап-кап-кап — сочится кровь...

— Такой род был, такой аул! Да враги народа всё сгубили, — продолжал он свой рассказ. — Всю округу потравили, даже хлебных полей не пощадили. — У Калахи перехватило дыхание.

Подозрительно покосившись на окровавленный мешок, Бугра решил выяснить подробности:

— О ком это вы? Какие враги народа?

Калахи с грохотом опустил мешок на пол.

— Какого чёрта вы здесь сидите... раз даже этого не знаете? — глаза «горца» метали стрелы. Калахи растопырил напряжённую ладонь, на секунду показалось, что он прямо сейчас погрузит её в мешок и достанет оттуда отрубленную голову врага народа.

— Холдинг! — выкрикнул он. — Холдинг! Какого чёрта ты тут бумагу мараешь, раз даже этого не знаешь? О чём вы все тут пишете?! — с этими словами он скомкал несколько бумаг со стола Бугры и бросил в ведро. — Деревню изводят. Холдинг обманом завладел нашими паями. Ни одного участка у нас не осталось, стадо пастись негде. Пришлось вот зарезать корову-то, кормилицу нашу. Оставьте это мясо у себя. За так отдаю. Бедным журналистам согдится, думаю. А то пишете тут про изголодавшихся по мужикам баб.

— Вы из какой деревни-то?

— Из Кукуя! Наш аул даже Ивану Грозному не подчинился. А сейчас его пытается переделать один казанский бандит... — Калахи сел за стол и, прикрыв ладонями смуглое, иссечённое ветрами лицо, заплакал.

— Что нам делать, а? Уже и до Москвы дошли, в пяти судах побывали, у десяти прокуроров... И все они на стороне Кашея. Мы, видите ли, не понимаем современных требований. Пережитки социализма мы, оказывается...

— Это что ещё за Кашей?

— Ачъянак. Глава Холдинга. Депутат.

— А-а... Президент его, помню, хвалил, говорил, что это один из успешных татар новой формации.

Калахи выругался. Матерно, многоэтажно, по-русски.

— Да я таких татар, мать-перемать...

— Пойдите-ка, — перебил его Бугра. — Если народ был против, как же он сумел присоединить ваши земли к Холдингу?

— И не только земли, всё хозяйство отжал. Четыре КамАЗа, трактора, машины. Опечатали пилораму и мельницу. Отобрали скот, а все зерновые, до последнего колоска, отправили на пивзавод. Это было в прошлом году. Но мы всё равно не сдались. В соседней Чувашии закупили семена. Арендовали технику и провели посевную. А вчера... знаешь, что они натворили? Четыреста гектаров полей обработали ядохимикатами. А? И это люди, которые должны поднять сельское хозяйство! Хлеба... ночью... украдкой...

— Пойдите-ка, начните сначала. Инвестор же без согласия населения...

— Дурак! — вскрикнул Калахи. — О согласии вспомнил, гнилой интеллигент! Ты мне скажи, сможешь ли написать в газете о трагедии Кукуя?

Бугра представил кислую физиономию главного редактора. Умрёт, но не пропустит такую статью. Прямо в кресле начальника и преставится.

— Нет! — отрезал Бугра.

Он думал, что Калахи опять материться начнёт, но тот вопреки ожиданиям горячо пожал ему руку.

— Спасибо! Спасибо, браток! Ты, оказывается, честный человек. Не люблю я, когда обещаниями кормят, но ничего не делают.

— Мешок заberi! — крикнул Бугра вслед удаляющемуся гостю. Но селянин лишь рукой махнул в ответ.

Бугра отнёс окровавленный мешок в кабинет ответственного секретаря.

— Презент от автора, что ли? — оторвав от бумаг монголоидное лицо, спросил секретарь.

— Да, поделите на всех, — ответил Бугра, едва сдерживая рвотный рефлекс.

Интересно, жив ли этот Калахи. С той поры, когда он с мешком пожаловал в редакцию, минул год. Или больше? Рот всё о каком-то Хозяине говорил, уж не Кашей ли это? Вряд ли. Ачъянак даже в шутку не стал бы заниматься «подъёмом национального духа». На такие пустяки зачем ему тратить? Те, кто из грязи в князи выбился, особенно прижимисты.

Несколько передних кресел в автобусе оказались свободными. Их, видимо, специально оставили для таких «ветеранов», как Бугра. Не успел он погрузиться в мягкое кресло, как в салон с шумом и смехом ворвались две дамы в пёстрых открытых платьях. На голове одной из них был приколот калфак размером с детский кулачок, а на второй красовалась широкополая шляпа.

— Бугра! И ты здесь?! — воскликнула та, что в шляпе, и обняла поэта. — Ты же в таких мероприятиях вроде бы не участвуешь.

— Гельбиря! Радость моя, я пришёл специально, чтобы тебя увидеть, — отпустил комплимент Бугра, а сам в это время оценивающе прошёлся глазами по той, что в калфаке.

— Познакомься, это Назлыгель, — представила спутницу Гельбиря. — Набирающая популярность певица. Ты наверняка видел её выступления по телевизору.

— Её пение — праздник для меня! — отпустил очередной комплимент Бугра.

— Назлыгель, а это наш Бугра. Очень талантливый, известный писатель...

— Очень приятно, — певица кончиками четырёх пальцев коснулась ладони Бугры. При этом она, поджав губки и сощуриив глазки, попыталась изобразить на лице улыбку. — Бугра, говорите? Очень странное имя.

— Бугра — это прозвище, моё настоящее имя Фатхи Бурнаш.

— Дуралей, — Гельбиря по-свойски ткнула Бугру в бок. — Променять такое красивое имя на непонятную кличку это, по-твоему, нормально?..

— Что хоть означает-то это слово? — с напускным интересом спросила Назлыгель.

— Древние татары так называли верблюдов. — Бугра приобнял за талию Назлыгель. — Присаживайтесь. Сзади всё занято. Если хотите, могу, как и положено верблюду, устроить вас между горбов.

Назлыгель, сбросив руку Бугры, села в кресло противоположного ряда. Гельбиря, смеясь и кокетливо виляя бёдрами, прошла мимо Бугры и плюхнулась на сиденье рядом, возле окна.

Автобус тронулся. С заднего ряда похожий на вечного аспиранта седовласый мужик в роговых очках на сплюснутом, будто однажды прищемлённом дверью лице, дурным голосом затянул песню: «Проснись, татарин, проснись уже, время настало проснуться».

К нему присоединились остальные пассажиры, все как один. Бугра понял, что покемарить в пути не получится. Его охватило волнение, сам того не замечая, осипшим, скрипучим голосом он тоже влился в хор.

4

Калахи зашёл в сарай и некоторое время принохивался. Молоком тут давно не пахнет, даже ввевшийся в пол запахи коровьих лепёшек постепенно выветривается из досок и слабнет. Калахи отёр увлажнившиеся глаза тыльной стороной ладони. Какая же хорошая была у него бурёнушка! А вымя какое, вымя! Двумя руками не обхватишь. А молоко — чистая сметана. Корову все ласково называли по имени Туганай, проявляли к ней почёт и уважение. А Калахи её зарезал, вот этими вот огрубевшими от работы руками полоснул по тёплому трепетному горлу. А что поделаешь, другого выхода не было! Животное круглый год взаперти не продержишь. Несмотря на медлительный и даже ленивый характер корове нужна свобода, не зря же их испокон веку собирают в стада и гоняют на выпас. А Туганай не из ленивых. Пастухов, замахи-вающихся на неё кнутом, она не раз поднимала на рога! Свободу любила покойница. Не в её характере — валяться в стойле.

Все кукуйские земли перешли к Холдингу. Стадо выгонять стало некуда. Даже пучок травы нарвать местному жителю теперь негда. Была родная земля, да стала чужая. Недавно другая корова — Саях (по-русски Путешественница) забрела по привычке на луг. Ну и паслась там беззаботно. На беду подъехал джип с «быками» Кашея... Один из них вышел и «замочил» Путешественницу из карабина. Таким проверенным способом нам быстро дали понять, кто хозяин этих земель. Но кукуйские не привыкли так быстро сдаваться. Ради родной земли настоящий крестьянин готов и жизнью пожертвовать. Вся история человечества — это одна непрерывная война за обладание землёй.

— Настоящих землепашцев не осталось, — заявил однажды Кашей, намекая, что не просто так взялся управлять сельским хозяйством, с детства к этим местам приглядывался — не зря каждое лето гостил у бабушки.

В общем-то, упрёк, может быть, и справедлив, но в отношении кукуйцев Кашей ошибается. Эта деревня сильно отличается от близлежащих поселений. Осевшее здесь непокорное племя прошло огонь и воду, прежде чем укорениться. Калахи хорошо запомнил слова Чигиль-бабая. Впрочем, кто из деревенских не знает этих слов? Они золотом прописаны на стене школы. Кто хочет — может сходить и прочесть. Да разве Кашей пойдёт в школу? Ему дела нет до такого пустяка. Десять лет перебиваясь с двойки на тройку, он каким-то образом умудрился поступить в сельскохозяйствен-

ный институт и окончить его, затем, стремительно разбогатев, стал доктором наук. Таких сейчас много. Это даже удивлять перестало. Так вот, столетний дед Чигиль рассказывал: «Когда русские взяли Казань, воины, отступившие в последней битве, прыгали со стен, примыкающих к Елбугиным воротам, в Казанку. Немногим удалось переплыть реку и спрятаться в лесах. Четверо из них осели здесь. Выкорчевав участок леса, построились. У мурзы, главного среди них, было прозвище Кукушка, оно перешло и на аул. Строили дома, из соседних деревень крали девушек и женились на них».

Рядом с Чигиль-бабаем всегда сидела его старуха неизменно в белом платке и белом платье, поверх которого красовалась зелёная стёганая фуфайка. Чтобы придать значимость своим словам, старик обращался к ней:

— Такая вот история. Не веришь, у жены моей спроси, она подтвердит.

Кайча-эби — под стать своему мужу, такая же чернявая и смуглая, утвердительно кивает головой, но при этом окончательного согласия выражать не спешит, вставляет и своё мнение:

— Это не наши предки поведали о том, что у мурзы было прозвище Кукушка. Его звали Кузычак. Предки говорили, что он был самым преданным сторонником царицы Сююмбике. А деревню нашу прозвали Кукуй из-за вас, мужиков. Да. Очень уж лихими «ходоками» были мужчины. Во многие дома окрестных деревень подбрасывали они свои «яйца».

Дед Чигиль улыбнулся во всю ширину лица, даже блёклые, выцветшие глаза спрятались под хитрым прищуром.

— Наверное. Старуха зря болтать не станет, — словно бы сам себе сказал он. — Да ты посмотри на лица жителей окрестных деревень. Вылитые кукуйцы.

Дополнение Кайча-эби, понятное дело, не вписано золотом на школьную стену.

Солнце покатило в сторону Тимерчаковского леса. И жара потихоньку начала спадать. Калахи с чётками в руке пристроился на приворотной скамье. Бросив курить, он пристрастился тереть чётки. Потрепаться о том о сём вышел, как обычно, и сосед Дудут, хозяин застреленной коровы.

— Слышал? — спросил он, уткнув зад в скамейку.

— Слышал.

— Ясно. А моя жена идти собирается, крутится возле зеркала, как молодуха... — Дудут закурил. Калахи отодвинулся от него.

— Зря ты закурил, воняет на всю улицу.

Дудут выпустил из ноздрей кудрявые клубы дыма.

— Времена такие. Без вони нельзя.

Мимо них проехала вереница автобусов. Калахи приставил ладонь к надбровью, его губы зашевелились, словно с них вот-вот должна слететь фраза.

— В этом году ещё шире покос оттяпали, — нарушил молчание Дудут.

— Время уборку начинать, а они тут пировать вздумали...

— Это в наше время серьёзно относились к уборочной страде. А сейчас что? Один комбайн за два часа работы слизнёт столько, сколько мы всем колхозом за полмесяца скашивали.

— Ну и что тут интересного?

— Нам, знамо дело, ничего... Но всё-таки легче.

— Легче, говоришь? Тоже мне, агитатор выискался! Вот они твою корову легко-то и завалили.

— Саях мне жалко, но я не об этом. Помнишь, как нас учили: колесо прогресса не остановить. Если попытаешься, оно тебя же и раздавит. Ты тоже ведь попробовал сопротивляться... Но быстро язык прикусил...

— О каком прогрессе ты говоришь, тупица. Это же бандиты, а ты мне про колесо талдычишь. Шакур-карак рядом с ними невинным ангелочком кажется.

— Значит, не пойдёшь?

— Ты за кого меня принимаешь? И шагу не сделаю в ту сторону.

— А мне придётся пойти. Жена присосалась, будто пиявка, — пожаловался Дудут. — Её хлебом не корми, дай посмотреть что-нибудь интересное. Целый день триндит под ухом, мол, сам Салават будет петь. Не Кашей, оказывается, организует нынешний сабантуй. Его, знаешь, на чьи деньги устраивают?

— Знаю. На наши с тобой. Чего ты мне про них рассказываешь, все они из одного теста слеплены.

— Не скажи. Среди них разные люди есть.

Калахи в ярости вскочил со скамейки.

— Ты! — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — Ты! — Слова застряли в горле, наталкиваясь одно на другое, отчего смуглое лицо его налилось пролетарским кумачом. — Бабка твоя была безграмотной маришкой! — сумел он выкрикнуть наконец.

Дудут знал характер соседа, поэтому ни один мускул на его лице не дрогнул. Но разговор он предусмотрительно повернул в другое русло.

— Ты слышал? — начал он как ни в чём не бывало. — Знаешь, наверное, Хуачи из Тимерчака. Белобрысый такой чувашин. Так вот, потерялся он.

— У какой-нибудь вдовы в бане пьянствует, наверное. Знаю я этого Хуачи.

— Нет... — голос Дудута приобрёл глубину и значимость. — Знаешь ведь, возле делянки Аптельмана есть дубовая роща. Раньше там у чувашей кереметь* была. Вот пошёл он туда с топором и...

Дудут умолк. Неспешно раскурил потухшую папиросу. Выпустил из ноздрей несколько колечек дыма.

— Что-то затянуло небо к вечеру, — продолжил Дудут. — Неужели дождь будет? Хотя эти не дадут дождю пойти. У них тучеразгонялка есть.

— И что дальше? — спросил вышедший из терпения Калахи.

— Ты о чём?

— Ты же про Хуачи начал рассказывать.

— А-а... Потерялся Хуачи. Как сквозь землю провалился в дубняке. Даже топора не нашли.

— Говорю же...

— Замолчи! — прервал его Дудут. — Чуваша неспроста устраивали там кереметь. Портал это, если хочешь знать!

— Чего?!

— Портал! Коридор в параллельный мир. Вот Хуачи через этот коридор и — тютю...

Калахи испытующе посмотрел на собеседника. Смеётся он, что ли, над ним? Вечно этот Дудут несёт всякую чепуху да околесицу. А ты сиди и слушай.

— Э-эх! — выдал в сердцах Калахи и скрылся во дворе. Калитка жалобно пискнула вслед.

— Зря не веришь мне! — крикнул вдогонку Дудут.

Дома плакал ребёнок. Дочка, с шумом выпускающая струю пара из утюга, что-то гладила. Калахи осторожно стал раскачивать люльку.

— Куда собралась?

— Странный ты человек, папа, — не отрываясь от работы, ответила дочка.

— Не пойдёшь!

* Кереметь (с чув.) — главное святилище.

- Я и так целыми днями в четырёх стенах. Схожу развеюсь немного.
- Ребёнка с собой возьмёшь?
- Зачем? Ты же дома...

Калахи вышел в кухню. Чайник был ещё горячим, он заварил чай. Намазав на магазинный хлеб магазинного масла, сдобрив бутерброд смородиновым вареньем, аппетитно причмокивая, начал есть. Поперёк желания дочери он не может пойти. Эсмиральда всегда отличалась целеустремлённостью в исполнении задуманного. В прошлом месяце ей девятнадцать, кажется, стукнуло. А в детстве, помнится, если какой-нибудь её каприз не удовлетворишь, ложилась на пол и билась в такой истерике, что... Ручки и ножки сводило судорогой, изо рта шла пена, глаза стекленели. Падучая её одолевает, говорила Кайча-эби. Поэтому Калахи и не решался противиться дочери. Она и так без матери растёт, наполовину сирота, поэтому отец старался делать всё, чтобы дочка жила в радости и достатке. Наивная простота. Разве можно так баловать ребёнка?!

В неполные восемнадцать Эсмиральда забеременела. Узнав об этом, Калахи остался без слов. Не попав от помутнения рассудка в дверь, ударился о стену.

- От кого? От кого? — завывал он, потеряв над собой контроль.

Сидевшая в обнимку с подушкой дочь гневно посмотрела на отца и выдавила сквозь стиснутые зубы:

- А тебе разве не всё равно? Кто бы ни был его отец, это твой родной внук.
- Кто? Кто? — хлеща дочку по щекам, вопрошал несчастный отец.

Эсмиральда вскочила и оттолкнула обезумевшего Калахи.

— Можешь считать, что от лунного света! Непорочное зачатие! — ушла от ответа дочь и села за компьютер.

— Как мне теперь людям в глаза смотреть? Опозорила меня, бесстыжая. В прежние-то времена нам бы ворота дёгтем измазали.

— В прежние, в прежние... Прошли ваши времена! Забудь о них. Каждая третья сейчас рожает без мужа. А в будущем вообще надобность в мужиках отпадёт. Если тебе так хочется узнать, иди на агроферму Холдинга. Сумеешь ли отыскать там единственного «быка»?

В голове Калахи пулей пролетело убийственное подозрение:

- Так ты ещё и не знаешь, кто отец?

Зря упрекал дочь Калахи. Она знала, кто сделал ребёнка. Вскоре и до Калахи довели его имя.

5

Мама Калахи ещё жива была в ту пору. Но уже сильно сдавала. Головной болью мучилась. И заваливаться при ходьбе начала. Годы своё берут, годы немалые. Женщины в Кукуе — долгожительницы.

— Сынок, — сказала она однажды. — В больницу нового доктора переманили из города. Хоть и молоденькая, но очень грамотная, говорят. Рука, говорят, у неё лёгкая. Не пригласишь ли ты её? Может, избавит она меня от напасти.

Да, в деревне в то время и больница была. А сейчас закрыли её, мол, не те времена. Один из красных горлопанов собирался даже переселить Кукуй в райцентр, в русский городишко.

— Эта деревня бесперспективна! — с кислой миной трубил он на каждом углу. — Бес-перс-пек-тив-на...

Нравилось, похоже, ему это непривычное труднопроизносимое слово. Смакуя каждый слог, вставлял он его к месту и не к месту.

Для того чтобы сделать Кукуй перспективным, нужны были большие деньги, но, видимо, оттого, что деньги так и не нашлись, Кукуй в итоге остался на прежнем месте. А больницу закрыли. Для этого денег не нужно. Наоборот, выделенные больнице деньги растворились совсем в других закромах.

Только что вернувшийся из конюшни Калахи стоя попил чаю, закинул в рот обмакнутый в сметану оладушек и поспешил на выход. Его так воспитали: желание матери должно выполняться незамедлительно и беспрекословно.

Калахи в ту пору было около тридцати лет. Можно сказать, что до этого времени он с девушками почти не гулял. Если отбросить соседку Лилию, держась за ручку с которой он в первом классе ходил в школу, то вообще не гулял. Ни с девочками не гулял, ни за девочками... Хотя в детстве каждый мальчишка скрытно провожал «свою» девчонку до дома, следуя за ней на почтительном расстоянии в пятьдесят-шестьдесят шагов. А Калахи всё время проводил возле лошадей. Это была его единственная любовь, его непреходящая страсть. Он был помешан на лошадях. А лошади не терпят конкурентов. Если в сердце запало лошадиное ржание, будь готов: ничего другого там уже не поместится. Так в молодости думал Калахи. Но он сильно ошибался, как выяснилось позднее.

Так вот, дошёл он, значит, до больницы, к радости молодого доктора. А та-ам... Можно подумать, что у всех парней одновременно носы заложило, всех мальчишек лихорадка одолела. Полный двор народу. Очередь.

— Руку ко лбу приложила, — делится впечатлениями кто-то из посетивших кабинет, — а рука такая прохладная.

Один прыщавый подросток — у которого даже детский пушок не сошёл с лица! — подключился к разговору:

— А имя-то, имя какое у неё — Брильянт!

Растолкав столпившихся у двери молодых да задиристых, Калахи устремился внутрь.

— Сегодня не день стариков, — заметил прыщавый.

Не подумав сказал-то. С Калахи нельзя так разговаривать. Не знал, видимо, юнец, к кому обратился. Калахи хоть и невысокого роста, но тело его не всяким ломом перешибёшь. Он молча подошёл к Прыщу, взял за воротник и вышвырнул за двор. Потом добавил, зло усмехнувшись:

— Весь рот в молоке. Если не можешь от титьки оторваться, научись хотя бы губы вытирать.

Толпа поспешила выказать уважение к сильному подобострастным хохотом.

Калахи двумя руками облокотился о стол врача.

— Мама у меня очень сильно болеет, — начал он разговор, забыв даже поздороваться.

Доктор не обратила на это никакого внимания. Она уже успела привыкнуть к невежеству сельских жителей. И потом, в Кукуе не принято приветствовать друг друга словом «исәнмесез» («как здоровье»). Ну согласитесь, глупо же так обращаться к явно здоровому человеку? Кукуйцы говорят «нихэл» («как дела, как поживаешь»), потому что в этом вопросе нет никаких заваык.

— Нестерпимо болит голова, — пояснил Калахи.

— Сколько лет вашей маме? — недавно приступившая к работе на новом месте девушка старалась быть максимально вежливой и приветливой.

— Не знаю... — Калахи растерялся. — Кто ж спрашивает у старух, сколько им лет.
— Не знаете возраст своей матери? — удивилась доктор.
— Да она и сама не знает, — пробурчал Калахи. — Говорила как-то, что её в поле нашли.

«Что за поле? И почему нашли? Её кто-то потерял там, что ли?» — один за другим возникали в голове городской девушки вопросы. Похоже, это очередной местный ротозей пожаловал, на неё посмотреть и себя показать... Хотя с виду вроде на серьёзного похож.

— Когда возникают нестерпимые боли, нужно скорую вызывать, — сказала девушка, стараясь придать максимальной уверенности голосу.

— Давайте уж сходим посмотрим, а? Может, лекарство какое дадите. Недалеко идти-то...

Калахи уговаривал врача без особой надежды на успех, но девушка неожиданно встала и вышла из-за стола.

— Хорошо. Пойдёмте.

«Может, пока я буду на вызове, толпа зевак рассосётся», — подумала она.

Мальчишки проводили их открывшимися от удивления ртами. От Калахи многого можно ожидать, но чтобы за какие-то пару-тройку минут увести с собой красавицу-докторшу, такого никто не мог предположить.

— Меня зовут Бриллиант, — сказала девушка. — А вас?

— Бриллиант — это же, кажется, это...

— Ага, «это». Как вас зовут, я спрашиваю?

Калахи, понятное дело, назвал своё настоящее имя, которое вписано в паспорт, которое прошептал ему, грудному младенцу, дед Чигиль. Но я его забыл. А врать не хочу. Для меня он — Калахи. Это очень древнее родовое прозвище, и Калахи им очень гордился. Считаю, что такое прозвище стократ важнее стандартного имени. Ведь, если легенда не врёт, далёкий предок Калахи приехал и поступил на службу к казанскому хану из неведомой Колхиды. Попробуй не поверь! Это ж каким непроходимым тупицей надо быть, чтобы не увидеть схожести двух слов: Калахи и Колхида?

Лет сто тому назад писатель написал бы: «Вот так и набух бутон любви Калахи и Бриллианта». Но я не стану так писать. Для того чтобы бутон набух — если уж мы сравниваем любовь с цветком! — сначала нужно, чтобы стебель вырос. А тут не то что стебель, земля ещё не обработана.

Да, запала в сердце Калахи девушка-доктор. И не только ему, всей деревне. Невысокого роста, бойкая, а в глазах — свадьба! Бесконечная свадьба мартовских кошек. Калахи околдовали длинные чёрные ресницы Бриллиант. И не удивительно. Каких только намёков на тайные желания не пряталось под этими ресницами. Чуть позже, когда перед одной из совместных с Калахи страстных ночей Бриллиант отлепила и положила на стол свои «чары», он долго не мог прийти в себя. Обманкой оказались ресницы-то!

Когда в дом вошла молодая девушка, мать Калахи забыла, похоже, о головной боли. А проглотив пуговку таблетки, окончательно пришла в себя. Засуетилась на кухне, забегала между самоваром и холодильником.

— Нет, — отрезала Бриллиант. — Меня пациенты ждут.

И направилась к двери.

— Чего остолбенел-то? Проводи доктора, — встряхнула сына старушка.

Да разве ж он не проводит, разве откажет себе в таком удовольствии. В тёмных сенях он мимоходом и руку положил на девичью талию.

— Не спеши, — обдала горячим шёпотом девушка. — Какой ты, оказывается, нетерпеливый. Не успел ещё рассмотреть как следует, а уже...

Девушка не отнимала надежду. Но руку с талии всё же сбила. На повторный штурм Калахи не отважился. Девушка, быстро раскусив, с кем имеет дело, приказала:

— Первым иди. А то ведь я могу, грешным делом, грохнуться в темноте.

Может, ей и вправду хотелось этого грешного дела, но Калахи был в таком замешательстве, что понять её желаний ни за что не смог бы. Голова кружилась, и почему-то ни с того ни с сего хотелось разбежаться и боднуть невидимыми рогами угол дома, как нередко проделывают молодые резвые барашки, у которых чешутся настоящие рога.

Потом они долго не виделись. В больницу идти нужды не было, а в клуб — возраст не позволял. Да и работы много — сабантуй на носу, нужно срочно подготовить скакуна для скачек. А по деревне слухи поползли. И ни один из них не радовал Калахи. Кто-то видел, как Бриллиант села в машину председателя колхоза Хамзина. А потом эта машина долго стояла в ближайшем березняке. Вернувшись оттуда, девушка чуть не упала на пороге больничного общежития, пьяная в хлам! Вот так доктор. Видели, как она входила в комнату бригадира шабашников-армян Аршака. Как входила, видели, а выхода так и не дождалась.

В тот день Калахи привёл в табун жеребца по кличке Ялкын (Огонь). Увидев грациозно выбежавшего из загона жеребца, кобылки дружно шарахнулись в противоположную сторону. Мерины, потупив грустные глаза, сгрудились в углу. Вцепившись зубами в загривок, Ялкын вытянул из табуна длинноногую, изящную, белоснежную кобылу по кличке Йолдыз (Звезда). Через пару мгновений белый снег звезды начал неумолимо таять под снопами огня.

— Вот это, я понимаю, любовь! — Калахи обернулся на голос и увидел загадочно улыбающуюся Бриллиант.

— Ты куда пропал-то? — без обиняков спросила она. Можно подумать, они договорились о встрече, а парень взял да не пришёл.

За племенного жеребца краснеть не приходилось, но Калахи тем не менее чувствовал себя неловко.

— Ты с чего решила сюда прийти-то? Жеребец понадобился, что ли? Выбирай любого, поймаю и подведу.

Девушка рассмеялась. Очень уж непосредственным и искренним был Калахи.

— С тобой повидаться пришла, — успокоила его Бриллиант. — Но и жеребец твой тоже хорош, тьфу-тьфу-тьфу.

Калахи молчал в растерянности.

— Как мама, не болеет?

— Мама в порядке.

— Тяжело, наверное, ей одной-то. Она должна быть под пристальным вниманием врача, — продолжала шокировать Калахи девушка-доктор.

А над снежной звездой продолжал бушевать яростный огонь, и угомоняться он не собирался.

Немного понаблюдав за лошадьми, девушка спросила задумчиво:

— Ты женился бы на мне, Хаяли?

Ага, вспомнил и я, настоящее-то имя Калахи — Хаяли!

Калахи, конечно, был обескуражен происходившими в последние полчаса событиями, но остатков здравого рассудка хватило ему, чтобы понять: девушка не шутит.

— Да хоть сегодня! — выпалил он.

Вот такая история любви. Её романтическая часть. А остальное — это ежедневная суета и неприметная, малоинтересная мелочёвка... Не прошло и семи месяцев, как у них родилась девочка. По желанию Бриллиант дочку нарекли невиданным в этих краях именем Эсмиральда. Правда, для всех кукуйских странное имя приобрело татарский акцент, с которым прокричал его в небеса местный мулла Камали — Исми-рэдэ. Именно под этим именем она предстанет пред Всевышним в свой Судный день.

А пока она Эсмиральда. Вот она, во всей красе... оставив свою рождённую от первого встречного ветра дочку Регину на попечение отца, собирается на ночной сабан-туй.

А брак Калахи и Бриллиант был недолгим. Цветок их любви оказался чертополохом. Эсмиральде и годика не исполнилось, наверное, когда Бриллиант бесследно исчезла. Вот так, подбросив младенца простофиле-отцу, девушка-доктор поступила, как и положено настоящей кукушке. В деревне поговаривали, что она, мол, окончательно спутавшись с шабашником Аршаком, уехала вместе с ним в Армению. Но это вряд ли, не настолько чёрствое сердце у ней, чтобы так поступить. Странноватая она была, легкомысленная, из тех, кто, один раз отмерив, семь раз отрежет... Вскоре после исчезновения невестки умерла мать Калахи. Не зря, видать, говорят: беда одна не приходит. И остался Калахи один-одинёшенек с ребёнком на руках. Но вырастил, воспитал, в детский дом не сдал. А сейчас что? Ради чего всё это? Ну, выросла Эсмиральда, кровиночка родная, понятно, что не хватало ей материнской ласки и заботы. Но почему же она отца своего не пожалела, почему измарала его сажей позора? Ну ладно бы, в городе жили, где люди подчас не знают, кто у них за соседней стеной. Но это же деревня! Здесь на одном конце чихают, а с другого уже через секунду доносится: «Будь здоров, соседка!»

6

Когда Калахи подошёл к правлению, площадь перед зданием была полна народа. И стар и млад галдели, наперебой что-то обсуждали, спорили. Управляющего хозяйством Ильнура взяли в плотное кольцо. Его лицо блее мела. Это от страха. Он прекрасно знает норов вышедших из-под контроля кукуйцев. В гневе могут и на куски разорвать.

— Родные мои! Не надо шуметь, успокойтесь, — попытался было образумить он толпу.

— Твои родные в Митрофановке! — провизжала одна из женщин. — Продажная шкура, вот ты кто!

Ильнур время от времени наведывается в соседнюю Митрофановку к одной русской вдовушке скоротать ночку-другую, в этом и упрекает его отчаянная односельчанка. Но к делу это никакого отношения не имеет. Всё гораздо хуже ночных походов налево.

— Народ! — как заправский глашатай воззвал Кипяток-Наиль. Он уже взошёл на импровизированную трибуну, а по-простому, вспрыгнул на скамейку. — Пойдите! Пусть он объяснит, как оставил нас без клочка земли! Всё село ведь по миру пустил этот человек.

Ильнур тоже вскочил на скамейку.

— Люди! Я никого не предавал, ничего не продавал! Я же не чужой! Я — коренной кукуец! Но что я мог поделать? Меня же в район вызвали. Егор Кузьмич сказал...

— С ним мы отдельно разбираться будем! — выкрикнул Дудут.

— Дослушайте! Сельское хозяйство в Татарстане ослабло, сказал Егор Кузьмич. Селу нужны инвестиции. Поэтому к нам придут богатые инвесторы. Они создали Холдинг. Они, мол, и у вас построят огромную агроферму, работы хватит на всех. Я возразил, что наше хозяйство не слабое. Нам никаких инвесторов не нужно. Мы и без них прекрасно справимся. Так ведь, товарищи? — в этот раз Ильнур поостерётся сказать «мои родные».

— Так! — хором выдохнула толпа.

— Тогда же Егор Кузьмич сказал: вы — пережитки коммунизма, безнадёжно отстали от времени.

— Да он же сам был недавно ярым коммунистом! — выкрикнул Калахи.

— Молоко вы кому будете сдавать, говорит. — Ильнур не стал заострять внимания на словах Калахи. Всем хорошо известно, кем Егор Кузьмич был раньше и кем он стал теперь, даже не сменив прежнего кабинета. — И зерно ваше, говорит, ни один элеватор Татарстана не примет. Если пойдёте наперекор инвестору, знаете, что он с вами сделает, сказал он и указал в небо коротким толстым пальцем. И что мне оставалось делать?

На скамью степенно поднялся мулла Камали.

— Надо было вернуться и с нами посоветоваться, сынок. Но нет, ты не нас испугался, а тех, кто наверху. Подложный документ состряпал, мол, мы на общем собрании единогласно согласились на передачу всех земель Холдингу. Ты, сынок, предал родной аул. Мы тебя, конечно же, простим, сделав скидку на молодость. Ступай домой, отдохни, пораскинь умишком, что к чему...

Понуро опустив голову, Ильнур и вправду направился к своему дому. Сход проводил его гробовым молчанием.

— А сейчас нам нужно выбрать нового председателя, — продолжил мулла Камали. — Очень тяжёлая это должность по нынешним временам. Какие будут кандидатуры?

Начавший было шуметь сход снова притих. Неожиданно на скамью запрыгнул Дудут.

— Нам нужен смелый и решительный человек, — сказал он хриплым голосом. — И такой человек есть, товарищи! — Дудут выбросил вперёд руку с крепко зажатой в кулаке мятой кепкой. Увидев, что рука Дудута медленно поворачивается в его сторону, Калахи оторопел. Может, ему всё-таки показалось, что этот ненормальный, с кепкой в руке напоминающий взбравшегося на броневик Ленина, показывает на него? — И вы его знаете. Другой подходящей кандидатуры нам не найти.

— Кто же это? Кто? — зашумел народ.

Дудут набрал полную грудь воздуха и выдохнул, словно швырнул булыжник в толпу:

— Калахи!

Передние ряды притихли, а задние, не расслышав как следует, загудели: «Кто? Кого он назвал?» От одного к другому, концентрической волной имя народного спасителя долетело наконец и до грустно притихшего возле угла магазина Морчкики. Он тихо выругался.

На скамейку снова запрыгнул Кипяток-Наиль.

— Люди! — он трагически воздел руки к небу. — Калахи хороший человек. Слишком хороший. Но он ведь даже с женой своей не смог сладить. Тут нужен такой, который раз вцепившись зубами — не отпустит, а вырвет клоч с мясом!

Под таким зверем, понятное дело, Кипяток подразумевал себя.

— А кто из нас полновластный хозяин в семье? — прохрипел Дудут. — Ну, кто решится заявить об этом при всём честном народе?.. Тот пусть кинет в меня камень! Так ведь, бабы?

Женщины загалдели. Понятное дело, никто не осмелился в присутствии жены произнести: «Я главный в доме!»

— Прежде всего, здесь нужен честный, совестливый человек, — взял слово мулла Камали. — Чтобы всем сердцем стоял за народ. Мне кажется, Калахи из таких. Он не подведёт.

— Ка-ла-хи! Ка-ла-хи! — принялся скандировать Дудут.

— Родные мои! Погодите... Я же нигде не учился... — спешащего к скамье Калахи никто уже не слушал. — У меня образования нет... — возражения потонули в толпе ликующего народа. Несколько сильных мужчин подхватили на руки нового «вождя» и с дружным выкриком «Ха-а!» принялись подбрасывать его в воздух. Так вот Калахи невольно вознёсся на небеса.

7

Дон-дон... Дон-дон... Дон...

8

Кукуй издревле помечен чёрным столбом. Такие столбы ставили на въезде в аулы, чьи жители не отличались гостеприимством. Для всех проезжающих это было предупреждением: сюда на ночлег лучше не соваться. Метили столбами и непокорные деревни. «Нас пометили чёрным столбом из-за почтенного старца Низами», — рассказывал дед Чигиль. А он зазря трепаться не станет. Луга на том берегу до сих пор зовут именем Низами.

Сегодня слова деда Чигиля повторяет мулла Камали:

— Луга Низами, сами знаете, очень плодородные. В прежние времена на эти земли положил глаз русский боярин Кадышев из Митрофановки. Это был открестившийся от своих татарских корней злой и жадный человек. Он даже в суд подал, мол, в стародавние ханские времена эти земли принадлежали его предку мурзе Кадышу. Направили землемера. Старец Низами не пропустил его. Ну землемер развернулся и пошёл восояси, ему-то что...

— Он тоже человечным оказался, — продолжил рассказ дед Какаш. — Говорят, Низами стоял до последнего. И землемеру он сумел дать отпор, сказав по-русски: «Только через мой труп».

— Да... А потом он поехал в Петербург. Привёз оттуда свиток, скреплённый красной гербовой печатью — документ, в котором сказано, что эти земли испокон веку принадлежат нам.

— Хык-хык-хык... — не разжимая губ, рассмеялся дед Какаш. — А тот русский боярин, значит, с носом остался.

— Зато эти... — подключился к разговору прежде молчавший Кучат-Гали, — эти...

— Этим закон не писан. Да и эпоха сейчас не старца Низами. Куда ни кинь, всюду клин.

Старики беседуют, собравшись возле мечети. До вечернего намаза совсем немного времени остаётся. Мулла Камали несколько раз гневно тычет можжевелевой палкой в землю.

— С землёй сровняем ваш аул, грозился, говорят, тот Кашей.
 — И сровняют. У него, говорят, атомная бомба есть. А у нас, кроме топоров и вил, ничего больше нет.
 — А без земли кому мы нужны-то?
 — Русские из Митрофановки за ящик водки продали свои паи.
 — Да и татары ничуть не лучше... Посмотри, что творится в окрестных сёлах. У всех земли отошли в проклятый Холдинг.
 — Носы воротят люди от земли-то...
 — Захотят укусить локоток-то, да не достанут.
 Дон!
 Совсем недавно на чёрный столб повесили колокол. Пяток ребят по очереди дежурят возле столба, чтобы в случае чего сигнал подать.
 Дон!
 Значит, враг опять пожаловал.
 Дон-дон... Дон-дон... Доннн...
 По улице сначала промчалась ребятня. Показались мужчины и женщины. Старички, крихтя и охая, тоже поковыляли на угол деревни.
 Враг идёт!

9

Лужайка между чёрным столбом и кладбищем растянулась километра на два. В двух местах её пробороzdило русло сухой реки, по весне снег сходит первым именно на возвышенностях этой лужайки. Из года в год с незапамятных времён сельская ребятня с весёлым гиканьем скачет здесь по шелковистой траве, тут же пасутся овечки и стреноженные лошади. А сейчас сюда, бесцеремонно смяв шелковистый зелёный ковёр, заехали два джипа. Каждый размером с дом деда Какаша. Из машин вышли и встали, скрестив накачанные руки на груди и раздвинув ноги на ширину необъятных плеч, парни с крепкими шеями и непробиваемыми загривками. Это «бычки» Кашея. Таким бы лес валить или уголь рубить. Но нет, этих работать не заставишь. Эти под телевизором выросли, плясая в него сутки напролёт. Глаза спрятаны за чёрными очками, завитушки провода, идущего от наушника к телефону, теряются в складках шеи. Они считают себя пупами земли. Но на самом деле они — рабы. А если рабу дать почувствовать себя хозяином, а? Алла сакласын, Алла сакласын. Такое мы уже проходили. Упаси и сохрани!

Не скрывая насмешливых улыбок на гладких лоснящихся лицах, они брезгливо смотрят на собравшийся народ. Чего хотят эти навозные жуки? Зачем появились они

в их сытой жизни? Только дайте приказ, и эти парни не то что захудалую деревню, всю страну растопчут и прижмут к ногтю. Зачем плодить и кормить абсолютно лишних, не нужных для их благополучия людишек? Да у них языки не поворачиваются называть этих пропахших навозом и едким потом бедолаг людьми! — вместо того чтобы благодарить своих спасителей, они тут пытаются поперёк судьбы идти, требования, видите ли, выдвигают. Жить они, понимаете ли, хотят. Но нынешнему государству они не нужны. Вон в соседней Митрофановке всего десять человек обслуживают огромную агроферму. Один сидит за компьютером, другой присматривает за системой автоматического доения, третий... На современном предприятии нет места никогда не просыхающему, с головы до ног измазанному коровьим навозом Галяви или Хамдуне, чьи пальцы необратимо одеревенели от ручной дойки. Такие должны исчезнуть, вымереть, как мамонты. Для них нет места не только на современной ферме, но и в играющих разноцветными огнями и грохочущих музыкой ночных клубах, дорогих ресторанах, на ипподромах с дорогими ахалтекинскими скакунами. Другая жизнь идёт! Другие песни звучат! Иные птицы их поют!

— Вы по-человечески понимаете? — задал «умный» вопрос бригадир «бычков».

— Мы люди! — ответил Калахи. — А ты кто?

— Я — Азат, — произнёс бригадир, с виду ничем не отличающийся от своих подчинённых. Задвинув на затылок чёрные очки, он, грозно набычившись, боднул взглядом толпу крестьян. — Где Ильнур? Вы мне тут базар не устраивайте, за базар отвечать придётся.

— Сейчас я управляющий! — Калахи сделал два шага вперёд.

— Ты-ы?

— Да. Ильнур за то, что составил липовый протокол о передаче наших паёв Холдингу...

— Чего?

У Калахи пересохло во рту, но он всё равно договорил до конца длиннющую фразу:

— Решением сельского собрания был отстранён от должности. Управляющим единогласно выбрали меня.

— Я был против! — крикнул Кипяток-Наиль.

— Вот! — Азат усмехнулся и сверху вниз посмотрел на Калахи. — Да ты, оказывается, обманщик. Не единогласно тебя выбрали.

— Да, один человек был против, — не проявляя никакого нетерпения, согласился с ним Калахи. — А так — единогласно.

— Короче, — обратился к собравшимся Азат, не обращая внимания на Калахи. — Вы можете играть тут в демократию, как вам хочется. Нам без разницы. Скоро уборка начнётся. Весь урожай мы заберём себе. Владельцам паёв раздадим положенную долю.

— Держи карман шире! — крикнул Беркут-Сафа. — Долю они дадут нам. Это наша земля! Попробуй только сунуть сюда свой нос!

— Эй, ты! — один из «бычков» вышел на два шага вперёд. — Говори, да не заговаривайся! А то мы быстро заткнём твой поганый рот землёй.

— По закону наши пай не принадлежат Холдингу, — сказал Калахи. — Все подписи в протоколе поддельные. Мы в Москву написали. Если там не удастся правду отстоять, дойдём и до Европейского суда.

— Вы чокнутые, что ли? — искренне удивился главный «бык». — Вы хоть понимаете, против кого идёте?

— На нашей стороне правда.

— Правда! Хорошо, мы покажем вам правду, раз вы такие умные. Ради вашего благополучия говорю, — в голосе Азата даже послышались нотки сопереживания. — Договоримся по-хорошему. Чтобы не жалеть потом, не каяться.

— Нам каяться не в чем. Земля наша!

В эту минуту в небе послышался негромкий рокот. Чёрная точка росла на глазах и вскоре превратилась в вертолёт. Плавнo покачиваясь, он стал снижаться на людей, сверху казавшихся муравьями. Значит, сомнений быть не может — в вертолёте Кашей собственной персоной. Он любит летать туда-сюда на вертолётике, даже если лететь недалеко. В его выдающемся до середины Казанки коттедже, больше похожем на дворец хана, есть специально оборудованная вертолётная площадка, с которой он взлетает и быстро добирается до самых отдалённых уголков республики, в считанные минуты решает проблему и возвращается к себе домой. Именно за это якобы его очень любит сам президент. Говорят, он не раз дружески потрясывал Кашею за плечи, приговаривая фирменное «без булдырабыз». Не знаю, не знаю... Народец-то у нас языкастый — хлебом не корми, дай посудачить о великих мира сего...

Дружащий в духе веяний времени со спортом, Кашей, не дожидаясь, когда откинут трап, ловко спрыгнул с едва коснувшегося земли вертолёта. Лёгкий не только на подъём, но и по весу, он даже траву под собой почти не смял. Видимо, поэтому он повсюду, где можно чем-нибудь разжиться, успевает. Если не знаешь, что перед тобой миллиардер, можно принять его за милого порядочного человека. Издали. Но вблизи от него веет могильным холодом. Глаза — две бездонных космических чёрных дыры: если засосут в себя, ничего не останется, даже пряжки от ремня!

Кашей, изображая улыбку, шевельнул уголками губ.

— Ага, вот, значит, какие вы!

Народ, недовольный и гостем, и его приветствием, глухо зароптал.

— Я уважаю людей, у которых есть своё мнение, — продолжил Кашей. Его оловянный, бесчувственный взгляд, пробежавшись по головам крестьян и крышам домов, упёрся в какую-то точку. В этой точке среди прочих молодых стояла дочка Калахи Эсмиральда.

— Даже если это мнение ошибочно... — тембр и громкость голоса Кашея, словно застряли на одном уровне. — Вы наверняка видели агроферму в Митрофановке. Ваши земли упираются в их наделы. Нашим генеральным планом предусмотрено...

Калахи, вспомнив о том, что он выбран управляющим, сделал шаг вперёд.

— Ваш план нам не подходит, — перебил он Кашею. — Это луга Низами, и если вы...

— Не перебивай... — в словах Кашея не было ни укора, ни угрозы, ни желания запугать, он произнёс их как будто бы между делом, походя, но в груди Калахи всё похолодело, а спина покрылась противным липким потом.

— Земли у меня много. Половина республики в руках Холдинга. Ваши двести гектаров — это мусор...

— Четыреста!

— Пусть будет четыреста. У нас есть принцип. Если мы решили инвестировать в сельское хозяйство, то мы непременно осуществим задуманное!

— Закон на нашей стороне, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Вы прекрасно знаете, кто я. Мы эти законы сами пишем. В Москве.

Дед Камали, встав рядом с Калахи, заговорил дрожащим голосом.

— Ты, сынок, на нас не обижайся. Пойми — все мы люди... да... все мы — чьи-то дорогие дети. Мы знаем, кто ты. Как не знать-то... и по телевизору видим, а что там не покажут, молва донесёт. Народу рот не заткнуть.

Кашей посмотрел на часы. А дед Камали продолжал:

— Против ветра плевать — себе дороже. Мы мирные, спокойные люди. Нам чужого не надо. Но и ты, пожалуйста, нашего не трогай. Мы здесь пятьсот лет живём. Двести лет тому назад один боярин уже пытался отобрать у нас землю...

— Историю я люблю, — ни один мускул не дрогнул на лице Кашея, можно подумать, что однажды надетая маска намертво приклеилась к физиономии. — Я специально приеду поговорить с вами. Заполнив термос горячим чаем... — Взгляд его снова кольнул Эсмиральду. — Раз уж вы так противитесь... В рай палками не загоняют.

— Технику верните! — выкрикнул Кучат-Гали. — Четыре КамАЗа, семь тракторов...

— А зерно? Подчистую вывезли же все наши запасы.

— Если суд постановит, вернём. Но вы ещё раз хорошенько подумайте. Судьба же ваша решается. Дед! — обратился Кашей к мулле Камали. — Ты же грамотный, мир повидал. Скажи мне, что может сделать в одиночку деревня в век тотальной глобализации? Поймите, эти земли нужны мне! А сейчас мне необходимо лететь в Германию...

Вертолёт улетел, джипы поскакали в сторону шоссе. А деревенский люд топтался на месте в недоумении.

— Эй, «вождь», ты чего язык-то проглотил? — начал было задирать Калахи Кипяток-Наиль.

Калахи не стал ему отвечать, махнув в сердцах рукой, направился к дому.

Прежде чем проститься, дед Какаш решил успокоить односельчан:

— Не совсем безнадежный он, оказывается. Насильно в рай загонять не будем, говорит. Может, и вправду не будут уговаривать?

Ни возражений, ни одобрений не прозвучало. Погрузившись в тяжёлые раздумья, народ разбрёлся по домам.

На обратном пути лишь девушки на выданье пошумели об увиденном.

— Интересно, женат ли он? — спросила бойкая на язык Зарина. — Стыд и срам, он же на жабу похож, как можно лечь под такого...

— Миллиардер! — раз мечталась какая-то из девушек. Эсмиральда слишком молода была ещё для таких разговоров. Она, кроме Казани, никаких городов не видела и на вертолёте тоже не летала. А так хочется и повидать, и полетать. Ведь другим-то людям удаётся. Таким же, как она, с двумя руками, с двумя ногами. Сладкая, богатая жизнь проскакала перед Эсмиральдой, обдав ароматами дорогого парфюма и шелестом купюр. А как пристально смотрел на неё Кашей! Просто вывернул наизнанку своим взглядом.

10

Митрофановка недалеко расположена от Кукуя. Нужно перейти через сухую речку и ещё немного прошагать. В своё время людей сюда пригнал из Мурома Его Превосходительство Кадышев, рассказывал дед Чигиль. Сейчас Митрофановка влачила жалкое существование, дома медленно, но верно разрушались, молодёжь переметнулась в Казань, в селе появляется только по выходным. С их возвращением клуб оживает и бурлит. Здание клуба, точнее, Дома культуры, построено на века — большое, просторное, не у всех городских театров есть такое помещение. В субботу вечером там начинается шабаш. Душераздирающая музыка, грохот и скрежет соударяющегося металла заставляют ещё сильнее вжаться в землю и без того приземистые кособокие домишки с худыми шиферными крышами. Тесно прижимающиеся друг к другу парочки то и дело садятся в машины и ненадолго отъезжают в лесок, безлошадные уединяются в ближайших кустиках. Живущая неподалёку от клуба тётка Матрёна

через окно наблюдает все безобразия и, нашёптывая «Господи, помилуй!», истово крестится.

На эти дискотеки наведывается и молодёжь из Кукуя. Хоть кукуйским парням в Митрофановке не очень-то рады, но девушек встречают душевно. Иногда даже провозжают на машинах.

С наступлением сумерек Эсмиральда засобиралась на дискотеку. Позвонила подружке Ангелине. Та уже готова, оказывается, ждёт лишь её. Деревенские девушки быстры на сборы. Только вот верчение перед зеркалом отнимает много времени. Настроение у подружек приподнятое. В этом году они окончили школу, разнесли документы по казанским вузам. Пройдут в один из них — хорошо, а не пройдут — печалиться не станут, в армию-то их не заберут.

Не успели они выйти из деревни, как за ними тихонечко поехал чёрный автомобиль. Ба, да это же, кажется, один из джипов, заруливавших днём в Кукуй. Вот он поравнялся с девушками, лёгкими бабочками они перепорхнули на обочину. Окно плавно опустилось, из него высунулась гладкая физиономия всего полдня тому назад переправшегося с местными мужиками Азата.

— Девушки-красавицы, на танцы не хотите?

Девушки ничего не ответили. Лишь рассмеялись. С первым встречным тут... раскланиваться...

— Давайте подвезу.

Подружки, посмеиваясь, продолжали шагать дальше.

— Хе, — скривил ухмылку Азат. — Вы же малышки ещё, оказывается. Не умеете разговаривать со взрослыми. В каком классе-то учитесь?

Ну это уж слишком! Что возомнил о себе этот мусорщик, сев за руль дорогого автомобиля. И машина-то явно не его, а, скорее всего, кашеевская.

— Мы школу давно уже окончили, — ответила Эсмиральда.

— Ну и как же зовут давнишних выпускниц школы?

— Эсмиральда!

— Ангелина!

— О, истинно татарские имена у вас, оказывается, — рассмеялся Азат. Джип остановился. — Ну ладно, мне с вами детей не крестить, садитесь в машину!

Девушки, стараясь скрыть охвативший их восторг, с головой нырнули в широкие объятия чёрного красавца.

— А на вертолёте вы летали? — Азат повернулся к подружкам и с ног до головы огладил их взглядом. Созрели. Лифы дешёвых платьиц так и распирают упругие груди. Эсмиральда особенно хороша. Не зря на неё шеф глаз положил. Чёрные волосы разметались по плечам, гладкий

лоб, на лице ни одного прыщика, нос прямой, в глазах сме-

шинка, а губы так красиво очерчены, будто над ними поработал резец скульптора-элина. Ангелина попроще: прямые соломенные волосы, негусто усыпанное веснушками лицо, курносая, глаза бледно-голубые. По телу Азата пробежала сладкая истома.

— Не-ет, — в один голос ответили подружки.

— А хотите полетать?

Девушки не стали отвечать на глупый вопрос. Кто ж не хочет-то? Кто ж откажется взмыть над всеми смертными и хотя бы разок плюнуть с высоты? Приближение к высоким небесам не проходит бесследно, оно изменит каждого, кто дерзнул. Будешь чувствовать себя иным, избранным.

— Сверху весь мир — как на ладони, девчонки. Ну что, летим?

Не дожидаясь ответа, машина рванула в сторону митрофановской агрофермы. Там на специальной площадке стоял под парами вертолёт, готовый по первому требованию хозяина взмыть в небо. А в проёме люка сгорбился сам Кащей.

— Сначала ты, Эсмиральда, — подтолкнул девушку к вертолёту Азат. Эсмиральда не заметила, как оказалась внутри, увлекаемая протянутой сверху жилистой рукой Кащея.

С двух сторон салона стояло по паре диванов, посередине — стол, ломящийся от обилия всевозможных вкусовостей. Желая увидеть мир как на ладошке, Эсмиральда прильнула к иллюминатору. Деревенские дома уменьшились до размера спичечного коробка, люди казались как муравьишки, и только комплекс агрофермы, не теряя своих грандиозных размахов, покрывал значительную площадь земли. Различима была и чёрная машина Азата. Легко преодолевая ямы и кочки, джип торопился укрыться в лесу.

Кащей приготовил чай, добавив в него из плоской бутылки немного красноватой жидкости...

— Эсмиральда? — не то спросил, не то констатировал Кащей. — Чья ты дочь?

— Калахи.

— А-а... Того нового «вождя»! — из Кащея посыпался мелкий горошек хохота. Но глаза его не смеялись.

После чая лицо Эсмиральды покраснелось, душа и тело наполнились необъяснимым блаженством. И Кащей вдруг стал красивым, как принц из сказки. Девушка не заметила, как оказалась в его объятиях.

— Ты не здесь, а в Испании должна жить, — ласкал её слух жаркий шёпот Кащея.

Почему девушка должна жить в Испании, он и сам не смог бы объяснить в эту минуту. Может, потому, что имя у неё подходящее?

Азат довёз девушек до чёрного столба, что стоит на въезде в деревню. Колокол в этот раз промолчал...

11

Та ночь была тёмная, хоть глаз выколи. Тётка Матрёна подошла к углу комнаты, посмотрела на скудный иконостас и, несколько раз перекрестившись, потушила свет. Надо ложиться. Она прекрасно знает, что не сможет заснуть, но что поделаться-то. В последние годы замучила бессонница. Не успела старушка расправить кровать, как затарахтел у соседа Сашки «Беларусь», разрывая тишину бархатной летней ночи. Тётка Матрёна с интересом уставилась в окно — куда его понесло в эту пору? Вскоре к дому Сашки подъехал ещё один трактор — конечно, это Вадик с дальнего конца деревни. Видать, водки им не хватило, в район поедут, там, говорят, магазин работает круглосуточно.

Как же устала от Сашки тётка Матрёна! Если собрать все деньги, которые он занял у неё, то можно новый трактор купить, наверное. Интересно, а почему они на двух тракторах собрались ехать? Пошиковать любят? Видать, шабашка у них была, подчумарили у кого-то. Два «Беларуса» затарахтели, как поняла Матрёна, к повороту на Кукуй. Чего им там делать, райцентр-то совсем в другой стороне?

Часа через три-четыре тракторы вернулись. Матрёна так и не уснула. Сашка уверенно остановил свой трактор и бодро соскочил на землю. В другие-то разы он вываливался из кабины бесчувственным кулём. Странно, но Вадик не стал задерживаться, как обычно, у приятеля, а отправился напрямую домой.

Сильно удивилась Матрёна увиденному. Покачала головой, поохала, да вскоре и забыла. На следующий день ближе к обеду она отправилась за хлебом в магазин и на полпути повстречалась с Пелагеей. Та поджидала её, опершись на палку, и всем своим видом выказывала нетерпение.

— Ты слышала, — выпалила Пелагея, забыв о приветствии, — ночью покосы Низами потравили. Вся пшеница чёрная от химикатов.

— Вот беда... — Матрёна хлопнула себя по тощей ляжке.

— Беда... — кисло сморщилась Пелагея. — Допрыгались. А то ходили, носы задрав.

Вот тут и вспомнилось тётке Матрёне ночное путешествие односельчан.

— Замолчи, старая карга, — осадил она Пелагею и, развернувшись, поспешила домой. Не раздеваясь, рухнула на кровать. Сердце её кололи тысячи иголок. Поднявший руку на поле спелой пшеницы — это не человек, это нелюдь, исчадие ада. Если узнают, кто это сотворил, двух недоумков на куски разорвут ведь. И правильно сделают.

Да только не в пропитых мозгах Сашки и Вадика родилась эта идея. Их наняли. Всем известно, кто посягает на покосы Низами. Спаси и сохрани рабу свою, Господи. «Никого не видела, ничего не слышала», — истово шептала смертельно перепуганная старушка, сжавшись в калачик.

Что за времена настали, а? Как можно уничтожить целое поле спелой пшеницы?! Конец света приближается, похоже, конец света...

12

Дон-дон... Дон-дон... Дон-н-н...

13

Глядя на простирающееся до горизонта чёрное поле, мужчины застыли в оцепенении. Женщины молча всхлипывали.

И это ведь в тот момент, когда колосья налились спелым золотом... Они ведь и семена закупили в Чувашии после того, как «бычки» Кашея выскребли подчистую их запасы. И что им теперь делать? Как дальше жить? Ох и коварный, оказывается, вражина, как красиво говорил, как гладил по шерстке да мягко стелил, и как неожиданно врезал под колено, проклятый.

Калахи в отчаянии помял колосок. Нет уж, пропало так пропало. Он выглядел сильно изнурённым, взгляд его поплёк, глаза провалились. Ему казалось, что все смотрят на него с упрёком, все его обвиняют: «Мы выбрали тебя руководителем, в воздух подкидывали, а ты? Ни на что не способным оказался, не оправдал наших надежд». Понятно, что никто ему такого не сказал. Даже Кипяток-Наиль не стал цепляться. Никто не ожидал, что враг окажется способным на такую подлость.

Ни слова не проронил Калахи. Развернулся и пошагал домой. За ним, прихрамывая и семена, увязался Дудут. И всю дорогу недовольно бормотал под нос.

— Ысбулычи, а? Как их Аллах до сих пор не покарал? Почему у них руки-ноги не отсохли? Мерзавцы.

— Не гунди!

Когда дошли до места, Калахи задержал Дудута.

— Ты мне нужен. Пойдём-ка.

Зайдя во двор, он напрямую пошёл в сарай. Корова, прекратив жевать, обернулась к хозяину. Входя в хлев, Калахи первым делом гладил свою любимицу по шее, поэтому корова привычно задрала голову.

— Туганай, — произнёс Калахи, и голос его осёкся. — Вот и пришло время расставаться.

Дудут не понимал, что происходит, но спросить всё же решился:

— Что ты собираешься делать?

Калахи взял висевшие в углу вожжи и завязал вокруг рогов бурёнки. После этого повернулся к Дудуту:

— Принеси-ка из клетушки аркан. Нож тоже где-то там.

Дудут уже обо всём догадался, быстро сбежал и принёс аркан. Протянул нож. Ни словом не нарушил тягостную тишину. Он знал, что спорить и переубеждать Калахи бесполезно. Калахи спрятал ножик подмышкой.

Корову вывели под навес. Она, похоже, тоже обо всём догадалась, из глаз, промывая в ворсинках дорожку, покатались слёзы, рогами она тихонько боднула Калахи в бок. Дудут проворно опутал ноги коровы в несколько кругов арканом. Одного резкого рывка за конец аркана должно хватить для того, чтобы корова завалилась на землю. Она и не противилась.

— Давай! — крикнул Калахи.

Дудут дёрнул за аркан, корова всем грузным телом шлёпнулась на землю. Калахи, левой рукой придавив её голову к земле, занёс нож.

— Туганай! Прости и прощай... — выдавил он, сглатывая застрявший ком плача. — Бисмилла...

Нож с одного замаха глубоко разрезал коровью шею, Калахи поднял полные страдания глаза и посмотрел на кроваво-красный горизонт. «Туганай-й», — сорвалось с его губ сдавленное рыдание.

— Завтра поеду в райцентр, может, и до Казани доберусь, — сказал он Дудуту, когда с разделкой туши было покончено. — Немного мяса возьму в дорогу. Едоки найдутся. Остальное раздашь желающим в деревне.

В райцентре Калахи зашёл в прокуратуру. Заявление у него приняли, но следователь с пышными чёрными усами и хитрым огоньком в узких глазах будто бы незначай обронил:

— Зря вы сюда пришли, абзый. Я осведомлён о вашей проблеме. К нам поступило заявление от заведующего агрофермой Ахсанова. Он вас обвиняет.

— Что? — Калахи шатнуло и потянуло назад от неожиданности.

— Он пишет, что вы неправильно выбрали концентрацию яда от сорняков. Кто у вас агроном?

Калахи рассмеялся с безудержностью сумасшедшего.

— Чепуха. Мы не в состоянии закупать такие дорогие химикаты. В кассе ни копейки денег.

— Проверим.

— Значит, ни искать виноватых, ни наказывать их вы не собираетесь.

— Не беспокойтесь, виновных мы отыщем в ближайшее время, — улынулся следователь.

— А не хотите прямо сейчас проехать на поле? Тогда вы точно найдёте тех, кто распырил яд. Следы от тракторных колёс там повсюду.

— Ты, агай, не учи нас, как преступление расследовать! Своё дело знай, возвращайся в деревню и продолжай коровье вымя чесать.

Поняв, что спорить бесполезно (неровён час, ещё самого закроют), Калахи решил убраться подобру-поздорову. Что ж теперь делать-то? С кем посоветоваться? Осталась ли на белом свете добрая душа, которая помогла бы несчастному селянину? А если в Казань поехать? Может, там ему повезёт больше, его выслушают и помогут, во всяком случае, стращать и угрожать не станут, не должны. Он завёл машину и отправился в столицу. Благо ехать недалеко, к вечеру обернётся, решил Калахи.

В Казань можно было и не соваться, как оказалось. В какие только кабинеты он ни стучался, всюду натёкся на одно и то же.

— Контра! — колотил кулаком по столу один начальник. — Ты слушал речь Президента? Только крупные инвесторы способны спасти сельское хозяйство республики. Валенок ты! Вредитель! Почему вы противитесь, а? Вы же молитесь на него должны! За то, что он ваше хозяйство в Холдинг забирает.

— Они хлебное поле химикатами пожгли.

— Они же пожгли, не вы, чего тебе-то волноваться. — Он, состроив брезгливую мину, взял заявление Калахи и порвал на мелкие куски. — По-доброму тебе говорю, не ходи... Лапти свои пожалей.

— Мне же перед народом ответ держать.

— Народ! Стадо баранов твой народ, понял?! Объясни им ситуацию, язык у тебя для чего? А не можешь объяснить, сиди дома. Целее будешь.

Да разве так просто остановишь разгневанного, объётого жаждой мести человека? Калахи ещё походил по кабинетам, стучался он и в двери различных редакций. Когда выехал в обратный путь, уже смеркалось. Возле райцентра одна чёрная машина стала прижимать автомобиль Калахи к обочине. Остановились.

— Ты чего это, козёл, дорогу не уступаешь? — парень кавказской внешности, один из выскочивших из чёрного авто, ударил Калахи в живот.

— Земли тебе не хватает? — тот, что со шрамом на щеке, схватил Калахи за подбородок. — Так давай завалим тебя землёй!

Что было дальше, Калахи не помнит, очнулся он в районной больнице. Единственное, что его беспокоило, когда он пришёл в сознание, где машина?

Долго никто не мог понять, что он хочет. Вдобавок ему выбили все зубы. Нашли его аккуратно напротив больницы, но никакой машины рядом не было. Да и чёрт с ней, с машиной, успокаивал себя Калахи. Главное, жив остался.

Когда автобусы добрались до места, широкая поляна возле излучины реки уже была полна народа. По двум концам поляны воздвигнуты белые шатры, по форме напоминающие юрты. А по центру, очень близко к воде, раскинулся шатёр такой красоты и величия, что трудно было отвести взгляд: в лучах медленно скатывающегося к горизонту солнца он отливал червонным золотом, на заостряющейся кверху крыше трепетал на ветру синий флаг, с полотнища которого озирала округу вышитая золотом волчья голова. Неподалёку — сцена, на которой, сменяя друг друга, поют

казанские знаменитости. Каждый старается завоевать внимание зрителей, но их пока не так много. Народ всё прибывает и прибывает. У края поляны останавливаются, чтобы посадить пассажиров, легковые автомобили и автобусы. На самом видном месте — украшение Сабантуя — борцовский ковёр. Но соревнования начнутся не раньше полуночи.

Бугра проголодался. За обеими юртами дымились костры, из подвешенных над огнём больших казанов дразнил обоняние зреющий плов. Ни с чем не сравнимый аромат шашлыка и запах специй-пряностей настойчиво манили оголодавших гостей к белым шатрам. Бугра сглотнул набежавшую слюну. Но почему-то никого жующего в шатре он не обнаружил. Этот, как его... Рот! Надо его найти. Он же пригласил в гости. Уверенной походкой Бугра направился к Золотому шатру. Но близко к нему подойти не смог. Шатёр круговую оцеплен синей лентой, на всём протяжении которой дежурят высокие крепкие парни.

Бугра попытался было объяснить одному из них, кто он такой, но тот и глазом не повёл.

- Вас пропускать приказа не было, — коротко ответил секьюрити.
- Меня сам хозяин позвал! Я должен пройти к нему!
- Здесь каждого снимает видеокамера. Если должны, меня обязательно известили бы.
- Может, просмотрели меня. Ты скажи им. Я — Бугра.
- Чего?
- Поэт.

Охранник связался по радиации с кем-то из коллег, дежуривших внутри.

- Да поэт какой-то. Бугор, что ли. А-а, Бугра, оказывается. Нет?

Бугра всё понял. В эту секунду из шатра вышел спортивного вида лысый мужчина, а следом за ним — Салават. Они, то и дело срываясь на смех, бурно что-то обсуждали. В облике лысого обнаруживались явные приметы большого начальника, он и смеялся-то как-то вальяжно, с ленцой, зато Салават отрывался на всю катушку, ржал с наслаждением, во весь неслабый голос. Бугра, желая привлечь внимание Салавата, помахал рукой. Они давние приятели. В молодости ух-х... что вытворяли! На мгновение они вроде бы пересеклись взглядами, но Салават повернулся к Бугре спиной. Бугра отругал себя в душе. Идиот! Как был дураком, так им и остался. Зачем нужно было, бросив всё, мчаться сюда по приглашению какого-то Рта? Будь проклята коммунальная служба, перекрывшая воду!

В это мгновение за спиной раздался знакомый голос. Рот!

- Айда, Бугра, отведу тебя в столовую.

Много ли надо человеку для счастья?! Бугра пошагал за Ртом к левому шатру.

- А Золотой шатёр для кого? — поинтересовался он по пути.

- Там элита.

— Да, далеко уйдём мы с такой элитой, — сокрушённо произнёс Бугра. — Элита! Слово-то какое нашли.

- Не завидуй им, — успокоил Рот. — Радуйся тому, что ты с народом.

- А где наши народные поэты?

- Они в Золотом шатре.

Рот завёл Бугру в расставленную за белым шатром просторную брезентовую палатку о четырёх углах. Там наярявали народную песню «Күбәләгем». На вновь вошедших внимания никто не обратил. Бугра посмотрел на зажигалку-гармониста. Ба-а, это же Курамша! Давно, видимо, играет, парик уже лежит на столе. Не прерывая мелодии, гармонист вытирает тёмно-русским париком пот со лба.

*Кубаләгем — түгәрәгем,
Асылкошым — сандугачым...*

И Гельбиря с Назлыгель тоже тут. Гельбиря, увидев Бугру, приветственно поманила рукой и пригласила присоединиться к ним. Бугра прошёл вглубь и сел на стул, тут же к его уху склонился Рот:

— Что будешь пить?

— Пока ничего.

Рот посмотрел на него с безграничным удивлением.

— Хорошо, уговаривать не буду. Сейчас принесут первое.

Настроение у девушек приподнятое. Гельбиря приникла сзади к его плечам.

— Мы тебя потеряли. Ты к Золотому, что ли, пошёл?

Бугра почувствовал, как густая волна краски прихлынула к лицу. Следили за ним, что ли? Назлыгель не удержалась и приснула в кулачок.

— Сказали же, что меня Хозяин позвал на Сабантуй. Я решил, что он там сидит.

— Тебя поджидает! — Гельбиря звонко рассмеялась. — Говорили мне, что все поэты чокнутые, теперь сама убедилась.

Отведав супа — а приготовлен он был изумительно, язык проглотить! — Бугра, сделав равнодушное лицо, спросил:

— Все говорят — Хозяин да Хозяин. Кто хоть он? Может мне кто-нибудь сказать?

— Говорят, он родом из этой деревни, сирота. Рос в большой нужде. С малолетства пас местный скот. Потом зачем-то подался в Сибирь. Работал на нефтепромысле. Во время одной аварии спас начальника от гибели. А в перестройку этот начальник сильно разбогател.

— Олигархом стал, — подключилась к разговору Назлыгель. Нравилось ей это слово, она с таким желанием и наслаждением произнесла его, что даже язычком прищёлкнула в конце.

— Да, нефтяной король. Даже разбогатев, не забыл он сироту, спасшего ему жизнь, женил на своей дочери.

— Ага, и дал половину богатства впридачу, — добавил Бугра. — Сказка.

— Почему половину? Вскоре тестя убили, и всё богатство досталось зятю.

— Да, да, именно так рассказывал друг его детства! — вставила свои пять копеек в копилку сказок Назлыгель.

— Назлыгель! — чувственно произнёс Бугра. — Ты ещё не пела? Я ведь просто с ума схожу, когда слышу твой голос. Давно хотел о тебе написать.

— Правда? — обрадовалась Назлыгель. — Мой выход около одиннадцати.

— Не верь ему, Назлы, — подключилась к разговору Гельбиря. — Он мне то же самое обещал.

— Враки это всё! — Курамша отставил гармонь и залил в жаждущую глотку стопку водки. — В Сибири Хозяин, видите ли, работал. Дурак он вам, что ли, по Сибири шагать? Я давно его знаю. Он в Базарных Матаках, кажется, был председателем райпо. Только имени его сейчас не могу вспомнить. Но точно помню, что водку он не пил.

Они вышли из палатки и обомлели... Вся округа празднично сверкает разноцветными огнями. Поляна озарена даже ярче, чем днём, а темнота, панически отступив, трусливо спряталась в ближайших зарослях. Лес стоит тёмной стеной и — странное ощущение! — притягивает к себе какой-то сказочной тайной, от режущей глаза иллюминации так и хочется скрыться в тёмной прохладе. Хотя, может быть, это только у Бугры возникло такое желание. На майдане несметная толпа сытого народа, теперь все они жаждут зрелищ! А зрелища здесь — на любой вкус. Хочешь — лаской слух выступлениями певцов, хочешь — восхищаясь зажигательными танцами, если же-

лаешь, можешь и подтанцовывать, а различным соревнованиям счёту нет. Вон на мотоциклах прыгают с трамплина. Кто выше всех взлетит? И не просто выше, а кто более сложные трюки покажет во время прыжка: тут тебе и полёт с отпущенным рулём, одной рукой придерживаясь за ручку сиденья, и всякие головокружительные пируэты из репертуара конной эквилибристики.

На центральной площадке идёт подготовка к турниру по борьбе. Сами соревнования начнутся только за полночь.

Бугра едва успел вернуться, мимо него пробежало с десяток человек. Кто они? На головах шлемы, в казакиных и просторных, развевающихся на бегу шароварах, саблями размахивают, у некоторых есть и копыя. Им навстречу выбежала ещё одна группа. Кто с кем сражается? Бугра заинтересованно остановился. Ага, они воссоздают какую-то историческую битву. Чуть было не опрокинувшая Бугру группа штурмует каменную крепость. То и дело раздаётся громогласное «Ура!», кто-то выкрикнул: «Ногайцы, вперёд!» С противоположной стороны доносится клич: «За Каза-а-ань!»

Ага, теперь понятно, ногайцы пытаются штурмом взять Казань. Когда было такое сражение, Бугра так и не вспомнил. В те времена ногайцы, сядившиеся в седло раньше, чем начинали ходить, никогда не воевали пешими. Но это было давно. И вроде они были союзниками казанского хана. Хотя всё в истории относительно. Времена нынче другие. Где сейчас ногайцы? Кто может дать опровержение? То-то... Мы народ толерантный, не русских же изображать штурмующими Казань... «Сражение» было недолгим, казанские быстренько раскидали кочевников. Оставшегося на поле боя «ногайца» увезла скорая помощь. Несчастному нечаянно заехали в голову булавой.

Но Бугре из истории известно: эти «ногайцы» рано или поздно Казань возьмут...

Неожиданно кто-то взял его под ручку. Оказалось, Назлыгель.

— Вам и вправду нравится, как я пою? — спросила она и в ожидании ответа посмотрела на него с детским укором.

Бугре в этот раз почему-то не хотелось обманывать. Он впервые видит эту девушку, и песен её, скорее всего, не слышал. На сцене сейчас сотни девушек пытаются добиться признания. Их голоса при всём старании отличить невозможно. Разве что красотой они покорят. Красота — это отдельное искусство. Правда, недолговременное. А что в этом мире вечно? Попытка оставить вечный след в искусстве — сама по себе ненормальна.

— Не говори мне «вы»... Я ведь один такой, единственный и неповторимый! — перевёл Бугра разговор в другое русло.

— Как-то неловко... С первого дня... — ответила девушка. Искренне рассмеялась. — Ну хорошо, на «ты» так на «ты». Я тоже люблю, чтобы всё было просто.

— Ты из какой деревни?

— Что, похожа на деревенскую? Нет, я казанская. И мои родители коренные казанцы.

— Это хорошо. Но казанские девушки, как правило, стремятся уехать в Москву.

— Хи, кто нас там ждёт-то? Знаешь, наверное, в чьих руках московская эстрада.

Бугре бы спросить, какие она песни поёт, но он предпочёл держать язык за зубами, раз уж сказал, что ему нравится, то должен и репертуар знать!

Он ограничился лишь общей фразой:

— Ай-яй, и здесь тоже конкуренция. А скачек, видимо, не будет.

— Так темно же. Лошади покалечиться могут. Здесь автомобили гоняются, — ответила Назлыгель. — Автодром на том берегу реки.

— Пошли?

— Не знаю, успеем ли. Через полтора часа наш концерт начнётся.

Молодым малоизвестным исполнителям выделили площадку на краю майдана. Хотя и на удалении, но сцена просторная, достойная того, чтобы на ней отличилась новая «звезда». А пока там выступал специалист по гипнозу.

— Мы с тобой даже согрешить успеем, и не раз, — Бугра притянул девушку за талию. — Пойдём, что ли, посмотрим? Я ни разу не видел живую автокросс.

Два берега соединял арочный мост с чугунными перилами на витиеватых литых балясинах. На воде аттракционы: туда-сюда снуют маленькие моторные лодки, прыгают, делают кульбиты, поднимая высокие волны, мчатся дальше. Народу на воде много: непонятно, как только умудряются не сталкиваться и не тонуть. А там ведь в основном молодые ребята. Через некоторое время все катерки куда-то исчезли, на поверхности воды появилась... подводная лодка! Вот неспешно открылся люк, оттуда показался упитанный мужчина.

Назлыгель ахнула и выдохнула: «Сахаби!» Её пальцы от длительного сжимания перил, казалось, побелели. Большеглазый мужчина с оттенком благородства в облике поправил бабочку на шее. Кто это? Что он делает под водой? Ответы нашлись сразу же, как только он запел своим густым бархатным баритоном:

Ох, как же далеки мы друг от друга,
За тридевять земель приехал я к тебе.

15

Сирай только поставил точку в разгромной статье о председателе одного из сельских хозяйств Мензелинского района, как в его дверь постучали. В редакции к этому часу уже никого не должно бы остаться. Сираю тоже никого не хотелось видеть, у него, судя по всему, давление поднялось, голова трещала, глаза чуть не вылезали из орбит. Бывалый журналист всегда писал с уверенностью в собственной правоте, и всякий раз ему приходилось тратить немало сил, чтобы в очередной раз раскритиковать кого-либо в хвост и в гриву, в пух и прах. Это ж какие нервы надо иметь! В последнее время Сирай сильно сдал. А тут опять в дверь стучат. Сирай был на сто процентов уверен — это очередной сельский недоумок пожаловал, сейчас войдёт и начнёт плакаться о своей трудной, несправедливой доле. Надо будет устроить разнос вахтёрше, а то впускает всех подряд. Радует одно, сейчас этот недотёпа подарит ему тему для новой злой статьи. Само по себе это, конечно, хорошо, но, товарищи, надо бы и меру знать! Нервы-то у Сирая не стальные, порой даже стальные тросы рвутся. Он тоже человек, ему пора домой возвращаться, где его ждут не дождутся жена и трое детей. Можно ведь было, как в цивилизованных странах делается, заранее позвонить, договориться о встрече. Сирай любит бороться против несправедливости, он сделал эту борьбу своей профессией, вся его жизнь по самую маковку наполнена этой борьбой, но... человеку нужно ведь когда-то и отдыхать.

В дверь продолжали настойчиво стучать.

— Ну заходи, раз пришёл!

Вошедший, увидев упёршегося локтями в стол корреспондента, кулаки которого «утонули» в глазницах, на секунду пожалел о том, что оказался по эту сторону двери. Лысеющая акула пера показалась ему усталой и измождённой. Похоже, у этого человека не осталось никакой радости в жизни, сидит здесь, лишь бы конца смены дождался. И зубы у него осыпаться начали. А кому нужна беззубая акула, кто её бояться-то будет?

— Ну, абзый, рассказывай, — устало прошамкала акула, указывая гостю на стул.

— От безысходности пришёл я, нигде не желают выслушать меня, — начал тот свой рассказ.

— А ты кто?

— Э-э... Я из Кукуя. Недавно меня выбрали председателем хозяйства. А самого хозяйства-то и нету. Разграбили, присвоили.

— Знаю я Кукуй. Вы же вроде не лыком шиты, злые да отчаянные?

— Наша злость, браток, только между своими родится. По-татарски.

— Это мы можем. — Сирай понимал, какая безысходность заставила этого «ходака» оказаться здесь. И о том, что Холдинг «отжал» хозяйство в Кукуе, он был немало наслышан.

— Как вас зовут, абзый?

— В округе меня знают как Калахи. А вообще-то я...

— Ну, и кто вас обидел?

— Да проклятый Холдинг. Пилораму и мельницу закрыли и опечатали. Всех лошадей из конюшни к себе угнали. Остались одни коровы, и те, думаю, до поры до времени. Все амбары почистили до зёрнышка, технику тоже забрали. Мы и после всего этого не сдавались. Но вчера...

— Чтобы так огульно грабить, нужна какая-нибудь отговорка.

— Они составили протокол с поддельными подписями! Мол, мы на общем сходе решили передать наше хозяйство в управление Холдингу. — Калахи уже рассказывает обо всём без запинки, повторяя одно и то же в разных кабинетах, наизусть запомнил историю «прихватизации».

Сирай ожил, в глазах появился лихорадочный блеск. Да, это была вопиющая несправедливость. Он, потирая ладони, принялся расхаживать по кабинету из угла в угол. Здесь есть за что побороться! Если не будешь дураком и не упустишь такую возможность... Сам Аллах послал ему эту тему, чтобы он развернулся по-настоящему. Классовая борьба бессмертна! Сражение за справедливость приносит некоторым борцам истинное наслаждение...

— Вчера на тракторах они потравили покосы Низами. Четыреста гектаров! Всё поле чёрное.

— Иди ты... — Даже много повидавший на своём веку Сирай, имеющий о людях не очень-то высокое мнение, не хотел верить услышанному.

— Что нам делать, а? Что делать? До самого горизонта протянулась эта чернота. Вот ты грамотный, скажи, кто эти люди? Откуда они взялись, каким молоком их вскормили? Бешеной волчицы, что ли?

Сираю не хотелось отвечать на эти вопросы. Да и не нужны никому его ответы, он лишь ограничился своим любимым выражением: «Они такие».

— Абзый, как там тебя, до сегодняшнего дня, в смысле, до отравления химикатами поля вы же не плевали в потолок, что-то предпринимали, наверное?

Сирай вскочил и начал быстрыми шагами мерить кабинет. Жгучая боль от нарастающей чёрной ненависти терзала его сердце.

Калахи с гримасой недовольства и отчаяния махнул рукой.

— Куда только мы ни писали, в какие только ведомства ни обращались. Даже до Москвы дошли. Отовсюду нам приходили отписки.

— Значит, стена, говоришь, впереди? — Сирай усмехнулся. — Не бойся, она гнилая.

Калахи его не понял. Станным оказался этот журналист, только что чуть живой сидел, а сейчас, глянь, как катается по кабинету, в него словно воздух вкачали.

Большой живот стал упругим и даже угрожающе-воинственным — похоже, Сирай любит вкусно покушать.

— В другие редакции обращались?

— Заходил в молодёжную газету. Сказали, что она популярная.

— Выдохлась она! — Сирай снова сел на своё место. — Была популярной, когда я там работал. Весь татарский люд читал её с большим интересом.

— Я там у одного парня был. Крупный такой, лицо злое. А сам трусом оказался.

— А, Бугра! — Сирай надменно усмехнулся. — Он же не журналист. Пишет, бедолага, какие-то стишки. Ему что — бычок помер, значит, с мясом будем, телега развалилась — с дровами. Кто сейчас читает стихи, абзый? Кому они нужны в наш дикий, хищный век? Кто будет разглядывать следы жуков на листе?

— Про вашу газету говорят, что она очень смелая. — Калахи в эту минуту было явно не до жуков и тем более не до их следов на листе. — Ты же Сирай?

Сирай удовлетворённо улыбнулся. Знают! И не удивительно, в Татарстане нет второго такого бойкого, смелого и умелого журналиста. А если он сумеет помочь этому деревенскому недотёпе, вот уж Кашею кровушки попортит! А хозяину газеты заявит: «Вот так нужно поднимать тиражи, товарищ!» Тот повозмущается, конечно, покипит остротки ради. Любовь народа за так не приходит. А потом, глядишь, и в депутаты можно будет выдвинуться от какого-нибудь района, в Госсовет пролезть.

— Давайте бумаги! — решительно приказал он Калахи. — Копии у вас есть?

— У меня уже целый сундук этих бумаг, — Калахи достал из школьного портфеля пачку документов.

— Договорились, абзый! Завтра же поеду к вам в деревню. Сперва, конечно же, заскочу к главе района и в следственное управление. Ты куда сейчас поедешь?

— К себе в деревню.

— Ну пошли, мне тоже пора домой возвращаться.

Они вышли из здания, Сирай завёл выдавшую виды красную «Ниву» и уехал.

«А машина-то у него ничуть не лучше моей, — подумал Калахи. — Не знаю, получится ли что-нибудь у такого оборванца». Но второй внутренний голос подавил эти сомнения: «Ездит на развалюхе, потому что честный. В наше время только у честных людей можно искать поддержки».

16

Ножками не потопашешь — губками не почмокаешь. Сирай рано утром отправился в Кукуй. Главу района на месте он не застал, секретарша, малосимпатичная женщина преклонного возраста с будто бы приклеенными к черепу жиденькими волосами, сказала, что начальство выехало в Казань. Видимо, жена главы очень ревнива, подумал Сирай, иначе не стал бы он добровольно держать подле себя такую блёклую тётку. Обычно секретарши у начальников такого уровня — писанные красавицы.

И в следственном управлении с ним не захотели общаться.

— Расследуем, — отмахнулся от него начальник отдела в звании майора. — Это дело на особом контроле. Больше ничего сказать вам не могу.

В Кукуе Сирай не смог отыскать Калахи. Тот, оказывается, из Казани ещё не возвращался.

А дочка-то его — красавица, чертовски хороша! На отца ни капли не похожа. Видимо, не выспалась она, под глазами тёмные круги. Когда Сирай зашёл в дом, она ещё только-только проснулась, вышла ему навстречу в ночнушке, растрёпанная, правая щека красная от подложенной под голову ладошки.

- И трубку не берёт, — сказала дочка. — Даже не знаю, что и думать.
- Я — Сирай. Слышала о таком?
- Это тот, который пишет всякую дребедень в «Классную газету»? Знаю!
- Сейчас попробую угадать твоё имя, — сказал Сирай. — Альбина?
- Нет, — рассмеялась девушка.
- Лилия?
- Да нет же...
- Неужели Ангелина?
- Так зовут мою подружку. А я Эсмиральда.
- Ого!
- Мама так назвала.
- А где она? Папу пошла искать?
- Нет её. Умерла.

Ага, смекнул Сирай. Значит, девушка дома одна. Жаль, времени на разговоры нет. Погоня за двумя зайцами ни к чему хорошему не приводит.

— Ты мне можешь ещё понадобится, — как можно более солидным тоном произнёс Сирай. — Давай-ка я запишу твой телефон.

— Когда вы вошли, у меня сердце в пятки ушло. Испугалась, как бы с отцом чего плохого не случилось.

— Страх — лучшая диета для красавиц! — пошутил Сирай.

Он слегка приобнял покрасневшую девушку:

— Не переживай, скоро вернётся он. У каких-нибудь родственников заночевал, наверное, в Казани.

— У нас родни в столице нет.

— Вернётся, вот увидишь, — сказал Сирай, распахивая дверь во двор. — А ты, красавица, приходи сегодня ночью... в мои сны, договорились?

Девушка от души рассмеялась. Сирай отправился в соседнюю Митрофановку. Одна из нитей преступления должна вести туда, решил он. Тракторы на поле не из соседней республики же пригнали.

Когда он, минуя чёрное поле, въехал в Митрофановку, приближалось время обеда. Возле небольшого домика, спрятавшегося за вишнёвым кустарником недалеко от Дома культуры, на скамейке сидела старушка. Сирай остановил машину.

— Добрый день, бабуля, — поприветствовал старушку Сирай.

— День добрый, — пробубнила она в ответ, приставив заскорузлую ладонь ко лбу и разглядывая неожиданно возникшего мужчину. По смуглому круглому лицу, по короткой мощной шее, по широким плечам она догадалась, кто перед ней.

— Татарин?

— Да, а что?

— Мин татарча белям. Здесь же неподалёку татарский аул — Кукуй.

— Да, у них беда. Слышали, наверное?

— Какой-то следователь был уже. Расспрашивал. А вы кто?

— Журналист, — Сирай сел рядом со старухой.

Бабка нервным движением заправила под платок седую с зеленоватым отливом прядь.

— Нет мочи молчать. Ироды... Мы с кукуевскими жили душа в душу... А эти?

— Продолжайте, пожалуйста.

— Да плохо сплю. Да что уж говорить. Совсем не сплю. Позавчера это было. Не сплю, значит, смотрю в окошко. Дак уже одиннадцать пробило. Стемнело. Слышу — трактора в поле пошли. По звуку определила: «Белорусы» это были. Зачем ночью-то

пошли? Словно тати... Да, поди, пьяные пошаршились. Я так и не уснула. Вернулись они в три ночи, а на утресь — батюшки ты мои, слышала я, что поля, покосы Низами, всё зелёно было — черным-черно занялось.

Старуха замолчала. Палкой несколько раз ударила о землю. Тяжело вздохнула. Лоб её покрылся крупными каплями пота. Вот одна из них потихоньку покатилась и повисла на кончике носа. Старуха этого не заметила. Она, похоже, и о Сирае-то уже забыла.

— За всю мою жисть такого не бывало, — вышла наконец из оцепенения старушка. — В войну пшеницу серпом жали. За нами следом шёл бригадир, — лицо Матрёны озарила счастливая улыбка. Она весело хохотнула, будто вспомнила что-то интересное. — Салимом звали. О-ой строгий был. Но справедливый. И красивый, хотя руку оставил на фронте. Найдёт оставленный колосок и зачнёт зёрнышки считать. Насчитает десять и давай отчитывать: «Если по всей стране будут оставлять по колоску, это сколь же тонн зерна выйдет?» Людей сажали за колоски в тюрьму. Уполномоченный из района мою кумушку Марию арестовал. Пропала там, бежняжка.

Сирай не перебивал старушку. За многолетнюю журналистскую практику он уже научился слушать пожилых. Тут без воспоминаний не обойтись. Это первый признак старости. Ничего не поделаешь. Человек начинает жить прошлым. О том, что ел на завтрак, он вряд ли вспомнит, но какой-нибудь эпизод из детства выложит перед тобой во всех подробностях.

Старушка снова тяжело вздохнула, палкой опять покарябала землю.

— Неужели всё это сойдёт? — спросила она с неподдельным удивлением. Конечно, ни ответ, ни слова поддержки ей были не нужны. — Кто на тракторе был, все знают. Сашка с Вадиком, окаянные. А вот кто их посылал? Эдак и всех нас можно враз уморить.

«Да, хорошо организовали, — подумал Сирай. — Потравить поле специально наняли русских из соседнего села. Теперь осталось дожидаться войны между соседями. Даже простая старушка догадалась, откуда ноги растут. И кукуйские, понятное дело, не простаки, соображают, откуда ветер дует. С двумя пьяными трактористами не стану связываться».

Словно подытоживая его мысли, старуха сказала:

— Они ведь на это поле, знашь, как идут? — Сирай, догадавшись, о ком говорит старуха, согласно кивнул. — Как немцы ...

Сирай встал. Не зная, куда приложить руки, отряхнул брюки.

— Спасибо.

— Матрёной меня зовут. Если что — Шуранова.

— Да-да, очень приятно.

— Вот так, мил человек. Нам-то уже пора. Итак задержались. Вам жить. Уж и не знаю, как будете жить-то...

Мирно спавшего в обнимку с женой Сирая разбудил ночной звонок.

— У тебя машина есть? — раздался на том конце гнусавый голос.

— Есть, — ответил не до конца очнувшийся от сна Сирай. — А вы...

— А сейчас её нет, — рассмеялся невидимый собеседник. — Выгляни в окно.

За окном бушевало пламя.

Очумевший от услышанного Сирай подслеповато шагнул в сторону окна.

— А у тебя ведь ещё и дети есть, — долбил по мозгам голос из телефона. — Трое, кажется?

Сирай со всей злости грохнул телефон об пол. Подошёл к окну. Припаркованная напротив дома «Нива» была объята огнём.

17

Долго провалялся в больнице Калахи, сильно его покалечили. Рёбра сломаны, зубы выбиты, сотрясение мозга, опять же. Ещё месяц он отлёживался дома, прежде чем начал потихоньку выходить во двор. Он и раньше-то не отличался покладистостью и терпением, а после больницы его характер стал ещё хуже: беспричинно заводился, в гневе выкатывал глаза, начинал заикаться. Временами, особенно в пасмурные дни, его мучили сильные головные боли. Будто внутри черепашки ходила строем рота барабанщиков. Но это ещё полбеды — он надломился и духовно. Потерял вкус к жизни. Понял всю её бессмысленность. Он оказался не в своём времени. И чего же эти люди не стукнули посильнее по его голове... Не знал бы он всех этих бед и издевательств. Но нет, этим чертям не нужен твой достойный уход, они сначала спугают тебя по рукам и ногам чёрными ремнями позора, все соки из тебя выжмут, будут медленно и хладнокровно убивать тебя заживо, посмеются над тем, как ты трепыхаешься, словно муха в паутине, и лишь после этого, с лихвой ощутив своё величие, прикончат.

Пока он лежал в больнице, управляющим снова выбрали Ильнура. Он извинился перед односельчанами и пообещал, что будет вести непримиримую борьбу с Холдингом. Ой ли? Ильнур ведь хитроват, у него каждый шаг просчитан до мелочей. Сoglасится ли он добровольно лезть в петлю? Чтобы пойти на заведомо проигрышное дело, нужно обладать безумной отвагой.

Пока беременная дочка беззастенчиво рысачила по деревне, убитый горем Калахи, уйдя с головой в проблемы, не выходил со двора, не хотел ни с кем встречаться, ему казалось, что каждый будет тыкать в него пальцем и насмеяться. Только Дудут изредка навещал его.

- Ты не сердись, — сказал он однажды, выдержав долгую паузу.
- Не буду.
- Слышал новость?
- Нет.
- У Эсмиральды есть подружка, дочка Чапыра. Англина, что ли?
- Да.
- Что за имена пошли. Язык сломать можно.

Снова воцарилась долгая пауза. Старый пёс Дудут верен себе, выдаёт новость в час по чайной ложке, испытывает собеседника на прочность. Калахи привстал и потёр затёкшие суставы:

- Ну и?
- Так вот, эта Англина тоже забеременела. Родители вовремя спохватились. Ты же знаешь Чапыра, отстегал плетью дочурку, как берёзовую чурку, но своего добился. Заставил сознаться, кто обрюхатил. Завфермой в Митрофановке знаешь? Не раз приезжал в Кукуй на чёрной машине. Он оказался, сукин сын. Чапыр тут же отвёз дочку в больницу. Избавились от выродка-то.

Дудут снова замолчал. Калахи тоже не проявлял инициативы. Зачем нужна ему беспутная дочка Чапыра... У него своих проблем по горло.

- И твоя дочка, говорю...
- А?
- Они же вдвоём с Англиной были.

— А?! Да ты что? — Калахи почувствовал, как кровь стремительно прибывает в голову.

— Нет. В лес-то он только дочку Чапыра увёл.

— Ну и?

Дудут отошёл подальше. Мало ли что. Калахи теперь контуженный, всякого можно ожидать. Кулачище-то у него до сих пор свинцом налит.

— Твоя дочка вместе с Кашеем в небеса поднялась. Он же на небе живёт. Там и ест, там и пьёт... и прочее...

Калахи не смог сдержать подкатившего к горлу крика, завыл на весь двор:

— Убью-ю-у-у!

Дудут поспешил домой. Освободить душу лучше наедине. Он хорошо знал, что Калахи вспыльчивый, но отходчивый. С виду грозный — так проще жить! — а под маской прячется человек тонкий, мягкий и ранимый. Он не из тех, кто поднимает руку на собственное дитя.

— Постой!

С протянутой к калитке рукой Дудут застыл как вкопанный.

— Ты откуда... узнал об этом?

— На каждый роток не накинешь платок. Болтают.

— А почему ты раньше...

— Да я сам недавно узнал. Сейчас-то чего уж... Ничего уже не сделаешь. Пузо уже на метр торчит. А может, ещё...

— Нет.

— Думаешь?

— Обманул он чистую, непорочную девушку. И меня, и весь аул опозорил. Нарочно.

— Ну ты загнул...

— Что может путного родиться от гнилого семени?..

— Родная кровь-то. Глядишь, и не бросит на произвол судьбы.

— Нет. Без его помощи обойдёмся. Не хочу, чтобы ещё одним подонком больше стало.

— Так-то оно так. Но алименты не помешали бы, а? Сейчас же родство по слюне определяют.

— Сгинь! Не бреди мне душу всякой чепухой. Борода уже седая у тебя, а всё никак не угомонишься, пора бы и умом разжиться.

— Ты же ничему не веришь, — обиделся Дудут. — Не знаю, как дальше жить будешь.

— Не нужны мне его алименты!

Калитка закрылась.

18

Калитка закрылась!

19

Дома плакал ребёнок, дочка, с шумом выпуская струю пара из утюга, что-то гладила. Калахи осторожно стал раскачивать люльку.

— Куда собралась?

— Странный ты человек, папа, — не отрываясь от работы, ответила дочка.

- Не пойдёшь!
- Я и так целыми днями в четырёх стенах. Схожу, развеюсь немного.
- Ребёнка с собой возьмёшь?
- Зачем? Ты же дома...

Калахи вышел в кухню.

Когда через некоторое время он вернулся в комнату, дочка уже успела одеться, накраситься и, нетерпеливо пританцовывая, словно скаковая лошадь в стартовом коридоре, рылась в ящиках.

- Что ищешь?
- Да так...
- Я же сказал тебе, не ходи. На твоём месте...
- У тебя своё место, у меня — своё, — кипятилась дочь.

— Ребёнка со мной не оставляй! — отрезал Калахи. Как ни старался, не сумел он скрыть неприязнь к внуку. Малышка вроде бы, невинное дитя, и прекрасно осознаёт Калахи, что отвергать таких — грех, но ничего не может поделать. Кажется, что из качалки пучит оловянные глаза и надувает бледные щёки сам Кашей. Ну не лежит у него душа к этому ребёнку, хоть ты тресни!

— Так и не полюбил ты мою кровинку, — продолжала нападки на отца Эсмиральда. — Для чего ты вообще нужен, если даже с ребёнком не можешь посидеть? До пенсии ещё далеко, а работать, как все, тебе здоровье не позволяет.

- Что?

Поняв, что сболтнула лишнее, Эсмиральда понизила голос:

— Ну ладно, не хочешь сидеть, не сиди. Я с соседской бабушкой договорилась. Она присмотрит.

— Сделать сумела, сумей и присматривать. Это что за дела, бросает и уходит, бросает и уходит...

Эх, Калахи! Разве ты не знаешь, что споры с женщиной добром не кончатся? Ты же прекрасно понимаешь, что она, пока своего не добьётся, не остановится. Сейчас — тот самый случай. Эсмиральда наседала всё сильнее.

— Неудачник! Знаю, прекрасно знаю, что мы для тебя лишние рты. Глаза твои яростью налиты.

— Остановись!

— Не остановлюсь! — Эсмиральда внезапно смолкла и усмехнулась. — Да, себя не обманешь. Скоро я уеду. Прозябать в этой несчастной деревне не хочу.

— Чего? Кто ждёт тебя с таким приданым...

— Мир не без добрых людей, не пропаду.

— Ерунда это всё.

— Да кто у тебя спрашивает разрешения-то? Захочу — поеду, не захочу...

— Что ты несёшь? Я же твой отец...

— А вот и нет. Ты мне не отец!

Такого Калахи не ожидал, он даже не знал, что ответить, несколько раз хватанув ртом воздух, опустил на стул. В это время Эсмиральда достала из комода какое-то письмо.

— Вот... Мама перед смертью написала. Из Душанбе.

— А?

— Ты её бил. Узнав, что я не твоя дочь, чуть не убил её. Она еле спаслась. Убежала из деревни в чём была. Оставив меня. Перед смертью она просила у меня прощения.

— Умерла... — Калахи не был готов к подобным потрясениям, на несколько мгновений он впал в ступор.

— Письмо шло полгода. Я узнавала, мама не умерла, она жива. Я возьму ребёнка и поеду к ней.

— Она обманывает!

— Перед смертью не врут.

— Клевета...

— Нет, она здесь имя настоящего отца написала: Аршак Саркисян! Вот. Нужно будет и его разыскать.

— Ар-р-шак?..

— То-то я смотрю, совсем на тебя не похожа.

— Дочка...

— Не произноси этого слова. Ты его недостойн.

Когда Калахи очнулся и встал с пола, дома уже никого не было. Тяжёлой походкой он вышел за ворота.

По улице бесконечной рекой текут машины, все, похоже, торопятся на ночной сабантуй. Каждый ищет праздника, а для кого-то жизнь — один сплошной праздник.

Однако общая радость не может быть у всех одинаковой. Вон, к примеру, сосед приехал на праздник на более крутой, чем у тебя, машине, и дом у него выше, и дети успешней — и вот уже холодные шупальца зависти сжимают твоё сердце, покой улетучивается, праздник блекнет, о каком наслаждении тут может идти речь?! Жена кажется ведьмой, а все неудачи и проблемы на твою голову разве не из-за неё свалились?

А люди спешат на сабантуй, можно подумать, тем, кто пришёл раньше остальных, бесплатно раздадут счастье в красивой упаковке. Толкотня, визги, шум-гам...

Калахи не было никакого дела до этой суеты. Он вдруг понял, человек — очень жалкое создание. Будь он беден или богат. И что самое интересное — люди не вызывают сострадания, над ними хочется лишь смеяться!

Дудут подждал жену возле машины. Пока женщина соберётся, всю терпелку на нет изведёшь. Увидев Калахи, Дудут пошёл к нему — время скоротать.

— Дочку твою машина увезла. Не этих. Попроще...

Калахи лишь отмахнулся в ответ.

— Ты мне как-то... про Хуачи рассказывал. Нашёлся он?

Лицо Дудута посерьёзнело, черты обладателя некоей тайны проступили на нём.

— Хе... Дурак он, что ли, найтись! Портал это, я же сказал тебе, портал! Вернётся лет через пятьсот. Вот послушай-ка, что я вчера узнал. В одной деревне, кажется, в Сугыте, мужик пошёл в баню. Один. Домашние час прождали его, два часа... Потом пошли посмотреть, а его там нет. Пропал, и никаких следов не осталось. Через год возвращается: потный, морда красная, на плече мокрое полотенце, — Дудут от души рассмеялся. — А жена за это время то ли таджика, то ли азера в дом привела.

— А где же он был всё это время?

— Во временной омут угодил, бедолага. Один час целый год длился.

Калахи сдавленно прикрикнул:

— Ладно, иди, куда шёл. Несёшь тут всякую чепуху...

Плечи Дудута подпрыгнули от недоумения.

— Ты же сам спросил.

В это время и жена нарисовалась. Подняв клубы пыли, они рванули на сабантуй.

— Испортился наш Калахи, — сокрушённо произнёс Дудут. — Пропал парень. На наших глазах пропал. — Выпрямившись в кресле, он вытянул шею и покачал головой: дескать, я-то не пропал, хватка ещё сильна, супруга упруга, машина резва, на душе — праздник, в деревне — ночной сабантуй, всем сабантуям сабантуй!

Когда сумерки совсем сгустились, Калахи с топором наперевес отправился в дубовую рощу близ Тимерчака.

20

А на том берегу реки спортивные машины, истошно завывая и толкая друг друга, подняв огромное облако пыли, рванули со старта. Проекторы освещали майдан не хуже солнца. Но в некоторых закутках кромешный мрак всё равно потихоньку ворочался и сокрушённо вздыхал. Рёв машин, азартные крики болельщиков, звуки зурны, перекрывающий всё и вся голос комментатора, пытающегося донести до народа суть происходящего, сливались в жуткую какофонию. У этого столпотворения есть какая-то подстрекающая сила, людьми овладевает одуряющий стадный инстинкт, которому невольно поддаются все присутствующие.

— Скоро мой выход, — Назлыгель коснулась плеча Бугры.

— А? Да-да. Пойдём.

На главной сцене по очереди «отрывались» артисты, а одна русская баба, яростно притопывая, завела знакомую песню:

Тала, тала, тала, тала,

Тала минем белягым.

Нигэ тала, нигэ яна

Икян минем юрегым.

Назлыгель замерла в восхищении:

— Это же сама Бабкина!

— А чего ты удивляешься-то? — усмехнулся Бугра. — Помаши деньгами перед носом, она и на сухих спойёт. Если бы ты узнала, сколько заплатили москвичам, сердечко твоё горько защемило бы.

Они решили срезать путь до сцены, на которой предстояло выступить Назлыгель. Проекторы сюда не доставали. Назлыгель прильнула к Бугре. Бугра сильнее при-тянул её за талию. Девушка смущённо хихикнула, но не отстранилась.

В эту секунду словно из-под земли рядом с ними возник человеческий силуэт. В расстёгнутой до пупа рубашке, в коротеньких брючках, он время от времени покачи-вался из стороны в сторону — похоже, от сильного опьянения.

— Мужик! — подал силуэт голос. — Отдай девку мне. Она тебе всё равно ни к чему.

— Шёл бы ты своей дорогой, земляк.

— Ты же импотент! Отдай девку!

— Не связывайся с ним, пойдём отсюда, — вмешалась Назлыгель.

Однако Бугра счёл бегство унижительным. Не хотелось показаться трусом в глазах девушки, он остановился:

— Эй ты! Попридержи язык за зубами.

— Ха-ха-ха. Что, правда глаза колет?

— Бугра, миленький, не связывайся с ним, — умоляюще попросила Назлыгель. — Пойдём, иначе я опоздаю.

— Беги. Я догоню тебя. — Он осторожно подтолкнул колеблющуюся девушку, а сам направился в сторону назойливого незнакомца.

Назлыгель никуда не побежала, немного отступив в сторону, стала ждать, чем закончится эта заварушка.

Незнакомец оказался хлипким подростком. Подойдя поближе, Бугра рассмотрел его маленькое прыщавое личико, которое легко могло утонуть в ладони, и остано-вился.

Подросток вытащил из кармана перочинный ножик и истошно заверещал:

— Не подходи! Не подходи, убью!

Нет, не от водки пьян этот юноша. Похоже, что от наркотиков одурел. Один удар в лоб и... Однако бдительности терять не следует, какой никакой, а ножик у него в руке. Если развернуться и уйти, он ведь всё равно не отстанет. Ну ладно... Бугра сделал обманный шаг влево и правым кулаком засадил подростку аккурат в шейную артерию. Тот молча рухнул в траву. Похоже, до Бугры кто-то уже успел разок-другой опрокинуть юнца на землю.

— А ты, оказывается, очень смелый, — сказала Назлыгель. — Я думала, умру от страха.

— Да и я испугался, — искренне ответил Бугра. — Не верь тому, кто говорит — я никого не боюсь.

— Ты не выдал испуга.

— В этом-то весь секрет, — Бугра рассмеялся.

— Ты умный, — проникновенно произнесла девушка. Они уже успели дойти до сцены. Концерт начался, пузатый парнишка в блестящем костюме пел, наслаждаясь собственным голосом:

Приходи, сказал, ты не пришла,

Не узнала, как мои дела.

А ведь я тебя люблю, люблю

Я скучаю без тебя, не сплю.

*Приходи, хочу, чтоб ты пришла,
И узнала, как мои дела.*

Следом на сцену выкатился такой же пузатый круглолицый коротышка с кривыми ногами и головой, плотно ввинченной в плечи. Братья они, что ли? Или специально подбирают таких? Бугра, разозлившись непонятно на что, собрался было уходить, развернулся и увидел, что на него смотрит широко улыбающийся Рот!

— Ну как, поднимается национальный дух? — поинтересовался тот. — Сумели же!

Ну что ответить на такое? Разве что, рассыпаясь в благодарностях, низко склонить голову.

— Проголодался?

Бугра, горько усмехнувшись, кивнул в сторону сцены. Там круглолицый воспевал своё босоное детство:

Перекатывая по углям картошку,

Мы росли, катаясь по траве.

Ну разве не так, а? Кто сомневается, может заглянуть любому в рот, оттуда непременно будет торчать картошка. Интересно, какими были татары до того, как из Америки к нам попал картофель? Сейчас и представить-то трудно татарина без картошки. Сегодня картошка — это часть татарского менталитета.

Откуда-то появился Сирай. Как обычно, под ручку с девушкой. Правда, до сих пор он западал на худышек, а эта была кругленькая.

— Эх, картошка! Ах, картошка! Не прожить нам без тебя! Приходи, моя родная, будем есть тебя, любя, — с ходу пропел он. Развернувшись ко Рту, сказал:

— Скажи своему хозяину, пусть посреди майдана поставит памятник картошке, потому что это символ объединения татар.

— Какая хорошая идея! — обрадовался Рот. — Ты как считаешь, Бугра?

— Канут в свой срок в забытьё и «Евгений Онегин», и Пушкин, бессмертна лишь только она, моя дорогая картошка, — процитировал Тукая Бугра.

Пришедшей с Сираем девушке не было никакого дела до картошки, она сходила с ума по артистам, громко хлопала каждому новому певцу, стоило ему лишь ступить на сцену. Вот и сейчас, не в силах сдержать переполнявшей её радости, она, перебив философские рассуждения о картофеле, крикнула:

— Смотрите, сама Иркэ! — и ткнула Сирая в бок.

Сираю тоже нравилась и сама Иркэ, и её песни.

— Да, Иркэ хороша, — хотя в своих статьях об эстраде он беспощадно громил всех исполнителей, никому не делая скидок и уступок.

Рот, перекрывая грохот музыки, прокричал в ухо Бугры:

— Выпить хочешь?

— Нет.

— Болеешь, что ли?

— Мне же стихи читать.

Рот удивлённо покачал головой и улыбнулся.

— Это же только под утро будет. За это время пять раз опьянеть и протрезветь успеешь.

— Не пей, Бугра, не пей. Он... — подключившийся к разговору Сирай кивнул на Рта, — провокатор. Настоящий. Мы вместе учились. Он уже тогда выполнял поручения КГБ.

Рот натянул на лицо улыбку, а сам думал: в шутку перевести, что ли, это обличение? Или разозлиться и обидеться? Он решил обидеться.

— А ты как был балаболом, так балаболом и остался! — Рот смачно сплюнул в сторону и пошёл прочь. — Бугра, если передумаешь, выпить-закусить — в той палатке.

— Раньше КГБ, а теперь богачи! — крикнул ему вслед Сирай.

— Не ори, — осадил его Бугра. — Это одни и те же люди.

— Смотри-ка, смотри! — словно не расслышав слов Бугры, продолжал орать Сирай. Он потянул Бугру за рукав. На противоположном конце майдана на специально освещённую площадку пытался сесть вертолёт. Большая часть зрителей устремила туда. Концерт потерял свою актуальность.

— Путин, что ли? — сказал привставший на цыпочки Бугра, пытаюсь разглядеть того, кто спускался по трапу.

— Да нет. Это Кашей в гости пожаловал.

— Нашли на кого отвлекаться, — обиженно произнесла девушка Сирая. Она нервно поправила причёску.

— Мы, наверное, на его земле стоим сейчас...

— К себе в дом в гости не ходят уж, — сказал Сирай.

Высокого гостя посадили в машину и повезли в Золотой шатёр. Впереди, захлёбываясь сиреной, летел автомобиль ГАИ.

— Давайте послушаем концерт! — Девушка снова вклинилась в разговор мужчин.

— Что тут слушать-то, Эсмиральда?

На сцене из кожи вон лезла, старалась Назлыгель.

— И эта туда же, — сказал Сирай. — Ради чего? Нашла бы лучше себе хорошего парня, приличную работу и жила бы, горя не зная, но нет, мишура же намного привлекательнее.

Назлыгель действительно вызывала жалость, но если начнёшь жалеть девушку, то не стоит близко подходить к ней. Бугра решил уйти отсюда. Он кинул взгляд на часы и предложил:

— Пойдёмте лучше борьбу смотреть. Там всё понятно и справедливо: если силёнок не хватает, то лежать тебе на лопатках.

— И вправду, Эсмишечка, пойдём смотреть борьбу, — Сирай обнял девушку за плечи.

— Нет, — отрезала она. — Там потом воняет.

— Она тоже поёт, что ли? Сцену проглотить готова. — Бугра с насмешкой посмотрел на Сирая. А тот, похоже, ещё чуть-чуть и заглоти наживку. Бугра его знает — у Сирая вся жизнь крутится вокруг женского подола.

Сирай развёл руками, мол, ничего не поделаешь. Тут дела поважнее татарской борьбы.

Бугра в одиночку отправился к борцовскому ковру. Ему не столько борьбу хотелось посмотреть, сколько увидеть породистую овцу, привезённую для победителя аж из самой Голландии. У неё, говорят, шерсть с голубым отливом. Правда, кто-то сказал, что овца наша, татарстанская, просто из Голландии для неё ежедневно привозили сочный фураж. Она и так уже в копеечку обошлась хозяевам, золотое руно, а не призовая овца.

Но дойти до борцовского ковра ему было не суждено. С криками: «Вот он, вот!» к нему приближался тот самый прыщавый юнец-наркоман, которому он недавно засадил в кадкы. Рядом с прыщавым шли два устрашающих размеров молодца. Таких уговорами не остановить. Они реально собираются побить его и, возможно, ногами. Сейчас человека убить, что муху прихлопнуть. Самое правильное — напасть первым. Бугра толчком свалил подростка и накинудся на одного из верзил, резким и точным ударом «пробил» ему печень. Не ожидавший такой прыти парень охнул и завалился

на бок. Боковым зрением Бугра заметил, что к ним бегут ещё двое или трое мужчин. Немедленно нужно убегать, немедленно! До майдана ему не дотянуть, один из бегущих уже отрезал этот путь. Бугра побежал в противоположную сторону — к стоящему чёрной стеной лесу. «Хорошо ещё, водку не пил, — обрадовался он. — Пропал бы». Но успокаиваться рано, сзади слышалось напряжённое дыхание преследователей. Достигнув кромки леса, Бугра сумел оставить подростков далеко позади. Вдруг в один из крайних дубов что-то глухо ударилось, и на землю упал кусок коры. «Из пистолета палат, черти!»

Лес спас Бугру, поглотив в себя.

Долго шёл он. Возвращаться на майдан нельзя. Неожиданно лес стал постепенно светлеть. Между стволов голубоватой змейкой растёкся негустой туман. Тишина холодила сердце. Тишина натянутого лука. Дубовые стволы словно отлиты из стали, железные листья на кончиках ветвей неподвижны, но стоит прикоснуться к ним, и они тонко зазвенят в тишине. Одуревший, абсолютно не понимая, где находится, Бугра вышел на большую поляну. Посреди поляны, раскинув мощную крону, растёт старый дуб. А что там подвешено на нижней ветке? Это же человек! Висельник.

Бугра, выдернув воткнутый в ствол топор, перерубил верёвку. Тело с шумом упало на землю. Кто же это? Сам повесился или помогли? Бугра похлопал его по щекам. Тёплый ещё. Бугра спешно принялся делать массаж сердца и искусственное дыхание. Человек шевельнулся. Чу, он же его знает... Это же Калахи, вошедший однажды к ним в редакцию с окровавленным мешком!

Калахи сел. Зрачки его пришли в норму.

— Мы где?! — спросил он, озираясь по сторонам. — Мы в каком времени?

— Не знаю... — ответил Бугра, вздохнув. — Не знаю.

Только сейчас он понял, как сильно устал. С хрустом потянувшись, Бугра распластался под дубом. Но тут же вскочил, словно ужаленный: на ветвях, превосходя по численности листья, болтались выцветшие тряпочки, ленточки и — что, собственно, и заставило вскочить Бугру — среди них... на одной из ветвей... блеснула глазами лысая кукла!

Похоже, к древнему священному дубу приходят бездетные женщины.

Где-то далеко в небо взмыла огненная ящерка.

Фейерверк!

На поляне продолжался праздник.

Несколько раз сильно гроыхнуло. То ли уже из пушек они там палят, как в День Победы? Калахи озабоченно посмотрел в ту сторону:

— Война началась, что ли?

— Так она и не заканчивалась, — ответил Бугра и погладил Калахи по голове.

*Перевёл с татарского
Наиль ИШМУХАМЕТОВ*

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

УТРОМ НЕБО ПЛАКАЛО, А НОЧЬЮ ВЫПАЛ СНЕГ

Рассказ-притча

*Уже бо и секира при корене древа лежит:
всякое бо древо, еже не творит плода добра,
посекаемо бывает и во огонь вметаемо.*

Евангелие от Матфея 3,10

По городу брёл старик. Желтоватое лицо его замерло в ласковом, горнем покое. Глаза водянисто синели, слезились, словно мироточили, и безмолвно, отрешённо смотрели на город из-под лопнувшего козырька чудом выжившей, тёмно-зелёной с малиновым околышем, казачьей фуражки.

Старик, в церковном приходе дед Егор, вышел из храма, где накануне соборовался, а на заутрене исповедался, причастился святых даров, и ныне светилось иконным ликом его усохшее и костистое лицо. Сунув фуражку под ремень, коим по-старинке перепоясывал рубаху, запахнув чиненное-перечиненное линиялое серое пальто, трижды перекрестился, трижды, касаясь перстом оземь, поклонился крестам да куполам и, прошептав Иисусову молитву увядшими, синеющими губами, малое время посидел на студёной каменной паперти среди убогих. Но не христардничал, как обычно, не просил милостыню, а лишь присел, чтобы после заутрени утихомирилась дрожь в коленях; затем встал, с хрустом разогнул немеющую спину и побрёл, томительно шаркая подошвами порыжевших яловых сапог с морщинами на голенищах. И Бог весть, куда поковылял на истомлённых, сношенных ногах старый казак, в душе коего ещё звучала ангельским эхом просительная ектеня: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшнем Судиши Христове просим...». Уже случалось, убогий старик напрочь забывал халупу, по самые ставни вросшую в землю, где коротал век у сестры бобылки, и лишь чудом подворачивался поводырь, который доводил его до жилья. Нынче никто не подворачивался, и старик брёл неведомо куда, словно в грядущую вечность.

Городище заволочла пепельная мгла; небо, набухшее мороком, тяжело и сумрачно лежало на крышах каменных домов, и лишь призрачно светились в поднебесье купола Крестовоздвиженского храма. Накануне Казанской Божией Матери было тепло и грязно, — перед заутреней моросил дождь. Но старик помнил, что в его казачьей станице, давно уже сгнувшейся, старики судачили: ежели на Казанскую небо плачет, вслед за дождём поспеет снег.

Осеннюю грязь месили сотни сапог и полусапог, озабоченных и суетливых. Ногастая, похожая на болотную цаплю, долговязая девица прыгнула из парикмахерской, сослепу ткнулась в старика, испуганно шарахнулась и оторопела, заглянув в разверстую стылую могилу. Но тут же очнувшись, когтистыми пальцами манерно помахала возле брезгливо сморщенного носа и всунулась в тупорылую заморскую машину. Старик хотел вымолвить ...доброе слово колыхнуло тёплым дыханием запавшие губы... но не успел и теперь виновато глядел вслед машине, обдавшей его вонючим жаром.

Старик брёл по городу; авоськи и баулы испуганно обтекали его. Под стариковское пальто, линиярое, чиненное-перечиненное, поддувал сырой ветер; он же порой зло теребил и вздымал по-младенчески пушистые и насквозь проглядные инистые волосы, обнажая овраги висков, какие бывают у лошадей, когда они падают в изнеможении ...

Осенью сорок первого волочились солдаты, отходя в российскую глуть по грязным и топким разбитым дорогам. Пала в обозе надсаженная лошадь, и молоденький лейтенант, матерками отгоняя жаль, своеручно пристрелил коня; и старик — тогда ещё не мужик и уже не парень — глядел на палую лошадь сквозь слёзную заволочь, ибо рос в казачьей станице при конях и служил в обозе. Потом нагляделся на смерти; и слёзы, пролившись в душу, оледенели, и лишь послевоенные жаркие молитвы растопили лёд, и слёзы пролились в душу тёплым дождём, и любовь, робкая, словно майские травы, взошла в измаянном казачьем сердце.

* * *

По городу волочился выживший из ума облезлый пёс, которого хозяин взашей выпихнул со двора; вначале увёз на городскую свалку, где среди пёстрога людского хлама шатались ...тени из преисподней... тощие одичавшие псы с измождённой сукой — обвисшее, докрасна воспалённое, истерзанное вымя её тащилось по мусорным холмам. Хозяин вышел из чёрной, слепяще сияющей легковушки и надтреснутым прерывистым голосом поманил пса: «Дружок!..», и собака сползла с заднего сиденья, присела подле хозяина, а тот закурил, брезгливо косясь на свалку. «Пристрелить бы...» — вслух подумал хозяин, потом нервно кинул сигарету, растёр сапогом и, хлопнув дверцей, быстро поехал. Пёс, ещё ничего не понимающий, заковылял было следом на остаревших лапах, но тут же, запыхавшись, высунув красный парящий язык, остановился и долго смотрел в ту сторону, где пропала машина с хозяином. Друг не понял убогим собачьим рассудком, отчего хозяин оставил его на свалке, а чтобы не рвать душу горькими думами, поплёлся в город.

Вскоре отошавший, кожа да кости, измученный, лежал у калитки возле богатого подворья, кое сторожил весь свой собачий век. Когда хозяин заметил Дружка, то в сердцах, уже не церемонясь, погнал от калитки, безбожно кляня старую псину-пропастину. Пёс, выстилаясь по земле, ещё полз к хозяину, в котором души не чаял, и даже хотел облизать пыльные сапоги, виновато и заискивающе глядя в остуженные хозяйские глаза. Но хозяин прихватил суковатую палку и отогнал Дружка подальше от калитки, за которой носилась и гремела молодым лаем чёрная немецкая сука.

И пёс понял, что, верно и любовно отслужив собачий век, больше не нужен родным людям; а посему, не чая тёплой похлёбки, мягкой подстилки, хозяйской ласки, поплёлся, не ведая, куда и зачем.

* * *

По Большой улице, прозванной Бродом, тупо и медленно сплошным и грозным потоком, словно в атаку, ползли машины; хищно сверкали нездешней, несвычной пестротой, сыто, но жадно урчали; и колыхался над ними тяжкий угарный гул. Но для старика уже всё стихло, и вместо уличного гула из пепельной миражной бездонности ...из-под церковного купола, с голубых небес... сухим и тёплым ладаном наплывали покойные, ясные звуки и, похожие на далёкий-далёкий перезвон колокольный, грели стариковскую душу.

Такие же небесные звуки хлынули на русских солдат, когда со скрежетом распахнулись ворота немецкого лагеря, — в синюю небесность, словно в церковный купол; и шли они, равнодушные к жизни, — может, не люди, а светлые тени, оставившие плоть позади, где бездымно темнели печи — редкие зубы в провале старческого рта, чёрные и голые деревья на пожарище. И шёл среди теней старик — тогда ещё мужик, но уже присыпанный старческим пеплом...

* * *

Старый пёс... теперь уже бездомный, бродячий... плёлся по городу, припадал на ослабшие хворые лапы и робко, просительно, с вялой надеждой заглядывая в подворотни старгородских одряхлевших усадеб, высмотрел, как, чужеродно выпячиваясь из унылой ветхости, степенно похаживал дог, под гладкой, лоснящейся кожей которого дыбилась, властно играла упругая злая сила.

Ветхому псу привиделось дальнейе, гаснущее в сумраке лет, когда он, молодой и матёрый, но смиренный и заласканный детвой, без клича оборонил хозяина, рискуя в прыжке угодить на зловеще сверкнувший нож. И пёс был счастлив редкой удаче — спас хозяина, выказал собачью преданность; и он бы захлебнулся в предсмертном восторге, если бы, заслонив друга, пал наземь, истекая дымящейся кровью.

Дог насторожённо замер у чёрных тесовых ворот, двускато крытых древним драпнём. А тут из калитки, лёгкая, словно одуванчик, вприпрыжку выбежала светлая девчужка и, хлопая ковыльными ресницами, уставилась на печального старого пса. Потом улыбнулась ...посреди осенней мороси желтовато засветилось летнее солнышко... залепетала, пришепётывая, на детском поговоре, сунула псу надкушенный пряник, и пёс бережно взял угощение, прижал губами, но не сглотил — от удивления, робости и смущения. Девчужка присела на корточки, погладила пса, всё так же лепеча ...шелестели на тихом ветру полевые цветы и травы... и пёс неожиданно улёгся перед ней, положил морду на лапы и блаженно прикрыл слезящиеся усталые глаза.

Долго ли, коротко ли тянулось собачье блаженство, но из калитки торопливо вышла женщина — похоже, мать девчужки, — ярко наряжённая, но раздражённая, и презрительно глянула на пса, потом схватила дочь за руку, прошипела:

— Ты что, хочешь сразу подхватить?! А ну, пошла отсюда, псина!.. помойка ходячая! — замахнулась на пса и ворчливо сказала дочери, — пошли скорей, а то опоздаю из-за тебя...

Подволакивая захныкавшую девчужку, женщина засемила по старой улице, нервно стуча острыми копытами в деревянный тротуар. Тем временем дог, враждебно шурясь, со зловещей неторопливостью, вкрадчиво пошёл на бродячего пса, и тому ничего не оставалось, как уносить лапы от греха подальше...

* * *

Людская река выплеснула старика к торговым рядам, где осиными гнёздами лепились лавки, где торговали нерусским, режущим глаза, а чем — старик, впавший в станичное отрочество, уже давно не разумел древним разумением. И раньше, вглядываясь в небеса, глядел сквозь пёстрые лавки, а ныне и подавно. Хотя вдруг удивлённо замер возле молодой цыганки с чёрными до жгучей синевы, текущими на плечи, густыми волосами, с ночными глазами, в омутной глубине которых вспыхивали искусом и гасли зеленоватые огоньки. Торговка скалила бело-пенистые зубы, потряхивала вольной, полуоткрытой грудью и, весело заманивая покупателей, продавала медные нательные крестики с распятым Христом, что свисали с руки на блестящих цепочках. Парни в толстых, мешковатых штанах мялись подле цыганки, весело и бойко приглашали в ближний трактир. Торговка, играя плечами, постреливала сумеречными глазами, и с губ её, пухлых, вывороченных наружу, не сползала сулящая улыбка. Но когда парни со смехом и гомоном подались прочь, осерчала цыганка плюнула им вслед, замешав плевков на забористом русском мате. Тут же в сердцах набросилась на старика:

— А ты чего здесь торчишь, старый...?! — цыганка ввернула словцо, от коего вянут, словно прибитые инеем, даже крепкие мужичьи уши, и старик, хоть и не обиделся, всё же пошёл от греха. Учужав стылый ветер, нахлобучил древнюю казачью фуражку, кою давно уж теребил в руках.

* * *

Подле «Рюмочной» старик загляделся на тощего белобрысого христарадника, что заунывно играл на гармошке и сипло, слезливо пел в свисающие подковой, дорыжа прокуренные, казачьи усы:

*Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался, расплясался,
Ой, разрезвился подо мной...
Ой, налетели буйны ветры
Да с восточной стороны,
И сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы...
А есаул догадлив был,
Он быстро сон мой отгадал,
Ой, пропадёт, он говорит,
Твоя буйна голова...*

Старик чудом вспомнил: на престольный праздник в память святого мученика Георгия Победоносца батька атаман, бывало, выкатывал бочонок браги, а казачки накрывали столы посередь станичного майдана, и отец, голосистый певень, бывало, певал про буйную головушку. Старик узрел в сизых небесах и мать родимую: притулилась с краю печально поющего застолья; увидел и себя, малого, — оробело жмётся к материнной груди, опасливо косясь на родичей, станичников, дивясь на поющего отца. «Чёрного ворона» выплакивал хмельной отец, бывший белый казак; стонал, обнимая кровного брата, бывшего красного казака, коего чудом не засёк под горо-

дом Читой, когда свершилось святое провиденье: «Предаст же брат брата на смерть, и отец чадо; и восстанут чада на родители и убьют их...».

Пел отец, незряче глядя в заречные поля... слёзы туманили глаза... пел, подперев ладонью бедовую головушку, вороную, ныне до срока усыпанную стылым пеплом:

*Под ракитю зелёной
Русский раненый лежал,
Над ним вился чёрный ворон,
Чуя лакомый кусок...*

*Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой,
Ты добычи не добьёшься,
Я казак ещё живой...*

Окружённые домочадцами и станичниками, братья гуляли в ограде, вольной, просшей зелёной щетиной и цветами желтырями; братья... крутоплечие, приземистые карымы* ... скорбно пели под раскидистой черёмухой, осыпающей белый цвет на столешню, крытую серой льняной скатертью, на которой не красовались, как бывало, щедрые наедки и напитки, но сиротливо ютились печёные картохи, меднобокие караси; лишь сочно зеленели пучки вешней черемши да голубовато мерцала в кринках соковица**. В досельную пору к Егорию тёплому казаки ловили петлями косачей либо глухарей, когда у птиц свадебный ток, а сейчас не до косачей, глухарей; ныне казаки гадали, как выжить после великой порухи, как душу утихомирить после кровавой смуты.

С высокого станового берега Ингоды, где вальяжно раскинулась станица, где на отшибе белел курень отца, виделось, как в долине, изогнутая луком, серебрилась полуденная река, тающая в зеленовато-буром сумраке таёжных хребтов. Братья, на святого Егория Победоносца обрядившись в казачью справу, пристегнув шашки, пели сумрачно, с заведомой тоской вглядываясь в ингодинскую долину, в синеющие заречные хребты; братья чуяли: завтра белого казака отпотчуют свинцом, прислонив к тюремной стенке, послезавтра красного казака расказачат и раскулачат, под конвоем пошлют в Черемховские угольные копи и вместо шашки всучат кайло.

Но се завтра, а ныне — Егорий храбрый, чьим святым имечком и окрестили мало-го; а когда подрос Егорша, дед-сто лет плёл внуку казачью старину: «У Ягория света, храбра, по локоть руки в красной замше, по колено ноги у чистом сярябре, а во лбуто, паря, солнце, во тылу месяц, по косицам звёзды перехожие... А в руськом царстве, Христовом государстве обрятался подле озера Змей Поганый, что поядал дявиц руських. И выпала лихая доля деве подвянечной; взмолилась дева Иисусу Христу и Мати Марии да святым угодничкам, и по вере слятел с нябес Егорий храбрый на белом коне. Ох, и оробел же, паря, Змей Поганый, стал лизать конски копыта, а святой витель заколол яго казачьей пикой. О!.. С досюльных времян, паря, и носится Ягорий Храбрый по бедам — Побядоносец же... Юрию ...он же Ягорий будеть... дадяны ключи от неба и земли, и святой атаман отпирает небо, даёт волю солнцу, а звёздам силу. Так от, Ягорша... Ягорий вешний землю отмыкат, рысит по лясам на белом коне,

* Карымы — русские, чернявые, помешанные с тунгусами или бурятами.

** Соковица — берёзовый сок.

зверьми повелеват. Что у волка в зубах, то Ягорий дал... Ягорий Храбрый и от волков скот обьяргал».

Вспомнились старику отроческие потехи-утехи: перед выгоном скота на вольный выпас Егорша шатался с казачатами по куреням и под шергунцы*, трензели**, бубны и барабанки распевал «Батюшку Егория»: «Мы ранёшенько вставали, /Белы лица умывали,/Полотенцем утирали,/В поле ходили,/Крясты становили,/Крясты становили,/Ягорья вопили:/«Батюшка Ягорий,/Спаси нашу скотинку,/Всю животинку,/В поле и за полем,/В лясу и за лесом./Волку, медведю,/Всякому зверю—/Пень да колода,/На раменье дорога./Тётушка Анфисья,/Скоре пробудися,/В кичку нарядися,/Пониже окрутися,/Подай нам по яичку,/Подай по другому./Первое яичко —/Ягорию на свечку,/Другое яичко —/Нам за труды/За ягорьевские./Мы ходили, хлопотали,/Трое лаптей изодрали...» Хозяева выносили мзду: яичек, пирожков и шанюшек, и с поклоном подавали казачатам, а уж казачат шукали матери: куда огольцы-сорванцы уметелили?.. опять пошли кусочничать, побируши-помируши.

А юнцом Егорша, прости, Господи, грешного, подсмотрел на рассвете Юрьева дня: станичные девы убрели за поскотину и на елани*** средь березняка и осинника умывались утренней росой, а иные, озорные, дерзкие, нагими валялись на росной траве, дабы стать пригожими, словно утренняя зорька, чистыми, словно юрьева роса. А на особицу парни ...сueверы, прости им, Боже Милостивый... купались в росе с надеждой быть здоровыми и сильными, яко юрьева роса.

В престольную заутреню семейство усердно молилось в белоснежной Георгиевской церкви, где красные безбожники грозились, сбив кресты, открыть клуб и читальню. После божественной литургии возле иконы святого мученика Георгия Победоносца, кою возложили на аналой, батюшка отслужил молебен покровителю русских воителей: «О всехвальный, святой великомучениче и чудотворче Георгие! Умоли Человеколюбца Бога, скорый помощниче всех призывающих тя, да не осудит нас, грешных, по беззаконием нашим, но да сотворит с нами по воле Своей милости и подаст православному Отечеству нашему и всему боголюбивому воинству на супостаты одоление; да укрепит государство Российское непременимым миром и благословением; изряднее же да оградит нас святых Ангел Своих ополчением, во еже избавитися нам, по исходе нашем из жития сего, от козней лукаваго и тяжких воздушных мытарств его, и неосужденным предстати престолу Господа славы. Аминь». Слушая попа, казаки мучительно гадали: какое воинство славит батюшка, красное иль белое? У красных верховодят жиды-христопродавцы; белые предали царя-батюшку, помазанника Божия, вынудив отречься от престола, и воевали не за Бога, царя и Отечество, а за республику, да и в сговоре с чужеземцами, что зорили Русь, губили народ русский. Эх, куда ни кинь, кругом клин...

Выйдя из храма, казаки подали милостыню христарадникам, особо слепому, вопиящему: «Во святой зямле, православной, /Нарождается жаланное детишо /У той ли премудрая Софии;/И нарякает она по имени/Свое то детишо Гяорггий, /По прозванью Храброй./«Соизволь, родима матушка/Осударыня, прямудрая София,/Ехать мне ко зямле светло-Русской/Утверждать веры христианские»./И даёт яму родимая

* Шергунцы (шаркунцы, шеркунцы) — бубенцы, издающие глухой звон, прикреплённые на ошейнике к лошади, иногда ошейник крепился к самому хомуту.

** Трензель — удила, состоящие из грызла и двух колец, за которые трензель крепят к щёчным ремням уздечки; создан для того, чтобы упростить управление лошастью.

*** Елань — лесной луг.

матушка,/Она ли осударыня премудрая София,/Своё благословение вяликое./При-
 мает он, /Гяоргий Храброй,/Ту землю светло-Русскую/Под свой вялик покров,/ Ут-
 верждает веру крещеную/По всей земле светло-Русской...»

После богомолья колокола гулко и звонко славили Бога в небесах, и семей-
 ство прошло по широкому майдану, где на Егория вешнего ныне, как испокон
 казачьего века, пестрела ярмарка: торговали шерстью, кожами, сёдлами, сбруями
 и хомутами. Отец посудачил с казаками: де, что нынх сулит Юрьев день?.. На Руси
 два Егория: зимний холодный и вешний голодный, а в лихолетье, когда погибелью
 и разором, словно кровавым ливнем, окатила Забайкалье война, и вовсе хочь зубы
 на полку. Да и рысит ныне Егорий на белом коне — не сошёл снег с полей, жди
 неурожай, вот ежели бы на вороном скакал... Да и не пала ночная роса; а бывало,
 на Егория роса — добрые проса и не треба коням овса. Егорий-вешний отпирает
 росу, а посема мужики и казаки выгнали коров на выпас до солнца, пока не со-
 шла Юрьевна роса; старики толковали: мол, удоистые будут коровёнки, и хворь
 не страшна.

Слышались старику далёкие-далёкие казачьи голоса:

— Сена-то, паря, хватат? До Николы дотянешь? Браво ж накосил...

— Кого, паря, браво?! — казак досадливо чешет затылок, сдвинув фуражку. — Тру-
 ха осталась... Снег путём ня сошёл, на голуя пажить скота выгнал ...

— Копытят... — усмехается в смолистую бороду домовитый казак. — Верно господа
 старики баяли: сена достаёт у дурня до Юрья, а у разумного до Николы... А ярицу-то
 посеял? Говорят же: сей, пока чяремуха цветёт.

— Не-е, паря, рано. Студёная земля, не отошла. Ночью — заморозки...

— Оно и ладно. Старики же толковали: в ночь на Ягорья пал мороз — хлеба жди
 воз, и под кустом овёс.

— Ага, жди... Сявец не уродит, коли Бог ня зародит

Старик вспомнил: до престольного застолья братья по древлеказачьему чину са-
 жали его, трёхлетнего, на гнедого коня. Вроде, в казаки верстали... Накануне мать из
 старенькой тёмно-зелёной юбчонки скроила и сшила гимнастёрку, на далембовые
 шаровары нашла жёлтые лампасы, отец смастерил жёлтые погонилки, а дед ста лет
 смастерил деревянную сабельку. Об одном малый горевал, сапоги не справили, в сы-
 ромятных ичижонках сажали на коня.

Мать, синеокая, дородная, по случаю праздника в радужном семейском* сарафане,
 в цветастой кичке, вышла с Егоршей на резное высокое крыльцо и сквозь слёзную
 мглу оглядела людный двор. Отец, белый казак, держал под уздцы осёдланного гне-
 дого коня, а Егоршин крёстный, красный казак, принял малого из материнских рук,
 подкинул к сизым небесам, занялось детское сердчишко, словно на троицкой качели,
 и отпустило, когда малый очутился в седле. Ухватившись за луку седла, глянул в даль
 с птичьей вышины, и глаза обмерли в диве: далеко и вольно отпахнулась казачья
 вольница: причудливо извивалась в зеленеющей долине серебристо голубая Ингода,
 синели далёкие таёжные хребты, и небо в перистых облаках, где кружился одинокий
 коршун, казалось близким, рукой подать. В заокольном березняке кукушка куковала,
 Егорше век отмеряла. А над серебристой драновой крышей сновали ласточки, — со
 дня на день вешний гром загремит.

Станичники — родичи отца и матери, — придерживали и коня, и малыша. Крёст-
 ный напялил на малого свою тёмно-зелёную фурагу с жёлтым околышем, но фурага
 сползла малому на нос. И тут дед ста лет, махонький, седенький, хлопнул себя в лоб:
 «Совсем, паря-девка, из памяти выбился. Дырява память...» Посеменил в курень, от-

* Семейские — староверы Забайкалья.

куда торжественно вынес белую мерлушковую папаху с малиновым верхом, самолично сшитую как раз Егорше по голове. Подал крёстному папаху, когда тот выстриг у малого клок волос и вручил матери, чтобы утаила на божнице.

По доброму-то, как встарь чинилось посаженье чада на коня, надо бы с благословения батюшки обвести лошадь вокруг храма, да чтоб батюшка отчитал молитву святому Егорию, небесному заступнику казачонка. Но... вьюжными ветрами налетело лихолетье, и нынешняя власть ...христопродавцы... не жалуется казачество.

Станичники присматривали: схватится за гриву — долго пуля не возьмёт, шашка не смахнёт, а захнычет, повалится с коня — рано быть убиту. Егорша и не повалился, и за гриву не уцепился, отчего дед-сто лет вздохнул горестно: «Не казак растёт...», но промолчал.

* * *

Город сошёл с ума, обратился в сплошную барахолку, прозванную «шанхайка», где назойливо, крикливо, лукаво торговали азиаты и китайцы; повально кинулись продавать и перепродавать турецкое, китайское барахло и русские, словно им негде работать, словно умолкли фабрично-заводские гудки, а в губернских полях вросли в землю ржавые тракторы и комбайны.

Старик постоял возле широкой деревенской бабы, торгующей картошкой, маркошкой, свёклой, капустой; и опять дивом дивным узрел станицу детства и отрочества, хотел было перемолвиться с бабонькой: дескать, утром небо плакало, а ночью Господь зимушку пошлёт. Но та испуганно отпрянула от старика и осенила лоб незримым крестом, — почудилось жёнке, что дохнула на неё холодная пустоглазая смерть, которая нынче пошла бродить по городу. Но бабонька тут же и спохватилась, сунулась под прилавок и выудила творожную деревенскую шаньгу, затем, подумав, прибавила к ней брусничную. Гостинец, прозываемый в деревне подорожником, уложила в пакет, а коль старик стал отказываться от угощения, то и сунула ему в широкий полуоторванный карман пальто. Старик поклонился бабе и, перекрестив её, прошептал: «Милость Божия, Покров Богородицы, молитвы святых тебе, добрая душа...»

В торговых рядах гремела и билась в припадке шалая музыка, а уж на каком говоре пели, старик не разумел. Лишь горечью окатило фронтную душу, когда в безумии звуков отчётливо прозвучало: «А на тебе, как на войне, а на войне, как на тебе...» Раньше одичалая музыка напоминала старику лай и рычание озверевшей, кровожадной своры собак, что сопровождали пленных русских солдат и рвались с поводков, дабы растерзать полуживых людей. Но сейчас старик не слышал магнитофонного рыка и лая; глухим нимбом обволакивали его бездумные, пахнущие ладаном и могильным покоем, небесные звуки.

По городу брёл старик, седой, измождённый, и когда ветер распахивал пальто, изветшавшее, словно прострелянное, грубо, внахлёт зачинённое, то взблескивала фронтная медаль на жёваном отверстии древнего пиджака, одетого поверх исподней рубахи.

Неожиданно старик свернул в сумрачную арку; утомлённо припал к грубо отёсанной каменной стене, и острые щербины впились в щеку, поросшую реденьким седым волосом. Старик оглядел арку, похожую на могильный склеп, и на глаза ему попался перевёрнутый вверх дном решётчатый ящик из-под вина, — видимо, кто-то здесь уже переводил сморенный дух. Старик присел на ящик, откинулся к стене и прикрыл глаза тонкими, в синей паутине, дрожащими веками. Бог весть, долго ли тянулось

обморочное забытьё, но неожиданно старик ощутил, что к рукам его, безжизненно опавшим на колени, к холодному лицу прикоснулось ласковое, тёплое, влажное, до сладостной боли родное, приплывшее в город из далёкого ингодинского малолетства. И опять увиделось дальше, словно солнечный луг явился в предснежном сумрачном небе...

Средь высоких лиственей, позолоченная утренней зарёй, кондово рубленая церковь ...от купола тёплый желтоватый свет... и стриженный большеголовый парнишонка бежит ромашковым лугом наперегонки с дворовым псом мимо пасущихся коров и копей. Летит малый, не чуя ног, плещется в мираже, словно в струях речных, сверкающих на солнце серебристой чешуёй; а за рекой сенокосные луга, лебяжий березняк и зоревый сосняк, где, разложив на сером рядне некорыстные харчи, поджидает его мать, высматривает отец, прислонив литовку к сенокосному шалашу, укрывшись от солнца лопатистой чёрствой ладонью...

Ещё боясь поверить, боясь спугнуть оживающее видение, старик не открывал глаза, вытягивал наслаждение, потом медленно отпахнул веки и по-детски солнечно улыбнулся — рядом посиживал такой же ветхий, как и он, осиротевший пёс, облизавший ему лицо и руки. Младенчески беззубая и бездумная улыбка тронула синеющие стариковские губы ...закатный солнечный луч согрел восковое лицо старика... и, как бывало в детстве, старик неспешно и протяжно погладил пса, почесал за ушами, виляющими словно лопухи. «Ну, что, дружок, осиротел?..Горе мыкаешь, горемышный. Голодный, поди...»

Вдруг вспомнилось далёкое, забайкальское: казак, знатный охотник в станице, обозлился на собаку — мало чуху и нюху, всю охоту пустила — и решил утопить в реке ...отчего пожалел десять граммов свинца, старик забыл... и выплыл казак на стрежень Ингоды-реки, привязал к собачьему ошейнику камень да и кинул в багровую закатную рябь; но камень слетел ...видно, в спешке худо обмотал бичевой... и пёс тут же подплыл к лодке; тогда осерчалый, психованный казак ...истрепал нервы на германской войне... навернул собаку веслом, замахнулся другой раз, но не удержался и бухнулся в воду; и утонул бы ...худо мужик плавал ... но пёс, ухватив хозяина за руку, подчалил к берегу. Так гутарили казаки; почём купили, потом и продали...

Старик обнял бродячего пса за шею и вспомнил о подорожниках, что сунула в карман сердобольная деревенская баба; вспомнив, тут же и достал творожную шаньгу и протянул псу. «Кормись, дружок...» Пёс, подивившись, что старик ведаёт его кличку, бережно взял гостинец в зубы и, положив на землю, уставился на старика вопрошающим, слезливым взглядом. Старик опять обнял бродягу за шею и, как в станичном малолетстве, прижался лицом к лохматой морде и, блаженно укрыв глаза, снова впал в забытьё.

Разбудил его посвистывающий шёпот, откуда вырывался ломкий куражливый басок. Старик очнулся, вошёл в житейскую память и, кажется, догадался, что рядом целуются молодые. Они возились близко, за углом; слышно было: умолял и клялся парень, тяжело и порывисто дышала подруга... Не ведая зачем, старик поднялся с ящика, пошёл к молодым на одеревенелых ногах и стал молча смотреть влажно синеющими из потаённой глубины удивлёнными глазами.

Молодые полусидели-полулежали на широкой садовой скамейке, ради греха и втиснутой промеж каменной стены и густых зарослей одичалой сирени. Прямо на земле, устланной жухлыми листьями, усыпанной сигаретными окурками и клочья-

ми бумаги, торчали пивные банки. Молодые оторопели, словно явилось бледное, бескровное видение из тоскливого замогильного мира; потом девушка зябко передрнула крутыми плечами и, оттолкнув парня, села прямо, натянула юбку на голые колени. Парень, синеглазый, бритоголовый, закурил сигарету и досадливо, выжидающе уставился на старика. А тот, каясь и виноватясь, вдруг ясно и живо увидел сына, убиенного в Афганистане, давно оплаканного и отпетого... Старик подошёл к парню ближе и, вроде погладить по плечу, потянулся ладонью, высохшей, мелко и часто вздрагивающей. Девушка испуганно качнулась, парень же оглядел пришельца от войлочных ботинок до седой головы студёным острым взглядом, затем процедил сквозь желтеющие фиксы:

— Топай, топай, батя!.. Здесь не подают.

То ли не расслышав, то ли не вняв просьбе, старик ещё стоял с протянутой рукой и негаснущей улыбкой, и вдруг парень виновато опустил глаза, развёл руками:

— Прости, батя, ничё нету. Иди с Богом.

И старик, сопровождаемый бродячим псом, пошёл из глухого каменного двора, заросшего голой тоскливой сиренью. В стариковских глазах светились слёзы.

Когда, обессиливши, осел на заледенелую землю и, обняв Дружка, забылся, то привиделась заснеженная, вьюжная степь, по которой, извиваясь мрачной и жалкой рекой, растянувшись на много вёрст, бредёт отступающая армия, и он, молоденький солдат, за несколько месяцев постаревший на десять лет, волочится, угибая лицо от пронизывающего ветра. Потом вдруг оттепело, и, словно с небес, увидел он себя, малого, в белой посконной рубахе чуть не до пят, бегущего среди светящихся росных трав и цветов, бегущего прямо к утаённой в тумане реке, из которой выплывает румяноликое солнце. Впереди несётся дворовый пёс... А у реки парнишку поджидают мать с отцом, чтобы, спихнув утлую лодчонку, уплыть к сенокосным лугам...

К вечеру чёрное небо глухо прижало город к земле, и всю ночь до рассвета тихо и густо валил снег, и город, утопая в сугробах, вымер. Лишь слышался в торговых рядах сиплый собачий вой... Там, между двумя железными ларьками, пожилая дворничиха нашла старика, которого набожная баба всякое воскресенье видела на церковной паперти Крестовоздвиженской церкви, подавая милостыню Христа ради. Покойник, обряженный снежным саваном, глядел в небо; на восковых губах инеем застыла мольба мытаря «Боже, милостив буди мне грешному»... Рядом со стариком сидел пёс, при виде живой души переставший выть.

Дворничиха, вдосталь хлебнувшая лиха на вдовьем веку, не испугалась покойника; лишь вздохнула и, сквозь заснеженный город слезливо глядя в свои печали, подумала вслух:

— Слава те Господи, прибрал Бог убогого... — дворничиха отмашисто перекрестилась на восток, перекрестила и старика. — Господи, упокой душа раба Божия... — баба не ведала старикова имени. — Прими его во Царствии своём и прости ему пригрешения вольные и невольные... Отмучился, бедоладжый. Опять же сказать, и нынешняя собачья жись — помирай ложись. Дак лучше от греха... — баба не осмелилась предложить, словно ангел упреждающе шепнул в душу, что не она, дворничиха, жизнью ведаёт, а сам Господь Бог, и грех ей вольничать, беса тешить, подманивая пустоглазую. — Опять же, крути, не крути, а надо померти... Боже Милостивый, прости мя, дуру грешную...

Дворничиха пала на колени перед стариком и, бережно опустив веки на незрячие глаза, поцеловала в ледяной лоб. Тяжко поднявшись, шумно вздохнула, глянула на старика, белого, как лунь, лежащего на голубовато белом утреннем снегу ...правая рука на груди, персты сложены словно для крестного знамения, и вдруг ...приблизилось ли, померещилось старой бабе... старик медленно открыл синеватые ласковые глаза, и до костей иссохшая, восковая рука вдруг осенила вдову крестом. Дворничиха оторопела, испугано шарахнулась, суетливо и мелко закрестилась:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

Миновала оторопь, баба присмотрелась к бездыханному, покачала головой в диве: наблазнится же, и опять перекрестилась, прошептав Иисусову молитву.

АЛЕКСАНДР КРАМЕР

МОРЕ ВОЗНИКЛО ВНЕЗАПНО

Короткие рассказы

СТРЕЛКА

Дядя Вася трудился на крошечном полустанке стрелочником, и жил он, как и положено стрелочнику, в маленьком домике вблизи железной дороги. Подле домика у него сараюшка стояла со всякими запчастями и причиндалами, которые для ухода за стрелкой положены, а в домике жена его обреталась, Анастасия Никитична, необходимая крайне для ухода за самим дядей Васей. Ещё жили там куры, гуси и утки, но они в курятнике находились, к сараюшке прилепленном, и к делу стрелочному никакого отношения не имели, а держали их просто для пропитания и разнообразия унылой стрелочной жизни; находилась вся эта живность в ведении Анастасии Никитичны, а дядю Васю она, пока, конечно, живьём по двору бегала, ну нисколько не занимала.

И было безлюдно вокруг того дома и безрадостно, а самым близким местом, где когда-нибудь душу живую повстречать удавалось, являлось деревенское кладбище. Вот.

Но дядя Вася одиночеством таким особенно не тяготился, притом ведь и Анастасия Никитична, а привык он давным-давно к этому своему положению, это во-первых, а во-вторых, ничего ему такого от людей не надобно было, чтобы он сучал по ним сильно.

И всё бы совершенно прекрасно, да только детей у дяди Васи и Анастасии Никитичны не было и не намечалось, и от этого сокрушение в домике часто гостило и отношения между нестарыми ещё супругами сильно портило. Ну, так каждая живая душа к обстоятельствам своей жизни, даже и горестным, привыкает, однако. Вот и дядя Вася с Анастасией Никитичной к своим обстоятельствам тоже привыкли и даже смирились, но время от времени налетала на супругов такая кручина-тоска, что начиналась меж ними, иногда из-за ерунды совершенной, а иногда даже и ерунда была им без надобности, холодная битва; до горячего же сражения, то есть до рукоприкладства, с обеих сторон до времени дело не доходило и дальше слов всяких, да швыряния тяжёлых и лёгких предметов не шло. Но время такое, по всяким отличительным свойствам, находилось не за горами, и сами они, а особенно дядя Вася, беду эту чуяли. Вот.

Да, так однажды... Из-за живности это вышло. Курятник старый совсем уже стал и начал маленько разваливаться. Вот Анастасия Никитична, что ни день, и грызла супруга нещадно: да когда ж в тебе, трутне, совесть проснётся, да поставь, бездельник ты этакой, какой-никакой другой, да чтоб у тебя, ледащего, руки отсохли. Тер-

пел дядя Вася такую пилитьню, терпел, да как-то раз и не вынес, кинулся на Анастасию Никитичну с кулаками и прибил её, сильно довольно-таки. И так он прибил её сильно, что слегла она, горемыка, и он её травами всякими отмачивал и отпаивал. А после до того ему стыдно стало, что клятвенно он ей и себе обещал никогда больше в ход кулаки не пускать и, надо сказать, что в дальнейшем слово своё держал крепко. Вот.

Только гудок в паровозе не единственно для сигнальных надобностей изобретён, сами знаете. И завёл себе по той же причине дядя Вася привычку престранную: только чувствовал он, что сварка к черте подошла, и что паром его вот-вот напрочь с нарезки сорвёт, уносился он во весь дух — в чём был в тот момент, ни на какую погоду не глядя — к ни в чём не повинной стрелке и переводил её, куда не положено. Потом летел назад сломя голову и, гремя кулаками по столу, ревел благим матом, что через язык окаянной бабы душ безвинных погибнет немерено, а сам он себя после этого порешит смертью лютою. Вот.

В самый первый раз, увидав такую историю, Анастасия Никитична бухнулась мужу под ноги, орала не своим голосом и просила его о прощении, а пуще всего молила, чтоб не брал он грех на душу, пощадил и себя, и души невинные.

В общем, сменил тогда чудной, прости Господи, стрелочник, гнев на милость; побежали оба, как скаженные, к стрелке, и дядя Вася её, куда надо, опять переустановил. А потом они, после жутких таких переживаний, кинулись друг к дружке в объятия, и тотчас затеялся у них пир горой, и пили они горькую за счастливое избавление душ невинных от смерти лютой, безвременной.

Так у них и повелось: дядя Вася, удила закусив, несётся стрелку переводить, за ним Анастасия Никитична мчит, в ноги падает, а потом у них примирение полное и дальше пир горой. Вот.

Долго ли, коротко ли так продолжалось — не знаю, а только дознались люди добрые про ту катавасию и, по обычаю, стукнули. Ну, только стукнули, как началось моментально дознание. Но только дознание то ничего не дало, разумеется. Дядя Вася по всем статьям отпирался, да и Анастасия Никитична супруга своего не сдавала, держалась, как надо. Комиссия всё ж таки от греха решила держаться подальше; отыскали у дяди Васи какое-то там расстройство нервное и, на случай всякий, с работы турнули. Пусть ещё скажет спасибо, что подлые-то времена миновали, а то б загремел в места не столь отдалённые — и пикнуть бы не успел. Ну, окрестных сёл жители языки почесали маленько да про стрелочника с женой и забыли, тем более новый стрелочник появился, и народу про новую личность-то куда интереснее разговаривалось. Вот.

А дядя Вася перебрался с супругой в места дальние, устроился сторожем на сахарный склад и стали они с Анастасией Никитичной дальше жить. Только и тоска на новое место подалась вместе с ними, нападала, зараза, по-старому, и войны их потому так и не прекратились; да только стрелки-мирительницы теперь рядом не было, и доходить оттого у них уже стало до мелкого рукоприкладства, да с обеих сторон, и ещё до чего дойти могло — Бог его знает.

Так что ж дядя Вася, стрелочник бывший, удумал! Не стал он того дожидаться, когда всё у них с Анастасией Никитичной снова края достигнет. Однажды достал из заглашника всё своё стрелочное хозяйство, которое, как на новое место перебираться стали, каким-то манером из сараюшки повывез, прикупил где-то по случаю рельсы списанные и на краю огорода, под лесом, соорудил персональную стрелку. Во как!

С того дня, чуть только скандал у супругов до красной черты доходить станет, мчится стрелочник бывший опростетью на свой огород и стрелку-спасительницу-то и переводит. А Анастасия Никитична потакать мужику своему в этой, прости Господи, дурости, стала: во весь дух неслась она за ним следом, бухалась окаянному в ноги и дурным голосом выла всё в точности, что в подобном случае выть надлежало. Потом у них это дело, как было заведено, примирением бурным и пиром заканчивалось, и тост свой главный, за невинные души, безвременной гибели избежавшие, непременно первым произносился, как и положено. Такие дела.

КОСТЁР

Нет, извините, водки я не хочу. А почему вы подумали?.. Ах, наверно, из-за этих моих обносков... Так это не образ жизни, это, это... да бог с ним. Раз всё, как говорят украинцы, «догоры дрыком» встало, что ж тут, что ж тут поделать. Знаете что, если можно, если только вас не слишком обременит, закажите мне лучше чаю, с лимоном, пожалуйста; на улице холодрыга такая, и я так ужасно, так ужасно промёрз, — сил просто нет... Вы меня, если можете, извините, раньше бы — никогда... но теперь... наизнанку все... вывернулось... изнутри изменилось, непоправимо... непоправимо... что же делать теперь... что же теперь остаётся — или...или... Но на второе «или» другая воля нужна, а она не у всех есть, понимаете, совсем она есть не у всех...

Вот спасибо, век буду помнить. Когда ничего не закажешь, выгоняют, немедленно. А на улице вон как... лютует... Мне б хоть немного, немного пересидеть... Очень сильно замёрз, очень сильно... А чай горячий какой, и пахнет как вкусно... Знаете что, а давайте я, пока чай буду пить, историю вам расскажу, а то вы сидите один, понурый такой, нахнюпленный... Вам грустно, наверно; а я поболтаю немножко, может, повеселее вам будет. Надоест, вы скажите, не стесняйтесь, скажите, я перестану. Ну вот и ладно, ну вот...

Знаете, я один ведь живу. Паршиво, конечно, но так... обстоятельства так сложились, ничего не поделать... вся эта новая жизнь... Привыкнуть — нельзя, но свыкнуться, свыкнуться — можно. Я свыкаюсь со всем этим понемногу, только вот всё никак следить за собой не научусь, но это неважно, неважно... Да, так, значит, совсем иногда паршиво становится, и что тогда делать — не придумать никак. Телевизор я продал... давно, радио, правда, есть, старенькое, но страшно надоедает... А за домом моим — огромный пустырь, и окна моей квартиры туда выходят; там в наши благополучные времена строить что-то надумали, да вдруг и забросили. Теперь там огромная свалка, огромная, собаки бродячие бегают, кошки, отребье всякое иногда забредает... Ну, не важно...

Обычно я, чтобы дома один не сидеть, шатаюсь по улицам. Иногда... до полного изнеможения, сегодня, видите, вот сюда аж забрёл — чёрт знает, как получилось... Но только здоровье уже не всегда такие походы предпринимать позволяет, уже не всегда, да и погода... Тогда я сажусь у окна и смотрю на пустырь, особенно вечером — хоть какое-то развлечение; одному очень, знаете, трудно сидеть, и время так тянется — невыносимо... А на пустыре, там всегда что-нибудь происходит, особенно летом... или весной... или осенью — когда погода хорошая. Зимой, как сейчас, там, правда, нет никого, но это неважно, неважно, тогда я просто жду, а вдруг что-нибудь да произой-

дёт... и от ожидания этого время тоже немного быстрее проходит, совсем немного, но всё же быстрее... Правда, в последнее время не спасает и это.

Да, так вот я недавно сидел, сидел — и надумал: пошёл на пустырь, насобирав там деревяшек, картонок — в общем, всякого барахла — в кучу стащил и поджёг; потом вернулся домой, сел у окна и стал на огонь смотреть, как он весело там, в темноте крошечной горит... Знаете, если смотреть, если долго смотреть на огонь, мысли всякие в голову вдруг приходят начинают, воображаешь тогда что-нибудь... прошлое хорошо вспоминается, разности всякие... и не скучно тогда... почти. Мне так это понравилось, так понравилось, что я стал довольно часто костёр на своём пустыре зажигать и смотреть на огонь. Но недавно, недавно, ещё осень была, перед самой зимой, какой-то мерзкий бродяга стал зачем-то огонь мой тушить: только я костёр разожгу, только к себе на этаж поднимусь, включу ночник у окна, как этот подлец выныривает из темноты — следил за мною, наверное, свет в окне моём, что ли, вычислил — не знаю, и принимается всё ногами расшвыривать, и при этом, скотина, приплясывает, тряской какой-нибудь над головою размахивает, издевается...

Я не знаю, не знаю, зачем он представление это устраивал, чем мой костёр ему помешал... Ну погрелся бы, посидел себе у огня — холодно ведь, так нет!.. Сильно меня он тогда, мерзавец, достал.

Однажды я разложил костёр, но только сделал вид, что ушёл, только вид сделал, свет заранее возле окна включил — забыл, значит, а сам притаился невдалеке за стеной недостроенной, дождался, когда он костёр расшвыривать станет, и набросился на него...

Мы схватились с ним просто насмерть, рычали, как звери, катались по земле, пытались порвать друг друга на части — два тощих неандертальца в борьбе за первобытный огонь... Что вы... улыбаетесь... Так ведь оно и было на самом деле, так и выглядело! Да и чем мы от них, если начать разбираться, чем мы сильно от них отличаемся? Машинами всякими, телевизорами? Разве ж это отличие?! Как только у нас, таких продвинутых, как сейчас говорят, ненадолго ерунду эту электронную и механическую отбирают, мы тут же, ну тут же ведь кубарем к предкам нашим и скатываемся и, как ни в чём не бывало, спокойно продолжаем жить без гордости нашей, замечательной нашей цивилизации... Ну ладно, давайте я дальше вам расскажу.

Мы вконец ослабли от этой бешеной драки, не по возрасту была она уже нам да и не по нынешним физическим нашим кондициям, но я вдруг изловчился и изо всех своих сил ударил его камнем по голове. Он сразу как-то обмяк и затих, обмяк и затих совершенно, а я испугался ужасно этой его неподвижности и убежал.

Всю ночь меня колотило, выворачивало наизнанку, всё казалось, что я забил его насмерть и теперь меня обязательно найдут и посадят. Можно было бы выйти и посмотреть, но я всё никак не решался выйти на чёрный пустырь, всё никак не решался, только мучился всё больше и больше и к утру уже был почти неживой от страха и боли... Но утром, когда вообще не так страшно, я всё же пошёл. Конечно, никого и в помине там не было, одни только жалкие головёшки, одни головёшки...

Вечером этого дня я, как всегда, сел у окна и стал смотреть на пустырь; и вдруг это пугало огородное появилось, костёр разожгло и стало приплясывать и призывно руками махать: выходи, мол. Меня отчего-то такое от этого горе взяло, что я даже заплакал, как дамочка-неврастеничка, — навзрыд, никак остановиться не мог, рыдал, пока не заснул. Назавтра я вечером сел у окна, но не зажигая ночник, думал,

так его с толку собью, но он снова костёр разложил и руками замахал... Скотина! Скотина!

Я снова хотел его подстеречь и... Только за что, за что?! Что он такого мне сделал? за что его надо было убить, уничтожить?! Видно, я просто из ума выживать стал... от одиночества... Как ещё объяснить?

Знаете, я теперь, наверно, пойду. Спасибо, спасибо за чай. Спасибо за всё. Я пойду.

За окном зашёл на посадку огромный пассажирский лайнер, и аэропортовский ресторанчик наполнился диким рёвом и грохотом, посетители приумолкли, пережидая, только ложечка в пустом чайном стакане дребезжала звонко-презвонко, и никакой рёв и грохот не могли заглушить этот звон.

ПОБЕГ

1

В одном маленьком, неотличимом от великого множества захолустных собратьев своих, городишке жил в одно время доктор.

Был доктор не старый ещё мужчина — годов сорока, нормального роста, приятной, интеллигентной внешности, в общем, самый обыкновенный. Приехал он в городок в ранней юности, сразу, как учёбу закончил, да так и остался.

Характером мягкий, любезный к пациентам да и ко всем прочим людям, внимательный и спокойный, пришёлся он местным жителям очень даже по вкусу. Врач из него неплохой со временем вышел, так что и в этом качестве он горожан даже более чем устраивал. Вот только хоть и жил доктор вроде бы у всех на виду, но в личной жизни вёл себя как-то уж чересчур замкнуто и нелюдимо — за дамами местными не ухаживал, ни с кем из мужчин не прятельствовал, а уж дружбу не водил и подавно. Даже общество местной интеллигенции навещал крайне редко; тогда только, когда от приглашения уж совсем никак нельзя было отказаться.

В таком поведении не замечалось с его стороны ни малейшего неуважения, фанабэрии или презрения к окружающим, потому местный люд к такой его манере держаться постепенно привык, и на отношении к доктору, как к человеку, это никак не сказывалось.

Тем не менее, хоть его в городишке заштатном все знали и уважали, находили местные жители, что он, как бы это помягче сказать, не в себе малость. А чтоб хоть каким-то образом поведение эксцентрическое для себя объяснить, строили всякие плоские провинциальные домыслы. Ну, там, например, про любовь несчастную, про друга предавшего... И дальше всё в том же духе и роде. Но только доктор на домыслы эти никак совершенно не реагировал, и они потому долго на длинных языках не удерживались.

А поначалу, пока в диковинку доктору на новом месте всё было, вроде бы ладно жизнь складывалась, нормально всё выходило. Но только чем дальше шло время, тем всё больше и больше захватывало его отчаяние. Потому что там, откуда доктор приехал, ничего ему в будущем не светило. Здесь же, как оказалось, не только будущего не существовало, но и прошлое постепенно куда-то без остатка из жизни выветрилось. Так хотелось иногда кого-нибудь встретить. Кого-нибудь, с кем тыщу лет, например, с самой школы, не виделся. Чтоб обрадоваться ему, как родному, обняться, за несвязным вспоминальческим разговором просидеть долго-долго... Невозможно!

Оставалось навсегда и во всём одно только косное, мерзкое, осточертевшее настоящее. Была в этом какая-то отвратительная окончательность и бесповоротность. Просто дико, неизменно всё складывалось, и чем дальше, тем хуже.

Из-за всех этих мыслей и настроений он сам всё больше и больше в беспросветный вакуум погружался, а в глазах местного люда превращался постепенно в нелепого провинциального чудака — полезного и безобидного.

2

Однажды у него уже был дикий срыв, когда бросил он всё к чёртовой матери, сел внезапно, как был, в случайный скорый состав и... Через два часа ссадили его контролёры, оштрафовали, ночь продержали в кутузке... и назад он, без документов и денег, целые сутки тащился. Называется, сбил оскомину!

Доктор тогда первый раз в своей жизни напился. В одиночку. До потери сознания. Больше воля и собранность никогда его не подводили, не отказывали.

Он задолго ещё вдруг отчётливо стал понимать, что снова доходит до ручки. Тогда ринулся доктор в ближайшие выходные на толкучку, купил подержанный велосипед, набрал концентратов полный рюкзак, взвалил его на спину, чтоб ни единого человека — ненароком даже — не встретить, выехал сразу, как только звёзды зажглись, и помчал во весь дух — нигде, ни за чем ни на секунду не останавливаясь. Прервал свой путь первый раз, когда солнце серебристый туман утренний позолотило, возле леса, где можно было спокойно поесть-попить и отоспаться. Он спустился в ложбину, разжёл большущий костёр, наскоро перекусил и потом долго-долго на жар пунцовый смотрел и могучий гул огня слушал. А наслушавшись и насмотревшись, как мёртвый уснул; проспал весь остаток дня и всю краткую летнюю ночь, а с рассветом снова в путь-дорогу отправился.

Только на пятый день исчезло у доктора сомнение в том, что сбежал-таки он ото всех, от всего, даже, может быть, от себя. Тогда нервы его понемногу в порядок приходили стали, «ровно камень отлёг», и теперь он мчался вперёд уже в совершенно другом состоянии — успокоенный и умиротворённый, потому как поверил окончательно и бесповоротно, что побег от обыденной, опостылевшей жизни удался, наконец.

3

Море возникло внезапно. Незадолго до вечерней зари открылся простор его с высоченной пепельной кручи, до подножья местами поросшей кустами и разнотравьем.

А море горело золотом и бирюзой, слепило глаза, мятущуюся, неприкаянную душу растревоживало... Ещё яхт разноцветные паруса виднелись вдали, а в самом низу, тесно зажатые между морем и скалами, сгрудилось десятка два маленьких белых домиков с разноцветными — красными, зелёными, синими — трубами, и сети висели кругом, и лодки рыбацьи прибой качал возле берега... Красиво-то как! Будто угол горный отыскался вдруг на земле. Будто вспомнилось что-то чудесное из далёкого-предалёкого детства.

Доктор отбросил велосипед, свесив ноги, уселся на самый край кручи и застыл — оглушённый, ослеплённый, поражённый этой непостижимой и немислимой красотой.

— Меня Оксаной зовут, — невысокая, ладная стояла женщина на самом краю обрыва рядом с доктором, — я из церкви иду, а вы тут сидите, как вкопанный. Я долгонько, ещё от поворота, гляжу — сидит, не шелóхнется. Вы нетутошный. Может, вдруг занедужали? Может, помощь нужна какая? Та што ж — вы молчок, да молчок? Может, слышите худо?

Говорила женщина быстро, весело. Подвижная, жаркая, вызывала она приязнь мгновенную, острую, произвольную. Потому доктор, ещё не вполне отошедший от внезапной своей зачарованности, головой покачал, плечами пожал и вдруг расхохотался — да так громко, неудержимо, как в жизни своей никогда не смеялся. А женщина, переждав с улыбкой, когда он насмеётся вдосталь, снова стала сыпать словами:

— Я вон там живу, где дом с красной трубою. То пацаны, трясьця в бок, как-то ночью созоровали. Народ утром проснулся, а оно уже так — всё повикрашено. Поначалу-то хозяева хлопцам уши грозились нарвать, краску напокупали, да так никто по сю пору трубы и не перекарасил. Я тоже краски купила. Только вот, как и все, сомневаюсь теперь, а может, лучше так? Вы что скажете? Ну вот, вдругорядь замолчали!

А у меня на ужин сегодня сырники со сметаной и чай с душицею. А как звёзды выйдут, пойдём вон туда, видите, где маяк? Тамочки камни плоские есть, огромные — страсть. Ну, чистая танцплощадка. Люди на тех камнях после, как повечеряют, собираются: костры палят, беседы ведут, море слушают... Мы тоже костёр запалим; станем в огонь глядеть и, если ласка на то ваша будет, любезничать. Та хватит вам молчки на круче сидеть. Пойдёмте!

Доктор вдруг поднялся и послушно, как маленький, стал вслед за щебетуньей радужной спускаться по узкой крутой тропинке к белым прибрежным домикам с разноцветными трубами. А женщина говорила всё время что-то, смеялась... Но что говорила, чему смеялась — из-за шума морского расслышать не удавалось никак, да и неважно было это уже — совершенно.

А велосипед так и остался лежать на круче. Может, ещё кому пригодится.

ТУФЕЛЬ

Мужичонка был тощий, белёсый, какой-то весь дёрганный, разговаривал громко, напористо, никого не стесняясь и сильно при этом жестикулировал. Я вошёл, когда странная эта беседа уже была в полном разгаре, поэтому — что было в самом начале, не знаю, а выдумывать мне неохота. Впрочем, вам и так всё будет понятно.

1

Да нет, давайте, раз так, без вранья, неужто кого вы любите больше себя? Сроду не поверю! Либо врёте вы всё, либо выпендриваетесь перед кем; себя ведь не больно надуешь. И я точно такой же. Но только, бывает, как скрутит какая-то дурь, да начнёшь, ни с того ни с сего, шарить внутри себя по сусекам и такую там дрянь откапашешь... А иногда вдруг дерьмо само на поверхность всплывает!.. И тонуть, зараза, не хочет и жить не даёт! Я про одну ерунду такую сейчас расскажу. Может тогда полегче мне станет.

Да, так вот, дом, где я раньше жил, мне было тридцать, когда эту халупу снесли, стоял на окраине города, возле самой реки — вонючки и переплюйки; и под масть этой жалкой реке была вся окрестность: убожество, мерзость, ничтожество.

Дом наш был старый, такая себе развалюшка, но с огромным двором, заросшим пыльным бурьяном, крапивой, полынью и мятой. А внутри, у забора, впритык почти к самому дому, был у нас сад-огород, огороженный низким штакетником. Там росли пара яблонь, груша старая, кривая полусохшая слива, крыжовник... Но главное — это, конечно, были грядки с клубникой, редиской... и прочей огородной вкуснятиной. Всего понемножку. Представляете, как это здорово было сорвать помидорище — спелый, тёплый, пахнущий обалденно — и съесть его тут же, на улице...

Я был в тот день дома один. Чуть только сумерки собирались, но солнце ещё светило вовсю. Дождь недавно прошёл, на улице сильно парило, и в комнатах было душно — невыносимо; я распахнул дверь из дома во двор и возился на кухне, кажется, ужин готовил. Вдруг лязгнули железной щеколдой ворота, во двор ввалился какой-то мужик и стал кружить по двору в поисках неизвестно чего. Мужик был нестарый, вполне прилично одетый, но сильно поддатый. Я хотел его было тут же вышвырнуть, но мне было скучно, и я стал исподтишка наблюдать, как он, поняв, что попал не туда, стал тыкаться в разные стороны в поисках выхода. Это был, скажу я вам, цирк! Сначала он набрёл на сараюшку, где у нас инструменты хранились, и стал дёргать за ручку двери, которая внутри открывалась. Не вышло, естественно. Тогда он достал папиросы, закурил с грехом пополам, спичек сломав чуть не полкоробка, и стал громко уговаривать тех, кто сидит в сараюшке, открыть «по-хорошему». Орал он изрядно, я чуть от смеха не лопнул, когда он стал грозиться милицией. Наконец, ему надоело, и он отправился дальше и набрёл на старый курятник возле самого дома, где кур уже пару лет не держали. Курятник был низкий, войти туда можно было лишь вдвое согнувшись, но он всё-таки влез. Что он делал внутри, я не знаю, но минут через десять он выполз наружу весь в мелу, паутине и старом помёте — красавец! — и стал снова орать, что это всё провокация, и кто-то за это ответит, придурок.

И тут он набрёл на штакетник. Калитку искать ему было, видать, недосуг, и он ломанул напролом. Старый наш ветхий штакетник не выдержал, завалился, и пьяная эта скотина, не разбирая дороги, попёрлась прямо по грядкам с клубникой и луком. Я озверел, как увидел, рванулся к нему из дома, схватил эту пьянь за шиворот и стал тащить его с грядок. Мужик оказался не слабым и, кроме того, был крупнее и выше меня — он орал, упирался и не двигался с места; я его дёрнул изо всех сил, вытащил на дорожку и поволок за грудки, орущего и упирающегося, к калитке. Как раз перед самой калиткой после дождя была лужа, а я был в домашних матерчатых тапках, и вляпаться в лужу мне вовсе не улыбалось. Тогда я его отпустил, забежал к нему за спину и, что было силы, пихнул. Он, как торпеда, пролетел через лужу, оставив там туфель, и, прошлёпав без туфля по луже, свалился уже за калиткой. Пока он барахтался, пытаюсь подняться, я оббежал по соседней дорожке лужу, сзади, за шиворот, поднял его на ноги и пинками погнал к воротам. Он всё вырывался вернуться, забрать свой башмак, но я не пускал, и он, хромая, шлёпал по свежей грязи и матерился. А во мне кипело дикое бешенство, чуть не убить был готов. Потому что я был тут хозяин! Потому что я был в своём праве!.. Отчего, теперь и понять не могу, но злоба была такая, что я до сих пор её помню.

Следующим утром я нашёл этот чёртов туфель, совсем ещё новый, отличный коричневый туфель... Противно мне стало, да я зашвырнул его в мусорный бак и думать забыл...

2

И забыл бы совсем, но тут... Выхожу через день я на улицу, только от ворот отошёл, прёт мне навстречу здоровенный седой мужик, одноногий, на костылях, и башмак свой единственный — блестящий, коричневый, размер сорок пятый растоптанный — навстречу мне тычет.

Совпадения всякие могут быть, кто ж будет спорить! Меня раз «москвичи» первого выпуска преследовать стали. Так их, сами знаете, в полгода ни разу не встретишь, а тут — чуть не десяток за день попался; а под вечер домой прихожу — глядь, а в нашем дворе тоже одна колымага такая стоит, — это к деду старинный друг его, плотник, приехал; что-то дед починить его вызвал. Смехота.

Но тут, как я инвалида этого встретил, пьяный урод с его туфлем ни с того ни с сего вдруг в памяти всплыл, дёргал за нервы полдня... и ночью приснился.

Потом, через день, всё снова было нормально. Даже весело было. Мы в «Ветерке» с мужиками посидели после работы, пивка попили — расслабились, и спал я, как мёртвый, и проснулся в субботу в настроении преотличнейшем. Позвонил я Наташке, жене моей нынешней, приделся и отправился на свидание. А там, на площадке возле её хрущобы, пацаны рваным туфлем в футбол играют, и только я подошёл, туфель у них отлетает и прямо мне под ноги! и они хором орут: «Дядя, мячик подай»; и ржут, чуть не давятся. А проклятый алкаш с башмаком тут как тут! И я ночью снова не спал, и назавтра давило...

Кому не расскажешь, смеются, подначивать начинают. Так я перестал. В себе эту пакость таскаю.

3

А спустя деньков несколько, проездом на юг, заехал к родителям их старинный приятель с молодых ещё лет; Саламатин, кажется, так его звали. Внешность была у него ещё та — настоящий громила, весь рыжей шерстью зарос, лысина в полголовы, и шумит без угаву, и хохочет всё время подряд надо всем и над всеми, и причины не надо.

На следующий день (я отгул взял, штaketник поправить) подошёл он ко мне и орёт прямо в ухо:

— Слушай, потомок (это у него юмор такой), предки твои на работе, а мне неохота до самого их прихода в душевной хате сидеть. Составь мне компанию, походим по старым местам. Сто лет я здесь не был. А потом посидим где-нибудь, пива с рыбкой попьём, потолкуем. — И хохочет и по плечам меня хлопает, как горилла ручная, ей-богу.

Неохота мне было. Что я, пацан ему, что ли? Ну да ладно, я согласился. Пошли мы тогда на трамвайную остановку, чтобы в центр города ехать. Только подходим, как он хлоп меня вдруг по спине:

— Ты стой, я сейчас, — и несётся, как лось, на другую сторону улицы. А там на остановке бомж какой-то лежит на асфальте возле скамейки и дрыхнет. Этот к нему подбежал, поднял аккуратненько пьяную рвань, посадил, как родного, на скамейку, привалил его к стенке навеса и понёсся обратно — трамвай уже подходил.

И тут оно и замкнуло. Насмерть! Намертво! Лет десять уже прошло. Уже целых десять! И только всё хуже и хуже. Как увижу башмак без пары, хоть на свалке, хоть где — тошно мне делается... и давит... И ночью потом не сплю: снится мерзкий алкаш и весь в мокром в поту просыпаюсь. А в обувной магазин я вообще ни ногой. Жена всё сама покупает; что купит — и ладно. А недавно козявка малая в меня сандалеткой на пляже швырнула, так я после неделю не спал. Тынялся по дому, в чужие окна глядел... И колотун такой бил... Всё никак согреться не мог.

Лады, мужики. Это рейс мой сейчас объявили, так что пойду я. А себя ни за что не обманешь. Нет шансов.

ИМЯ В ПОЭЗИИ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

БЕЛЫМ ПО ЧЁРНОМУ

* * *

Снег покружится и ляжет...
Молча поклажу сложу.
Мать что-то грустное скажет,
Я ничего не скажу.

Лишь карандашиком скрипну,
Строчку отправлю в блокнот.
Знаю — про девочку-скрипку
Мать всё равно не поймёт.

Только в заветное спрячет
Адрес... Шепнёт: «Не забудь...»
Только неслышно заплачет,
Я не заплачу ничуть.

Выйду... Ступлю на дорогу,
Снегом умоется взгляд.
Эта дороженька — к Богу
Или от Бога назад?

Чуть оглянусь... И охрипнув,
Мамино вспомню житьё,
Вдруг неожиданно вскрикнув
Тихое имя её...

* * *

Снова колокол бьёт
над нелепым, мрачнейшим миром,
Снова странен и страшен его вразумляющий зык.
Кто придёт и воздаст
за напрасные муки кумирам,
Кто двуликому Янусу бросит: «Да ты же двулик?..»

Я не верю молве –
 всех великих молва оболгала,
Я не верю толпе, что затопчет, а после – бежать...
Первый снег на дворе
 раскатает своё покрывало,
И по вспученным венам опять побежит благодать.

Как же сладостно – снег!
Как пронзительно – колокол слышен!
Как скворцы осторожно
 простор отдают снегирям!
Как же терпки слова
 с горьким привкусом мёрзнущих вишен,
Как прозрачен твой образ – его никому не отдам!..

И пускай отгорит,
 что ещё отгореть не успело,
Пусть звучат голоса
 из-под серых кладбищенских плит...
Нынче колокол бьёт... Благодать... И какое мне дело,
И какое мне дело, что завтра ещё отгорит?..

Нынче колокол бьёт...
 Что-то тёплое гонит по венам.
Кто-то мимо прошёл, на снегу не оставив следа...
И так жаждешь сказать
 о мучительном и сокровенном...
Но ведь колокол бьёт...
 И не скажешь уже никогда...

* * *

В Россию можно только верить
Федор Тютчев

Хмур проводник... В одеяле прореха...
Старой любви не зову.
Кто-то в истории, помнится, ехал
Из Петербурга в Москву.

Кучер был хмур... Дребезжала карета.
Лошади хмуро плелись.
Хмуро вплывало тягучее лето
В хмурую русскую высь...

Тысячи раз отрыдала валторна, –
Мир без концов и начал.
Помнится, памятник нерукотворный
Кто-то уже воздвигал.

Нету концов... Позабыты начала.
Прежний отвергнут кумир.
Вспомнишь с трудом две строки про мочало,
Что нам твердил «Мойдодыр»...

Вспомнишь... Под визг тормозов на уклоне
Вытащишь хлеб и вино.
Снова умом ты Россию не понял,
Снова лишь верить дано...

* * *

И опять – не *молвил*, не *изрёк* –
Пробубнил и записал коряво...
Но без вещей, *изречённых* строк
Государством сделалась *Держава*.

И бессильной сделалась рукой
Некогда могучая *десница*,
И тоской подёрнулись сплошной
Лики, превратившиеся в лица.

Начались иные времена...
Узкоплечий, разверни *рамена*...
Стала узкоплечею страна,
Опершись на сбитое колено.

Всё пошло на новый передел...
В кутерьме припомнится ль, что снова
Кто-то строчку *молвить* не успел,
Не *изрёк* натруженного слова?..

* * *

А.К.

Что-то случилось на той стороне
Где журавли улетают до срока...
В чёрное время на чёрной стерне
Белым журавликом быть одиноко.

Вот и возносятся в тусклость небес,
Чтоб ещё раз увидеть с разворота
Мокрое поле и сумрачный лес,
Да за откосом – туманное что-то...

Будто навеки запомнить хотят,
Не уповая на миг возвращенья,

Женский зелёный обидчивый взгляд,
После которого нету прощенья.

Будто им чудится — наперерез
Вечному, нудному зову разлуки,
Светлая музыка с тёмных небес
Медленно капает в женские руки.

* * *

«Не шути **с огнём!**.. Не шути, **согнём!**..» —
Где угроза тут, где предупрежденье?
Не шучу с огнём — растворяюсь в нём,
А согнуть меня — давнее хотенье.

Говорят — молчу, говорю — молчат...
Только гул идёт, непонятым страшен.
С давних пор толпа — выводок волчат
Перед наготой Вавилонских башен.

Как другим не лгать, коль себе солгу?
Так удобна ложь во спасенье плоти...
Не умел беречь и не сберегу
То, что сорвалось на высокой ноте.

Если не явлюсь — не кори меня,
Руки заломи и почувствуй кожей,
Как вдали бредёт — согнут, без огня,
Странный человек, на меня похожий...

* * *

Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запахну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объёмист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пёстрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию —
что ещё нужно поэту?

Ну, а если и снова
 замечают, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
 На этом закончим беседу...»
Молча выйду из поезда,
 молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

* * *

Откуда этот гул возник,
 сменив живое слово,
И что за мрачный человек бредёт сквозь этот гул?
С лицом безликим, словно лик безликого святого, –
Ни Пётр, ни Авель, ни Фома,
 ни Ной, ни Вельзевул?..

У человека на плечах дырявая котомка...
Котомка, что ни говори, отлична от сумы.
Ещё он предок – для меня,
 прапредок – для потомков,
Но сам он – тьма,
 бредёт – во тьму,
 и вышел он – из тьмы...

Он загляделся в чёрный пруд,
 как в зеркало кривое,
И что-то в воду уронил, и охнула вода...
С тех пор уже четвёртый день
 ночами в трубах воеет
И кто-то топал на крыльце,
 не вытопав следа...

Я слышал гул...
 Я слышал стон...
 Я слышал этот топот...
Я сгрёб с крыльца пушистый снег без признаков следов.
И этот рокот грозовой
 сошёл на полушёпот,
И этот странный человек
 мелькнул – и был таков...

Не кончен век...
 Не пробил час...
 Не кончено сказанье...
За что, измучась, не схватись, всё будет нет, не то...
Но кто-то, странный и немой,
 мелькнул над мирозданьем

С лицом безликим, словно лик...
А я не понял, кто...

* * *

Линия жизни, как чёрточка мелом —
Белым по чёрному, истоиво белым,
Свет разделила и тьму.
Дождь не кончается... Холодно... Слякоть...
Хочется снова забыться, заплакать,
Бога спросить: «Почему?..»

Может быть, просто теперь понимаю
Горе-соседа, прожившего с краю,
Что ни во что не встревал.
Мы бунтовали, дерзали, кипели...
Бунты подавлены... Смолкли свирели.
Стяг на флагштоке не ал...

Прежнее — вымарать?.. Предки — не правы?
Мы — незаконные дети державы,
Что обратилась во тлен?..
Так получилось?.. А что ещё будет?
Наших героев за подвиги судит
Время плевков и измен.

Время бесовское... Сняты портреты...
Где же вы нынче — вожди и поэты?
Недругам льётся елей.
О, воспевание лжи и увечий! —
Разве воспетый порок человеческий
Сделает души светлей?

Лампа прикручена... Дело за малым —
Зябкие плечи прикрыть одеялом,
Вспомнить, что чай на столе...
И возмечтать — вдруг такое случится:
Кто-то средь полночи в дверь постучится,
С ним порыдаем во мгле...

* * *

Пока дышу, пока свобода,
Пока такое время года,
Что духом властвует свеча,
Пока прожилки голубые
Ещё трепещутся на вые,
На Морзе музыку шепча;

О, как же не любить, не злиться,
Не видеть – тополь золотится
В небес свечении больном?..
Я, может, лучшего не стою –
Куда идти с такой душою,
Что не умеет – об ином?

Лишь память делается резче,
Когда тревожно и зловеще
Звезда пронзает полумрак,
Когда мерцанье звёздной взвеси
На миг охватит поднебесье,
И не забудешься никак.

Острее взор, хоть хуже зренье,
И вдруг замрёшь в оцепененьи,
Не в силах думать об ином,
Когда, тревожа и пронзая,
Нисходит музыка больная
В небес свечении больном...

* * *

Эх, неужели, неужели
Моя любимая в постели
С каким-то странным человеком,
Который ей – законный муж?..
И отражается во взгляде
Его – со страстью! – бога ради...
Не вырывается... Не бьётся...
И улыбается к тому ж...

Ведь повторяла: «Милый... Знаю...
Тебе я с мужем изменяю...
И всякий раз потом – без кожи! –
Днём перед зеркалом реву.
Как будто солгала святому...»
А я мечусь, мечусь по дому –
Зачем-то пью, зачем-то плачу,
Зачем-то грежу наяву.

Вот он обнял её за плечи...
К чему, к чему мне эти речи?
Они ведь венчаны... Всевышним
Она назначена ему.
Без счёта чарку поднимаю,
Но всё равно не понимаю –
Ну, почему такая мука,
Ну, почему?.. Ну, почему?..

За стенкой воеет ветер зимний,
И от себя куда уйти мне?
Моя... Любимая... Другому
Дарит судьбу и бытиё.
Я – третий лишний... Хата с краю...
Молю... Зову... Не понимаю,
Зачем сквозь боль и расстоянье
Ловлю дыхание твоё?

* * *

Привык рубить сплеча
Да без помарок.
Я думал – ты свеча,
А ты – огарок.

Всё вышло, как всегда,
Как повторенье.
Я думал – ты звезда,
А ты – затмение.

Бреду по мостовой
В день суховейный.
Я думал, что я твой,
А я – ничейный.

Во сне иль наяву,
Средь лжи и шума,
Я думал, что живу...
Напрасно думал.

* * *

Страсть была, но не было любви,
А любовь пришла уже без страсти,
Грезилось: «Ты только позови...»
Позвала... Душой прийти не властен.

В небе свет пока что не погас,
Но страшны отрезки временные.
Неужели это всё про нас –
Мы уже и в зеркале иные.

Я уже и взглядом постарел,
Да и ты зрачками постарела...
Ты пришла... Я этого ль хотел?...
Я пришёл... Ты этого ль хотела?

Сморщен лоб... Морщинится рука.
Множество борозд на тощей вые...
И глядят два жалких старика
На свои мечтанья молодые...

* * *

Привычно лампу прикручу,
Устроюсь с краю...
Ещё шепчу, ещё свечу,
Ещё сгораю.

Взгляну в холодное окно
На миг буквально.
Там всё темно, там всё черно,
Там всё печально.

И не видны сквозь толщу рам
Во тьме вселенской
Ни ближний сквер, ни дальний храм,
Ни образ женский.

И только ниточка в душе
Звенит протяжно:
Ты что-то понял... Здесь... Уже...
А что — неважно...

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ПРОФЕССИЯ. ПРИЗВАНИЕ. СУДЬБА.

Профессия – строитель, призвание – поэт, судьба – человека, достойно прожившего свою жизнь.

В Набережные Челны он приехал в августе 1970 года из Братска, где после института работал мастером на строительстве лесопромышленного комплекса. Приехал по вызову самого Владислава Фоменко. Любой из ветеранов «Камгэсэнергостроя» скажет, что это особая честь. Владислав Александрович, ставший генералом Всесоюзной ударной, а впоследствии Героем Социалистического Труда, случайных людей за собой на берега Камы из далёкой Сибири не тасил. Да и не каждый соглашался. Как вспоминал Прихожан в своём очерке о Фоменко, к сожалению, так и не опубликованном, «... перспективы роста в Братске были неплохие. О заработках и говорить нечего: районный коэффициент – 1,4, надбавки за выслугу, так называемые «северные», система премий – за всю последующую работу на высоких должностях мой заработок ни разу не приближался к тем суммам, которые я приносил домой ежемесячно в городе Братске».

И тем не менее, команда братчан в Набережных Челнах оказалась внушительной и довольно дружной. В неё без натуги вписался молодой инженер Пётр Прихожан, оказавшийся на Каме не один, а с красавицей-женой Галиной и первым сыном (позже появится и второй). Охота к перемене мест, свойственная строителям и поэтам, подкреплялась желанием работать вместе с авторитетным Фоменко – «широкоплечим, ширококостным..., всегда спокойным... Улыбка у него – этакая фотовспышка с замедлением: вспыхнула и остаётся на широком, веснушчатом, рыжеватом лице... Симпатичный такой начальник...»

Далее Прихожан в охотно мною цитируемом очерке пишет: «По тем временам начальникам любого ранга приходилось решать множество вопросов, о которых в обычной жизни даже не задумываешься. Сегодня много говорят о роли партийного руководства города, республики; о великих заслугах комсомольских вожakov. Пристяжные, они всегда на виду. Но воз тянули, всё-таки руководители строительных организаций. К ним шли и за жильём, и за питанием, и вообще за всем...»

Одним из таких руководителей довелось стать и Петру Прихожану. Не сразу, конечно, но он возглавил по рекомендации Фоменко СМУ-1 «Автозаводстрой», ставшего генпродирядчиком на одном из шести главных заводов КамАЗа — кузнечном. От первого колышка до сдачи в эксплуатацию первой очереди «кузницы» — таков личный вклад Петра Борисовича в невиданный по размаху нигде в мире набережночелнинский проект. Потом Прихожан некоторое время поработал на более спокойных должностях в системе крупнейшей в Советском Союзе строительной организации «Камгэсэнергострой» (уже не при Фоменко, а при ещё более легендарном Батенчуке); попробовал себя на строительстве Атоммаша в Старом Осколе, но вернулся в Набережные Челны. Оказалась, навсегда...

Челнинская строительная симфония, в которой не последнюю скрипку играл Прихожан, отражена в его поэме «Стройка». Она гораздо сильнее, искреннее, честнее, чем многостраничный стихотворный репортаж о Камазе Евгения Евтушенко. Говорят, что столичный классик от этого своего произведения отказался. Наверное, он поступил правильно. А вот Прихожану незачем отказываться в своей поэме ни от одной строки. Там нет фальши. Именно поэтому мы и повторяем её публикацию сегодня.

Из Братска была привезена и первая (тонюсенькая) книжка поэта Петра Прихожана. Она называлась «Гулливеры» и была выпущена в Иркутске в кассете «Бригада» вместе с такими же книжечками других участников семинара молодых сибирских поэтов. Мы же, организаторы шумного в те годы городского литературного объединения «Орфей», ни о Прихожане, ни о его книге долго ничего не знали, потому что у начальников СМУ в те годы рабочий день заканчивался ближе к полуночи, а «орфеевцы» собирались на свои разборки (кто из них гениальней) к семи вечера.

Но однажды знакомство произошло. Памятно оно тем, что на занятии присутствовал один из подчинённых начальника СМУ-1 «Автозаводстрой». Как выяснилось, «подчинённый» должен был в это время вкалывать во вторую смену на стройке. Тогда и родилась фраза, которая мне помнится до сих пор: «Если здесь Прихожан, то я ухожан». «Ухожан» был сделан по-английски, и Пётр Борисович при этом прогульщика то ли не заметил, то ли сделал вид, что не заметил. Деликатный был начальник, особенно с поэтами.

Почти сорок лет с той поры прошло. Лично мы с Петром Борисовичем не сказать, чтобы сразу подружились, но быстро сошлись. Самыми счастливыми и плодотворными для челнинских литераторов оказались восьмидесятые годы прошлого столетия. Во главе созданной к тому времени Набережночелнинской писательской организации (отделения Союза писателей Татарстана) стал присланный из Казани Разиль Валеев, ныне видный парламентарий в нашей республике. Его заслуга в том, что он поставил работу двух литобъединений — русского «Орфей» и татарского «Лейсан» — на серьёзные творческие рельсы. Что касается «орфеевцев», то у меня, у Инны Лимоновой и у Петра Прихожана вышли первые книги, по которым мы были приняты в Союз писателей.

Я начал работать у Разиля Валеева литконсультантом по русской литературе. И с первых дней ощутил поддержку и помощь Прихожана. Работы было много: мы еженедельно издавали «Литературные страницы» в двух челнинских газетах, успевали печататься и в республике, и в Москве (над Камазом шефствовал самый солидный в СССР литературный журнал «Новый мир»), участвовали в подготовке крупнейших для нашего города мероприятий: Всесоюзной писательской конференции, выездного заседания правления Союза писателей РСФСР, семинара молодых авторов, проводимого издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

На Прихожана всегда можно было положиться: если он даст обещание написать рецензию на чью-то рукопись, помочь выявить плагиат в чьих-то сочинениях (помню три случая), перевести на русский язык к определённому сроку стихи татарского поэта, выступить перед той или иной аудиторией, то слово обязательно сдержит.

В принципиальных вопросах Прихожан был неуступчив, в том числе и перед начальством — любым. История с литературным журналом «Аргмак» — тому подтверждение. Это издание начало выходить в девяностые годы на двух государственных языках нашей республики и финансировалось из городского бюджета. Потом его благополучно закрыли и вместо него стал выходить журнал «Майдан» — только на одном, татарском языке. Первым тревогу забил Пётр Борисович, чуть позже к нему присоединился я. Мы писали письма по инстанциям, выступали на собраниях и заседаниях, доказывая: в городе живут представители 80 национальностей, приехавшие строить Камаз из всех уголков Советского Союза, все они платят налоги, а русский язык был и остаётся языком межнационального общения. В чём же дело? Почему случилось именно так? Вопросы простые, абсолютно всем понятные, но в течение десяти лет остававшиеся без ответа.

В мае 2007 года в составе делегации татарстанских писателей (накануне очередного писательского съезда) я оказался на приёме у первого президента Татарстана Минтимера Шариповича Шаймиева. Каждому из нас было дано право высказаться о наболевшем. Я, естественно, сказал о ситуации с «Аргмаком». И первым лицом республики было отдано распоряжение: разобраться и помочь. В 2009 году вышел в свет первый номер литературного журнала «Аргмак. Татарстан», который ныне издаётся под учредительством ОАО «Татмедиа» на русском языке, выходит один раз в три месяца и половина его тиража (1000 экземпляров) распространяется по всем библиотекам нашей республики, 500 экземпляров по всей России (около ста конкретных адресов), ещё 500 — по Казани, по Закамью и Прикамью.

Эта была победа, прежде всего, нас двоих (остальные литераторы все эти годы оставались равнодушными, хотя новому «Аргмаку» обрадовались). И ещё мы благодарны за постоянную поддержку Разилию Валееву. Право быть главным редактором нового издания Прихожан уступил мне. Мало того, помог в конкурсной борьбе, приняв участие, а потом отведя свою кандидатуру, в такой необходимой процедуре, как тендер. Сколько бы ни длилось моё редакторство, я не вправе забывать об этом.

Пётр Борисович, человек дела и поступка, при всей своей деликатности был и отчаянным спорщиком. Иногда его упрямство казалось занудством. Надо, не надо, а он гнёт свою линию, хоть кол на голове тёши. И никак его не переубедишь. Но нередко, вернувшись домой с заседания литобъединения, откроешь энциклопедию или словарь Даля и диву даёшься: Прихожан-то, оказывается, был прав. В некоторых же вопросах, вопросах веры, прежде всего, наши споры остались незавершёнными.

Иногда Прихожан называл себя атеистом, но вдумчивый читатель, закрыв последнюю страницу его поэтической книги «Думы о граде Китеже», которую нам удалось издать в 2011 году, почувствует, надеюсь, другое. У каждого свой путь к Богу, к небесной отчизне. Прихожан считал, что толпами приходят только к убожеству, а дума о граде Китеже — это народная русская дума.

В исторических поэмах Петра Борисовича то тут, то там — отголоски язычества дохристианской эпохи, которую и православному человеку не грех знать, ценить и уважать, ибо это — наша прапамять. Святки, масленица, ночь на Ивана Купалу — всё оттуда. Крещение Руси далось нелегко и славянам. Прочтите «Попоротник», где речь идёт об угличском удельном князе Дмитрие, посаженном в темницу при Иване III, где он провёл более пятидесяти лет и умер в царствование Ивана IV:

*Плыли к матице сети научы;
утопали углы в грязи;
и сверкнули глаза колючие;
и услышал владыка Руси:*

«Знаю я,
 по языческой
 древней
 вере,
 о ту пору,
 как в межень воды по ручьям,
 в середине лета,
 на Ивана Купалу,
 папоротник цветёт по ночам.
 Говорят, его цвет исцеляет недуги любые,
 и владельцам цветка чародейства законы ясны –
 отыскавши его, всегда прозревают слепые,
 и горбатые карлы уходят, как девки – красны.
 Мне бы только дойти!
 Околдованный думой заветной,
 сквозь оковы и годы несу я заботу свою:
 у мелеющих рек разыщу я цветок заповедный
 и не стану срывать,
 а до зорьки над ним простою.
 И когда поутру загорланят весёлые пивни,
 и росистые нивы застелет клубящийся дым,
 брызнут в землю с висков моих белые ливни,
 и пойду я по миру уже молодым.
 Потому и живу, что мне чудятся ратные клики,
 что идут мои воины, вражьи заслоны круша».

И неволью попятился царь великий
 и к двери сделал быстрый шаг.

Даже по этому отрывку можно почувствовать особенности стилистики Петра Прихожана. Играя ритмами, ломая в угоду логики стиха его размер, он не был фокусником: между «Мастерами» Андрея Вознесенского и «Зодчими» Дмитрия Кедрина он отдавал предпочтение естественной речи последнего, но в своих стихах находил неповторимую интонацию...

Мы переживаем эпоху, при которой и власть, и население (язык не поворачивается сказать – общество) отдадут предпочтение футболу перед поэзией. Многие истинные поэты, особенно живущие в провинции, не слышны и, увы, населению не интересны. Судьбы их драматичны, а порой и трагичны. И, конечно, жаль, что наиболее полное издание стихов и поэм Петра Прихожана происходит после его смерти. Хорошо, что оно всё-таки выходит.

Сам Пётр никогда не жаловался на судьбу, а поэзию любил так самозабвенно, что не единожды издавал книги на собственные деньги, иногда пытался продавать их в той же безучастной к нашему брату Москве, на Арбате. Торговля шла, конечно, не очень успешно.

Но, несмотря ни на что, разве не поступок – пять лет кропотливейшей работы над «Новой Илиадой». Логика автора была простая: перевод Гнедича устарел, «Илиаду» необходимо переложить современным стихом. Для чего? Пётр отвечал: неужели вы не понимаете, что проблемы у человечества остались те же, что и во времена Троянской войны, что необходимо напоминать о предостережениях великого Гомера? И в 2008 году по настоянию автора, мы, Татарстанское отделение Союза российских писателей, делаем предпечатную подготовку и макет в четыреста с лишним страниц, а Прихожан вместе с сыном Денисом сами везут его в типографию, в которой полиграфическое исполнение будет

наилучшим, а типография находится в Туле... И вот «Новая Илиада», сработанная Прихожаном на основе давнего перевода Гнедича, у нас в руках, и автор радуется, как ребёнок, и на обложке действительно замечательно изданного фолианта Ахиллес и Агамемнон, оттиснутые золотом, играют в кости перед тем, как взяться за копья... И вся наша команда за дружеским столом отмечает очередную творческую победу челнинского Гомера, как мы тут же окрестили Петра, который, как всякий порядочный человек, не забыл расплатиться за книгу и с нами, и с типографией.

Наша последняя встреча произошла 13 апреля 2010 года. Прихожан, высокий, слегка сутулящийся, светящийся весенней улыбкой (научился у Фоменко?) появляется в редакции «Аргамак», в моём кабинете. И мы рады друг другу, говорим о чём-то, строим планы на будущее. Помню, что Пётр собирается по теплу в свой любимый Крым, на родину в Евпаторию: «надо могилки родителям поправить». А завтра ему в Елабугу — пригласили в музей Шишкина почитать стихи на каком-то мероприятии. Спрашивает, не составлю ли я компанию. Но у меня другие планы, и мы жмём друг другу руки, расставаясь, конечно же, ненадолго.

14 апреля раздаётся телефонный звонок из Елабуги, говорит наш общий друг Рахим Гайсин: «Приезжай срочно, с Прихожаном — беда!!!».

Пётр Борисович Прихожан и умер как поэт: стоя, во время чтения своих стихов о том, как в лихие военные годы

*В забытой глухомани, где дотолё
о Блоке не слышали вообще,
его стихи нам декламировала в школе
учителька в брезентовом плаще...*

*Она рукой к отрепьям прикасалась,
и вспыхивала перстнями рука,
и тридцати оборвышам казалось,
что плащ её струится, как шелка.*

На какой-то строке он внезапно побледнел, замолчал и стал оседать. Его подхватили, ему подставили стул, потом опустили на пол. Приехавшие врачи сказали: фатальная аритмия...

В феврале того же 2010 года Петру Прихожану исполнилось семьдесят лет.

* * *

В «Думе о граде Китеже» есть всё: замечательная лирика, прямая речь поэта-гражданина, обличающая режим и пороки общества, своеобразный юмор, исторические поэмы, написанные порой вопреки общепринятому мнению, перевод «Слова о полку Игореве», названный поэтом «Снова о полку Игореве», что, конечно же, будучи ранее опубликованным, вызвало и вызывает споры. Так и должно быть. Бесспорны прописные истины, но они никому не интересны...

Спасибо «Камгэсэнергострою», его генеральному директору, ныне бывшему, Александру Сергеевичу Евдокимову за финансирование книги своего коллеги. Хочется, чтобы она попала, прежде всего, к молодёжи: в школы, в вузы, в библиотеки. Поэзия Петра Прихожана — не истина в последней инстанции. Её ценность в другом. Она учит, как оставаться самим собой при любых обстоятельствах, она учит порядочности, она призывает читателя к самобытности, она доставляет эстетическое удовольствие.

СТРОЙКА

ПОЭМА

ПРИГЛАШЕНИЕ В ПОЭМУ

Челнинцы, перед вами я в долгу:
за годы передумано немало —
и не писать о стройке —
не могу,
и написать —
отваги не хватало.
Давным-давно над гладью камских вод
взметнулись в небо корпуса-машины,
давным-давно работает завод,
с конвейера идут автомашины
и тянет поглядеть
хоть в полглазка,
какая в стенах белизна да охра.
Но требуют бесстрастно пропуска
суровые охранницы из ВОХРа.
А нам иметь их —
почесть не дана!
И загрустишь, бывает, поневоле:
ведь в памяти свежи те времена,
когда повсюду простиралось поле.
Стоит КамАЗ —
фантастика,
мираж —

знакомый нам от самого рождения,
как ни прискорбно,
он уже
не наш,
под явственным налётом отчуждения.
И в жизни так:
детей своих растя,
им отдаём любовь и ласку наши,
но, возмужав, любимое дитя
стесняется родимого папаши.
Уже самим при взгляде на КамАЗ
приходит мысль о подвиге,
о чуде.
А это чудо начиналось с вас,
простые,
непоседливые люди.
Да, оглянуться, видимо, пора!
Вы те же...
Только поседали малость.
Как много лет прошло,
а кажется —
вчера
над Камой наша стройка начиналась.
Из всех республик ехали сюда
мы со своим укладом и уставом,
и предстояло нам ещё тогда
на этой стройке стать единым сплавом.
На спинах,
чтобы видели — кто чей, —
родные города писали
без обмана.
Среди братчан,
казанцев,
москвичей,
здесь даже был один из Зурбагана.
Там,
в Зурбагане,
парус и весло...
Тут,
на КамАЗе,
чернозём и глина...
Каким,
скажите,
ветром
занесло
его на стройку из рассказов Грина.
Бродяга, созерцатель и поэт,
подброшенный строительным отрядом,

не принимая суеты сует,
он почему-то грезил Автографом.
Нарисовал он посреди земли
проспекты,
скверы —
и на этом месте
мы белоснежный город возвели
и проживаем в нём теперь все вместе.
И новый город стал уже родней
того, что нам досталось от природы,
ведь это здесь
почти семь тысяч дней
сложились в прожитые годы.
Ах, время, время!
Твой закон таков,
что ныне от границы до границы
мы ищем по Союзу земляков,
объединённых званием —
челнинцы.
О том, как возводили общий дом,
о тех, кто заселял ковчег тот Ноев,
поэма.
Так решимся и войдём:
я приглашаю в мир её героев.

ПАЛАТОЧНЫЙ ТРЕСТ

Ещё проекта и в помине нет,
а без проекта строить рановато,
но прокричав «Ура!» на целый свет,
немедленно вставать в атаку надо.
Сменили с ходу власть...
Создали штаб...
И, торопясь узнать, почём фунт лиха,
вступила стройка в первый свой этап,
народом метко прозванный —
«шумиха».
Кого из нас не манит новизна?
От стройки к стройке колесят по миру:
кто —
с думой про чины и ордена;
кто —
помышляя получить квартиру.
Людской поток, со скарбом и детьми,
враз переполнил городишко древний,
а вскорости приезжими людьми
забили и окрестные деревни.

Порой в избе жильцов не уложить,
но если удалось туда вселиться,
то ухитрялись преотлично жить,
а в праздники —
ещё и веселиться.
Известно —
голь на выдумку хитра:
приспичит —
проживёт на винегретах;
согреется у лунного костра
и сладко отоспится на газетах.
Гостиниц нет —
немедленно взамен
додумался какой-то местный гений
изобрести чередование смен
в обшарпанных отделах учреждений.
Бывало —
заседает техсовет,
а в коридоре ждёт Иван Иванович,
когда освободится кабинет,
чтоб там семьёй расположиться на ночь.
В казённом доме аховый уют,
но люд, презрев домашние диваны,
на том полу,
что за день заплывают,
впадает в состояние нирваны.
Дурные храпы сотрясают храм.
Выходит силы жизненной излишек.
А кто считает звёзды по ночам,
тот знает, сколько зачато детишек.
Но вот и экскаватор в землю влез,
и вгрызлась в грунт бурильная коронка,
и вот к площадке от посёлка ГЭС
проложена неровная бетонка.
Ревут машины, сея гарь и смрад,
клубится непроглядная пылица,
и первых новосёлов юный град
вселил в многоэтажные жилища.
В жилищах нет
то — света,
то — воды,
а чаще —
ни того
и ни другого.
Кому — беда, а нам лишь полбеды:
такое для строителей не ново.
И мы, впотьмах сдирая сапоги,
мусолили нехитрую подначку:

прорвались на подстанцию враги;
воды нет?! —
захватили водокачку.
Однако наши спуску не дают:
сильно в советских людях чувство долга —
то, смотришь, водокачку
отобьют,
то станцию возьмут.
Но ненадолго...
Хотели всё построить за часы,
чтоб даже злопыхателям —
и тем бы
лихим примером утереть носы,
продемонстрировав невиданные темпы.
Предел мечтаний!
Только как назло
в расчёты вкралась мелкая ошибка:
строительство само собой не шло
и под нажимом двигалось не шибко.
Тома мероприятий хороши,
пока гуляют перья по бумагам,
а в деле —
как руками ни маши —
телегу с грузом лошадь тащит шагом.
Но кто тебе позволит ввод сорвать?
И научились после двух уроков
объекты своевременно сдавать
путём простой корректировки сроков.
А лето сушью исходило сплошь —
нас миловала местная погода.
Да сколько так
посменно
проживёшь:
неделю,
месяц?
Прожили полгода...
Но грянула ненастная пора:
господь, усугубляя неувязку,
наслал дожди,
а каждая нора
была уже забита под завязку.
Доверчивые люди, мы нутром
постигли
(как последние невежды):
увы, на получение хором —
поистине напрасны все надежды.
Но, перестав на дядю уповать
и опустясь на землю поневоле,

мы стали думать —
где же зимовать?
И, наконец, сообразили —
в поле!
Несёт из облаков летучий прах
и моросит в отдельные моменты,
а наша фирма
на семи ветрах
взялась сооружать
апартаменты.
За валом чернозёма
в два ряда
поставили армейские палатки,
повесили таблички
и тогда
решили, что жильё теперь в порядке.
В брезентовых апартаментах нет
ковров персидских и парадных маршей,
но у начальника
отдельный кабинет
и даже —
с персональной секретаршей.
Снуют по полю автоскрепера.
Трамбовки глухо ухают в пролётах,
и — лишь через брезент — бухгалтера
самозабвенно щёлкают на счётах.
Над полем телефонный перезвон...
И, голос поднимая до упора,
начальник на всю степь даёт разгон —
идут дела!
Работает контора!
Чего с ней не случилось той зимой:
её снега доверху заметали;
травил обогреватель дутьевой;
огонь палил...
Но это так... детали.
На нужды изведя моря чернил
и выстояв под зимними ветрами,
наш трест
в один прекрасный день
уплыл,
как утлый флот, качая парусами.
К унынию конторских бедолаг
слизнул бесследно паводок весенний
палатки вместе с кипами бумаг
и папками ответственных решений.

Вот так на свете!
Прозевашь день –
и не узнать насиженного места:
видна лишь кой-какая дребедень
на месте уникальнейшего треста.

ВИЗИТ ПРЕМЬЕРА

Из посещений пролетевших лет
один визит забудется едва ли,
хотя, стремясь увековечить след,
здесь многие тузы перебивали.
Но этот случай прочим не в пример –
вдруг донеслось из достоверных щёлок,
что завтра будет в городе Премьер!
И посетит наш временный посёлок.
Известие синклит вогнало в пот:
ведь в суматохе общего завала
на тот момент для полноты хлопот
Премьера только нам не доставало.
Какой же поднялся переполох!
Заторопились наводить порядок:
не то чтобы посёлок был так плох,
но где у нас в стране без неполадок.
К любой грязищи привыкает глаз.
Умеем всё загадить и заквасить.
Не ленимся зато и каждый раз
фасады перед праздниками красить.
Начальник наш изъяны оглядел
и разъяснил в проникновенной речи,
кому и что из неотложных дел
предписывает выполнить до встречи.
Во-первых,
чтоб не отключали ток;
второе –
чтобы ни единой драки;
и, в-третьих,
чтобы действовал каток.
(Не то покажет, где зимуют раки!)
Бессильный сотоварищам помочь,
я знал, что если не получит света
посёлок и на будущую ночь,
не доживёт электрик до рассвета.
Мне было ясно –
если хмырь какой
прохожему во тьме фонарь поставит,
ему не отвечать за мордобой –
начальник ЖКК свой пост оставит.

Лишь одного не мог уразуметь
я толком из начальнической шутки –
как превратить живую воду в твердь
при плюс один
и меньше чем за сутки.
Я уточнил –
какой же обалдуй
каток сумеет сотворить из мыла?
И услышал:
хоть сам на воду дуй,
а только чтобы до утра застыла.
Но вот везде парадности печать,
всё честно перепачкано в извёстке,
и руководство отбыло встречать
гостей на близлежащем перекрёстке.
Да разве предусмотрит наперёд,
как отпрыгнётся экстренная мера...
Пока начальник где-то в поле ждёт,
другой дорогой привезли Премьера.
Перед рядком участников смотрин,
горячим блеском полоснув по сердцу,
остановился чёрный лимузин,
и генерал открыл Премьеру дверцу.
Седые брови... Полудужья век...
Едва похожий на свои портреты...
К нам вышел из машины человек,
зачисленный при жизни в раритеты.
Ему навстречу ринулась толпа.
Загомонили...
Окружили сразу.
И мелкая словесная крупа
слилась в одну приветственную фразу.
Секунда – и привычную игру
уже ведёт ретивая охрана.
Но тут весьма некстати детвору
из школы отпустили слишком рано.
Мальчишки просочились между ног
по всем законам детского нахальства
и, бурно выражая свой восторг,
вцепились в полы высшего начальства.
Премьер при виде их повеселел
и с теплотой, присущей только деду,
враз отрешившись от великих дел,
включился в любопытную беседу.
Дословно я припомнить не могу,
но помню, что, вниманием согреты,
ребята,
в пять минут,

как на духу,
раскрыли наши главные секреты.
«Ну что, ребята, весело живём?»
«Не заскучаешь!»
Каждый вечер драки!
Один тут есть — не свалишь нипочём,
а что его поймали, это — враки!»
«Учителя помногу задают?»
«Порядочно!»
Да повезло везучим:
на линии почти всегда — салют,
а мы без света ничего не учим!»
«Я вижу слева в стороне каток.
Совсем пустой.
Наверно, он не к месту?»
«Так это лужа!»
Сверху чуть ледок.
Вчера залили... к вашему приезду!»
Полнейший с посещением конфуз:
отходит от намеченного плана.
Похоже, прогремим на весь Союз!
Но тут вмешалась в дело Марьиванна.
Она была в посёлке — управдом!
За хлопотами где-то припозднилась,
да прибежала
и, хотя с трудом,
сквозь оцепленье всё-таки пробилась:
«Кыш, пострелята! Прямо как смола...
Заговорили дорогого гостя!»
И гостя по посёлку повела.
И, между прочим,
пригласила в гости.
А там кипит случайно самовар.
К чайку — закуски, сладости, баранки
(завмаг не поскупился на товар
для сказочной скатёрки-самобранки).
И все решили, что посёлок свеж.
Мы загордились — рады, мол, стараться.
Но растворился в сумерках кортеж,
и стал начальник с нами разбираться.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Они пришли на разговор вдвоём,
и муж сказал
(хоть нелегко — об этом):

«Мы с Алевтиной пятый год живём,
но вот теперь
сошлась она...
с соседом.
Нас поселили с ним в один вагон,
и этот ловелас расставил сети...
Вы расселите...
Пусть уходит он.
Ушёл бы сам,
но за спиною
дети.
Поймите, распадается семья
и потому
нуждается в защите.
А всё из-за проклятого жилья...
На вас одна надежда.
Помогите!»
Начальник СМУ, конечно же, не бог:
с жильём в то время было ой как трудно.
Но этим двум
я отказать не мог —
решил,
как говорят,
сиюминутно.
И радовался,
глядя паре вслед,
что у людей вот разума хватило
понять,
какой им от развода вред,
и выправить семейное ветрило.
Хотелось верить —
дружно заживут,
детишек воспитают на КамАЗе,
а там, возможно,
раны заживут
(встречал такое в святочном рассказе).
И понял, что снаивничал вчера,
когда назавтра снова Алевтина
ко мне явилась на приём
с утра —
в сопровождении иного гражданина —
и заявила:
«Выручайте вновь!
Зачем семья, когда на сердце стужа?
Как ни судите, а у нас любовь.
Я умоляю:
отселите мужа».

ПРОРАБ ПОЛИНА

О стройке много создано картин:
есть на полотнах,
есть и на экране —
бессмертен мускулистый исполин,
запечатлённый на переднем плане.
Там сваривают что-то
и скребут...
И если в споре аргументы слабы,
то мат как неперменный атрибут
используют железные прорабы.
Уже стереотип создал народ:
прораб на стройке —
неуч
и тупица.
Настолько прост, что ежедневно пьёт
и через слово дико матерится.
Не знаю, может, где-то так и есть.
Жалею их —
достойны доли лучшей.
Но попрошу читателя учесть,
что мой рассказ про нетипичный случай...
На лбу короткой чёлочки мысок,
косынка из весёлого муслина,
курносый носик,
тонкий голосок —
такой явилась на КамАЗ Полина.
Любому недомерку по плечо,
похожая скорей на дошколёнка,
езде, где приходилось горячо,
нас выручала тихая девчонка.
Я обещал по многу раз в году,
что вот переживём лихую пору
и в ПТО её переведу.
Или ещё куда-нибудь в контору.
Но делать это было не с руки,
и я повременить старался малость —
ведь там, где пасовали мужики,
у девочки Полины —
получалось!
К нам шёл командированных поток:
отпетые,
прожжённые,
«арапы» —
кому лишь отсидеться под шумок.
Я отправлял их
под начальство
«бабы».

На тех, кто норовит очки втереть,
не действуют облыжные угрозы,
но оказалось —
легче умереть,
чем отвечать на тихие вопросы.
Сам удивляюсь —
чем она брала?
Но только раскуражится верзила,
ан глядь, уже залётного орла
Полина
тихим голосом сразила.
Перед такой пойдя повыступай,
когда не довести её до крика:
начнёт бузу матёрый краснобай,
а после смотришь —
форменный заика.
Пыхтит заросший до бровей примат,
а прочие смеются над собратом.
Они, конечно, не забыли мат,
но кто попрёт на тихий голос
матом?
И нет уже желания темнить.
А девочка, держа в руках всецело,
работу так умела объяснить,
что оставалось только
делать дело.

ПОЕДИНОК

Микрорайон почти закончил спор,
деревню выжав дальше за овражек,
остался только одинокий двор
в сомкнувшемся кольце многоэтажек.
Ещё дымком кудрявилась труба,
и на пятно полуденного солнца
таращила пригожая изба
до синевы промытые оконца.
Не слышал только тот,
кто вовсе глух,
как, будоража спящую округу,
в хлеву
«кукареку»
орёт петух
и осекается,
похоже — с перепугу.
Но передышка в битве — не отбой.
Записанный случайно в планы года,
дом привязали рядышком с избой,
отрезав половину огорода.

Строители пришли погожим днём...
Уже упали ветхие заплоты,
и сгрёб бульдозер в кучу чернозём,
когда хозяин прибежал с работы.
В калитку ткнулся,
а за ней – разгром.
Шальной от унижения и муки,
он вышел на бульдозер с топором:
немолодой,
тщедушный,
однорукий.
Бульдозерист со страху побелел
и, не надеясь на защиту стали,
заголосил:
«Ты что, старик,
сдурел?!
Не сам же я:
ведь сверху приказали!»
Идущему за гранью – трын-трава:
плевал он на законы и на нравы,
но, кажется, последние слова
спасли бульдозериста от расправы:
«А ты не видел, что перед ножом?
Команда есть –
давай побольше газу:
оно, конечно,
во дворе чужом
и совести не надо?
По приказу...
За разоренье моего гнёзда,
небось, получишь премию, паскуда?
Нагадил и – привет!
А мне – куда?
Я не желаю уходить отсюда.
Легко вам, пришлым, руку поднимать,
а для меня священны стены эти:
здесь родила меня когда-то мать,
здесь у меня на свет явились дети.
Я эти стены защищал клинком,
с войны пришёл увечным и недужным.
Врагу не дал,
а родный исполком
и сообщить-то посчитал ненужным.
Да что ты понимаешь, шалопай!
Тебе бы зашибить деньгу на пищу...
Чего трясёшься?
Чёрт с тобой – копай.
Ведь и других на это дело
сыщут».

ПЁС КАМАЗ

Щенок преагрессивно морщил нос,
кося на бригадира чёрным глазом...
И тот в бытовку цуцика принёс.
А парни нарекли его Камазом.
Наш тёзка вырос раньше, чем завод.
Оправдывая пищу и натуру,
частенько он облаивал народ,
хоть, в общем,
никогда не лаял сдуру.
Годок, другой — уже и старожил:
увереннее голос,
пасть пошире.
Мы строили,
он стройку сторожил.
И, скажем, сторожил —
на все четыре!
Тем временем закончили «нули»,
затем каркас воздвигли из металла,
закрыли крышу,
стены возвели;
монтировать станки пора настала.
А у собаки скучный ритуал —
везде оставить норовит пометы:
пёс регулярно ногу задирает
на разные громоздкие предметы.
Монтажники шутили:
прекращай!
Даёшь потачку низменным порокам.
Ещё на брак нарвёшься невзначай,
и корпус кувиркнётся ненароком.
За твой загривок не возьмут, небось,
а нам не избежать судов и следствий.
Но, слава богу, дело обошлось
без порчи и трагических последствий.
Возросший на отходах пищевых,
безродный пёс, а не собачий гений,
людей деля на наших и чужих,
имел свою систему отношений.
Обнюхает сначала новичка,
запомнит, чем особым тот воняет,
и через день хвостом издали
ему уже приятельски виляет.
С друзьями не стеснялся и проказ —
на грудь при встрече обе лапы вскинет
и на вопрос: «Как лается, Камаз?» —
вам облизать обличье не преминет.

Да отыскалась подлая душа.
Подонок,
невзлюбив за что-то шавку,
нашёл, что шкура пёсья хороша,
когда её использовать на шапку.
Он явной не выказывал вражды,
и парень был по виду симпатяга,
а только приближение беды
почувствовала ушлая дворняга.
Оборониться чем она могла –
одной лишь демонстрацией оскала:
у человека пищу не брала
и на попытку приласкать
рычала.
Закономерен в общем-то финал.
Добытчику не отказать в смекалке:
прикончил пса втихую, ободрал
и незаметно закопал на свалке.
Кто вам ответит –
велика ль цена
какой-то рядовой собачьей жизни?
И вообще – кому она нужна?
Десяток набезит,
лишь только свистни.
Убили пса...
Подумаешь – скандал!
Не путайся, собака, под ногами!
И раньше ведь,
когда надоедал,
пинали как попало сапогами.
Мы чаще об успехах говорим,
равняем их с эпохой или с веком:
герой у нас почти что херувим,
а должен быть он просто
человеком.
Дотошный сыск был проведён тотчас,
а в пересменку собралась бригада
и порешила:
места среди нас
нет живодёру.
Гнать подальше
гада.

ПРЕЕМНИК

Кто знает, что нам пишут на роду?
Выплёскивая горькую обиду,
кричал он:

«Не удержите!
Уйду!»
Я мог вспылить.
Но я не подал виду.
Я мог сказать горячему юнцу,
что он ещё молокосос,
мальчишка;
что надо к обручальному кольцу
добавить хоть бы капельку умишка.
Да мало ли о чём я мог сказать...
Хватало власти осадить, где надо,
и даже,
для острастки,
наказать.
Но я хотел закончить дело ладом.
Мне нравился вихрастый паренёк,
идущий в бой без хитрости и фальши.
Заметно было —
он не из припёк.
И я сказал:
давай работать дальше.
Остался он.
Давно и спор забыт.
За годы прокатившиеся добыт
и для семьи довольно сносный быт,
и для себя весьма солидный опыт.
Немало шишек выпало ему,
но этот мальчик не менял маршрута.
Сегодня он — начальник
в том же СМУ,
где «мастерил», придя из института.
У времени необратимый ход:
работаем,
живём в одном районе.
Теперь мы регулярно,
дважды в год,
встречаемся с ним в праздничной колонне.
Улыбка и пожатие руки...
Два пожилых и чуточку печальных
стоим у человеческой реки:
я — бывший;
он — теперешний начальник.
Мы оба —
взгляд назад и взгляд вперёд
в цепи геодезического хода —
вести людей сейчас его черёд,
ему на плечи — каждая невзгода.
Ах, жеребёнок, без узды и пут!

Обременённого нелёгкой ношей,
его давно по отчеству зовут,
а я по старой памяти –
Алёшей.

КОШКИН

«Ты умный парень, если не дурак,
но поглядим –
каков на самом деле», –
шутил когда-то лысый весельчак,
царивший в производственном отделе.
Всему приходу Дима вёл учёт,
и создавалось впечатленье чуда –
он без бумажки знал наперечёт:
когда поступит,
сколько
и откуда.
И если цифру ты какую подзабыл
из тех, что позарез необходимы,
то больше чем в себе уверен был:
наверняка отыщется у Димы.
Он планы перспективные верстал
и для заказов находил окошки...
Так постепенно Кошкин Дима стал
уже не Дима –
Дмитрий Палыч Кошкин.
Не обретя начальственных манер,
в костюме допотопного покроя,
шагал по стройке
главный инженер,
потом –
начальник Автозаводстроя.
Известно, что начальственная рать
вполне сравнима с трёхголовым змеем:
умеет глотки драть
и план давать,
а отдыхать нормально –
не умеет.
Когда, неделю честно отгорбив,
пора бы и поняньчиться с дитятей:
планёрка,
совещание, актив –
для них не весь набор мероприятий...
Гремит руководящая гроза,
и в зале, словно мальчишки, нашкодив,
единогласно руки тянут «за»,
хоть ум и сердце голосуют «против».

От этой нервогрёпки не сбежишь —
пусть грош цена тому патриотизму,
но если только чуть зашебуршишь,
поднимут
и прилюдно «вставят клизму».
За ежедневным каторжным трудом,
не различая праздников и буден,
он оставлял отгулы на «потом»,
забыв, как видно, что «потом»
не будет.
Его предупреждали доктора,
что сердце на раздумия наводит.
Но «кошки-мышки» — тёмная игра
и до добра обычно не доводит.
Два раза под ножом ему везло —
из ямы выкарабкался как-то,
да наступило чёрное число —
точнее, время третьего инфаркта.
Неясно, кто с лекарством перегнул,
но только он к подушке прикоснулся
и после операции заснул,
заснул на час.
Да больше не проснулся.
В последний путь —
единственный квартал —
снесли его до кладбища из дома,
где некролог над гробом зачитал,
сбиваясь с текста,
секретарь парткома.
И слышалось в штампованных словах
такое равнодушие чинуши,
что со стыда распались комья в прах,
и на морозе загорелись уши.
Да разве жизнь за то лишь отдана,
чтоб кто-то над трагическим барьером
пересчитал значки и ордена,
которых был покойный кавалером.
Ведь он трудился, не жалея сил,
чтоб родина была жива-здоровая,
и неужели вслед не заслужил
хотя бы человеческого слова.

СУВОРОВ

Он в день создания пришёл и потому,
в итоге скоростных переговоров,
стал Николай Иванович Суворов
одним из первых тружеников СМУ.

Его сочтя иных-других мудрей,
механик подал дельную мыслишку –
назначить бригадиром слесарей,
что и вписали в трудовую книжку.
Могу сегодня разгласить секрет,
известный лишь кадровикам-придирам:
доныне записей там больше нет –
Суворов
остаётся
бригадиром.
И сам, похоже, этим удивлён –
попав на стройку с думой о квартире,
тут собирался проработать он
ну, года два,
от силы – три, четыре...
А вот, поди ты, сердцем прикипел,
потом оброс привычками, как мохом,
и тяжело теперь менять удел,
когда до пенсии дотопать можно пёхом.
Но сетует:
осточертела тишь!
Полным-полно различных развлечений,
а, между тем, негаданно грустишь
о прошлых днях тревог и злоключений.
Ведь не один остросюжетный фильм
могли бы лентой выпустить отдельной
о том, что пережить пришлось самим...
Да хоть бы – про аварию в котельной!
Перепились там ночью мужики,
а утречком добавили с похмелья
и понеслось –
крутить маховики,
наверное, для пущего веселья.
Когда после обеда хмель прошёл,
то даже не могли припомнить повод,
но оказалось –
прогорел котёл,
и перемерз в посёлке трубопровод.
Котёл пустили с горем пополам,
а магистраль течёт –
не подступиться.
Венецию занарядили к нам;
второй Гольфстрим в Татарии струится!
Завечерело.
К тридцати мороз.
На теплотрассе лопаются трубы.

Посёлок, почитай, совсем замёрз,
а эти — совещаться!
Душегубы.
Сидят в тепле,
разводят словопрю,
опухшие,
охрипшие от споров.
Ну, я тогда себе и говорю —
не посрами фамилию, Суворов.
По-быстрому собрал своих ребят.
Обмозговали — что к чему — на месте
и за работу — факелы чадят,
дымится пар,
мы с ним дымимся вместе.
На небе звёзды, а в пару темно.
Сюжетик о подобной эпопее
весьма эффектно выглядит в кино.
В натуре это проще.
И страшнее.
Давно известно каждому мальцу,
что, доведя до высшего накала,
приходит фильм к счастливому концу,
а в жизни — бабка надвое гадала.
Пока мы ковыряемся впотьмах,
частями отключая теплосети,
остыли радиаторы в домах,
а кое у кого грудные дети.
Порывы устранили сообща,
торопимся скорей закончить сварку.
Да в спешке не заметили свища,
и шов потёк.
И труд пошёл насмарку.
Переступаем из последних сил,
усталость до предела укачала,
но холод спускники перехватил,
и начинать придётся всё сначала.
Уже заря забрезжила вдали,
когда мы в завершение канители
последний стык в порядок привели
и патрубков последний отогрели.
Нет,
лучше уж смотреть кино про секс.
Но тоже скучно.
Видимо, старею.
А с ночи той устойчивый рефлекс:
входя в подъезд, потрогать батарею.

СМУ

Чтоб с круч не улететь в тартарары
и не попасть под камнепад в теснинах,
из валунов, скатившихся с горы,
участки стен кладут на серпантинах.
В той кладке каждый камень –
индивид:
неровности, зазубрины, щербины...
Но если их раствор соединит –
удерживают сели и лавины.
Вот так и люди –
кто же без причуд?
Характеры похожи на камня.
Их подогнуть друг к другу –
тонкий труд,
он требует упорства и терпенья.
Своей судьбой за опыт заплатив,
я говорю, не мудрствуя лукаво,
что общество тогда лишь коллектив,
когда на общность выстрадает право.
Путь на подъём по самой сути крут,
объединённый общностью идеи,
в известном смысле коллектив –
хомут,
куда мы сообща вложили шеи.
Сюда несут и радость, и беду,
здесь претендуют на места под солнцем:
идут с надеждой на свою звезду,
а жизнь до глянца драит их суконцем.
Сквозь дымку повседневной слепоты
не грех к тем зеркалам оборотиться,
в которых отражаешься не ты –
вспомните в человеческие лица.
Не забывайте: что от них, что им...
И если кормим,
а не только доим –
наверняка любой завод сдадим,
а там, глядишь, и коммунизм построим.
Но мы тогда людей не берегли.
Преследуя возвышенные цели,
кидали миллиардами рубли,
а видеть человека не умели.
Мы попросту свозили с большака
упавших от инфарктов и от рака,
греша на то, что из рядов полка
некстати жертву вырвала атака.
Их много, неоправданных потерь
(ведь умирали далеко не деды),

и как непросто вспоминать теперь
в дни мира не увидевших победы.
Не на земле он —
в душах этот след.
И, обтирая зеркала от пыли,
мы видим, сколько натворили бед,
да что поделать —
молоды мы были.

Летела птица в тёплое дупло,
но любопытство подтолкнуло к дверце:
впорхнула внутрь самой себе назло
и бьётся в клетке.
Слева.
Там, где сердце.
Переживал, что жизнь со мной груба,
а мне её — на золочёном блюде б...
Считал — случайность,
говорят — судьба.
И СМУ сложилось из отдельных судеб.
Уже не всех в толпе я узнаю,
и многие меня, конечно, тоже.
Не удивляюсь —
общую семью
мы помним на пятнадцать лет моложе.
Доносит эхо:
этот жив-здоров,
тот приболел,
тот укатил,
тот помер.
Когда-то нам давало общий кров
СМУ, получившее из сотни первый номер.
Планида?
Допускаю.
Даже — фарт!
Достаться номер мог вторым и третьим.
Но он достался нам.
И это — факт.
Нам повезло.
И мы гордимся этим.
Другие СМУ пришлось нам почковать,
вдыхать в них силы жизненной начала,
и мы горды той миссией,
как мать,
что уйму ребятишек нарожала.
Сегодня, глядя с высоты седин
на путь от первого кола до ввода,
я вижу там и беды СМУ-1,
и корпуса кузнечного завода.

МИТИНГ

Всё копишь, копишь праздничную лень,
себе и людям не давая спуску,
но вот однажды наступает день,
когда вам объявляют —
дело к пуску!
Ещё нажим, ещё один рывок.
Издалека доносятся раскаты —
верхами утверждён последний срок
в преддверии неординарной даты.
О нём кричат на тысячу ладов:
авось призыв усилия утроит,
а что завод по сути не готов,
кого это серьёзно беспокоит?
Пытаясь славу дутую снискать,
почти буквально лезем вон из кожи:
умеем, братцы, пыль в глаза пускать,
считая, что любые средства гожи.
Когда вплотную время подождёт,
а повиниться не хватает духу,
спасает сногшибательный отчёт
и ставка на родную показуху.
Приём мошенства до предела прост:
провалы выдаёте за победы
и тем не только сохраните пост —
вам путь открыт в министры
и в зампреды.
Плевать, что корпуса ещё — вчерне:
вдоль котлованов протянули леер,
собрали пять машин на стороне
и ночью водрузили на конвейер.
Завод, залитый морем кумача,
заставили портретов перелеском
и сдачу бутафорского ключа
осуществили с выдумкой
и блеском.
Событие само —
не криминал.
Зачем скрывать — в часы душевной смуты
любой из нас с волнением ожидал
прихода знаменательной минуты.
Найдёте ли такого, кто не рад
моменту воплощения идеи:
собрался весь стотысячный отряд
участников закамской эпопеи.
В огромном цехе, как в стручке боба...
Подпёртый острым локтем побратима
наглядно видишь, что твоя судьба

от судеб остальных неотделима.
Нетерпеливые,
попридержите прыть –
политикан с улыбкою предтечи
прокашлялся:
«Позвольте мне открыть...»
И полились торжественные речи.
Ораторы вогнали сход в экстаз.
Потом для трёх простейших операций
пополз конвейер
и сошёл «КамАЗ»
на землю
в гуле криков и оваций.
Мгновенно полетели рапорта
с восторгами победного трезвона;
украсив транспарантами борта,
к Москве помчалась куца колонна.
У стен кремля устроен был парад
едва не под военные оркестры.
Дошло до оформления наград.
Кадровики засели за реестры.
Так чьи оценят звёздами труды?
Кто поизвестней – жаждал чести этой.
Но выдвинули серые ряды
героев с профильтрованной анкетой.
Воистину система мудрена –
она сродни внезапным оплеухам:
сегодня оглушают имена,
из тех, о ком вчера –
ни сном, ни духом.

ВРЕМЕННЫЙ ПОСЁЛОК

В районе бывшего посёлка тишина...
Окрест давно ни одного вагона.
Лишь изредка с подгнившего бревна
раскаркается сонная ворона.
И только в пору стылых октябрей,
роняя вниз черwonцы и рубины,
грустят у бывших окон и дверей
забытые берёзки и рябины.
Они одни из обитавших тут
не покорились духу запустения
и даже беспризорные
растут
среди останков бывшего селения.
А было время –
не жалея сил
в борении с житейским неуютом,

строитель хлопотливый посадил
их по соседству с временным приютом.
Весной всё зеленело и цвело.
На тонких ветках птицы щебетали.
И, может быть, родимое село
пришельцу деревца напоминали.
Сегодня территория пуста.
Но, приходя сюда
зимой и летом,
мы узнаём знакомые места
по чудом сохранившимся приметам.
Вон серебристый тополёк пылит
(а рос он у конечной остановки!)
Стояло ателье у двух раки
(вы к свадьбе покупали в нём обновки!)
Тот лознячок разросся из лозин,
застрявших возле книжного киоска,
и, помнится,
при входе в магазин
лиственной шумела стройная берёзка.
С той горки,
где кленочек на ветру
полощется, как мокрая пелёнка,
вдвоём с женой несли вы поутру
горластого сынишку-камазёнка.
И там,
где очертания двора
ещё хранит зелёная ограда,
резвилась неустанно детвора
в аллеях поселкового детсада.
Тропинкой побредёшь за чернотал –
и тянет оглянуться поневоле:
её когда-то сын ваш протоптал
короткою дорогой к бывшей школе.
Маячат днём,
глядят из темноты
минувшего свидетели живые:
то, заступив однажды на посты,
не сходят с мест деревья-часовые.
Но меньше,
меньше с каждым днём примет
в пределах опустевшего кочевья...
Наверное, пройдёт немного лет –
и вырубят последние деревья.
О чём жалеть...
Ведь как ни посмотри –
зачем теперь нам те ориентиры?
А память гонит вновь на пустыри
из недр благоустроенной квартиры.

ЛИШНЯЯ ГЛАВА

Написаны начальные слова,
и самого заглавие смущает —
я понимаю:
лишняя глава
в любом повествовании мешает.
Но мы вершин не видели путём,
куда коней немилосердно гнали...
Построили...
Глядим и не поймём:
на пользу наша лепта?
И нужна ли?
Что там, на дне потока громких фраз:
затем ли мы на холоде потели,
чтоб золотом оплаченный КамАЗ
варганил устаревшие модели?
Не нам бояться атомной войны —
в борьбе с врагом народ советский стоек,
увы,
куда опасней для страны
десяток грандиозных новостроек.
Спеша творить земные чудеса,
мы обскакали англичан и немцев,
уже сейчас воздвигнув корпуса
с расчётом на незачатых младенцев.
Временщики пока ещё в чести,
и спасу нет от алчущей оравы,
которая способна потрясти
умы людей.
И кошелёк державы.
Помянут только лёгкою деньгой —
и мы в погоне за доходом чистым
восторженно разграбим Уренгой
в отместку господам-капиталистам.
Любой орешек ныне по зубам,
и чем дороже он,
тем больше лаком —
дотянем скоро до Чукотки БАМ
и привезём оттуда
фигу с маком.
Нам бесполезно истину твердить,
что от богатств несметных бедность наша —
ухлопав миллиарды, получить
не можем и копейки с Атоммаша.
Зато нам целый свет рукоплескал:
досрочно покорили мирный атом!
Теперь, похоже, озеро Байкал
попало в руки новым геростратам.

Да что ходить далече...
За рекой,
под гром речей про человеческий фактор,
мы заложили новый долгострой.
А где он —
интегральный супертрактор?
Конечно, массы всё перенесут...
Им объяснят провалы недочётом,
и тех,
кого бы надобно под суд,
сопровождают на пенсию.
С почётом.
Но с каждой стройкой тяжелее кладь.
И сколько драть бесстыдно лыко с липки?
Так, может, перестанем повторять
«допущенные ранее ошибки»?
Неужто снова мы обречены...
Не денег жалко —
с совестью проблема.
Я вас прошу не забывать цены
и ставлю точку.
Кончена поэма!

Апрель — ноябрь 1986 г.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

ИСТОРИЯ — НАША ПРОФЕССИЯ

Беседа с главным редактором

В СОВРЕМЕННОМ КНИЖНОМ МИРЕ МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ» ЗАНИМАЕТ ОДНО ИЗ ВЕДУЩИХ МЕСТ. В ГОД ОНО ВЫПУСКАЕТ В СВЕТ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ НАИМЕНОВАНИЙ КНИГ. У НАС В ГОСТЯХ — ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕЧЕ», КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПОЭТ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ДМИТРИЕВ.

— *Сергей Николаевич, расскажите о том, как всё начиналось. Кто стоял у истоков издательства, о чём вы мечтали и как определяли свою миссию тематически?*

— Издательство «Вече» было создано в 1991 году выходцами из издательства «Молодая гвардия», где я в тот сложный период работал главным редактором. Сегодня можно с уверенностью сказать, что решение создать «Вече» было верным, наши надежды оправдались, и вот уже 23 года мы издаём всё больше книг. «ВЕЧЕ» — название историческое, в нём корни русской истории. Тут есть и совпадение: я родился в Великом Новгороде.

На протяжении двух десятков лет мы развивались в «историческом» направлении — половина выходящих у нас книг посвящены истории: исторические исследования, труды, научно-популярные серии. Второй блок — художественно-историческая литература. Нашей основной торговой маркой на протяжении пятнадцати лет является Валентин Пикуль. Издаются его полные собрания сочинений, уже тринадцать раз мы их переиздавали в новом виде. Вначале выпускали в переплёте и в мягкой обложке, теперь издаём в подарочном исполнении, используя современные полиграфические материалы и печатные технологии. В 1990-е годы мы издавали всех хороших романистов: Валентина Распутина, Василия Белова, Бориса Васильева, Владимира Карпова... С каждым годом издательство расширяло книжную палитру и вот в прошлом году добилось рекорда — более тысячи наименований книг, из которых около трёхсот — это исторические романы.

— У вас много серийных проектов. Назовите самый, на ваш взгляд, популярный многотомник.

— Из художественной литературы самая популярная серия сейчас — «Сибириада» или серия сибирского романа. В этом году я специально ездил в Иркутск, ведь мы выпустили книгу произведений Валентина Григорьевича Распутина. То есть, начиная с 2006 года, издали сто томов этой серии. Причём пятьдесят пять томов из ста — произведения ныне здравствующих авторов, то есть это текущая российская литература. А вот, например, Мамина-Сибиряка мы издали всего два тома. 60% книг нашего издательства — новые произведения, то есть недавно написанные.

Вторая очень известная серия — «Военные приключения», в которой вышло уже 260 томов. Это самые разные книги: и «Адъютант его превосходительства» Игоря Болгарина, и романы о Штирлице Юлиана Семенова, и «Момент истины» Владимира Богомолова. Если брать романистику вообще, то мы делаем ставку на издание советской классики, составляющей нашу гордость. Здесь книги выходят в двух сериях: «Народная эпопея» — это «Блокада», «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень», «Строговы», «Сибирь», даже «Неуловимые мстители». Одновременно издаём серию «Любимая проза. Сделано в СССР»

— Например, «А зори здесь тихие?»

— Это произведение мы печатали в нескольких сериях. Литературную «попсу» мы принципиально не издаём. Ещё выпускаем серию «Любимый детектив» — хорошие и уже подзабытые произведения Хруцкого, Адамова — отечественная классика детектива. Плюс к этому есть серии исторических приключений, романов по истории Отечества, «Казачий роман», была серия «Белогвардейский роман» — восемнадцать томов романов белой эмиграции. То есть мы постоянно стараемся быть на высокой рыночной волне, создавая новые проекты. Сейчас в плане серия «Уральский роман».

На мой взгляд, одна из лучших серий в современной художественной литературе серия «Номинация» — книги, которые номинировались на Патриаршую премию. В этой серии выходило несколько книг Юлии Вознесенской, в том числе «Мои помертвные приключения». Здесь же Олеся Николаева, Владимир Крупин, Александр Сегень...

Большой плюс в том, что «Вече» даёт возможность публиковаться современным авторам. Мы ориентируемся при этом на произведения, отвечающие, прежде всего, классическим русским традициям в литературе.

— А Достоевский, Толстой?..

— Собственно русскую классику XIX века мы мало издаём, это делают другие издательства. А нашему «срезу» больше подходит, например, вышедшая в этом году в серии «Сибириада» «Царь-рыба» Виктора Астафьева.

— Такие авторы важны для молодёжной читательской аудитории, есть они и в ЕГЭ, в разделе прозы второй половины XX века.

— Верно. А ещё одна серия наших книг называется «У истоков Руси». Сейчас сделали трёхтомник Бориса Васильева: «Вещий Олег», «Княгиня Ольга», «Александр Невский».

— Удивительно, насколько широка «линейка» вашей серийной книжной продукции. В перестроечный период я работал в одном московском издательстве и хорошо помню, как в начале 1990-х любые книги раскупались «на ура». Потом рынок начал меняться, и уже к 1997 году многие издательства не выдержали новых условий и начали задыхаться — в условиях насытившегося читательского спроса и достаточно уплотнившейся конкурентной среды. Как вам удалось не только удержаться на волне, но и выплыть на широкий книгоиздательский простор?

— В первый год своей деятельности мы выпустили тридцать книг, на второй удалось издать пятьдесят авторов. Затем мы начали строить свою систему реализации книжной продукции. Это было самым главным. Издательства погибали почему? Они по старинке считали, что раз они книги напечатали, то их обязательно кто-нибудь заберёт, купит. Подобная негибкость, недалёковидность вели к краху. Надо было создавать свои отделы реализации, выезжать в регионы, проводить маркетинговые исследования, изучать спрос, договариваться с распространителями... Мы не сразу пошли в направлении собственной реализационной службы и в условиях эйфории «книжного бума» потеряли года три. И только с 1996 годов начали более правильно вести свой бизнес. Такие крупные издательства как «Эксмо» и «АСТ» первыми начали заниматься именно реализацией книг, они поначалу просто не издавали книги... Да, мы тогда несколько упустили время, но позиций не сдали, наверстали упущенное и сегодня входим в десятку крупнейших издательств России. И самое главное — мы нашли своё лицо. Некоторые издательства бросались из стороны в сторону — и тематически, и по видам деятельности, и погибли. А наша красная нить — историческая, патриотическая, и мы её принципиально держимся.

— *Но всё-таки на издания нужны средства, далеко не всегда книга может оправдать коммерческие надежды. Это раньше, в советское время, выплаченные писателям авансы просто списывали на творческую неудачу, а теперь несколько ошибок — и... как у Салтыкова-Щедрина: либо тебя жука проглотит, либо рак клешней перешибёт.*

— Мы выходили из кризиса за счёт диверсификации и часто выигрывали. Потому что когда делаешь более пятидесяти серий, и все они разные, у тебя меньше риска: одна серия не пошла, зато другая быстро нашла своих читателей и дала прибыль. Что ж, бизнес есть бизнес; иногда приходится и списывать плохо реализуемый тираж на неудачу, продавать остатки по заниженной цене. А теперь, как ни странно, 2014 год кажется нам одним из самых тяжёлых.

— *Вот как! После тысячи наименований в год... Но почему? Полиграфия, переплётные материалы подорожали из-за санкций?*

— Сегодня происходит резкое падение интереса к бумажной книге. Во-первых, из-за Интернета, из-за воровства электронных книг. Во-вторых, молодое поколение, по сравнению со старшим, читает мало. Увеличилось время продаж — раньше тираж книги можно было продать за полгода, а теперь некоторые книги и за два года не продашь. Оборот буксует, и получается, что деньги заморожены. Мы вынуждены увеличивать количество названий, дробить серии, нам нужен широкий ассортимент.

В прошлом году мы переиздали тиражи трёхсот наиболее востребованных наименований.

— *Но это немало!*

— Немало. Но они долго продаются... Сейчас появилась технология print-on-demand, позволяющая осуществлять печать по требованию. Когда потребовалось кому-то, например, пятьдесят или двести экземпляров, их оперативно печатают.

— *Один профессиональный художник сказал мне, что бумажные книги давно не читает, это слишком для него старомодно, а всех классиков он скачал в планшет...*

— Вы знаете, тут много иллюзий. Многие качают, но не читают. Это в советское время говорили, что 80% книг покупалось, но... не читалось, а ставилось ради красоты и моды на полку.

— *В начале 1990-х, на пике «книжного бума», у писателя-авангардиста Егора Радова, с которым я учился ещё в Литературном институте, вышел довольно скандальный роман «Якутия» тиражом 10 000 экземпляров. Помню, как долго он реализовывался, как Егор перевозил свою часть тиража с места на место. А в конце 1990-х он познако-*

мил меня в Переделкино со своей мамой, известнейшей поэтессой Риммой Казаковой. Её стихи выходили в тот период тиражами до пяти тысяч экземпляров, а иногда даже без указания тиража. Например, её книга стихов «Ломка» вышла в 1997 году тиражом всего одна тысяча экземпляров, и Римма Фёдоровна говорила, что использовались привлечённые средства. То есть издательства фактически перестали вкладывать свои деньги в книги поэтов-классиков советского периода. А какие сегодня тиражи книг у современных поэтов?

— Книги известных поэтов, например, Андрея Дементьева, — от трёх до пяти тысяч экземпляров. А продать пятьсот экземпляров книги неизвестного поэта — это, по нынешним временам, просто подвиг. Мы издаём «антологическую поэзию», то есть не авторские книги, а сборники, например, прекрасный двухтомник «Молитвы русских поэтов», «Антология поэзии XXI века», «Антология военной поэзии». Сейчас делаем антологию «Крым в русской поэзии и живописи». Сделали «Антологию стихов о русском языке». Многие из этих книг востребованы в библиотеках, вузах и школах.

— Многие ли поэты издают книги за свой счёт или на привлечённые — спонсорские средства?

— Процентов 70–80.

— Я думал, несколько меньше. Печальная статистика.

— Так или иначе, но мы постепенно подходим к мировой системе книгоиздания. У нас две тысячи экземпляров напечатаешь и два года ждёшь, пока их раскупят читатели. А, например, в Америке выходит в год миллион названий, но тираж одного такого названия может быть всего 100 или 200 экземпляров. Издатели и авторы не боятся малотиражности, выпуская по 50 книг на специальном оборудовании. Продадут и ещё столько же напечатают. Допечатка по заказу, тот самый print-on-demand. Это другое печатное оборудование, другая логистика. Лучший, если хотите, идеальный подход к делу: у издателя не должно быть книг, пока их кто-нибудь не закажет. Но в прайс-листе она есть, и, например, магазин «Библио-Глобус» может её заказать.

— Предварительный сбор тиража. Помнится, в советское время была подобная система заказа.

— Да, но такими малыми тиражами книги не печатали. Сегодня работаем в других условиях. Если издательство выпустило за время своей деятельности 10 000 названий книг, то обязательно нужен каталог таких книг. По этому каталогу можно заказать книги. Десять книг закажете, мы их напечатаем и вам продадим. Это совсем другая производственная логика. Кстати, беспроектная. Но... автор, конечно, будет недоволен. И полиграфисты, чьи типографии в большинстве своём настроены на большие тиражи, — страшно недовольны. Вскоре всё будет меняться, в том числе и вся система продаж. Думаю, ещё пять-семь лет — и такая издательская революция произойдёт.

— Электронная книга тоже продолжит своё методическое наступление или тут много мифологии?

— Мы занимаемся этим. Примерно тысячу книг легально выложили в электронном виде на сайты. Но есть сайты, на которых выложены книги «Вече» без нашего ведома, то есть попросту сворованные у нас файлы. С такими пиратами нам пока очень трудно бороться, если не сказать — невозможно. И по электронным книгам сегодня у нас очень маленький объём продаж. Есть данные, что 99% электронных книг воруются, и лишь 1% покупается официально. Если мы поставим книгу, например, по сто рублей, в Интернете, то за месяц купят лишь два-три экземпляра. Писатели, конечно, этого не понимают, они думают, раз их книги «поставили» в электронных магазинах, значит, там десятки тысяч скачиваний. Увы, это миф, и автору иногда

приходится ждать целый год, чтобы с электронной продажи его книги накопилась одна тысяча рублей.

Если государство примет закон — он в Думе на рассмотрении, — о защите электронных книг, то, возможно, через несколько лет заметим продвижение к лучшему.

— *Известно, что бумажные СМИ не вымирают: по статистике — сколько бумажных СМИ в год погибает, столько же примерно появляется новых. Можно провести параллель с книгоизданием?*

— Несколько лет держится такая цифра: 100–110 тысяч названий в год выходит в России в среднем. Я специально ездил в Книжную палату, посетил в Можайске знаменитый склад издательской продукции. Там, на этом интереснейшем объекте, видел по два-три экземпляра всех изданных в стране книг. Выставлены они по годам издания. Вот, например, стоят сто тысяч книг, изданных в этом году, а там — ряды книг прошлого года... Но происходит падение тиражей. Если в СССР выходило в год полтора миллиарда книг, то в этом году мы, наверное, достигнем только пятисот миллионов. Это очень мало.

— *Однако пятьсот миллионов — красивая цифра.*

— Да, вроде бы красивая, но получается всего по три с половиной книги на человека. Нас Китай обогнал по количеству книг на душу населения. Они выпускают шесть миллиардов книг в год. Я бывал в Китае, там очень хорошие региональные издательства. А мы по выпуску книг на душу населения находимся где-то далеко-далеко, так что Россия — уже не самая читающая страна.

— *Почему, на ваш взгляд, так происходит?*

— Потому что треть населения России не имеет доступа к новым книгам. Тридцать пять миллионов человек живут в сёлах, где вообще нет книжных магазинов. Раньше хоть лавки приезжали в село. В маленьких городах с населением до 50 тысяч человек тоже нет книжных магазинов, максимум — лавка на вокзале стоит или киоск. Вот и выходит та самая треть населения. Или взять подмосковный город Подольск, в котором четыре книжных магазина на население в 200 тысяч человек. Если посчитать, сколько человек приходится на один книжный магазин, то получится, что один из крупнейших городов Подмосковья отстаёт, например, от такого же по населению города Англии в несколько раз. Раньше в России, в РСФСР, было семь с половиной тысяч книжных магазинов, сейчас осталось меньше двух тысяч. Почему это происходит? Высокий уровень арендной платы за помещение, книги продаются долго, то есть у них низкая рентабельность. Сегодня выживают только крупные книготорговые сети, имеющие десятки и сотни магазинов, налаженную систему развоза книг, продуманную ценовую политику. Мелкие магазины, которым государство не даёт никаких льгот, не выживают. Если бы вместе со строящимся микрорайоном запланировали и книжный магазин со льготной арендной платой — было бы совсем другое дело.

— *Вместо этого появляется новый рентабельный винный магазин, и население читает... красивые этикетки на бутылках.*

— И потом, государство не даёт особых льгот и издателям. Да, у нас НДС — 10%, а не 18%. Но, скажем, во Франции, Англии вообще нет НДС, потому что там книгоиздание считается очень важным, особенным делом. А мы НДС платим по отгрузке. То есть книга ещё не продана, её только отправили на машине в магазин, а издатель, который деньги с продажи получит только через год, уже обязан заплатить НДС.

— *В общем, будет происходить дальнейшее уменьшение количества книг и дробление тиражей по системе print-on-demand.*

— Да, от этого страдают в первую очередь авторы, чьи гонорары уменьшаются с уменьшением тиражей их книг.

— *Писательство — во многом подвижничество. И писатели не могут не писать, когда в мире происходят такие катаклизмы, как теперь. И пишут, что называется, на злобу дня. Поэтому в вашем «историческом» издательстве и выходят книги, которые самым непосредственным образом тематически актуальны сегодняшнему дню или даже нынешней политической ситуации, не так ли?*

— Вы говорите о самом востребованном серийном блоке нашего издательства — исторических книгах «под общественный интерес»... Грянула Украина, и мы сделали книги «Россия и Крым: пять столетий борьбы», «Вся правда об украинской повстанческой армии (УПА)», «Русские и украинцы. Братья по вере и крови». В серии «Выбор России» вышли книги Александра Широкограда «Битва за Крым» и «Битва за Украину», книга Валентина Шигина «Севастополь. Город русской славы». Эти книги заставляют задуматься о наиболее опасных путях в мировой игре на геополитическом поприще.

Тайные механизмы, приведшие в прошлом веке к величайшим трагедиям, исследуются в книгах серии «Военные тайны XX века»: «Крым-1944», «Степан Бандера и борьба ОУН», «Непотопляемый авианосец Крым». Все эти книги сейчас очень востребованы. Многие говорят сейчас про Бандеру, но большинство людей о его жизни ничего не знает...

К 100-летию Первой мировой войны мы выпускаем серию романов об этом периоде. Мы заранее спланировали и подготовили такие издания. Выпустили очень интересную книгу «Первая мировая война в русской литературе», выпустили мемуары, дневники, а также издание «100 великих тайн Первой мировой войны». Есть в этих сериях и книги современных писателей. В ряду наших авторов — Арсен Титов из Екатеринбурга, получивший в 2014 году премию «Ясная Поляна» за большой роман о Первой мировой войне — за трёхтомник «Тень Бехистунга». Есть у нас также серия романов о войне 1812 года.

— *В Москве и Подмоскowie покупательская способность населения несколько выше, что в других российских регионах. Но не может такого быть, чтобы жители бескрайних российских пространств жили без книг. Покупают, всё-таки?*

— Вы поразитесь. Продажи по Москве и Московской области занимают 15–20 процентов от объёма всех продаж наших книг. Например, романы серии «Сибиряда» в перекормленной книгами Москве плохо продаются, их раскупают в Сибири, в Екатеринбурге, Томске, Омске. Там хорошо продаётся и классическая советская литература, серия «Любимая проза». В Санкт-Петербурге покупают много книг. Через Интернет книги тоже продаются, хоть и занимают 7–8% от всех продаж. Просматриваешь отчёты от интернет-магазинов «Озона» и «Лабиринта» и видишь иногда поразительные вещи: человек, зашедший на сайт «Вече», перешёл на «Озон» и купил там наших книг на две тысячи рублей, а другой — на три тысячи восемьсот. Статистика показывает, что читатели, интересующиеся историей, не покупают через Интернет по одной книге, а, как правило, раз в месяц совершают одну большую покупку. И система «Книга — почтой» ещё живёт...

— *Ну, наша традиционная почта — это ужасное явление современной жизни. Я могу привести массу примеров, негативных отзывов...*

— Тем не менее, продажа книг в регионах происходит и через «Книгу — почтой». Частные фирмы рассылают каталоги, у которых миллионный тираж, собирают заказ и наложенным платежом рассылают. Конечно, тут бывают потери: стоимость посылки, некоторые из заказчиков отказываются её получать, но всё равно система работает. И 10–15% книг проходит по «Книге — почтой».

— *Хороший процент.*

— Но тут есть своя специфика. Не всё берётся. Например, «Вечный зов» Анатолия Иванова можно продать по каталогу, а новый роман современного писателя не продашь.

Совершенно новое направление для нас — продажа книг в киосках. Сейчас во многих киосках Москвы и Петербурга продаётся наша серия «100 великих...» — «Сто великих писателей», «Сто великих тайн древнего мира» и так далее. Каждую неделю мы меняем по тому, а всего за год проходит в киосках пятьдесят наименований серии. Получается своего рода коллекция. В киосках одна книга должна продаваться по 100–150 рублей. Значит, в киосковую сеть мы должны отдавать нашу продукцию по 30–40 рублей.

— Назовём это парадоксом.

— А что делать! Они монополисты. Взять наши пятьдесят томов серии «Человек-загадка». Тут и «Наполеон», и «Стивен Кинг», и «Александр Невский». Все книги в переплёте, с выборной ламинацией на обложке — обо всём приходится договариваться с типографиями, а это очень непросто.

— Собственных магазинов и типографий у «Вече» нет.

— В самом начале нашей деятельности мы были совладельцами московского книжного магазина, несколько магазинов было в Новосибирске. Но мы вскоре отказались от такого способа бизнеса. Некоторые издательства имеют свою типографию, но это редкость. На рынке печатной продукции всё чётко разделено. Полиграфия — особый рынок.

— *Давайте вернёмся к регионам. Как обстоят дела с реализацией книг в Татарстане?*

— Казань для нас — очень хороший регион. Во-первых, мы сотрудничаем с полиграфической компанией, носившей название «Идел-пресс», а сейчас входящей в крупнейшую региональную медиакомпанию Республики Татарстан — «ТАТМЕ-ДИА». Мы печатаем там книги. Второе, там неплохой рынок сбыта, много наших читателей. Мы выпускали путеводители по Казани, полноцветные альбомы в переплёте. Делали даже допечатку тиражей. Я бывал в Казани, в Свияжск ездил, привёз стихи из этих поездок. Нравится и Башкирия. Всё это примеры мест, где разные народы могут гармонично жить. Это очень важно сейчас — огромный тысячелетний опыт сосуществования, жизни в дружбе и согласии. Для нынешнего времени — исторический пример общенародной мудрости.

Помимо художественной литературы, у нас много книг историко-справочной направленности, даже путеводители: по Байкалу, Крыму, Новгороду, есть и по новой, вобравшей в себя новые территории Москве. Были книги и о Стокгольме, Амстердаме — это тоже наша тематика.

— *В прошлом году вышла в свет ваша книга «На святом Афоне. Стихи русского паломника», составленная из фотографий и ваших стихов.*

— Я вообще считаю себя путешественником. По образованию — историк. Потом начал сочинять стихи, а затем увлёкся фотографией. Считаю, что мне посчастливилось всё это творчески соединить в новом жанре. Книга про Афон — пример моего собственного проекта, в котором под одной обложкой — стихи и фотографии, и, конечно, история того места, города или страны, в которой я побывал. Всегда путешествую с фотоаппаратом.

— *Недавно вы получили грант Президента России на проект с неожиданным названием «Фотопоззия». Это тот самый проект — книга о поездке на Афон?*

— Мой проект — фотостихи как жанр. Мне в Интернете нужно разместить всё, что я написал о России. Это семсот стихотворений и несколько тысяч фотографий. Но там будет возможность и для других авторов разместить свои стихи и фотографии о родном крае, например, о Казани. Это станет поэтической картой России. А там и весь поэтический мир охватим. Я посетил много стран. Недавно был в Африке, а всего на африканском континенте удалось увидеть десять стран.

По собранным в Иране материалам я выпустил книгу «Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века». Изучал жизнь Грибоедова, проехал много дорог, нашёл место, где он жил в Тавризе. А в Тегеране, в том здании, где убили Грибоедова, сейчас ничего нет, оно брошенное, постепенно разваливается. Там менялись владельцы, а сейчас его, к сожалению, собираются снести. Пытаюсь через МИД добиться отмены такого решения, или хотя бы мемориальную доску там установить. И по тому дому в Тавризе, где жил великий драматург и дипломат, тоже ветер гуляет. Жуткая история! Я об этом в «Литературной газете» и в своей книге писал.

— *Многое изменилось с советских и перестроечных времён. Российская полиграфия сегодня берёт очень высокую планку. Помню, ещё в 2000-м году приходилось печатать журналы в Австрии и Чехии.*

— Мы тоже вначале печатали книги в Венгрии, немного в Китае, в Литве. Таможенные расходы, потом еврозона появилась, а в Россию прибыло импортное полиграфическое оборудование. Многое с тех пор изменилось. Сегодня 90% наших книг выходят в переплёте — по ряду причин товароведы книжных магазинов не любят мягкую обложку, и по подписке — тоже переплёт предпочтительней. А вот бумагу, к сожалению, и теперь приходится иногда использовать дешёвую. Как говорится, не от хорошей жизни. Если использовать газетную бумагу, книга в магазине будет стоить 150–170 рублей, а если белую офсетную — цена в магазине вырастет до 300 рублей. Сегодня вновь появилась мода — печатать в Китае. Там, действительно, дешевле печатать, но там другая проблема — нужно три месяца ждать, когда книгу отпечатают, опять же таможня. И качество иногда не самое высокое. В Китае выгодно печатать цветные фотоальбомы. Кстати, одну мою книгу, внушительный по объёму альбом, мы напечатали в Ватикане.

— *Традиционный вопрос — о планах, перспективах издательства.*

— Впереди — празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Будут книги о войне, как художественные, так и научно-популярные. Планируем открыть серию «Офицерский роман». Для Министерства обороны мы выпускаем 100-томную серию, в которой уже вышло сорок томов. Здесь и Шолохов, и Твардовский, и Бондарев, и Вампилов... — широкий и крепкий пласт классической советской литературы.

2015 год объявлен в России Годом литературы. Министерством культуры подготовлен огромный план мероприятий, в который входят и празднования юбилеев писателей, в том числе 110-летие Михаила Шолохова, и различные фестивали. Мы планируем выпустить в Год литературы много новых интересных книг. Единственное, что огорчает, — с финансированием библиотек пока ситуация очень напряжённая. Очень мало закупок. Но я надеюсь, что, несмотря на все сложности и проблемы, книга всё-таки останется в поле зрения россиян, а мы будем продолжать своё издательское дело.

ОТ РЕДАКЦИИ: *Сергей Николаевич Дмитриев любезно предоставил журналу «Аргамак» право на публикацию своих эссе о странствиях по свету русских поэтов Ивана Бунина, Николая Гумилёва, Сергея Есенина, Велимира Хлебникова. С этого номера и начнём...*

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

И.А. БУНИН: «ПУТЕШЕСТВИЯ МЕНЯЮТ ЧЕЛОВЕКА»

Скитальцы русской поэзии

*Мир идущим пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божий День!
И.А. Бунин*

Удивительна судьба народа нашего: вызревая на просторах средне-русской возвышенности и почти не имея выходов к морям и океанам, за исключением северных, он веками с неимоверной энергией рвался покорить самые дальние пространства, найти себя в освоении мировых просторов. И ему удалось добиться этого лучше многих народов мира. Достаточно сказать, что на самый Дальний Восток русские пришли раньше японцев и китайцев, которые находились совсем поблизости от него, но так и не смогли сделать несколько важных шагов. Эта тяга русских ко всеохватности и даже всемирности принесла им не только громкие победы, но и неисчислимые страдания, зафиксированные рубцами войн на древе отечественной истории. Однако такое расширение русской цивилизации отнюдь не привело к гибели и деградации народов, вовлечённых в её орбиту, как это не раз бывало с империями другого, колонизаторского типа. Наоборот, благодаря своей всеохватности, российское государство само стало вскоре многонациональным, вобрав в себя культурные богатства множества народов.

А делалась эта гигантская многовековая работа усилиями конкретных энтузиастов и подвижников, казаков и воинов, путешественников и странников, которые, как по волшебству, постоянно появлялись на Земле Русской. Был в их числе и замечательный поэт и писатель Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), которого по праву можно назвать «скитальцем русской поэзии».

А ведь родился он в удалённом от мировых путей Воронеже и долгие годы жил в Ельце и на Орловщине. Кто тогда, в конце XIX века, мог представить, что вырастет из него великий странник, которому суждено будет увидеть почти половину мира.

«Странная вещь, — писал позднее Б. К. Зайцев, — этому без конца русскому человеку... орловско-елецкому дворянину, гордившемуся древностью своего рода, чрезвычайно созвучны и благодетельны оказались экзотические страны, океаны». А близко знавшая писателя Г. Н. Кузнецова прямо утверждала, что «Бунин всю свою жизнь жил жизнью не осёдлой, а скитальческой. В России не было у него своего дома, он гостил то у родных в деревне, то жил в Москве — и всегда в гостинице, то уезжал в странствия по всему миру. Поселившись окончательно во Франции, Бунин и там продолжал жить по-прежнему: часть года в Париже, часть на юге в Провансе, который любил горячей любовью».

*У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!*

*У зверя есть нора, у птицы есть гнездо,
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом
С своей уж ветхою котомкой! —*

так поэт выразил свои скитальческие будни в 1922 году. А началось всё с его первого путешествия по Малороссии, по Днепру, в 1894 году. «Позднее мне много пришлось помыкаться по белу свету, но, кажется, ни одно моё путешествие не запечатлелось так в моей душе, как эти недолгие скитания по югу России... — писал поэт в рассказе «Казацким ходом». — Прежде я бессознательно тянулся к скитаниям по новым местам, — теперь я ясно понял, что значат они. Я понял, что для того, чтобы жить полной жизнью, мало науки, мало одних книжных знаний и житейского благополучия. Для меня открылась красота природы, глубокая связь художественных созданий с родиной их творцов, увлекательность изучения народа и поэзия свободы и воли в скитальческой жизни...»

В апреле 1903 года Бунин впервые отправился за границу в Турцию. Как вспоминала впоследствии В. Н. Муромцева, будущая жена писателя, «он в первый раз целиком прочёл Коран, который очаровал его, и ему непременно хотелось побывать в городе, завоёванном магометанами, полном исторических воспоминаний, сыгравшем такую роль в православной России, особенно в Московском царстве... Византия мало тронула в те дни Бунина, он не почувствовал её, зато Ислам вошёл глубоко в его душу... Я считаю, что пребывание в Константинополе в течение месяца было одним из самых важных, благотворных и поэтических событий в его духовной жизни... Он взял с собой книгу персидского поэта Саади «Тезкират», он всегда, когда отправлялся на Восток, возил её с собой. Он высоко ценил этого поэта, мудреца и путешественника, «усладительного из писателей»... Бунину было в эту весну всего 32 года...»

Очень важно, что этой своей первой поездкой Бунин фактически изменил вектор путешествий русских поэтов, которые до этого, подчиняясь тенденциям того времени, устремляли свои взоры в благодатную Европу. Русская интеллигенция к тому времени до мозга костей пропиталась её веяниями, и это распространялось от моды на шуртки и коляски до моды на революционные идеи. Гоголь писал «Мёртвые души» в Риме, Достоевский колесил по Германии, а Тургенев — по Франции... Сорбонна была тогда столь же доступна для образованных кругов, как

Петербургский университет, а в споре западников и славянофилов почти всегда побеждали первые. Бунин же почувствовал сначала неясное, а потом всё более сильное влечение к Востоку, при этом он подпитывал свой нарастающий интерес к новому предмету изучением специальной литературы и образцов поэзии и культуры восточных стран. А сама страсть писателя к бродяжничеству проявилась в нём ещё с юношеских прогулок верхом или пешком по окрестным деревенским просторам.

В творениях поэта зазвучали совершенно новые ноты и образы, как в стихотворении «Айя-Софья», открывая перед российскими читателями ещё неведомый им мир Востока:

*Светильники горели, непонятный
Звучал язык, — Великий Шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал.*

*Кривую саблю вскинув над толпою,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе, и мёртвою, слепую
Она лежала на коврах...*

Очарование восточными картинами и приметам ислама, как ранее это происходило и с Грибоедовым, и с Пушкиным, и с Гёте, приводили поэта к нескрываемому религиозному трепету. В стихотворении «Белые крылья» (1903–1906) Бунин сказал об этом лучше всего, видя в своих странствиях нелёгкий путь к заветной цели духовного спасения:

*В пустыне красной над Пророком
Летел архангел Гавриил
И жгучий зной в пути далёком
Смягчал сияньем белых крыл.*

*И я в пути, и я в пустыне,
И я, не смея отдохнуть,
Как Магомет к святой Медине,
Держу к заветной цели путь.*

*Но зной не жжёт — твоим приветом
Я и донныне осенён:
Мир серебристым, нежным светом
Передо мною напоён.*

Поэт вообще не единожды уподоблял себя восточному страннику, который бредёт под звёздами, славя отпущенное ему на жизненном пути. В 1907 году в кратком, но чрезвычайно ёмком стихотворении «Нищий» Бунин пропел, по сути, гимн странникам и путешественникам мира:

*Все сады в росе, но теплы гнёзда —
Сладок птичий лепет, полусон.*

*Возноси хвалы — уходят звёзды.
За горами заалел Гермон.*

*А потом, счастливый, босоногий,
С чашкой сядь под ивовый плетень:
Мир идущим пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божий день!*

Воспевая Восток, Бунин не забывал и о романтически-любовном звучании восточного колорита. Достаточно прочесть его стихотворение «Зейнаб» (1903–1906), чтобы ощутить дыхание «Тысячи и одной ночи», переданное поэтом-путником:

*Зейнаб, свежесть очей! Ты — арабский кувшин:
Чем душевнее в палатках пустыни,
Чем стремительней дует палящий хамсин,
Тем вода холоднее в кувшине.*

*Зейнаб, свежесть очей! Ты строга и горда:
Чем безумнее любишь — тем строже.
Но сладка, о, сладка ледяная вода,
А для путника — жизни дороже!*

* * *

Восток пленил поэта. И совсем не случайно, собираясь в своё первое длительное путешествие, которое они называли свадебным, Иван Бунин и Вера Муромцева, окончившая естественный факультет Высших женских курсов и знавшая несколько иностранных языков, вновь выбрали именно восточный маршрут. Бунин тогда будто бы повенчался с Востоком, вновь и вновь перечитывал Библию и Коран, снова взял с собой в путь любимого Саади, постоянно читая его творения и восторгаясь ими. Супруги выехали из Одессы в начале апреля 1907 г. и вскоре были уже в Константинополе. Затем они посетили Афины, Александрию, Египет, Иудею, Иерусалим, Хеврон, Вифлеем, а впоследствии добрались до Ливана и Сирии, увидев Бейрут, Баальбек и Дамаск. Возвратившись обратно в Египет, в Каир, они восхищались Нилом и пирамидами. Именно тогда Бунин сказал, что «всякое путешествие меняет человека... Как нужно всё видеть самому, чтобы правильно всё представлять себе... Редко кто умеет передать душу страны, дать правильное представление о ней». Он начинает мечтать тогда о том, чтобы на несколько лет уехать из России, совершить кругосветное путешествие, побывать в Африке и Южной Америке, на Таити, в Китае и Японии. Именно это первое большое путешествие словно бы спроецировало всю дальнейшую, кочевую, по сути, жизнь писателя и Веры Николаевны, с постоянной сменой стран и мест пребывания, ведь прожили они совместно сорок шесть с половиной лет.

Конечно, Бунину удалось проехать вдоль и поперёк и почти всю Европу, но именно восточный мир тянул его к себе неотрывно. В середине декабря 1910 года он с женой отправляется в новое восточное путешествие, и супругам суждено будет увидеть Константинополь, Люксор, Ассуан, Каир. «Теперь, сбив все сапоги по пескам, могилам, пирамидам и развалинам храмов, ждём парохода на Коломбо, Сингапур, Японию», — писал Бунин в письме Белоусову 31 января 1911 года. Далее, на устаревшем французском пароходе, превращённом из пассажирского в грузовой, супруги неспеш-

но, за восемнадцать дней, по Красному морю и Индийскому океану добрались до Цейлона — самой дальней точки своих странствий, и провели там полмесяца, так и не попав в Сингапур и Японию и вернувшись в Россию только в середине апреля.

Воспевая свои странствия в многочисленных стихотворениях и рассказах, вплоть до самых последних дней жизни, писатель слил воедино поэзию и прозу, как единое искусство слова. Его про-

заические произведения вообще по своему настрою и ритмике больше напоминают освобождённую от рифм поэзию, нежели обычный литературный слог. «Свои стихи, кстати сказать, я не отграничиваю от своей прозы, — утверждал поэт. — И здесь, и там одна и та же ритмика... — дело только в той или иной силе напряжения её».

Обдумывая увиденное за границей, Бунин пришёл к интересному выводу, объясняющему страсть к путешествиям его самого и многих других подвижников: «Некоторый род людей обладает особенностью особенно сильно чувствовать не только своё время, но чужое, прошлое, не только свою страну, своё племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, «способностью перевоплощаться», и особенно живой и особенно образной (чувственной) «памятью». Для того же, чтобы быть в числе таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований... безмерно обогащённой за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью... И вот — поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломон, Толстой...» Такое определение поэта вселяет в нас уверенность, что ещё очень и очень долго будут появляться на нашей планете и на русской земле люди, подобные Бунину с его невероятной отзывчивостью на зов времени и приметы бытия.

Согласно представлениям Бунина, поэзия — есть Божья любовь, разлитая в мире, а задача поэта — ловить её и передавать другим людям. И насколько проще это удавалось делать ему в пути, в дороге, во время созерцания новых мест, людей и природных красот.

*Пора, пора мне кинуть сушу,
Вздохнуть свободней и полней —
И вновь крестить нагую душу
В купели неба и морей! —*

писал поэт в 1916 году, и признавался: «Я много... путешествовал по России и за границей... Я, как сказал Саади, стремился обозреть лицо мира и оставить в нём «чекан души своей», меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические». Он однажды откровенно написал о своём увлечении древней историей: «Тот, кто умер за две, три тысячи лет до нас, и подобия не имеет того, кто умер и погребён полвека тому назад... Две, три тысячи лет — это уже простор, освобождение от времени, от

земного тления, высокое и печальное сознание тщеты всяких слав и величий. Все мои самые заветные странствия — там, в этих погибших царствах Востока и Юга, в области мёртвых, забытых стран, их руин и некрополей...»

По словам Н. А. Пушешникова, Иван Алексеевич говорил, что он никогда не чувствовал себя «так хорошо, как в те минуты, когда ему предстоит большая дорога». В октябре 1912 года в беседе с корреспондентом газеты «Голос Москвы» Бунин признался, что в отношении странствий у него «сложилась даже некоторая философия», что он «не знает ничего лучшего, чем путешествия... Путешествия играли в моей жизни огромную роль».

Чем больше поэт путешествовал, тем более он убеждался, что «всё-таки оно есть в мире, — нечто неизбежно-священное». «В море, в пустыне, непрестанно чую над собой высшие Силы и Власти и всю ту строгую иерархию, которая царит в мире, — говорил он, — особенно ощущаешь, какое высокое чувство заключается в подчинении, в возведении в некий сан себе подобного (то есть самого же себя)». Ночью 12 февраля 1911 года на стоянке в Порт-Саиде писатель записал в своём дневнике следующие проникновенные строки: «Суздальская древняя иконка в почерневшем серебряном окладе, с которой я никогда не расстаюсь, святыня, связующая меня нежной и благоговейной связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, где моё детство, — иконка эта уже висит над моей корабельной койкой. «Путь Твой в море и стезя Твоя в водах великих и следы Твои неведомы...» Сейчас, благодарный и за эту лампу, и за эту тишину, и за то, что я живу, странствую, люблю, радуюсь, поклоняюсь Тому, Кто незримо хранит меня на всех путях моих своей милосердной волей, я лягу, чтобы проснуться уже в пути. Жизнь моя — трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далёкому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, Боже, сроки мои!»

Эти слова достойны того, чтобы выбить их золотыми буквами на мраморном памятнике всем тем странникам и путешественникам, в том числе и великим поэтам, которые, не жалея себя, узнавали и постигали другие миры, живописуя достопримечательности истории и красоты природы, воспевая Человека и Творца его, проникая в тайны жизни народов планеты. Иван Бунин, пожалуй, как никто в мировой поэзии, понял самую глубинную и трепетную суть путешествий и странствий по белу свету. И не случайно Господь услышал его молитвы, вознаградив писателя долгой жизнью и продлив жизненные сроки его с того памятного февраля 1911 года, когда Бунину было всего сорок лет, до ноябрьских дней 1953 года, то есть ещё на полных открытиях и свершениями сорок два года.

Во время всё той же поездки к Цейлону, 15 и 16 февраля 1911 года, Бунин сделал ещё одну возвышенную запись в своём дневнике: «Поздно вечером капитан поздравил нас со вступлением в тропики. Итак, заветная мечта, о которой столько мечтал я, перейдена... В шесть часов, тотчас же после заката солнца, увидел над самой своей головой, над мачтами, в страшно большом и ещё совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона. Орион днём! Как благодарить Бога за всё, что даёт Он мне, за всю эту радость, новизну! И неужели в некий день всё это, мне уже столь близкое, привычное, дорогое, будет сразу у меня отнято, — сразу же и навсегда, навеки, сколько бы тысячелетий ни было ещё на земле? Как этому поверить, как с этим смириться? Как постигнуть всю потрясающую жестокость и нелепость этого? Ни единая душа, невзирая ни на что, в тайне не верит этому. Но откуда же тогда та боль, что преследует нас всю жизнь, боль за каждый безвозвратно уходящий день, час и миг?»

Эту же самую мысль писатель повторил в своём дневнике в апреле 1940 года: «Вот, кажется, теперь уже несомненно: никогда мне не быть, напр., на Таити, в Гималаях, никогда не видеть японских рощ и храмов и никогда не увидеть вновь Нила, Фив, Карпана, его руин, пальм, буйвола в грязи, затянутого илом пруда... Никогда! Всё это будет существовать во веки веков, а для меня это всё кончено навсегда. Непостижимо».

Как не хватает нам в обыденной жизни вот такого мощного и всепобеждающего настроя на новые открытия, странствия и свершения, на продолжение своего пути, на продолжение благодатных побед над самим собой и своей ленью. Интерес к жизни никогда не даруется сам по себе, без усилий, его надо лелеять и развивать в своей душе, подчиняясь лозунгу, который сформулировал однажды писатель: «Ничего не охватишь, ничего не узнаешь, а хочется жить бесконечно, так много интересного, поэтического!»

Бунин писал, что подобно тому, как старым морякам снится по ночам море,

*И мне в предсмертных снах моих
Всё будет сниться сеть канатов смоляных
Над бездной голубой, над зыбью океана.*

* * *

А что же древняя и загадочная Персия? Неужели она не влекла к себе «великого скитальца русской поэзии», который, по моим приблизительным подсчётам, среди всех русских поэтов-путешественников уступает по числу увиденных стран только К. Д. Бальмонту? Обратимся к этому вопросу, перечитав фактически полное собрание сочинений писателя.

Впервые тема Персии зазвучала в стихах поэта в 1903–1906 годах, когда он был просто очарован Востоком и исламом, что нашло отражение в посвящённых им творениях, затмивших собой в тот период все другие темы. В эти годы Бунин, к примеру, вот так восторженно писал о Коране:

*Пастухи пустыни, что мы знаем!
Мы, как сказки детства вспоминаем
Минареты наших отчих стран.
Разверни же, Вечный, над пустыней
На вечерней тверди тёмно-синей
Книгу звёзд небесных — наш Коран!*

*И склонив колени, мы закроем
Очи в сладком страхе, и омоем
Лица холодеющим песком,
И возвысим голос, и с мольбою
В прахе разольёмся пред Тобюю,
Как волна на берегу морском.*

Персия появляется в стихах поэта как недостижимая мечта, как загадочный миф, как родина поэзии, которая манит и манит в свои туманные дали. Ещё в 1905 году он воспел в стихотворении «Эльбурс. Иранский миф» притяжение персидских далей:

*На льдах Эльбурса солнце всходит.
На льдах Эльбурса жизни нет.
Вокруг него на небосводе
Течёт алмазный круг планет...*

*И Митра, чьё святое имя
Благословляет вся земля,
Восходит первой между ними
Зарёй на льдистые поля.*

*И светит ризой златотканой,
И озирает с высоты
Истоки рек, пески Ирана
И гор волнистые хребты.*

Поэт прекрасно знал историю Персии и древнюю религию огнепоклонников. В стихотворении «Ормузд» (1903–1905), названному по-гречески в честь Ахурамазды, высшего божества огнепоклонников в древней Персии, возникшего из чистейшего света и являвшегося источником всего доброго на Земле, Бунин отразил главные постулаты зороастризма:

*Ни алтарей, ни истуканов,
Ни тёмных капищ. Мир одет
В покровы мрака и туманов:
Боготворите только Свет.*

*Владыка Света весь в едином –
В борьбе со Тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинам:
Возненавидьте только Тьму...*

А в истинном своём шедевре «Розы Шираза» (1906–1907) поэт не мог не воспеть столицу восточной поэзии, в которой творили и Саади, и Гафиз, и Хайям, прекрасно передав персидский колорит:

*Пой, соловей! Они томятся:
В шатрах узорчатых мимоз,
На их ресницах серебрятся
Алмазы томных крупных слёз.*

*Сад в эту ночь – как сад Ирема.
И сладострастна и бледна,
Как в шакнизир, тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна...*

*Пой, соловей! Томят желанья.
Цветы молчат – нет слов у них:
Их сладкий зов – благоуханья,
Алмазы слёз – покорность их.*

В персидских стихах Бунина бьётся живой пульс далёкой восточной страны, которую писателю так и не суждено было увидеть. А постоянным спутником его в восточных странствиях был, как мы уже отмечали, великий персидский поэт Саади, «да будет благословенно его имя!.. много его жемчужин нанизали мы рядом со своими на нитку хорошего слога», — писал о нём Бунин. В одном из лучших своих рассказов о восточных странствиях «Тень птицы» (1907) поэт подробно описал, как он упивался откровениями Саади: «В пути со мною Тезкират Саади, «усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Саади Ширазского, да будет священна память его!» И вот, в этой свежести утра, весны и моря, я сижу на юте и читаю:

— «Рождение шейха последовало во дни Атабека Саади...

— Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать на странствования и тридцать на размышления, созерцание и творчество...

— Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы обозреть Красоту Мира и оставить по себе чекан души своей!

— Много странствовал я в дальних краях земли, — читаю я дальше.

— Я коротал дни с людьми всех народов и срывал по колоску с каждой нивы.

— Ибо лучше ходить босиком, чем в обуви узкой, лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома!»

Бунин прекрасно показывает, что очаровательная поэзия Саади зародилась «в туманно-голубой дали» Востока, «в мистериях индусов, в таинствах огнепоклонников, в «расплавке» и «опьянении» суфийства с его мистическим языком, в котором под вином и хмелем разумелось упоение божеством. И опять мне вспоминаются слова Саади:

«Ты, который некогда пройдёшь по могиле поэта, вспомни поэта добрым словом!

— Он отдал сердце земле, хотя и кружился по свету, как ветер, который, после смерти поэта, разнёс по вселенной благоухание цветника его сердца».

Показывая прекрасное знание персидской поэзии и истории, Бунин причисляет творения Саади к вершинам человеческого гения: «Сев на ковре богопочитания, на пути людей божьей дороги, за каждое своё дыхание рассеивал Саади по жемчужине очаровательнейших газелей — и бесплотные на небесах, слушая его, говорили, что один байт Саади равняется годичному славословию ангелов».

В 1913 г. Бунин ещё раз обратился к своему любимому поэту, переведя на русский «Завет Саади»:

*Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь
Стволом кипариса, прямым и простым — благородным.*

* * *

Когда перечитываешь сегодня стихи, рассказы и дневники писателя, посвящённые восточным странствиям, больше всего поражает его восторженное и внимательное отношение к исламу. Казалось бы, почему человек, исповедующий православие и не раз демонстрировавший свою привязанность к родной земле, столь рьяно и открыто интересуется другой религией, старается проникнуть в её заветные тайны и обряды, а также понять поведение и веру простых людей? Ответ на этот вопрос, конечно, не может быть односложным. Во-первых, на отношении Бунина к исламу особым образом сказались поэтическое любопытство, которое всегда отличает великих поэтов, стремящихся прочувствовать и осмыслить незнакомые явления, во-вторых, любовь

писателя к истории, особенно древней, не могла не вызвать в нём повышенный интерес к религии, которая не просто определила образ жизни многих народов, но и привела фактически к их переходу или прорыву в совершенно иную цивилизационную модель. В третьих, интуиция и предчувствия поэта уже в те годы ясно показали ему, каким мощным духовным и энергетическим зарядом обладает ислам, и насколько усилится в будущем его влияние на развитие человечества. И, наконец, в четвёртых, поэт просто пленила зримая и бросающаяся красота исламского мира с его пёстрыми приметам в области архитектуры, декоративного искусства, поэзии, ремёсел, повседневных традиций и обычаев.

Более упрощённо можно сказать, что поэт Бунина захватила в свой плен поэтика ислама, и совсем не случаен его не скрываемый интерес к Корану — главной книге всех мусульман, которая, так же как и Библия, вобрала в себя целые пласты вековой восточной мудрости и поэзии, а также к фигуре самого Пророка (достаточно прочесть потрясающий рассказ-поэму Бунина «Смерть Пророка»). Вот, писатель плывёт на корабле по водам Суэцкого канала в феврале 1911 года и записывает: «Медленно проходили мимо засыпанные песком кустарники... Мир был безгранично пуст — ни единого живого существа вокруг, ни единого жилья... Но, казалось, душа всего человечества, душа тысячелетий была со мной и во мне. «Не пожелай дома ближнего твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его...» И меня охватывало умиление. Какая пастушеская наивность выражений! Но как это трогает и радует, — то, что человечество и донныне сохранило в полной неприкосновенности эти древние, наивные формы заповедей! Мы и не подозреваем всей силы таинственного влияния этой архаичности, её неизменности и независимости от преходящих земных условий... Младенчески бедны уставы, навсегда долженствующие быть нашей верой и нашим правилом, но в этом-то и сила их. Пастушеской простотой звучат они, но в простоте-то и вечность их, подобная вечности вот этого неба (просто синеего воздуха), вот этой земли (простых песков и камня)».

Когда писатель наблюдает за молениями мусульман, он улавливает глубину и неподдельность общей веры: «...Велик и непостижим владыка — и вот покорно падают руки вдоль тела, а голова на грудь. И ещё покорнее отдаются эти руки в узы его, соединяясь после падения под грудью, и быстро и бесшумно начинает всед за этим падать человек на колени и касаться челом праха. И тайные мольбы и славословия падающего ниц человека со всех концов мира несутся всегда к единому месту: к святому городу, к ветхозаветному камню в пустыне Измаила и Агари...»

А вот писатель описывает свои удивительные ощущения во время посещения Софии в Стамбуле в 1907 году: «Турецкая простота Софии возвращает меня к началу ислама, рождённого в пустыне и уже потом изукрашенного мавританской роскошью. Я знаю цену кружевному мавританскому зодчеству, арабескам и письму, узорчатая вязь которого зачастую не только письмо, а и произведение великого мастерства. Но, к счастью, ничего этого нет в Софии. Есть в ней только огромные зелёные щиты с пышными турами калифов. Но они не нарушают общей простоты». Писатель от своих ощущений переходит далее к изложению самой сути ислама: «И Христос и Магомет были исполнены страстной и всепокоряющей веры, не нуждавшейся в золоте, парче, бриллиантах, капеллах и органах. Первые суры Корана горели такими огненными буквами в юной душе Пророка, что поседели волосы его. Старый, больной, покоривший всю Аравию, он жил и умирал в мазанке и со слезами перебирал в сундуке бараньи лопатки, на которых, с его слов, записывали Коран. И в простых, порою свирепых душах его поклонников и донныне живёт несравненная в своей простоте и силе вера: ибо что, кроме ислама, владеет в наши дни таким страшным и так пла-

менно соединяющим в одну душу миллионы душ стягом, как зелёная полуистлевшая тряпочка, сохраняемая с дней Пророка!»

Эти слова были написаны сто лет назад, а кажется, что они имеют более явное отношение к дням нынешним, когда сила и распространение ислама только увеличиваются. И сегодня важно не усиливать конфронтацию между Западом и Востоком, между христианством и исламом, а находить точки их соприкосновения и единства, побеждая наносные, не связанные с вековыми традициями проявления экстремизма и агрессивности. Россия, объединившая в своём историческом лоне и разные народы, и разные конфессии, на протяжении веков демонстрировала миру, как следует уживаться в одном большом доме и православному, и мусульманину. А многие её великие мыслители, такие, как, например, Иван Бунин, оставили в своих трудах довольно ясные и чёткие ответы на острые вызовы времени, завещая нам «служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает всё сущее». «Как смешно преувеличивают люди, принадлежащие к крохотному литературному миру, — справедливо заметил писатель в 1911 году, — его значение для той обыденной жизни, которой живёт огромный человеческий мир, справедливо знающий только Библию, Коран, Веды!».

Много испытаний пришлось пережить Бунину на своём скитальческом веку, но уважение его к религии и неподдельная вера не раз спасали писателя от уныния и бессилия. Об одном показательном эпизоде из жизни поэта рассказал в своём дневнике 20 апреля 1918 года Н. А. Пушешников: «Вечером опять у Ивана Алексеевича. Он только что пришёл из церкви. Глаза заплаканы.

— После всей этой мерзости, цинизма, убийств, крови, казней я был совершенно потрясён. Я так исстрадался, я так измучился, я так оскорблён, что все эти возвышенные слова, иконостас золотой, свечи и дивной красоты песни произвели на меня такое впечатление, что я минут пятнадцать плакал навзрыд и не мог удержаться. Всё, что человечество создало самого лучшего и прекрасного, всё это вылилось в религию... Да, только в редкие минуты нам дано это понимать».

Бунин-путешественник, Бунин-поэт, открывший для себя и для всех нас чужие миры, оставил нам, как главный свой завет, страстный призыв хранить божественное Слово. В стихотворении с тем же названием он вывел чеканную формулу величия подаренного Человеку Слова:

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь Слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.*

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.*

МОЁ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В семейных преданиях нашего рода не сохранилось первое слово, которое произнесла я чётко и членораздельно. Разумеется, такое слово было, иначе я выросла бы глухонемой. Этого я, слава Аллаху, избежала. И более того, выросла довольно говорливой и общительной, со способностью воспринимать чужие языки. Любовь к русскому слову вылилась в моё позднее литературное творчество.

Я родилась в татарской семье. Дома все говорили на родном, и первое моё слово прошлестело, путаясь в детской слюнке, также на татарском.

У многих народов есть такое поверье: первое дитячье слово определяет судьбу ребёнка. Надо только расшифровать эту загадку, посылаемую свыше. А загадка, действительно, таинственна: почему именно это слово, а не другое? Как именно оно зародилось в слуховом и речевом аппарате малыша?

Но не всё же познавать, анализировать да расчленять. Главное, это произошло.

Родители мои появились на свет в позапрошлом веке, в самом его конце, в Вятской губернии. Нынче это Кировская область. Уже несколько столетий селились там по своим нухратам татары. Жили бок о бок с вятичами, русскими. Жили дружно, ничего не деля. Хватало всем вятской землицы, чтобы посеять и вырастить овёс и рожь. Пшеницу сеяли реже — коротко лето, чтобы золотом налилось крупное чистое зерно её.

Занимались татары коневодством, держали коров, овец, птицу, пахали огороды, работали в поле. Насколько помню по рассказам родителей, наш Нухрат, или Карино Слободского уезда, был заселён сплошь татарами. Иногородние, то фельдшер, то ветеринар — православные, очень быстро обучались обиходным словам местного говора. А иначе не заработаешь на житьё-бытьё.

Русским был и уездный урядник, который ежегодно приезжал в село на сабантуй, к празднику Рамазан, на окончание уразы.

Все мои тётки и дядья умели говорить по-русски, так как жили в уездном, а позже районном городке Слободском, где этот язык был основным.

Здесь отбывали ссылку Герцен, Салтыков-Щедрин и Александр Грин. Там и поныне существует одна из старейших библиотек России. Вот уже два с половиной столетия хранит она книги на русском, татарском, удмуртском, чувашском и других языках.

Случилось в моей жизни так, что я, завершающая ныне наш род, до девяти лет ни слова не знала по-русски. В семье каждые два-три года появлялся ребёнок. Подрастали в помощь отцу сыновья. Они пасли с ранней весны до поздней осени коней, при-

сматривали за жеребятками, ездили с отцом в лес за дровами для избы и бани. Пахали огород, трудились в поле. Старшие сёстры нянчили малышкой, ткали пестрорядье на самодельном ткацком станке, а летом помогали маме в заготовке ягод и грибов на зиму. Жили не голодно, со всеми делами справлялись сами, никогда не нанимали работников.

С наступлением тридцатых годов вошло в обиход и приобрело злое значение понятие «кулак». Словом этим малоимущие крестьяне, сельские босяки и лодыри, непутёвые пьяницы и перекасти-поле всякого рода клеймили зажиточных крестьян. Страна стала тем разгуляй-полем, где можно было нагреть руки на чужой беде. И чем активнее указуешь на «кулаков»-односельчан, тем большим можешь поживиться на чужом подворье.

В тридцать втором году, не желая вступать в колхоз, отец взял двух своих коней и ушёл из села наниматься, где можно, на ездовые и пахотные работы. Но колхозы создавались всюду. Кто не вступал в них, объявлялись врагами народа, кровососами, кулаками. Отец понял: от коллективизаторов не спрятаться, только семью голодом погубишь. И через полтора года мытарств вернулся в Нухрат. Там, в недосмотренном, недокормленном колхозном табуне и сгинули его кони...

Зарплату колхозникам не платили. Мифические палочки учёточников, которыми отмечались трудодни, давали в иные лета мешок-два зерна. Разве прокормишь этим большую семью?! На одном из сельских сходов отец высказал эту горькую правду, за что и был объявлен врагом Советской власти. Его сослали на десять лет в Забайкалье. За ним последовала семья.

Золотым, нетленным запасом стал в Сибири бесценный опыт отца-крестьянина. Мы выжили натуральным хозяйством. Работали все, даже я, маленькая.

Там, в бурятском улусе, ко мне пришло понимание, что не все люди говорят одинаково. Четырёхлетней девочкой оказалась я на берегу Байкала в окружении местных ребятишек. Они что-то говорили мне — я их не понимала. Бурятята начинали сердиться, и, хотя знакомство закончилось миром, между нами осталась какая-то преграда. Дома мама объяснила мне, что мы — татары, а они — буряты.

— Хорошо это или плохо? — спросила я.

— Не хорошо и не плохо. У них другой язык.

Я ощутила свой ладно лежащий во рту язычок, и мне захотелось увидеть, какой же язык у моих новых приятелей. Решила эту задачу очень просто и изобретательно. На следующий же день вызвала их на дразнилки. Показала им язык, что-то мыча, они сделали то же.

— Мама, у ребят такой же язык! — доложила я радостно. — Я видела, когда мы дразнились!

Мама засмеялась и объяснила, что буряты предметы называют иначе. Она взяла испечённый утром каравай хлеба, погладила его ладонью и сказала:

— Ипи — по-татарски, а у бурят — хобол.

Она вставила незнакомое слово, которое в моём сознании осело прочно и навсегда. Так началось моё первое лингвистическое путешествие.

Мои товарищи тоже сообразили, что я говорю как-то иначе. И они начали обучать меня. Взяв в руку камешек или ракушку, повторяли по несколько раз одно и то же слово. Первое моё осознанное лето на Байкале показало, что других людей понимать можно, запоминая произносимые ими слова.

Прищуривая и без того узкие глаза, аборигены добродушно улыбались мне, когда я называла предметы так же, как они. А если не хватало слов, мы переходили на язык жестов.

Помню, однажды в дождливый день мама пригласила маленькую бурятку зайти к нам поиграть. Мы просидели в нашем чуланчике часа два, пока не прояснилось небо над становищем. Без умолку говорили, смеялись, менялись игрушками, шарили по углам чулана. Нам было весело. «На каком же языке мы общались?» — думаю я сейчас, щёлкая клавиатурой компьютера. — Или это был язык детства?»

Для меня весь мир в те годы делился на бурят и татар. О русских я ничего не слышала.

Далёким эхом вспоминается мне самое первое русское слово, услышанное мной. Его произносили домашние, когда кто-нибудь из местных стучал в дверь нашей избы. Это было весёлое и раскатистое «да-да». Слово мне нравилось необычайно. Почему именно этим разрешением встречали домашние посетителей? Ведь и буряты не знали его. Оно как-то само по себе однажды вырвалось у отца, не знавшего, как по-бурятски сказать «войдите». Так и повелось в доме отвечать на стук русским «да-да». Для меня это слово стало ещё и первой считалочкой. Спускаясь бегом с крутого берега к кромке воды, я напевала его, как песенку.

Однажды, ведь всё случается однажды, на поверхности байкальской воды появилось нечто невиданное. Оно тарахтело, вспенивая воду, которую я почитала своей собственностью. Когда чудище приблизилось к берегу, незнакомые люди перекинули доску на берег. Отец сказал: «Пришёл катер. Это называется ка-тёр». Он поделил слово на два кусочка, видимо, для того, чтобы я его запомнила. Слово мне понравилось. Показалось, что оно имеет даже свой вкус. Высыпавшие на берег буряты также вставляли в глуховатый поток своей речи это звучное словцо. На берег сошли серьёзные мужчины в тёмно-синей одежде: штаны шарами до колен, голени обтянуты узкими высокими сапогами. Рубахи подпоясаны широким кожаным ремнём с блестящей железкой. На головах незнакомцев поблёскивали чёрные козырьки странных кепок. Мне эти головные уборы напоминали тарелку. Отец подошёл к сошедшим на берег, снял свою фуражку. От папиного колена пыталась я, задрав голову, понять, о чём они говорят. Но не понимала ничего. «Они — не татары, — сообразила я, — но и не буряты, ведь у них большие глаза». Отец, слушая этих людей, вставлял иногда своё «да-да», хотя двери поблизости не было и в помине.

«С чем-то папа соглашается, — додумалась я, обратив внимание на его кивки. — Наверно, «да-да» надо говорить, когда тебе что-то нравится». После отхода катера я спросила отца, кто эти люди. «Они русские. Мы говорили по-русски», — объяснил он и погладил меня по голове, видимо, отдавая должное моей любознательности.

Я поняла, что родители и старшие дети в семье понимают ещё один какой-то пока неведомый мне язык.

Жизнь нашей семьи продолжалась в привычном ритме. Течение времени я ощущала по смене времён года. Названий месяцев ещё не знала, ограничивалась понятиями зимы, весны, лета и осени.

Через несколько лет в знойный полдень знакомый катер снова причалил к нашему берегу. Мы уезжали с Байкала. Так хотел отец. Нас провожали все жители маленькой Томпы. Долгие годы отрочества для меня катером было всё, что двигалось или держалось на воде.

Потом много дней и ночей ехали мы в доме на колёсах. Все спали на широких полках в два яруса, застеленных соломой. Под полом что-то мерно стучало. Время от времени раздавался пугающий визг под настилом, и мерный стук смолкал, движение прекращалось. Посредине одной стены была громоздкая дверь. Она откатывалась в сторону от усилия взрослых. В этой утомительной поездке услышала я от отца слова: «стансыя», «вакзал», «кипяток», «быстрей». Он произносил их, разговаривая с со-

седами или сыновьями, обычно перед остановкой поезда на «стансиях». Кто-нибудь из старших сыновей бежал за кипятком с большим медным чайником.

Отец не курил, но всегда носил с собой кисет. В нём хранилась чайная заварка. Такая привычка осталась у него с тридцатых годов, со времени извоза. Он заваривал чай, и мы садились чаевать с сухарями и рымчиком. Так по-татарски называется подсушенный в русской печи до оранжевого цвета творог. Эта еда спасала нас от голода весь трёхнедельный путь до Вятки. Не сомневаюсь, что это одно из древнейших кушаний, ещё со времён Золотой Орды, хотя, наверное, готовился в те времена на каком-нибудь экзотическом мангале.

На нижних нарах, почти у пола, ехал с нами мужчина в полосатой рубашке. Много позже я узнала, что она называется тельняшкой — это самая популярная, культовая одежда моряков, знак моряцкой гордости и морского братства. В сумерках он обычно брал гармонь и начинал играть. Наш сосед напевал всегда одну и ту же песню, к которой я с удовольствием прислушивалась. Слова были сплошь мне не знакомы. Я уловила только одно слово, которое выделял голосом поющий. Это слово было «мелькнёт». Мягкое, даже певучее, но с сильным окончанием, словно молоточек стукнул по шляпке гвоздя. «Мелькнёт, мелькнёт, — шептала я. — Что за мелькнёт? Какой он бывает? Что с ним делают?»

Иногда в нашем доме на колёсах наступала полная тишина. Это бывало ближе к вечеру. Полумрак вагона прорезали розовые световые полосы. Они скользили по лицам пассажиров, зигзагами переламывались на стенах, отбрасывали свои блики на узком окне теплушки, тряслись в такт стучащим колёсам. Мне было интересно играть с этими розовыми зайчиками. Очень скоро я поняла, что эти почти огненные струи текут из щелей вагонных стен.

— Что это, мама? — спросила я, поражённая игрой необычного света.

— Кояш бата, — ответила она по-татарски.

Я поняла. Дословно в переводе на русский это означает «солнце тонет».

— А куда тонет солнце и зачем?

— Уходит на ночь отдыхать, — так же по-татарски ответила, улыбаясь, она.

— Но если тонет, значит в воде?

— Может быть, и так, — согласилась мама.

Я умолкла, но зрительный ряд о солнце, которое тонет или в воде, или в лесу, или за горой, долго будоражил моё воображение.

Много позже, когда мне было уже лет одиннадцать, и мы с мамой жили на Урале, я узнала, как это явление называется по-русски.

Мы сушили во дворе траву, вынесенную из леса. Опасаясь, что она отсыреет за ночь, зять торопил нас:

— Скорее собирайте сено в копёшки, солнце садится. Будет роса.

Я понимала уже почти все русские разговорные слова. Но в моём воображении диск солнышка моментально превратился в рыжую голову какого-то божества. Я представила, как оно садится на высокий добротный трон. Глагол «садится» в связке с божеством вызвал в моём воображении человеческий образ светила. И до сих пор в часы заката вспоминается мне картинка, придуманная в отрочестве. Она была вызвана странным сочетанием слов: солнце садится. Позже, учась на филфаке, я поняла, что это может удивить только того, кто изучает русский язык как иностранный. Те же, кому он родной, могут и не обратить на это внимание.

По приезде на Вятку мама устроилась на деревообрабатывающий комбинат, и мы получили в общежитии комнатку. Помню усталую улыбку на истощённом

лице мамы. Однажды она пришла с работы с коробкой в руках: её наградили радиоприёмником к октябрьским праздникам. Работа матери состояла в сколачивании продуктовых ящиков из сосновых дощечек. Иногда, если она долго не возвращалась с комбината, я прибегала в цех, ложилась на свободный верстак и засыпала, несмотря на стук молотков. Когда работа заканчивалась, мы шли по тёмным улицам Слободского домой.

Дома меня теперь ждало настоящее чудо: стоило мне повернуть шайбочку в центре чёрного картонного диска, как наша комната наполнялась русской речью: раздавался голос радиодиктора, сообщающий новости, незнакомые люди как будто общались со мной. Я мысленно беседовала с ними, собирая весь словарный запас языка, который становился мне таким же родным, как и татарский. Нередко лились в убогое наше жилище мелодии песен, музыка, кто-то читал для меня сказки. Я запоздало закончила первый класс обычной русскоязычной школы, стала понимать разговорную русскую речь. Она началась для меня с «мамы», которая «мыла рамы». И вот однажды радио подарило мне радость встречи с той песней, которую пел в теплушке моряк:

*Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.*

Я поняла все слова песни, кроме «за кормой», которое восприняла как одно слово. Да «мелькнёт» по-прежнему оставалось жгучей тайной. Я решила спросить об этом слове учительницу. Она удивлённо посмотрела на меня и сказала: «Мелькнёт» — значит бегают туда-сюда». Я остолбенела в своём недоумении: «Знакомый платок голубой бегают туда-сюда?! Как же это?» И опять осталось это слово во мне бесконечной загадкой.

Смысл злополучного и столь дорогого мне слова «мелькнёт» я осознала, когда училась уже в шестом классе. Это было опять в Забайкалье, в Читкане. Я жила в семье брата Габдуллы. Он преподавал историю в тамошней школе, его жена — русский язык и литературу. В их книжном шкафу стояли словари всякого рода. Среди них я увидела «Толковый словарь». Название тоже удивило меня: раньше слово «толковый» было для меня синонимом слов «умелый» и «умный».

С тех пор словари стали моими постоянными спутниками и учителями.

Интересна история приобретения мной первого орфографического словаря русского языка. Произошло это на Урале, куда вернулась я снова и училась с седьмого класса по выпускной. Скажу мимоходом, что мои переезды были связаны с экономической проблемой, кто будет содержать меня. Сестра и брат поделили между собой эту тяготу, за что я им благодарна.

В одну из суббот меня отпустили в кино в шахтёрский старенький клуб. На моё счастье, как поняла я позже, киноленту не доставили вовремя на шахту. На обратном пути, сунув руку в карман фуфайки, я ощутила прохладу новенького атласного рубля, на который можно было купить два-три пирожка или несколько цветных петушков на палочке. Совсем неожиданно, как-то само собой, бросилась мне в глаза написанная плакатным пером и чёрной тушью вывеска в одном из окон барака. «Книжный магазин» прочитала я, удивившись такому открытию. Неведомая сила приподняла меня и опустила на дощатое крыльцо. Я пробежала длинным коридором и открыла последнюю дверь с такой же вывеской. Робко заглянула в помещение, где на полках

было множество книг. Продавщица не обратила на меня особого внимания и, успокоенная этим фактом, я принялась рассматривать книги. И неожиданно для себя увидела знакомую корочку орфографического словаря из читканского книжного шкафа брата. Словарь смотрел на меня, как дружок из сибирского детства. Набравшись смелости и указывая на книгу, сказала продавщице:

- Тётя, можете мне показать эту книжку?
- Там нет картинок, — не глядя ответила она.

Но я решила не отступать:

- А мне картинки не нужны, я уже большая.
- Господи! — обронила «тётя» и, небрежно крутанув кистью руки, бросила словарь на прилавок. Книга, проскользив по инерции на доске прилавка, смиренно остановилась у моих пальцев, чтобы стать моим другом и помощником на долгие годы.

А тогда я впервые покупала собственную книгу.

Столбец за столбцом пробежала я глазами слова, с удовольствием отмечая уже знакомые мне и удивляясь множеству слов непонятных. Очень скоро я увидела их «гнёзда», объединённые общей частью, то есть корнем. Помню словесный ряд, куда входили и девица, и девка, и девишник, и девочка. Даже непонятный «девственник» соседствовал с девчатами и девушкой. Далее шли девственный и девчачий. Поняв в основном все слова, я задержала своё внимание на двух: девишник, долгое время думала я, это парень, который любит общаться с девушками. О девственнике пока мне не приходилось слышать. Его не знали ни мои немногочисленные подружки, ни домашние. Не доводилось слышать его и на уроках русского языка. Каким-то смутным вопросом повисло это слово в моём сознании, требуя прояснения. Пришло же оно, это прояснение, только в университете, где учились бойкие москвички, знавшие всё на свете и охотно просвещавшие нас, провинциалок из татарских семей.

Словарь помог мне познать неохватное богатство слов русского языка. Я перестала выбегать вечерами в коридор барака, где обычно встречались мы, подростки. Стала проводить время, сидя со словарём. Из него выяснила для себя жалкий объём собственных знаний по русскому. Значение многих слов я только угадывала, не умея объяснить себе разницу синонимов. Очень скоро, словно прослышав о моей нужде, учительница русского языка провела с нами интереснейшую практическую работу по использованию разных словарей.

Тогда ещё не было кабинетной системы в школах. Мы входили в один из классов на первый урок, уходили с последним, отсидев пять-шесть часов за чёрными партами с наклонной плоскостью и откидной крышкой. Учительница отослала наших парней-семиклассников в школьную библиотеку, наказав принести отложенные ею книги. Те возвратились с горой разноформатных словарей, которые были разложены по одному на наши парты. Я сидела с Валей Эльберт, немкой, семья которой с началом войны была репрессирована и выслана на Северный Урал. Нам достался словарь синонимов русского языка. Термин «синоним» мы знали по прошлым урокам. Задание было, на первый взгляд, не очень сложное: составить предложения со словами одного синонимического ряда, но не менее пяти. Я облюбовала слово «смелость», выписав к нему длинный хвост из пятнадцати синонимов. И тут же с грустью поняла, что только «храбрость» да «героизм» разве что понятны мне, только с ними, может быть, составлю предложения. Совсем приблизительным, даже смутным, было моё понимание слов: «дерзание», «дерзновенность», «дерзновение» и других. Но с этого урока я вынесла бесценное понимание того, что многое, неизвестное мне, можно узнать из книг, написанных на русском. Такого лексического богатства не находила я в родном языке, используя его только для бытового общения.

Захотелось читать. Эта тяга к книгам стала сильнее меня. Я читала всё, что можно было найти в бедной библиотеке дневной, а позже и вечерней школы. И хотя времени суток почти не оставалось после «вечёрки» и рабочей смены, чтение книг на русском стало для меня любимым досугом.

Много смешного случалось на этом долгом пути к другому языку. Так, я была буквально поражена, прознав историю слов «супруг» и «супружество». Они оказались однокоренными со словом упряжь! Вот это да! Моё довольно живое воображение быстро нарисовало рядом со мной высокого и сильного красавца, почти кентавра, облачённого, как и я, в широкие ремни общей упряжки. Мы бежали с ним, время от времени поправляя спадающую упряжь. Позже этот сон несколько раз снился мне.

Своя история познания у меня была со словом «соратник». Ещё долгое время после смерти вождя, вплоть до выступления Хрущёва на двадцатом съезде партии, всюду висели плакаты об усопшем как о «соратнике великого Ленина». Машинально читая эти постепенно выцветающие полотнища, я недоумевала, что бы это значило. Случилось так, что само слово «рать» не вписалось в круг понимаемых мною слов. Позже, когда я обратила внимание на его лексическое значение, прозрачный состав слова «соратник» стал для меня упрёком себе: как недогадлива я была! Зато эта маленькая история подарила мне навык «разборок» многих слов, подобных соратнику. Сокурсник, сотоварищ, соавтор, собеседник, собрат, современник стали ясными для меня, как утреннее летнее солнышко. Кому-то эта байка покажется смешной, скорее всего, русскоязычному читателю. Но собрат мой, пришедший трудными дорогами к пониманию русского языка, поймёт меня.

«Да здравствуют словари русского языка!» — хочется дурашливо воскликнуть мне, заканчивая эту часть моего повествования.

В 1956 году купила я на скоплённые деньги книгу Льва Успенского «Слово о словах». Она только что была выпущена Государственным издательством детской литературы в Ленинграде. Надо ли говорить о радости, которую я испытала сразу в тот момент, когда ещё не читая книгу, а только просматривая её, увидела шаловливые рисунки на полях страниц. Надо ли говорить, сколько открытий сделала я в этой книге?! Чего стоит только одна история слова «самолёт»! Но меня поразила серьёзная мысль, не приходившая в голову раньше, но высказанная автором: «Разве можно думать без слов?» И с этим открытием пришло ко мне понимание, что я перестаю думать по-татарски. Мышление на русском стало для меня подарком, который сам собою сформировался к моему совершеннолетию. С этих пор я думаю по-русски. Успенский подарил мне два афоризма, которые на тот момент моего образования выражали полно и образно мои, пусть и не сформулированные пока мысли о русском языке. «Язык как река», — сказал писатель, имея ввиду живую жизнь языка, всегда обновляющегося, питающегося множеством народных слов и словечек. Это поняла уже в студенчестве.

«Язык как море». Думается, это сказано о лексическом богатстве русского языка, его стилях, фразеологическом многоцветии. С этой книгой Л. Успенского связан мой жизненный выбор. Мысль о будущей профессии всё чаще являлась мне. Постепенно я осознала, что она должна быть каким-то образом связана со словом, с языком. Я не ведала тогда того множества профессий этого порядка, о котором прознала позже. Стать преподавателем русского языка и литературы было наиболее вероятным решением. В книге «Слово о словах» прочитала я следующее: «Сочту свою цель достигнутой, если из десяти читателей этой книги хоть один потянется за другой, более ответственной и глубокой научной работой». Я тотчас причислила себя к тому одному читателю, на которого так надеялся Успенский.

К концу десятого класса, в те времена выпускного, я решила поступать в Казанский университет, на филологический. Всё произошло, как было задумано.

Университет стал для меня вторым домом на целые пять лет, которые, впрочем, быстро пролетели. Но домом особого рода, где я энергично познавала мир, людей, науки, искусство. Но главное — познавала саму себя, чувствуя, как крепнет ум и добреет душа от переполняющих её эмоций, от радости познания нового. Каким наслаждением было ждать начала лекции, когда под привычную трель звонка в аудиторию заходит преподаватель. Я испытывала радость, подобную моей детской радости от многоцветья солнечных лучей в чистой воде Байкала. А тут я с головой погружалась в музыку русских слов, ждала уже взрослых чудес: открытия преследовали меня на каждой лекции или семинаре.

Училась легко, с удовольствием первооткрывателя или наивного дикаря. Шло параллельное усвоение двух языков сразу. Это получалось само собой. На переменах мы общались на татарском, так было проще. В общежитии — тоже. Девушки из татарских деревень почти не говорили по-русски. Они просили меня растолковывать им смысл русскоязычных лекций на родном языке. В Казани было множество радиопрограмм на татарском. Нередко устраивались вечера татарской поэзии. Никогда позже не говорила я так хорошо на родном языке, как в студенческие годы.

Но русский язык стал для меня в эту пору основной эмоциональной средой моего обитания. Заразившись от своих первых словарей бациллой искательства, я обожала уроки языкознания. В них был простор для пытливого ума. Становились прозрачными многие неясные пятна лингвистического небосвода. А если появлялись там «туманности Андромеды», я знала: надо искать прояснения в умных книгах. Поэтому и читальный зал в некоторые дни наполовину становился моим жилищем.

В университете я уяснила значение личности педагога для формирования духовной сути студента. Ум, обаяние и интеллигентность преподавателей заставляли нас безоглядно влюбляться в ту или иную науку.

Такой была Лидия Алексеевна Беляева. Она читала лекции по литературе XIX века. На курсе не было студентов, не попавших под её доброе влияние. На первой же встрече с ней я стала вспоминать, на кого она похожа. Всю лекционную пару перебирала в памяти актрис, увиденных в кино. И, наконец, вспомнила: раннее утро или даже поздний рассвет, в воздухе ощущается неуютная влажность. В открытой пролётке прекрасная женщина, никем не провожаемая, гордая и одинокая. Она вся — в себе самой, в отверженности светом и желании быть любимой. Это была женщина с картины Крамского «Неизвестная». Удивительное сходство! Лидия Алексеевна была овеейна какой-то романтической дымкой. Особо остро почувствовали мы это после изучения творчества Льва Толстого: мы в ней увидели Анну Каренину! И этому были свои основания. Мужем Беляевой был хромой профессор математики, сухой, с холодным взглядом умных глаз. Он был австриец, оставшийся после плена в России. Мы сами, жаждавшие любви и романтики, дружно решили, что она его не любит. Он воплощал в нашем понимании Каренина. А грусть в великолепных глазах Лидии Алексеевны объясняли отсутствием Вронского...

Она сумела влюбить нас в творчество многих писателей, без которых Россия неммыслима. От неё пришёл к нам солнечный Пушкин — у нас родилась и надолго воцарилась его эпоха. Мы влюблялись, и с нами был он, мы грустили светлой пушкинской печалью, радовались хрущёвской оттепели со строкой: «...взойдёт она, звезда пленительного счастья». Девчата воспринимали декабристов, прежде всего, лучшими мужчинами, а уж потом — деятелями освободительного движения.

Зная, что поэзию труднее воспринимать тем, кто пока не владеет свободно русским, Л. А. Беляева познакомила нас вначале с пушкинскими «Повестями Белкина». Их увлекательные сюжеты покорили нас.

«Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им», — холодея, прочитала я в «Метели». Могла ли я на этом прервать чтение?! Из какого-то ложного чувства мы боялись тогда казаться сентиментальными, но Пушкин и здесь умело управлял нашими эмоциями. При чтении «Станционного смотрителя» слёзы не единожды наворачивались на глаза. Они чередовались с сочувствием к «маленькому» человеку Самсону Вырину и реальной, даже житейской радостью за Дуняшу с её красивыми детишками и безбедным существованием в столице. А как хотелось вдруг оказаться барышней-крестьянкой, чтобы влюбился в тебя молодой и красивый барин... Так на каком-то сердечном, а порой и бытовом уровне (в хорошем смысле этого понятия) учились мы не просто русскому языку, а языку Пушкина. Беляева утвердила нас во мнении, что без Пушкина не было бы Тургенева, Толстого, Бунина. Это нас тоже заинтриговало — мы шли беляевской тропой!

После такой душевной работы с прозой Александра Сергеевича стихи поэта мы воспринимали, как праздник. Сама собою родилась мысль провести сначала в своей группе, а позже и на факультете конкурс чтецов пушкинской поэзии. Не сильно ошибусь, если скажу, что Пушкин для многих наших остался на всю жизнь любимейшим поэтом. На всякое сердечное движение можно найти отклик в его поэзии. Удивительное свойство её: она не стареет уже два века! Поэт стал нашим современником и прошёл с нами по жизни, находясь где-то совсем рядом.

По велению наших судеб мы разлетелись по России. Встречались нечасто, изредка доверяли телефону накапливаемую годами грусть по прежней дружбе. К юбилеям писали письма. Совсем недавно перебирала я эпистолярное наследие целой жизни моей, так быстро пролетающей. Пожелтевшие уже конверты с символами страны, которая худо-бедно нас вырастила и выучила. В них — такого же оттенка листки, написанные разными почерками моих подруг. Впервые обратила внимание на одну интересную деталь: письма все, как одно, написаны по-русски. Но авторы их — татарки! Читала эти дружеские послания и размышляла: как это стало возможным, почему? Мне пришла поразительная мысль: в письмах мы говорили языком приязни и дружества, которому в юности научились у Пушкина. Нет, мы не забыли наш родной язык, из которого, как ростки из чернозёмной благодати, тянулись к небу, к солнцу, к Пушкину. Наш татарский — в нашей памяти о детстве, о семье, о первой любви и юности в стенах родной Альма-матер. А русский, как могучее крыло сильной птицы, унёс нас в иную культуру, многонациональную и могучую. Благодаря ему стали вхожи мы в духовный мир других народов, объединённых тогда большой державой.

Шестидесятые — семидесятые годы в смысле поэзии были по-хорошему запойными. Послушать поэтов собирались люди на огромных стадионах. Не боясь быть уличённой в высокопарности, могу сказать, что поэты того времени были настоящими глашатаями своего народа. И это несмотря на идеологическое всеисилие единственной тогда правящей партии.

Мы, молодые учителя, ещё не остывшие от жарких споров в студенческих аудиториях, принесли на уроки нашим первым ученикам «Высокие звёзды» и «Письмена» Расула Гамзатова. А он был аварцем. Зачитывались сами и давали старшеклассникам сборник стихотворений Давида Кугультинова «Я твой ровесник». А он — калмык. «Книга земли» Кайсына Кулиева сближала нас душевно с маленьким по численности балкарским народом. Всё это и многое другое, духовное, стало нашим достоянием

благодаря мастерству перевода русскоговорящих поэтов. И сами национальные авторы приобрели всемирную славу только благодаря переводу их на русский язык.

Поздно, но именно сейчас осмысливаю этот феномен, а тогда просто покупали книги поэтов, всех их почитая «нашими».

То же самое было и с прозой. Рамки эссе не позволяют мне составить полный список тех писателей, кто обогатил нас прозой. Скажу лишь о двоих из них. Вспомним только тугой и романтический взлёт киргиза Чингиза Айтматова и драматические, полные глубочайшей психологии повести белоруса Василя Быкова!

Где они и их сотоварищи по перу сейчас? Впрочем, это — тема уже другого исследования...

Через русскую речь обретали мы нашу большую Родину. «Малая» с раннего детства жила в нас. Это был невеликий клочок земли, на котором стоял отчий дом, окружённый ближайшим пространством нашего обитания. С годами чем шире становился наш кругозор, особенно в студенческие годы, тем больше появлялось на карте наших желаний тех мест, где хотелось побывать. Началось это на том же бельевском курсе, когда мы путешествовали вместе с Лидией Алексеевной и сразу всей группой, не выходя из аудитории. Это были её рассказы в сопровождении цветных слайдов о поездках по литературно-историческим местам. Сидя за столами с облупленной краской, мы оказывались то в Эрмитаже, то в Русском музее, то в Третьяковке. Вот мы уже в Михайловском, в его рощах. Едем в Святогорский монастырь, где покоится Пушкин. А через день-другой входим в обозначенный двумя белокирпичными столбцами въезд в Ясную Поляну. По липовой аллее проходим к белой веранде графского дома. Стоим в молчании у странной могилы без креста и без других символов веры. Здесь место упокоения русского гения, который верил только в народ. Заканчиваются аллеи, и нам открывается бескрайний простор то ли Тульской губернии, то ли всей России. Очарованные, мы появлялись то в лермонтовских Тарханах, то в Спасском-Лутовинове у Тургенева, то в некрасовской Карабихе.

Цветная палитра дешёвеньких слайдов оседала манящей мечтой на молодые души и требовала воплощения. Оно наступило позже, когда мы работали учителями. Отправляясь в дни отпуска по маршрутам своей мечты, мы открывали Россию как нашу большую Отчизну, где всюду нас понимали: мы говорили на русском языке.

Удивительны слуховые ощущения русских и русскоговорящих людей за границей, вдали от родины. В России русский язык — это воздух, которого не замечаешь, пьёшь его на потребу своему уму и сердцу. Он универсален и для будничной свары, и для высокого творчества. Успевай только черпать пригоршнями его звенящие выразительные слова любого стиля. Он всюду: от обычной кухни, затерянной в «каменных джунглях» многоэтажек, до бесчисленных каналов ТВ, радио, театральных подмостков, серьёзных и бульварных газет.

Совсем иное дело, когда ты за границей. В уличном потоке, в вагонах тусклых европейских подземок, в пригородных электричках — всюду незнакомая речь. И если ты не полиглот, а «читаешь и пишешь со словарём», как подсказывают порой анкеты, ты уподобляешься немому. Да, слышишь, что люди разговаривают, видишь их эмоции на лице, но сами они закрыты для тебя. Живёшь и день, и другой, познавая страну с помощью переводчика, если ты в групповой поездке. Но толмач — он ведь как речевой робот: отбарабанил своё, и гуд бай. Часто ты предоставлен там самому себе.

Случилось мне ощутить пронзительное одиночество в одной из столиц мира, куда я махнула в одиночку. По оживлённой улице долго шла молча: не будешь ведь беседовать сама с собой вслух. Озирала архитектурные красоты, всматривалась в моду обычного дня. Решила запечатлеть видимое на фото. Простым жестом попросила

встречного мужчину вписать меня в фотокадр моего «Полароида». Через минуту, держа в руке поблёскивающий квадратик снимка, поразила моему запечатлённому одиночеству в большой толпе людей. Поняла, откуда оно: между нами не было связи. Я не понимала их речь, хотя и слышала её обрывки. У нас не было общего языка: они не говорили по-русски, я не знала французского. Скоро я нашла довольно оригинальный выход из этой немоты. Отыскала сквер с безлюдной тенистой аллеей и начала вслух читать стихи для себя самой. Было достаточно поговорить таким образом по-русски — наступило душевное равновесие. Вышла из сквера с затаённой радостью: «Вы, идущие мне навстречу, знайте: я читала стихи русских поэтов!».

Но иногда везло: шли навстречу или обгоняли меня люди, говорящие по-русски. Это вызывало всегда удивление и радость: ты чувствуешь родство особого рода — родство речи. В гостиничных сумерках иногда певали русские народные песни. Это при групповых поездках. Под протяжный мотив с радостью осознаёшь: у тебя в России есть дом, есть свой язык общения. Там ждут тебя.

Случилось обитать в одной из западных райских стран. Я овладела её языком. Прошло какое-то время. Не веря себе, почувствовала непонятное мне отторжение от окружающего. Позже поняла: устала от чужого языка. Хотя русский был для меня вторым языком, я почитала его родным. Однажды там произошло следующее. Я заскочила в супермаркет купить что-нибудь на ужин. Впереди меня двигались вдоль витрин, блестящих чистотой и довольством, двое молодых людей. Сначала я не обратила особого внимания на них, пока не услышала роскошную многоярусную фразу на русском, которую не могу полностью или частично привести здесь из этических соображений. Ею мои соотечественники отреагировали на значимость товарного ценника.

И, подчинившись странному чувству, я поплелась вслед за ними, видимо, моряками. В городе был порт, куда заходили иногда российские корабли. Молодые люди говорили по-русски, не заподозрив соотечественницы в блондинке средних лет. Они продолжали осмотр товаров, щедро и своеобразно комментируя цены. Я, стараясь быть позади них, слушала прорывающиеся в речи непечатные слова на русском. Здесь они звучали для меня музыкой особого рода. Она влекла меня за собой. После этого пассажа неудержимо захотелось домой. Такова эмоциональная сила русского слова в далёком далеке...

У мужчин этот возраст называется порой возмужания: до старости ещё далеко, а глупая юность давно миновала. У женщин назовём его временем расцвета. Именно в такие годы встретила мне статья лингвиста, фамилия которого унесена теперь временем. В ней содержалось утверждение, что лучшие синхронные переводчики — мусульмане. Приводился поимённый список самых знаменитых из них. Якобы в слуховом и речевом аппарате моих соплеменников есть некие особенности. Они помогают органичнее проникать в фонетику других языков, способствуют необычайному переводческому успеху. Это утверждение вызвало во мне желание проверить его истинность. С языками у меня с детства были особые отношения.

По времени это совпало с моими внезапно открывшимися возможностями быть ежегодно и не однажды в ГДР. Всколыхнулось не забывшееся увлечение немецким на первых курсах университета, когда Отто Вильгельмович преподавал нам язык своего отвергнутого им фатерланда.

На потребу этой лингвистической прихоти я поставила всё: расходы на ежегодные поездки в располовиненную Германию и длительное проживание там. Иногда по три месяца и так несколько лет подряд. Ежегодные приёмы немцев в Мурманске

на праздники Севера. И это в те времена, когда палку копчёной колбасы приходилось доставать через райком партии. Странно вспоминать это из сегодняшнего пусть и дорогого, но реального изобилия. В Берлине покупала дорогие учебники и аудиосредства. Дело пошло на лад, вскоре я выслушивала комплименты по поводу разговорного немецкого. Даже испытывала какое-то удовольствие от холодноватого и дробно-звонкого произношения. Как и в русском, научилась по-рентгеновски ясно видеть слово насквозь, поддавшись захватывающей магии этимологии.

Но странно: внезапно всё оборвалось, словно и не бывало.

А произошло это так: однажды в Веймаре ночью я заблудилась. Почти не освещённая из экономии родина Шиллера и Гёте кинула меня на произвол судьбы. Нескончаемо долгую и холодную ноябрьскую ночь я плутала в поисках кемпинга, где остановилась на ночлег. В эту ночь как никогда захотелось мне безотлагательно оказаться на Родине. Хотя она переживала тогда худшие годы из времён застоя — уходили один за другим одряхлевшие «вожди».

После веймарской ночи я ни разу не была в Германии — не хотелось. Не забыть мне встречу с молоденьким российским пограничником, который попросил у меня паспорт и визу при последнем возвращении из Берлина. Он обратился ко мне, конечно же, на русском, и мне захотелось немедленного его обнять.

Чуть выше я писала уже об отторжении, посетившем меня в благополучной скандинавской стране, попасть в которую долгое время было самой желанной мечтой. Внезапно всё это отвалилось от души моей, как назохшие куски глины от уставших подошв пилигрима...

От пережитого остались незабываемые и не менее яркие впечатления. Явилось время именно в них находить волнующее, очень для меня дорогое. С душевной дрожью поняла: меня с новой силой влечёт в стихию русского языка.

Я начала писать! Как всякий неопит, решила осчастливить мир своими стихами. Правда, природный ум, самоирония и умение смотреть на себя со стороны помогли понять, что есть поэты истинные, много лучше меня. И хотя получила определённую долю похвалы от коллег по поэтическому цеху и с татарским темпераментом издала первый сборничек стихов под значащим названием «Встреча», я ушла в прозу. И в ней, не оглядываясь на необходимость рифмы, поиск которой тормозил мою пылкую натуру, я нашла, наконец, ту стихию, которая стала моим духовным прибежищем, главным делом быстро тающей жизни.

Ранним осенним утром накануне своего шестидесятипятилетия, не веря ещё себе, но подчинившись сердечному толчку, записала первые страницы своей «Повести о детстве».

Позже явилось эссе «Чай с яблоками», написались мемуары «Парижские эпизоды». Всё это, к моей радости, появилось в литературном журнале «Сура».

Творческим счастьем, длившимся изо дня в день, был 2006 год, когда мы вдвоём с Лидией Терёхиной создавали роман «Дороги для двоих».

Обращение к литературному творчеству на русском языке стало для меня абсолютно точным попаданием судьбы, когда счастливо совместились два обстоятельства: безграничная любовь к языку и ярко прожитая, насыщенная событиями жизнь, позволившая мне взяться за перо.

В весенние дни две тысячи пятого года, когда я только начала посещать литобъединение «Поиск», написалось стихотворение, в котором поведала я о радости владения русским языком, о моём единении через его посредство со всеми говорящими по-русски. Тогда никто из нас не знал ещё, что год две тысячи седьмой станет Годом

русского языка. В этих строфах нет, на мой взгляд, календарной заданности. Я должна была его когда-то написать.

*Не исключенье я: мой первый крик «уа»
Куда как был интернационален,
Понятен каждому и не буквален –
Он значил всё – вселенское «уа».*

*Но слово первое, что немоту прорвало,
Единственное слово, на каком?
Конечно, на татарском, на родном,
В чужой избе, в изгнание прозвучало.*

*Там, на краю шаманского селенья,
Меня порою бубен пробуждал.
И рокотом своим подбадривал Байкал,
Желяя мне скорейшего взросленья.*

*Я на бурятском лет до девяти
Вставляла в игры сурдопереводы.
Пёстроязычья моего тянулись годы,
Пока до русского мне удалось дойти.*

*Он стал водой из чистого ручья.
Мне предстояло пить его усладу.
И, пушкинских стихов внимая ладу,
Пугалась я: ужель теперь ничья?!*

*Меня влекла неведомая сила
В водовороты незнакомых слов,
Покуда сердцем я не ощутила,
Что было Слово прежде всех основ.*

*Забывать исток свой – Боже упаси!
Но не познаешь мир наречьем узким.
Пишу, и думаю, и говорю по-русски,
А значит, всем сестра я на Руси.*

ИГРА С ДИНАМИТОМ

*Тюркский мир. Культурные связи и противоречия.
Размышления после конференции.*

Габдулла Тукай сказал однажды: «САМАЯ ВЫСОКАЯ ЦЕЛЬ НАША — ВОЛЬНАЯ СТРАНА, СВОБОДНАЯ РОССИЯ». ПРОШЛО БОЛЕЕ СТА ЛЕТ, А ОСТРОТА ЭТИХ СЛОВ ТА ЖЕ — И ТЕ ЖЕ ПРОБЛЕМЫ СТОЯТ ПЕРЕД РОССИЕЙ. СЕГОДНЯ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ НЕОТДЕЛИМЫ ОТ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ И ОТ ВОПРОСОВ СОХРАНЕНИЯ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ТАКОВОЙ.

17 декабря закончила свою работу Международная научная конференция «Актуальные вопросы развития искусствоведения в России и странах СНГ», прошедшая в Казани и посвящённая 135-летию выдающегося казанского искусствоведа и художника П. М. Дульского (1879–1956).

Заглавной темой конференции была история искусствоведения в Казанском крае и роль Петра Дульского в её становлении. А основным полем исследования искусствоведов были разные аспекты культуры тюркских народов — от изобразительных традиций до особенностей системы норм и запретов вероисповедания, влияющих на мирозерцание и искусство. Отмечу широту поднятых коллегами вопросов — от современных тенденций в искусстве и рассмотрении постмодернистической реальности до проблем гендерного характера. Не последнее место было отведено и освещению проблем современного образования (в том числе сворачивание деятельности отдельных высших образовательных заведений). Другими темами конференции были музейная деятельность, археология, этнография, скульптура, музыка, театр и, наконец, книга и её оформление в арабизированных регионах и в Татарии 18 века, а также современная книга и новые формы её развития.

Первый день конференции был отдан преимущественно искусствоведению как таковому, в том числе истории его зарождения и развития в татарском крае — каковая была всецело связана с деятельностью Петра Максимилиановича Дульского.

Ряд сообщений был посвящён вопросам «цивилизации Шёлкового Пути» — назову этот феномен так. Поясню: речь о различных народностях, которые сейчас принято называть тюрками, подчас унифицируя их в контексте исторического и культурного взаимодействия. Если точнее, ареал обитания этих народов отнюдь не исчерпывался Шёлковым Путём. Тюркский феномен многополярен, он много сложнее, нежели та «болванка», в какую эту группу народов пытаются втиснуть

современные популисты. Это целый комплекс вопросов, а точнее, проблем, и он требует рассмотрения под разными углами, однако упорно обходится в угоду официальной идеологии. В этом смысле любопытно сообщение Гузель Рустемовны Сайфуллиной (Амстердам, Нидерланды), где в контексте музыки, особенностей музыкальной культуры прослеживались связи с исламской культурой. Гузель Рустемовна склонна строить единство большой семьи тюркских народов на этом цемента, в её понимании духовная составляющая ислама формирует единый тип мирозерцания, который определённым образом подтверждается и в музыке. (Мысль требует рассмотрения, и хотя эта точка зрения — лишь одна из множества граней взятой темы, я произвольно выделяю именно её, не касаясь профессиональных тонкостей музыки).

Иным образом смотрит на вопрос Саламзаде Эртегин Абдул Вагаб оглы (Азербайджан). «Мы имеем дело не с родственными культурами, а с ЕДИНОЙ тюркской культурой», утверждает профессор Саламзаде. Цитирую выдержки его доклада: «Исторически тюркские народы развивались как единый организм». «Тюрк — это духовное понятие. В терминологии Мурад Аджи тюрки — не столько этническая, сколько духовная общность. Их объединяло тенгрианство».

Настаивая на термине «тюркологическое искусствоведение», Саламзаде выделяет всю историческую группу тюркских народов, объединяя её по принципу единства духа и культуры, подчёркивая, что на протяжении своего пути разные ветви тюркских народов исповедовали различные религии: язычество, шаманизм, зороастризм, буддизм, христианство, несторианство, арианство, ислам, тенгрианство, единобожие, символизируемое Солнцем... Дополню этот список даосизмом, католичеством, манихейством, бытовавшим на территории Китая. Эволюция религий на территории Синьцзяня, населённого различными племенами тюркской группы, заслуживает отдельной монографии. Тем ни менее, по утверждению профессора, «это не мешало тюркам сохранять свою идентичность». Возникает закономерный вопрос: так в чём оно, единство духа, и каким образом можно зафиксировать неизменное и самодовлеющее тождество столь различных этнических ветвей за весь период их существования? И не надумана ли идея «монолитности», «спаянности» столь разных народов? На эти вопросы ответа не имеется. Касаясь археологии, Саламзаде даже изумляет аудиторию новой датировкой «Девичьей Башни» (Гыз галасы, Ичери-шехер, Баку), ссылаясь на исследования Гасана Гасанова: 714 год до н.э.! От себя добавлю, что официальная археология никоим образом не согласится с датировкой Гасанова Девичьей Башни, относя её к XII веку н.э., так же, как генетики не согласятся с утверждением полного тождества разных ветвей народов, которые сейчас принято относить к тюркоязычным.

Тюрки имеют разброс в своём генофонде. Это большая неоднородная группа народностей, не имеющая одного антропологического типа и географического происхождения. Она включает в себя по крайней мере девять подкатегорий. Перечислю: Алтайские сеоки; Башкирские, Казахские, Киргизские племена; Печенег, Половцы, Туркменские, Узбекские племена, Хакасские сеоки. Однако этот перечень не полон, поскольку не включает в себя, например, «китайскую» ветвь (не говоря об исчезнувших тюркских народах). Внутри тюркской группы одни племена тяготеют к европейцам, к готам; другие к хунну (хуннам) — древним кочевникам, воевавшим с Китаем, к монголам, к племенам Западной Сибири; третьи — к народам севера. И идея их полного единства абсолютно тенденциозна, притянута за уши в угоду различным сиюминутным мотивам, не последний из которых — обособить «тюрков», соединить их в один исламский мир, точнее, в одно воинство; возродить для них полумифическое

государство Туран, только в ИНЫХ границах, чтобы отделить тюркоязычные народы от России, от своей и её истории.

Опущу подробности конференции, хотя её темы, безусловно, стоят самого подробного обзора. Остановлюсь на том существенном, что осталось за скобками конференции, и что представляется мне самым насущным — особенно в настоящее время. Рассматривая разные аспекты тюркского мира, обычно обходят некий главный большой вопрос, а именно: вопрос исторического, глобального пути развития тюркского мира в рамках Евразийского континента — пути, который не возможен ВНЕ России. Вот об этом и хотелось бы поговорить. Время осмыслить уроки истории, которые мы отодвигаем от себя. А в связи с этим остановлюсь на характерном, даже — знаковом факте.

На протяжении всей конференции одна из авторитетных персон президиума, представитель Польши госпожа С. М. Червонная продвигала воинствующую роль судьи «Империи зла» России. Её заявления представляли собой вызов, демарш по отношению к «прокажённому» обществу, сознающему себя частью России, к носителям русской культуры как имперской и в качестве таковой требующей битья. Бывшая соотечественница не гнушалась грубым искажением исторической правды, очернением цивилизационной, подчас образующей роли России в процессе формирования, плодотворения и самоосознания древа евразийских народов. Заняв агрессивную позицию, граничащую с клеветой, она явила собой иллюстрацию неадекватности и деструктивности шовинизма. Её комментарии, не ограничивающиеся политикой, были уже не просто провокацией, но нарочитым очернением известных величин. Ревизионизм госпожи Червонной затронул и Российскую Империю как таковую, и Российскую Академию Художеств, и личность отдельных художников — Фешина, Волошина, Радимова, Медведева («Медведевщина и Радимовщина»), ею был снисходительно задвинут в угол и Пётр Дульский, как «писавший о малозначительных и подчас ничтожных именах». Огульно, вне всякой логики и фактов гостя обвинила Императорскую Академию художеств, которая-де взялась насаждать в нашем краю художество якобы с имперским намерением лишить татар их исконного пути развития и навязать им имперскую политику государства — ни больше, ни меньше. Госпожа Червонная заявила, что у татарского народа были свои художники — целый пласт художественной жизни до конца 19 века, когда начала свою деятельность Казанская Художественная Школа. А науки-де помешали нашей самобытности и развитию.

Факты утверждают обратное. Коснусь только последнего обвинения. Императорская Академия художеств, реформированная движением передвижников, к концу 19 века была пропитана идеями народничества и видела свою роль в служении народу, гуманистическим идеалам. Она не была инструментом реакционной политики царизма. Казанская художественная школа была организована не сверху, но по прошению выпускников Академии, поселившихся в Казани (это Н. Н. Белькович, Х. Н. Скорняков, Г. А. Медведев, Ю. И. Тиссен, А. И. Денисов), и именно в связи с назревшей необходимостью поднять уровень интеллектуальной и художественной жизни края. Первый заведующий школой в своём отчёте за период с сентября 1895-го по январь 1896 года писал: «...давно назрела в Волжско-Камском крае потребность в художественном образовании. <...> Академия художеств, проникнутая горячим желанием распространения художественного образования во всей России, обратила особое внимание на Казань, как на основной просветительный центр всего востока России, откуда надлежало бы поступательно нести художественные знания в народ — сначала в Волжско-Камском крае, а затем и в Сибири. Казанская городская дума пошла навстречу этому желанию Академии и 22 ноября 1894 года постановила ходатайство-

вать <...> об учреждении в Казани художественной школы». До того момента, согласно мнению искусствоведов, краеведов и научных сотрудников, в Казанском крае собственно татарских художников, представителей аутентичной народной школы, судя по сохранившимся свидетельствам, не было. Не было ни своей национальной станковой живописи, ни книжной миниатюры и графики (ссылаюсь на мнение специалиста по этому вопросу Ф. Г. Вагаповой). Причиной тому вижу всё тот же традиционный запрет на изображение одушевлённых существ, бытовавший в исламской культуре. В конце 19 века только-только начала появляться сатирическая карикатура, являющаяся низовым жанром в изобразительном искусстве. Из аутентичного наследия в Татарии имели место только народные и кустарные промыслы и ремёсла. Это не значит, что в Казани 19 века не работали художники академической школы. Но они не были представителями татарской живописи — таковой на тот момент не существовало. (Сознательно не говорю о таком виде живописи как иконопись, которая имела место в Казанской губернии, поскольку этот род искусства по определению исконным не являлся). В Казани были коллекционеры, меценаты и ценители кисти, представлявшие российскую интеллектуальную и научную элиту. Цитирую: «В Казани работал живописец Л. Крюков. Он написал ряд портретов представителей светского общества и интеллигенции того времени. Живописцы З. Иванов, Ф. Мелентьев также творили на землях Казани. И, наконец, с Казанью связано творчество таких известных русских художников, как И. Шишкин, А. Боголюбов, Л. Каменев, В. Худяков» (<http://tatarkitap.ru/istoriya/iskusstvo-tatarstana.aspx>). Иллюстрации и фото из книг и журналов XIX века, изображающие быт и типы наших соотечественников, подписаны немецкими, французскими, русскими фамилиями. (Например: Казанские татары. Pauli F. H., «Les Peuples de la Russie», 1862 (<http://zidanio.livejournal.com/26120.html>). Этнографическими изысканиями, научными исследованиями в области краеведения, археологии, антропологии, просветительством, миссионерством в Казанской губернии в XVIII веке и до середины XIX века также занимаются немцы, русские, итальянцы, французы, но не представители коренного населения края. Только в середине XIX века, когда Российская Империя учредила в Казани научные организации и таким образом привела к систематизации труда исследователей, появились предпосылки к тому, чтобы татары приблизились к науке и занялись исследованием собственной культуры, перешагнув сразу несколько ступеней своего развития.

Приведу лишь ряд фамилий тех, кто восполнил для потомков эти лакуны: М. Невзоров, К. Фукс, И. Эрдман, Э. Турнерелли, С. Е. Мельников (краевед), Д. К. Зеленин, А. Ф. Риттих, И. П. Смирнов, Н. И. Ильминский, А. Сперанский, выдающийся тюрколог и первый хакасский учёный Николай Фёдорович Катанов и другие. Вот небольшой перечень трудов этих авторов: работа М. Невзорова «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.», опубликованная в 1803 г., труды Карла Фукса, на которые опирались последующие исследователи: «В 1832–1834 гг. он печатал свои статьи в «Заволжском муравье», где публиковались и материалы участников кружка любителей краеведения, который сформировался вокруг К. Ф. Фукса» (источник — «Образ татар-мусульман Казанской губернии в трудах современников XIX — начала XX вв», автор — Руслан Габидович Мифтахов, научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat 2011 г. <http://www.dissercat.com/content/obraz-tatar-musulman-kazanskoi-gubernii-v-trudakh-sovremennikov-xikh-nachala-khkh-vv>). Цитирую:

«Иоганн Эрдман с 1810 г. (семь лет) возглавлял кафедру патологии, терапии и клиники Казанского университета. Результатом его деятельности стал трёхтомный труд «Сведения о России», первая часть которого именуется «Медико-топографическое отношение Казанской губернии и города Казани». Эдуард Турнерелли около

семи лет преподавал английский язык в Казанском университете. Его перу принадлежат такие работы, как «Виды Казани, рисованные с натуры Эдуардом Турнерелли», «Казань и её обитатели», «Россия на границе с Азией».

«Из казанских краеведов, участвовавших в кружке К. Ф. Фукса, необходимо отметить М. Рыбушкина и В. А. Сбоева... Интересна работа А. Ф. Риттиха «Материалы для этнографии России. Казанская губерния»... Земский деятель К. Лаврский в своём труде «Татарская беднота (статистико-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии)» писал об экономическом положении разорившихся крестьянских хозяйств...

«С середины XIX в. наряду с работой отдельных лиц, изучающих край, возникают научные организации, в деятельности которых активное участие принимали не только русские, но и представители местных народов (Русское географическое общество, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете)». «Необходимо отдельно выделить работы миссионеров и студентов Казанской духовной академии» (из текста Мифтахова Р. Г.).

Не последнее место в этом ряду занимает и работа А. Сперанского «Казанские татары» (историко-этнографический очерк) / А. Сперанский. — Казань: Центр, тип. 1914. — 30 с. Интересен труд Я. Д. Коблова «Граф Толстой и мусульмане» (по поводу переписки Л. Н. Толстого с казанскими татарами) / Я. Д. Коблов. — Казань: Тип-лит. Имп. ун-та, 1904. — 42 с.

А к ключевым именам представителей национальной интеллигенции следует отнести, например, Ш. Марджани — это «первый идеолог татарской нации», религиозный деятель, философ, историк, просветитель. Однако большая часть его произведений была издана на арабском языке. Его труды выходят в последней трети XIX века. Что интересно, Марджани выполняет отдельные поручения казанской губернской власти: следит за изданием текста Корана в казанской типографии, организует сбор денег для кавказских народов, пострадавших от землетрясения. Не характеризует ли этот факт и деятельность властей, и разве в данном случае мы не должны отметить её гуманистический характер?

Каюм Насыри («Урыс Каюм») — этнограф, писатель, педагог, автор труда «МАТЕРИАЛЫ ПО ТАТАРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ». Печатался с последней трети XIX века. Преподавал татарский язык в Казанском духовном училище и Семинарии. Ратовал за единство с русским народом и его культурой. «Первый из наших мусульман, которого европейское образование, полученное им в Казанском университете, подняло в умственном отношении на такую высоту, что он мог отнестись к нему объективно» — В. В. Григорьев. «Чутко и ревниво оберегал честь и достоинство страны, татарского и русского народов. Насыри считал, что успеха в своих трудах он добился, в первую очередь, благодаря русской культуре и сближению с ней». (Источник: <http://www.kzn.ru/old/page2451.htm>). Что характерно, Насыри лелеял надежду издавать ежедневную газету для татар, однако власти не разрешили издание. В то время, как революционеру и гражданину Турции Ю. Акчуре в самый разгар революционных движений 1905 года препятствий не было! Вывод: революционные брожения и деятельность националистов в России была осуществлена благодаря власти денег. Вот что зачастую решает судьбу нации.

Риза Фахрутдинов, башкирский востоковед, историк, мусульманский религиозный деятель. «Выступал против колониальной и империалистической политики Запада. С 1906–1908 гг. — помощник редактора либеральной татарской газеты «Вақыт», в 1908–1918 гг. — редактор журнала «Шуро», которые издавались в Оренбурге золотопромышленниками Рамеевыми. В журнале «Шуро» Фахретдиновым опубли-

кованы 179 биографических статей о видных деятелях мусульманской культуры. Со страниц журнала Фахретдинов отстаивал идею исторической преемственности Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и современных автору тюрко-мусульман Поволжья» <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Галимджан Баруди — педагог, панисламист, общественный деятель, революционер. С 1905 года писал учебники, публиковался в печати, издавал журнал «Религия и нравственность», запрещённый в 1908 году.

Как видим, большая часть перечисленных работ относится к началу XX века. Следует отметить ещё одного мыслителя, подвижника, без которого наш свод будет неполон. Муса Бигиев, «Мусульманский Лютер» — богослов и первый переводчик Корана на татарский язык. Этот труд был завершён в 1912 году. Однако сам факт перевода Корана с арабского на татарский язык был осуждён реакционными мусульманским духовенством, труд не был издан. Надо отметить, что местное исламское духовенство, главы духовных школ — медресе, весьма насторожённо встречало прогрессивные идеи учёных собратьев, по существу препятствуя и развитию изучения Корана, и свободной дискуссии богословов, и развитию национального изобразительного искусства, мотивируя последнее запретом шариата. Хотя в той же Турции и в XVI, и в XVII, и в XVIII и в XIX веках (не говоря о XX веке) традиция изображения и животных, и человека не пресекалась! А в Иране, где изобразительность имела более глубокие, ранние корни, этот запрет и вовсе никогда не был существенным. Один из принципов духовной дисциплины ислама — обыватель не должен сметь самостоятельно читать и на свой лад понимать, интерпретировать священный текст Корана. Считалось, что простецу достаточно истолкования священного текста признанными улемами. Таким образом, для большинства верующих, не владеющих арабским языком, Коран оставался закрытой книгой, известной лишь в интерпретациях комментаторов.

История парадоксально повторяется: в связи с этим можно вспомнить борьбу гугенотов с католиками за право служить мессу и читать Библию на родном языке, за что гугеноты и были подвергнуты массовым казням, как опасные преступники. В Нидерландах граждане не имели права самостоятельно читать Библию — то была прерогатива духовенства. Тех же, кто осмеливался нарушить этот запрет, осуждали на костёр, согласно документам инквизиции. Тогда как в Византии ещё в IV веке о Божественной природе спорили ремесленники и торговцы на торжищах и в общественных банях. На заре христианства богословие не было уделом кабинетных учёных. Похожая ситуация была и в исламе. До XI века традиция изучения Корана была иной, сложные правовые вопросы обсуждались, трактовка текстов уточнялась. («По некоторым данным, в Коран входит 225 таких противоречий, и более чем в 40 сурах присутствуют отменённые аяты»). Муса Бигиев, полиглот, учёный, страстно желавший усовершенствовать свои знания, писал: «Полный больших надежд, я путешествовал по исламскому миру, посетил Бухару, Турцию, Египет, Хиджаз, Индию и Сирию. Я повидал все религиозные медресе. Но, к сожалению, в конце концов вернулся на родину неудовлетворённым и совершенно разочарованным». «Мы в «религиозных медресе» из детей мусульман делали совершенных безбожников-кяфиров». (http://islam-portal.ru/learn/characters/?ELEMENT_ID=940)

Однако вернусь к роли русской науки и культуры в формировании современной культуры татар Поволжья. Ещё одна цитата: «XIX столетие — «золотой век» татарской культуры, когда под знаком религиозных реформ и европеизации идёт процесс формирования татарской периодической печати, профессионального театра, музыки и изобразительного искусства. Велика роль в этом процессе сложившихся в Казани с XVIII века институтов русской культуры: Русского драматического театра (1780-

годы), Городского музея (1895), Казанской художественной школы (1895). Эти явления приводят к широкому процессу взаимовоздействий и рождению тюрко-татарского, славяно-русского, осёдно-земледельческого и степного сплава, который мы и называем полифонической, синкретической культурой Казани, что делает её, по меткому замечанию путешественников, «царицей Волги». Как, например, без учёта спектра достижений Казанской художественной школы объяснить феноменальный диапазон творчества первого татарского художника Баки Урманче или природу неотразимого голоса гения русского исполнительского искусства Шаляпина, в базе которого отразились татарские мелизмы и «мон» — национальный колорит, воплощающий эмоциональное состояние сдерживаемой печали посредством варьирования оттенков основной интонации?!» («Татарский мир», № 19, статья «Казанское возвышение», 2003 год, автор Розалина Шагеева — поэт, искусствовед, заслуженный деятель искусств РТ. <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=441>

Ноев Ковчег Миниатора. Турция, 16 в.

Тем ни менее, до сих пор России ставится в вину то, что она великодушно и бескорыстно предложила краю просвещение, европейские науки, академическое искусство, профессиональные навыки. Что бы сказала на эту ересь Екатерина II, «Эби-Патша», во главу угла ставившая просвещение, развитие наук и искусств, чья реформа образования положила начало государственной системе общеобразовательных школ в России. Не забудем, что содержались эти учебные заведения за счёт казны, и учиться в них могли люди всех сословий. Вот именно за эту образовательную деятельность клеймят Российскую империю представители западничества! С каких пор развивать культуру, учёность, экономику предосудительно и позорно? Почему прогресс становится проклятием имперской политики, когда дело касается именно России? За что ещё пнёт Россию лях в своей ревнивой ненависти?.. Характерно, что и европейцы, и американцы в своих колониях превращали коренное население в рабов, подчас подвергая тотальному уничтожению и сами завоёванные народы, и их самобытную культуру, и экосистему, и животный мир завоёванных земель. Тем ни менее, представители этой «человеческой элиты» считают себя носителями прогресса и цивилизации и не видят ничего антицивилизационного в массовом истреблении завоёванных народов. Такова интерпретация «аргументов», с которыми ныне выступают иные «носители» европейской культуры и толерантности. По существу, провокационные и искажающие факты заявления госпожи Червонной служат прямым свидетельством наличия той самой пресловутой свободы слова, которой якобы нет в России.

Подобные обвинения учёной дамы, строго говоря, не научны и противоречат профессиональной этике. Однако сам факт подобной демонстрации в чужой стране заставляет делать выводы. Именитый искусствовед открыто поносит принимающую страну — бывшую свою родину, и под сурдинку стравливает, сшибает лбами близкие друг другу и тесно взаимосвязанные народы, не боясь отпора и не стыдясь своих со-

отечественников. Не говоря уже об ответственности за свои экстремистские утверждения!

И в свете этой проблемы топорное восхваление С. М. Червонной полной самодостаточности национальной культуры, имеющей, по большей части, прикладной, кустарный характер, культуры, якобы не нуждающейся в развитии и прививке академического искусства (во всей полноте этого понятия), противопоставление национального цивилизационному представляется игрой с динамитом.

Любое явление нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании — таково условие его жизнеспособности и его витальной мощи. Утверждение, что культура Татарстана в том состоянии, в каком она пребывала до конца XIX века, является самодостаточной и не нуждается в развитии, — абсурд и искажение реальности. Вот так под видом блага наносится вред национальной культуре народов. Задача подобных деятелей — отнюдь не польза нации, а манипуляция национальным сознанием с целью посеять рознь между народами. В отличие от этих «друзей» татарского народа, Марджани говорил «о необходимости получения татарским населением светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого (античной, арабской мысли) и настоящего — русской и западноевропейской культур».[\(https://ru.wikipedia.org/wiki/\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/)

Говоря о современной тюркологии, не могу пройти мимо деятеля, стоявшего у истоков пантюркизма — Юсуфа Акчуры. Сторонник глобальной туркизации, а точнее, отуречивания всего тюркского мира, «Акчура выступает за тюркское единство как единство языка, расы, обычаев и морали, а для абсолютного большинства и религии» (Айдар Хабутдинов). Собственно, очередную фазу этого движения мы и наблюдаем в настоящее время. Отец идеи пантюркизма Исмаил Гаспринский имел далеко идущие планы. «Одной из инициатив Гаспралы была попытка сформировать единый тюркский язык. За основу брался турецкий, из которого исключались персидские и арабские слова». (Источник — «Экспансия пантюркизма в Средней Азии: Турция vs Россия» — И. Обухов. CA-NEWS (CA) — Пантюркизм: что это и чем это грозит России?)

Осознавали ли эти утописты, в какую мясорубку они тянут родные народы? Или они сознательно использовали свою родину в качестве подсобного материала ради великой цели, которая оправдывала средства? Изумительна логика этих господ: «Если Стамбул является нервным центром и мозгом тюркского мира, то турки Казани выполняют в этом мире функции центра торговли и образования, экономически объединяя тюркский мир». (Айдар Хабутдинов «Лидеры нации»). Напомню, центром образования Казань XIX века стала благодаря Российской империи, её сынам — учёным, медикам, военным, подвижникам, независимо от их национальности. Воспользоваться плодами своей кормилицы, своей матери, чтобы осуществить интересы третьих стран, что ж, если таковы лидеры нации, то мне никак не по пути с ней. Юсуф Акчура приветствовал поражение России в войне с Японией, обращался за поддержкой «угнетённых татар» в германский и австро-венгерский Генштабы и к президенту США Вудро Вильсону в то самое время, когда на территории Османской Империи осуществлялся геноцид народов: греков, армян, ассирийцев, сербов и других — под эгидой идеи пантюркизма и единого государства Туран под властью новой Турции вместо разваливающейся Турецкой Порты. Несколько миллионов убитых, нанесение непоправимого ущерба цивилизации понтийских греков — такова цена идеологии пантюркизма, осуществляемой под знаменем Турции.

Исходя из происходящего сейчас на Ближнем Востоке и в наводнённой эмигрантами исламизированной Европе, тезис Исмаила Гаспринского — «Единство

мысли, единство языка, единство действия» — обнажает истинное лицо такого «благостного» дела, как добровольный отказ от свободы воли и свободы выбора целых регионов ради «высших целей партии». Ибо приходит день — и тебе объявляют, что за тебя уже всё решено, и ты лишь покорный винтик в машине священного джихада, орудие священной идеи. Вот так народы становятся исправными марионетками в чужой войне, в войне за геополитические интересы сил, которым не нужны благополучие и сила ни одной из сторон, которым наплевать на процветание культур тех и других оболваненных народов. Все эти декларации о национальном возрождении и могуществе лишь шуршащая золочёная обёртка, отвлекающая великовозрастных детей от кровавых перспектив их «благого» начинания. Нам нужно помнить, в какую игру пытаются втянуть народы. Ревизионизм — средство гипноза и зомбирования слепцов, не дорожащих исторической истиной.

Ангел. Персидская миниатюра (16 век?)

Мнение, что тюркский мир однороден, близок по составу — далеко от реальности. Прежде всего, исходя из исследований генетиков, в народе, населяющем Казанский край, бывший местом поселения булгар, монголоидный компонент в генах очень незначителен. Генетически потомки булгар близки европейцам (что, кстати, отчётливо читается в светловолосом и голубоглазом типе с правильными чертами). И, в свою очередь, те и другие имеют родство с древними племенами ариев. Говоря о булгарах, чьими потомками являются жители казанского края, нельзя обойти тот факт, что они исповедовали и христианство, причём задолго до крещения Руси. Опровергая миф о ненасильственной и добровольной исламизации булгар, мы должны вспомнить тот факт, что на месте массовых захоронений булгар археологи находят разрубленные кости защитников Булгар, военное снаряжение и нательные кресты. Таким образом, можно сделать выводы о том, что мы имеем дело с массовыми захоронениями истреблённых в бою жестоко изрубленных защитников края, которые отнюдь не желали быть ассимилированы захватчиками, несущими им новый порядок и исламизацию. Не секрет, что эти сведения затираются, замалчиваются и искажаются официальными источниками. Вот цитата: «Приблизительно в одно время с новгородской вольницей, т.е. в XIII веке, здесь появились также и татары, которые подчинили вотяков после завоевания болгарских городов на Волге; на это, между прочим, указывает и то, что вотяки до сих пор зовут татар бигерами, т.е. болгарями... После присоединения вятских городов к Москве, в конце XV века, Московское государство имело дело исключительно с вятчиками, т.е. русскими поселенцами, арскими князьями из татар и коринскими мурзами; в грамотах и других актах этого времени В. трактовались как подданные этих последних. Даже в грамотах XVII в. В. в глазах администрации сливались с татарами; бессермянские и вотяцкие дворы назывались в них общим именем татарских» — П. Матвеев (начальный вариант статьи, взят из Большого энциклопедического словаря Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/007/121/>)

Обращу внимание читателя: в этой статье под именем татар выступают монголы, причём автор текста признаёт, что уже тогда существовала путаница в терминах, и наряду с ордынскими интервентами татарами звались целые группы насильственно ассимилированных Золотой Ордой народностей. Напомню, монгольское завоевание Волжской Булгарии в первые годы правления Угедея в ходе западного похода против Волжской Булгарии происходило с 1229 по 1239 год и закончилось включением территории Волжской Булгарии в состав Золотой Орды. Вообще, политика исламизации, обособления татар от своих соседей и демонизация православия и самой России, обострившаяся в начале 90-х годов XX столетия, подспудно тлела не один век, а подняла голову в середине 19 века, примерно с тех самых пор, как ислам официально был признан второй государственной религией России. Таким образом, и здесь добрая воля Российской Империи стала поводом к обособлению, враждебной риторике и революционным брожениям в среде татарского народа, которого очередной кукловод помянул болотными огнями самодостаточности и большой политики в составе «единого» исламо-турецкого мира. И здесь не могу не привести слова Габдуллы Тукая, хоть они были сказаны в ином политическом контексте. Это стихотворение 1907 года, на татарском языке оно называется «Не уйдём». Приведу его заключительные строки, написанные поэтом по-русски:

«Здесь родились мы, здесь росли, вот здесь мы встретим смертный час,
Вот с этой русскою землёй сама судьба связала нас.

Нет, черносотенцы, не вам, не вам смутить мечты святые:

К единой цели мы идём, свободной мы хотим России,

Ответ наш ясный и простой запомнить просим навсегда:

Вам лучше в Турции? Туда пожалте сами, господа!»

Можно провести исторические параллели между провокацией черносотенцев, правых депутатов в Думе, предложивших в 1907 году татарам убраться в Турцию, и такой же нечистоплотной риторикой адептов современной западной Украины, с государственной трибуны Верховной рады заявляющих коренному народу страны: «Москали, вон с Украины!»

Что до Турции... Ближе всех по генетическому составу к туркам крымские татары. Тип лица, строение черепа у них общие. Здесь наглядно виден средиземноморский тип. Однако, согласно исследованиям, казанские татары отнюдь не ближайшие родственники крымских татар. Что уж говорить о народах, населяющих, например, Чувашию, Бурятию или чукотский край, Монголию! Народы, объединённые в тюркоязычную группу, имеют разное строение черепа, разные типы лица и телосложения, они по разному сопротивляются одним и тем же болезням, имеют разные превалирующие группы крови. Точно так же обстоит дело и с верованиями этих народов. С письменностью, музыкой, с традициями в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, технологиями ремёсел. С государственностью, наконец. Здесь наблюдаются такой разброс, что попытка выдвинуть на передний план ислам или чингизидов как главенствующую тяжку народов может привести к глубокому разобщению между ними, к внутренней вражде. А в итоге — к ослаблению и порабощению наших народов внешними силами.

Подытожу. Вопросы тюркского мира — не отвлечённые вопросы. В нынешней реальности они остро связаны с большой политикой. Этот факт нельзя отменить. Нельзя благодушно провозгласить, что «мы занимаемся вопросами только культуры, а политика нас не касается». Сегодня и культура может стать орудием войны, и нужны мудрость и ясное зрение, чтобы понимать, куда направлен поток, чтобы не стать игрушками в нечистоплотных руках. Древеса наших народов плотно срос-

лись корнями и ветвями. У них общая история. Отчётливая тенденция унифицирования этих многочисленных ветвей, стремления исламизировать всех или обратить в тенгрианство, упорное замалчивание значения христианства в истории отдельных тюркских народов, в том числе в истории Золотой Орды, попытки «постричь всех под одну гребёнку», причём под видом добровольного согласия вычленив из истории, стереть всё, что не умещается в заданную идеологию — такие тенденции являются несостоятельными и опасными. Одновременное и «своевременное» появление их в стратегически важных центрах планеты выдают их неслучайный, продуманный, организованный характер. Это явление требует вскрытия, «трепанации», анализа. Характерно, что все подобные теории и манифесты, открыто или исподволь работающие на подрыв и разрыв долгих и тесных духовных, культурных, экономических связей между народами, в данном случае, между тюркоязычными и славянскими народами на пространстве евразийского континента, проявляют свою активность в периоды смуты и шатания основ государства. Всё это позволяет сделать вывод, что они на руку определённым силам, и это, конечно, геополитика, давний сценарий на разрушение огромных империй. И происходит подобное не впервые в истории. Сценарий этот имеет единство метода. А ведь по почерку узнаём мы и авторов проекта. (Не случайно существует криминалистика, аналитика характерных признаков и метода действия преступника, позволяющая определить серийный характер акций и выявить самого «акционера»). Принимая во внимание повторение ситуации, имевшей место в начале XX века (вспомним движение «бомбистов», вспомним студенческие волнения), ведь однозначно, что радикальный революционный терроризм с пафосом освобождения народов в Европе и России начала XX века имел молодое и интеллектуальное лицо! — итак, сопоставим всё это и сделаем выводы. Нынешний терроризм отличается от того, но как тогда, так и сейчас дорога в ад вымощена благими намерениями. И сейчас за спиной у наивных мечтателей и энтузиастов есть кукловод, хотя большая часть исполнителей — циничные псы войны, однако всегда змея должна быть прикрыта цветами.

В настоящий момент Европа наводнена эмигрантами из арабо-восточных регионов, охваченных войной и нестабильностью. Кто поставляет войну в эти регионы, кто автор «управляемого хаоса», и какова подоплёка этих внезапных «бурь в пустыне», мы знаем: за всем этим стоит стремление США спасти свою экономику за счёт эскалации войны и нестабильности в регионах, чьи недра представляют интерес для этой супердержавы, поставившей себя в особенное положение по отношению ко всем остальным государствам. Сейчас, однако, речь идёт не только о срезессированном и организованном пожаре на арабском востоке и в Африке. Речь идёт о жизни или гибели самой Европы, которой США навязали самоубийственный сценарий. И она послушно идёт на убой, отдавая один за другим бастионы своих базовых, онтологических ценностей. Европа уже давно не имеет свободы, пряча это за трескучими декларациями и мнимыми знаками свободы. Так, Джульетто Кьеза, говоря о проблеме роста числа мусульман-эмигрантов в Европе, констатирует: «Мусульмане не хотят ассимилироваться, напряжение растёт», «Меркель и Саркози уже признали, что политика мультикультурализма провалилась... Исламский мир живёт в одном веке. Мы — в другом. Это их вина? Нет, просто чувство времени и ситуации совершенно иные. При этом именно мы создали глобализацию, мы захватили их ресурсы».

Все эти процессы похожи на исторический реванш востока, вытесняющего запад с его исконного поля. Однако этот реванш осуществляется марионеточными силами, за которыми стоит хозяин игры. О кризисе Европы аналитики говорят уже давно. Но кризис не обойдёт никого, это часть общего, запущенного игроками процесса. Мы

должны смотреть в лицо происходящему в глобальном плане. Не закрывая глаза на тихую экспансию Китая и агрессивную экспансию воинствующего ислама. На варварскую политику мировой элиты, перекраивающей мир, используя мифы и технологии манипуляции массовым сознанием.

Каждый народ представляет собой непреходящую ценность. И каждый достоин защиты и охранения.

Мы начали с вопросов культуры, интеллектуальной деятельности, систематических наук, занимающихся человеком во всей его полноте. Но «прекрасное, доброе, вечное» оказалось связанным с изнанкой реальности. Это не значит, что нам надо переречеркнуть наследие соседей и отвернуться друг от друга по принципу «свой-чужой». Нет. «Всё рассматривайте, доброго держитесь», как сказал апостол. Нужно отдать должное уважение красоте чужого духовного сокровища и не забывать при этом, что в нечистых руках оное сокровище может оказаться приманкой в капкан для доверчивых и неосторожных. Я не призываю к подозрительности, призываю к трезвости и анализу.

Скажу языком поэзии: у большого дерева — глубокие корни. Оно живёт своей таинственной жизнью и не поёт по чужой воле. Подъём национального самосознания часто бывает сопряжён с переоценкой ценностей, однако здесь важно не погрешить против правды и, обозначив вывих, не забыть благого. Особенно важно это для тех, кто считает себя устами народа, говоря от его лица.

Научная истина, факты — «наше всё». Мы должны быть предельно точны с фактами, уходя от соблазна заданной гладкой картинки на злобу дня, как можно полнее ища подлинной сути предмета, освобождаясь и от мифологизации, и от демонизации нашей истории.

ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ХРАНИМ...

Комментарий к зарубежному опыту

Меня в составе татарстанской делегации руководителей профессиональных учебных заведений отправили на недельную стажировку-обучение в Сингапур. «Чему можно научиться на краю земли, — думал я, — если наша страна всегда славилась и образованием, и особенно педагогикой? Ладно, посмотрим...»

В ожидании посадки в аэропорту «Домодедово» вдруг увидел вереницу одинаково одетых в красивые платья стройных и симпатичных девушек. Оказалось, что это тайки — бортпроводницы, которые потом обслуживали нас на борту рейса «Сингапурские авиалинии». Если они все такие красивые и ловкие, подумал я, то только из-за этого стоит побывать в Сингапуре. Оказалось, так, да не так. Платье стюардессы — это некий идеал сингапурской девушки. Если девушка приобретёт его, то ей обеспечена и карьера, и заработная плата. Если нет — преуспевай в знаниях и умениях, чтобы лакомый кусочек всегда был при тебе. Потом убедился, что больше всё-таки должны преуспевать.

Двенадцатичасовой перелёт сопровождался полноценными кушаньями, прохладительными и спиртными напитками, фильмами на персонально управляемом экране каждого пассажирского кресла, ну и, конечно, сном на многочисленных одеялах и подушках, заботливо приготовленных стюардессами. Ровный гул самолёта сингапурских авиалиний и относительная тишина окончательно улегучили дополётную тревожность.

В сингапурском аэропорту, считающимся одним из самых больших в мире, нас с плакатом приветствия встретили сингапурские представители образования, хотя времени по-местному было пять часов утра.

Выйдя из здания аэропорта и пройдя сотню метров до автобуса, несмотря на обилие зелени и шумное пение птиц, все почувствовали необычную жару, хотя было всего 30 градусов тепла. По-видимому, тропическое местонахождение и наличие водных пространств Индийского и Тихого океанов вокруг страны создают особый, непривычный для нас климатический баланс элементов таблицы Менделеева.

Мы потом узнали, что тридцатиградусный режим с редким колебанием (выше-ниже) в один-два градуса держится и днём, и ночью, и в воздухе, и в воде, и зимой, и летом, и сейчас, и сотни лет назад. Вроде бы — ах! — как здорово! А с другой стороны, они не знают, как мы, четырёх ярко выраженных времён года и всех их многочисленных прелестей! У них из-за 12-часового пояса в семь вечера резко становится темно, как будто кто-то выключил свет, а утром, в семь часов, также резко рассветает.

Что такое утренняя и вечерняя зорьки или глоток свежего воздуха, они не знают. И, несмотря на отсутствие у них заботы о тепле, о тёплых домах или тёплой одежде, ещё неизвестно — нужен ли нам берег сингапурский...

Но — ближе к образованию и его составляющим, за чем, собственно, мы и приехали... Дав нам три часа отдыха, несмотря на воскресный день, нас тут же при гостинице после острого обеда усадили в конференц-зале, и местные профессора от образования начали рассказывать, чего они добились за последние пятьдесят лет, получив независимость от Британской метрополии.

Город-страна Сингапур не имеет ни грамма углеводородов и собственной питьевой воды. Тем не менее, у них сегодня на каждого человека в год приходится 55 тысяч американских долларов от ВВП. А самой развитой отраслью в экономике является образование, которое они считают фундаментом благосостояния народа. Дальнейшие наши посещения детских садов, школ, а также колледжей, политехникумов, входящих в систему начального технического образования, и университетов мирового уровня убедили нас в этом. Вообще, увиденное в образовании этого островного государства ошеломило нас и, в частности, меня настолько, что сомневаюсь, смогу ли невмещающиеся в наши стереотипы ощущения изложить на бумаге. Но, хотя и схематично, попробую. Вот несколько цифр.

Выделение средств на образование составляет 20% от госбюджета (у нас в РФ — 4%)! И это не считая огромных дополнительных вливаний от частных и транснациональных компаний, стремящихся заполучить льготное налогообложение.

Учитель в Сингапуре по статусу — госслужащий. Он получает минимально 150–180 тысяч рублей в месяц в переводе на наши деньги. Если читателя это не удивило, тогда добавлю, что у них затраты на одного учащегося от ПТУ до университета в среднем составляют 700 тысяч рублей в год (у нас примерно 42–44 тысячи рублей, в том числе почему-то и стипендия).

Может быть, рано, но при получении этой информации каждый из нас про себя подумал: а чему мы здесь можем научиться, что можем внедрить у себя, если у них само государство так заботится об образовании?!

Кстати, несколько слов о самом государстве. Территория — 48 километров на 25 километров (примерно, как наш Мамадышский район), население — 5,5 млн человек (примерно, как в Татарстане), четыре национальности: китайцы — 75%, малазийцы, тайцы и индусы. Государственный язык — английский (с 1965 года).

Двойное гражданство в Сингапуре запрещено. За иностранными студентами они не гоняются, а мы — вынуждены в соответствии с требованиями мониторинга Министерства образования и науки РФ. Всё мужское население обязательно проходит службу в армии независимо от состояния здоровья (там, по-видимому, нет больных, так как мы не смогли не найти ни одной аптеки), а после армии у них ежегодные двадцатидневные сборы (попробуй «откоси» — и ты потеряешь всё, что с лихвой можешь иметь в Сингапуре).

Автомобильных пробок в Сингапуре нет и никогда не будет, так как количество автомобилей на дорогах регулируется лицензией, стоимость которой в два раза выше, чем стоимость авто. Лицензий всегда ровно столько, сколько необходимо, чтобы ездить без задержки.

Страна утопает в зелени, государство об этом заботится особо. Если ты захотел построить предприятие, а там мешают деревья, правительство может разрешить их убрать при условии огромной денежной компенсации и новой посадки в том месте, которое укажут.

Рекламы у них нет ни на телеэкранах, ни на улицах. Нет и обозначений, что и с какого возраста можно смотреть. То есть «плохого» телевидения у них тоже нет.

Не знаю, с какой периодичностью, но министры в правительстве раз в несколько лет меняются местами. Министр образования может стать министром финансов, а тот — министром образования.

То, что образование в Сингапуре — особая отрасль, можно судить ещё и по тому, на каких огромных территориях расположены их здания, лаборатории, предприятия, ангары, бассейны, стадионы, многоуровневые стоянки, сады, фонтаны, эскалаторы и т.д. Земельные площади каждого учебного заведения составляют от 200 до 400 гектаров. Для сравнения, огромный Московский государственный университет имени Ломоносова со всей своей инфраструктурой занимает 205 гектаров. Но это МГУ!

Профессиональное образование в Сингапуре аутентичное, то есть все учебные планы и программы любого курса имеют практикоориентированную реализацию. Вся суть их образования направлена на это, так как при учебных заведениях находятся и предприятия: заводы по аэрокосмическому производству, газо- и нефтепереработке, рестораны, торговые центры, театры, киностудии, гостиницы, лаборатории-имитаторы «3D», самое современное оборудование, самолёты, автомобили, надводно-подводная аппаратура, клиники, многоэтажные стены и скалы для альпинизма и т.д. и т.п., всё перечислить просто невозможно. Повторюсь, в первую очередь у них — учебное заведение, и только потом или параллельно уже и сама промышленность Сингапура.

Знакомясь с учебными заведениями, мы не увидели в чистом виде уроков теоретического обучения. У них любое обучение имеет практическое воплощение в новых знаниях и умениях; а формула Сингапура гласит: «Новые знания не должны быть в старых зданиях и при устаревшем оборудовании». Поэтому у них через каждые двадцать лет учебное заведение закрывается на реконструкцию и замену необходимого оборудования.

И оценка обучаемому ставится не только за академические знания (и не в первую очередь), а за вопросы, критическое оценивание, практическое умение, моральные ценности, создание коллективной атмосферы, за умение самостоятельно находить ответ, за поиск дополнительных знаний. Обязательным является ежедневная оценка каждому.

В образовании Сингапура большой упор делается на исполнение выработанных ценностей, например, таких: «В каждом ребёнке мы должны видеть успех, а не провал», «У каждого ребёнка — свой путь развития», «Главное в обучении — социальная атмосфера», «Сингапурский ребёнок должен учиться при любых обстоятельствах».

А вот ещё интересный момент. Правительство Сингапура, предоставляя ежегодный отчёт о проделанной работе, советуется с педагогической общественностью и родителями, что у них получилось, а что нет в области образования. Учитывается каждая мелочь, лишь бы не упустить мировое лидерство в этой области. Предпочтение в образовании отдаётся инженерии и математике, а учитель ежегодно должен проходить за счёт государства 100-часовую переподготовку.

В Сингапуре нулевая безработица.

Несколько слов о педагогике и образовании.

Они с восхищением и гордостью нам рассказывали, какие результаты даёт методология проблемно-развивающего обучения. Но, простите, наш знаменитый учёный Махмутов Мирза Исмагилович ещё в шестидесятых годах прошлого века разработал и предложил данную дидактическую систему. А методологию непрерывного профессионального образования, которую образование Сингапура активно использу-

ет, предложил на рубеже 80–90-х годов XX наш великий академик А. М. Новиков. Коньком профессионально-технического образования, как уже было подчёркнуто выше, у них является аутентичное или практикоориентированное образование, которое в последние годы приобрело всеобщий характер. Но и эту методологию создал и предложил наш замечательный учёный Л. С. Выготский. А человеко- (студенто-) центрированное обучение, которым так гордятся сингапурцы, которое является у них ценностью государства, почти сто лет назад использовал в своей практической деятельности А. С. Макаренко.

Как видим, всю педагогическую науку и дидактику они используют всем государством в полном объёме. Они добились того, что получение рабочей профессии у них является альтернативой высшему образованию. Для примера, в Сингапуре таких специалистов выпускается более 40%, в Германии — 56%, в Японии — 59%, в США — 43%. У нас 2–3 года назад было 5–7% (в НПО).

И самое время задать вопрос. Коль у них нет полезных ископаемых, чем тогда обеспечиваются указанные выше финансовые потоки? Попробую изложить свои личные соображения, которые не могут претендовать на истину.

Первое. В эпоху потрясений 90-х годов в России неизвестная личность (А. Чубайс) говорил: «Давайте сначала займёмся экономикой, а уж потом вернёмся к вопросам образования». Как раз Сингапур нам показывает, что экономика будет сильной только при первостепенном внимании к образованию.

Второе. Географически Сингапур находится на очень выгодном водном перекрёстке. Учитывая это, они построили суперсовременные углеродоперерабатывающие заводы. Океанские танкеры, разгрузив у них нефть, тут же загружаются бензином или керосином, оставляя за это, конечно, немалые деньги.

Третье. В Сингапуре практически нет богатых и бедных, там все живут одинаково хорошо за счёт законопослушания, честных взаимоотношений между людьми и отсутствия коррупции.

Четвёртое. Всесильные мира сего — транснациональные компании — сделали Сингапур оффшорной зоной, где, сэкономив огромные деньги на налогах, часть из них, согласно принятым международным нормам, направляют на образование.

Слов нет, система образования Сингапура является хорошо продуманной, опирается на ряд дидактических закономерностей, на выработанные социальные ценности и на мощный финансовый остов. В течение 50 лет она без сбоев, целенаправленно шла от простого к сложному и имеет сегодня результаты мирового уровня. Есть чему учиться и что перенимать. Особенно, если для этого у учебного заведения есть все предпосылочные условия. Возьмём для примера наш Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт.

Ещё в начале 90-х для формирования новых педагогических технологий по подготовке конкурентоспособного специалиста в наших стенах побывала целая плеяда видных учёных, в том числе и действительных членов Российской Академии образования. А. М. Новиков, М. И. Махмутов, Р. Х. Шакуров, А. А. Кирсанов, Г. В. Мухаметзянова, Н. М. Таланчук, Г. И. Ибрагимов, П. Н. Осипов, М. И. Рожков, А. Т. Глазун, Л. А. Волович и другие неделями проводили с нами организационно-деятельные игры, семинары, конференции, лекции, помогали нам обрести новый взгляд на современное профессиональное образование.

Этот кропотливый эволюционный процесс завершился тем, что мы прочно заняли свою нишу в образовательной сфере, стали многоуровневым учебным заведением, обеспечив высокую мотивационную траекторию как для студентов, так и для преподавателей.

давателей. К нам за опытом потянулись десятки делегаций, и, взаимодействуя с ними, мы искали новые пути совершенствования образовательного процесса.

И мы никак не думали, что наше творческое теоретическое и практическое движение вперёд натолкнётся на труднопреодолимые сегодня препятствия.

Отмена системы начального профессионального образования вытолкнула из образования золотой педагогический фонд — мастеров производственного обучения. Перевод всех в среднее профессиональное образование не решит задач по подготовке рабочих кадров, так как практического обучения по учебному плану в СПО всего лишь 15%, а с такими процентами рабочему мастерству не научишь.

Введённое нормативно-подушевое финансирование в 40 тысяч рублей вот уже многие годы остаётся среднеизменным. А как при этом доводить заработную плату профессорско-преподавательского состава до среднего уровня экономики региона? Только работая не менее чем на две ставки. С этим натягом критериев мониторинга можно выполнить, но страдает качество подготовки.

Под заочную гребёнку мониторинга мы, как региональный вуз, попали с хорошим качеством образовательной деятельности, что подтвердила аккредитация Рособрнадзора в 2012 году, но не выдержали коммерсализованных критериев мониторинга и теперь занимаемся сокращением профессуры, которую долго готовили и собирали для реализации программ многоуровневой подготовки специалистов.

Практическое исчезновение самостоятельных государственных вузов в полумиллионном городе отрицательно повлияет на интеллектуально-культурный, социально-экономический и политический уровень Набережных Челнов.

Наш путь от ПТУ до многоступенчатого высшего учебного заведения, который мы прошли за трудные 90-е годы, как очень положительный опыт был многократно подтверждён нашими выпускниками, работодателями, родителями, педагогами, различными делегациями. Мы для города и Камского региона создали хорошее учебное заведение, и если оно сегодня теряет свои позиции, то причины этому были указаны выше.

А на вопрос, что из зарубежного опыта можно внедрить в деятельность нашего профессионального образования, трудно ответить, так как по всему развитому миру используется наша советско-российская научно-педагогическая теория.

Другое дело, что в Сингапуре для успешной реализации инновационных педагогических технологий есть мощная материально-техническая база и финансовая поддержка систематической переподготовки педагогов. Нам, конечно, по указанной причине трудно соединить наше сравнительно бедное образование как с научной теорией, так и с инновациями. Но наш педагогический патриотизм не раз являл миру необычайные способности наших выпускников. В Сингапуре в каждом образовательном учреждении висит плакат с надписью: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним». Мы оставляем это право за собой...

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ЛЮДИ БЛИЗКОГО КРУГА

*Столичные страсти вокруг Переделкино и Литфонда.
Взгляд из провинции.*

В Союз писателей СССР меня приняли в 1984 году. Я застал то благополучное время, когда по льготной путёвке можно было почти на месяц съездить в Малеевку, Переделкино, а также к морю: в благословенный Коктебель, в Пицунду или на Балтику в Дубулты. Там писатели не только отдыхали, но и работали, создавая очередную «нетленку». При необходимости я мог обратиться в поликлинику Литфонда, хотя для этого надо было приехать в Москву. Тот же Литфонд оплачивал творческие командировки — буквально через год после приёма мне удалось слетать на Дальний Восток, побывать во Владивостоке и в Хабаровском крае. В сотне километров от Хабаровска, на берегу Амура я разыскал земляков, живущих в сёлах с родными для меня названиями Елабуга и Челны. Оказалось, что они переселились сюда ещё во время сталинских реформ. В результате мне удалось тогда написать интересный очерк.

Этим примером я хочу сказать следующее. Ныне всяк желающий может как угодно проклинать соцреализм и партийную цензуру (кстати, в КПСС я никогда не состоял), но социальная защищённость каждого члена Союза писателей была тогда гарантированной. И не только за счёт государства. Сам творческий (профессиональный!) Союз был богатой организацией, ибо от издания каждой художественной книги в его кассу попадала копейка. Вспомните, сколько книг издавалось тогда в СССР! И все издательства были государственные. Не ручаюсь за истину, но говорят, что такую схему финансирования придумали при создании Союза писателей в 1934 году Сталин и Горький. Как просто и как мудро!

Вслед за развалом СССР развалился и Союз писателей, ранее такой же «единый и неделимый», как и вся огромная страна. И в творческой среде тоже был разыгран «парад суверенитетов». Режиссёры этого банального спектакля придумали идеологическую подоплёку — дескать, свободомыслящим либералам необходимо отделиться от консерваторов-заединщиков, а не то те и другие перегрызутся. Не тогда ли был брошен лозунг: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев»? На самом деле всё обстояло проще — посредственностям хотелось угодить в князья, а «режиссёрам» хотелось разделить и властвовать. Борьба же за абсолютную свободу мнений привела к вседозволенности и к абсолютному развалу немалого общеписательского наследства. Никто ныне и не вспоминает, что до перестройки в Союзе писателей как-то уживались Евушенко и Распутин, Аксёнов и Проскурин, Вознесенский и Передреву,

мало ли кто ещё... Они, конечно, отчаянно полемизировали, спорили до хрипоты, отстаивая каждый своё мировоззрение, но именно это и было интересно.

А попытался хоть что-то сохранить, дать надежду на будущее лишь один мудрый человек — патриарх современной детской литературы, автор трёх российских гимнов Сергей Владимирович Михалков, царство ему небесное! С этой благородной целью он и создал Международное сообщество писательских союзов (МСПС), сумев разместить его благодаря собственному авторитету на Поварской, в знаменитом Доме Ростовых. Понятием «Международный» он не отделял от России бывшие союзные республики, ставшие самостоятельными государствами. В этом была надежда на будущее воссоединение.

Как воспользовались шансом пришедшие на Поварскую временщики? Они ещё при жизни Сергея Владимировича стали торговать историческим особняком, даже подпись его умудрились подделывать под липовыми документами. Не мог Михалков уследить за «маркитантами» — ему уже было за девяносто. Но перед своим уходом Сергей Владимирович решительно распорядился относительно преемника, добившись избрания на освобождённый им пост председателя правления МСПС и руководителя исполкома Международного Литфонда Ивана Ивановича Переверзина. Многих это шокировало. Но Михалков не сомневался в порядочности и деловых качествах своего протеже так же, как в своё время не сомневался в Путине Ельцин.

О Михалкове, о его завещании по поводу МСПС и Международного Литфонда нынешние противники Переверзина стараются не вспоминать. Но мы-то ни о чём не забыли. И не грех напомнить, как дальше развивались события.

Опять-таки ещё при Михалкове делами в Международном Литфонде совместно с Феликсом Феодосиевичем Кузнецовым заведовал Юрий Михайлович Поляков, главный редактор «Литературной газеты» и главный нынешний оппонент Куняева и Переверзина. Именно Поляков с Кузнецовым пригласили к сотрудничеству ныне ненавистного им Переверзина. Не верите? Найдите подшивки «ЛГ» десятилетней давности, поройтесь в Интернете. Вы обнаружите, что Поляков целые страницы принадлежащей ему «Литературки» посвящал стихам Переверзина. Ныне Поляков не считает Переверзина поэтом и серьёзным литературным деятелем. Переверзин отвечает Полякову взаимностью.

Что за чёрная кошка пробежала между бывшими сотрудниками и коллегами? Вот о чём свидетельствуют по этому поводу «источники», которым я склонён доверять, — документально подтверждённые публикации в «Общеписательской литературной газете» о судебных тяжбах. Поляков уже тогда начал приватизировать писательский городок Перedelкино. Ему, как и некоторым другим арендаторам, удалось перевести в личную собственность литфондовскую дачу, являвшуюся частью уцелевшего общеписательского имущества. Не обошлось при этом и без юридического обмана. Но цель-то была — «прихватизировать» всё Перedelкино! В то же время не хотелось руки марать, усугублять те или иные противозаконные действия. Вот и выбрали в качестве исполнителя своей воли выходца из глубинки Ивана Переверзина, переехавшего в Москву из далёкой Якутии и зарекомендовавшего себя успешным управленцем. А он возьми да и поверни оглобли назад. Не захотел якутский парень с русскими корнями объёгоривать всех писателей России в угоду зарвавшимся московским чиновникам. Мне лично именно этим он и симпатичен.

Война между группой Полякова и Переверзиным, за спиной которого интересы МСПС и Литфонда, длится чуть ли не десятилетие, и конца ей не видно. Для тысяч писателей, живущих не в столицах, а на немеряных просторах от Калининграда до Владивостока, это, на первый взгляд, чужая война. От лакомого, дорожущего пере-

делкинского пирога провинциалам ничего не «светит». Так было всегда. Творческие дачи выделялись мосвичам, питерцам, литчиновникам и «выдающимся» деятелям из бывших союзных республик. Кому они выделяются сейчас — тайна за семью печатями. Провинциал мог воспользоваться льготной путёвкой на неделю-другую, а в советское время и на месяц, чтобы творчески поработать в «райских» условиях Дома творчества. «И на том спасибо», — говорили раньше, говорим и теперь.

Ныне российская литературная провинция живёт полнокровной художественной жизнью благодаря не столько Литфонду, сколько муниципальной и региональной власти, а также общественности. В Татарстане, например, появилось своё Переделкино. Это популярный санаторий «Васильевский», расположенный на заповедном берегу Волги. По воле первого президента республики Минтемира Шариповича Шаймиева и правительства Татарстана писатели, художники, музыканты, артисты, журналисты (местные) отдыхают там почти бесплатно. В Иркутске ежегодно проводятся Дни русской духовности и культуры «Сияние России». В Уфе героическими усилиями Михаила Чванова более двадцати лет ежегодно отмечается Международный Аксаковский праздник. В Елабуге каждые два года замечательно проходит Международная Цветаевская конференция. Я упомянул только о тех значительных событиях уходящего года, на которые был приглашён как редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан», финансируемый, кстати говоря, из республиканского бюджета. Региональные литературные журналы и альманахи становятся художественно более убедительными, чем столичные «толстяки», ибо они не делят писательский мир на «белых» и «красных» и не отдают предпочтения надоевшей постмодерняге.

Многое делается и в Москве. Издаются книги, укрепляются связи с литературами стран Содружества, в Переделкино проводятся семинары молодых авторов, а также переводчиков. Писатели из глубинки неоднократно получают помощь при болезнях. Создаются новые региональные отделения Международного Литфонда. Всё это благодаря тем же Переверзину, Куняеву, их работоспособной команде. Но за многолетние судебные тяжбы, за скандалы вокруг переделкинской земли нам, живущим в провинции, стыдно. Они не добавляют авторитета и уважения общероссийскому писательскому делу. Тем не менее, и мы оказываемся втянуты в оппозиционную войну, ибо чувствуем, что и для нас «дело пахнет керосином». Речь-то, похоже, идёт уже о возможной ликвидации и литфондов, и творческих союзов. Что за новое литературное сообщество смутно и завуалированно позиционируется вместо них? Не о нём ли предупреждала Светлана Василенко, первый секретарь Союза российских писателей: «Да, селекция между писателями проведена умелыми спецами. Существует так называемый «кремлёвский союз писателей», состоящий из 50-ти человек: их печатают, рекламируют, награждают, переводят, возят по книжным ярмаркам из одной страны в другую, — и всё это за государственный счёт, то есть за налоги того народа, который они так все презирают.

На остальных писателей (а их в стране порядка семи тысяч) государству наплевать. Вот уже 20 лет оно, государство, даже не может принять закон о творческом работнике. То есть, оставило всех остальных писателей без средств к существованию. Лишило писателей всех прав: у нас нет даже права на болезнь: бюллетени никто не оплачивает. У писателей нищенские пенсии, так как вся наша творческая деятельность в трудовой стаж не засчитывается...»

Это лаконичное и точное высказывание было обнародовано и в интернете, и в печати в 2013 году. С той поры кое-что изменилось. Светлана Владимировна к «кремлёвскому союзу» относилась тогда, надо полагать, тех писателей, многие из которых после кровавых событий на Украине проявили себя защитниками

«укропов». Иначе и быть не могло, ибо они, получая российские премии, оставались верны либеральному обкому из Вашингтона.

Теперь же в кремлёвскую элиту стремятся и мнимые государственники, которые, как я догадываюсь, и входят в группу Полякова. По-другому их можно назвать «яснополянскими мудрецами», поскольку окончательно сформировалась эта группа в Ясной Поляне, где регулярно присуждается одноимённая премия для высоколобых. Догадки об этом у меня появились после первого Российского литературного собрания (23 ноября того же 2013 года), в котором принял участие президент Путин, а организовал которое его советник по культуре Владимир Ильич Толстой, потомок великого Льва Николаевича и генеральный директор не менее великой усадьбы. Многообещающим было то собрание, о чём свидетельствую как участник. Именно на нём было объявлено, что вслед за Годом культуры 2015 год станет Годом литературы. Тогда же и прозвучала впервые мысль о некоем новом литературном сообществе взамен якобы изживших себя литфондов и союзов писателей. Особого акцента на этом вроде и не было сделано. Но в зале Университета Дружбы народов, где проходило собрание, присутствовало по подсчётам около тысячи человек: не только писателей, но и учителей-словесников, учёных-филологов, библиотечкарей, книгоиздателей, переводчиков, журналистов. И речь-то организаторы завели ни о чём ином, как о спасении русского языка и русской литературы. А можно ли спасти литературу без тех, кто участвует в ней сейчас? На собрание были приглашены в немалом количестве и мы, провинциалы. Многое казалось нам непонятным. Почему, например, не были приглашены татарские писатели (Союз писателей Татарстана — один из самых крупных в России)? Почему ради баланса с Юрием Поляковым не был приглашён Иван Переверзин? Почему не был приглашён Станислав Куняев, более многих радеющий за русское слово?

Прошло чуть более года. В литературном процессе начал ощущаться некий позитив. Удалось отстоять от ликвидации уникальный Литературный институт имени Горького, объявленный было министерством образования неперспективным. Министерство культуры России по рекомендациям Союза российских писателей, в котором имею честь состоять, продолжило выделять писателям государственные стипендии (преимущественно молодым), а пожилым — государственные субсидии. Столь трогательная забота, конечно, не заменит писателю необъяснимую утрату его профессионального статуса, но и на том спасибо: «жить стало легче, жить стало веселей».

Однако война за переделкинские дачи, за переделкинскую многодолларовую землю, как за последний оплот общеписательской собственности, не утихла. Во второй половине 2014 года она разгорелась с новой силой. О перипетиях сражения можно судить по многочисленным публикациям различных СМИ, а прежде всего двух противоборствующих изданий: «Литературной газеты», возглавляемой Юрием Поляковым, и «Общеписательской литературной газеты», отстаивающей позиции Международного сообщества писательских союзов, Литфонда России и Международного Литфонда (за этими организациями стоят фигуры таких руководителей нынешнего литпроцесса, как Иван Переверзин и Станислав Куняев).

В баталии втянуты и люди государственного ранга: тот же Владимир Толстой, министр культуры Владимир Мединский, новый ректор Литинститута Алексей Варламов. Не их ли, оказавших через президента влияние на «Росимущество», имел в виду председатель президиума Международного Литфонда Станислав Куняев, сказавший в своём выступлении на Всемирном Русском Народном Соборе 11 ноября 2014 года следующее: «В настоящее время в головах некоторых

государственных чиновников «от культуры» родилась мысль о том, чтобы лишить крупнейшие писательские организации, к коим принадлежат Союз писателей России, Международный Литературный фонд, Литературный фонд России и Международное сообщество писательских союзов, всех юридических прав на существование, а заодно и всей собственности, созданной и приобретённой в советское время на средства, отчислявшиеся в Литфонд от каждой проданной авторской книги.» И далее — о последствиях: «Если «Росимущество» добьётся своего»... то «Легендарное Переделкино исчезнет, поскольку сегодня каждый из арендаторов-писателей оплачивает лишь 20% стоимости проживания в парковой зоне. Остальные 80% доплачивает Литфонд. И, конечно же, небогатых писателей изгонят из «национализированного» и приватизированного Переделкино рыночными арендными ценами...

После ликвидации Литфондов областные, краевые и республиканские отделения будут ликвидированы, что приведёт к параличу писательской жизни в провинции»...

Про своё личное отношение к красивой жизни в Переделкино я высказался в начале статьи достаточно определённо, но ожидаемая ликвидация всех писательских союзов и литфондов не может не беспокоить абсолютное большинство российских литераторов, имеющих писательские билеты, но остающихся, как это ни странно, людьми без профессии. Что такое, к примеру, «Общероссийская общественная организация», никчёмным статусом которой пренебрежительно награждён каждый из восьми или десяти союзов писателей, возникших после развала Союза писателей СССР? Какими особыми правами она отличается от общества любителей рыбной ловли?

Нужны ли в писательском мире России столь модные ныне реформы? Они перезрели. Но начинать их следует с принятия Закона о профессиональном статусе творческого работника, о профессиональном статусе того или иного творческого объединения. А потом уж давайте разбираться с литфондами, делить Переделкино. Не надо ставить телегу впереди лошади! А государственным мужам и государственным органам, будь то советник президента по культуре, будь то «Росимущество», прежде чем принимать решения о дальнейшей судьбе писательского сообщества России, необходимо исходить из интересов самого сообщества, а не из интересов лиц «близкого круга».

Примечание. В названии данной статьи использована строка из стихотворения Юрия Поликарповича Кузнецова «Маркитанты».

Набережные Челны

ЕЛАБУГА, КРАЙ ЛЕГЕНД

* * *

Книгу, о которой я пишу, приятно взять в руки. Нет, это неточно: она слишком тяжела, в руках её держать неудобно. Её приятно положить перед собой на стол и долго листать, всматриваясь и вчитываясь в каждую страницу. Она прекрасно издана, красочна и очень содержательна.

Название книги: «Елабуга — край легенд и преданий. Альбом-каталог IX Международного арт-симпозиума по современной живописи». Издана в Елабуге. Но заголовок определяет её содержание далеко не полностью. Кроме материалов симпозиума, проходившего в 2014 году и посвящённого теме «Елабуга. Взгляд в глубь веков», представленных красочными репродукциями произведений живописи и графики профессиональных художников, живущих в разных уголках России, здесь есть и другие разделы, не менее красочные и интересные. Со взрослыми художниками соперничают дети. В том же 2014 году в Елабуге проходил X республиканский конкурс юных художников «Я рисую, как Шишкин» (его Елабужский музей-заповедник проводит ежегодно). На этот раз в нём участвовали воспитанники художественных школ и центров из 29 горо-

дов и населённых пунктов Республики Татарстан. Тема была та же, что и во «взрослом» арт-симпозиуме. Удивительные картины нарисовали дети, глаз отвести нельзя. Их репродукции поистине украшают книгу.

Если бы издание, о котором я пишу, включало только эти красочные материалы, оно уже было бы альбомом, привлекающим к себе внимание и заслуживающим высокой оценки. Но в нём есть и другое, ещё более интересное: богатейшее словесное содержание. Это легенды и предания Елабужского края, взятые из письменных источников XVI–XXI веков. Все они, в том числе и малоизвестные, тщательно отобраны, снабжены вступительными статьями, подробными сведениями об авторах, научными комментариями. Это очень серьёзное историческое исследование осуществлено Алексеем Куклиным, администратором сайта Елабужского музея-заповедника.

Я сама по специальности и роду деятельности историк литературы и фольклорист, и многие имена, представленные в труде Алексея Куклина, мне знакомы. Многие, но далеко не все. Кое-что оказалось подлинным открытием. Например, работы Петра Никитича Кулыгинского. А. Куклин по праву называет его «первым историком Елабуги». Сын елабужского священника, он провёл здесь детство, а потом, окончив Вятскую духовную академию, вернулся в город и служил в елабужских храмах, в частности, в Спасском соборе. Его статьи, блестящие по знанию местного материала и написанные прекрасным языком, публиковались в приложении к «Вятским губернским ведомостям» в 1844–1845 годах. Жалею, что мне не довелось познакомиться с ними лет тридцать тому назад, когда мы со студентами записывали фольклор в селе Татарские Челны в пятнадцати километрах от Елабуги. Удивительной красоты старинные песни там бытовали. Нам и тогда говорили местные жители, что это чисто русское село (несмотря на название) возникло в глубокой древности, чуть ли не во времена Ивана Грозного. И вот теперь в работе Кулыгинского я прочитала, как, когда и при каких условиях оно появилось на оставленных татарами землях.

Другим открытием для меня стало имя Василия Ивановича Немировича-Данченко. Фамилия широко известна: Владимир Иванович Немирович-Данченко — один из основателей Художественного театра. Оказывается, у него был старший брат, замечательный очеркист, документалист. Он был хорошо известен в начале XX века. Но потом он ушёл в эмиграцию, и книги его, как и других эмигрантов, из библиотек изъяли, а имя забыли. Читать его очерк «Кама и Урал» — одно наслаждение.

В общем, можно только поздравить Алексея Куклина с проделанной им огромной работой.

Думаю, можно поздравить и весь коллектив Елабужского государственного музея-заповедника. Книга издана с финансовой помощью правительства Татарстана, но всё подготовлено и осуществлено елабужанами. Автор проекта — Г.Р. Руденко, генеральный директор музея-заповедника, 25-летию создания которого книга и посвящена. В небольшом вступительном слове Гульзада Ракиповна пишет: «У этого города (Елабуги), расположенного в самом центре республики Татарстан, есть свои неповторимые душа и ментальность, своё лицо. Как и у человека, душа эта нуждается в бережном отношении, а лицо требует ухода. Нужно сказать, что в этом смысле Елабуге повезло. Вот уже 25 лет, как культурное и историческое наследие города охраняет, исследует и рассказывает о нём всему миру Елабужский государственный музей-заповедник».

Это хорошие и верные слова. И вышедшая книга — новое им подтверждение.

Наталья ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ *Ниже мы с великим удовольствием и с разрешения друзей-елабужан перепечатаем из их замечательной книги часть очерка Вас. Немировича-Данченко, упомянутого в данной рецензии.*

ВАС. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО**ЧЕЛНЫ И ПЬЯНЫЙ БОР. РЕКА ИК И ИКОВЦЫ.
ПРЕДАНИЕ О ЕРМАКЕ**

Вас. Ив. Немирович-Данченко. 1906 г.

Пароход лениво ползёт по Каме. Жаркий летний день томит до того, что даже лоцман у рулевого колеса жмурится на солнце и зевает. На палубе старик мещанин из Елабуги в большом зелёном картузе с громадным козырем в виде навеса рассказывает уже десятую сказку про Ермака Тимофеевича. Я словно сквозь сон слышу:

— И повелел Ермак Тимофеевич оноё татарскую царевну поставить пред свои ясные очи... Сейчас атаман, Иван Гвоздь, в бранные доспехи снаряжался, брал меч свой булатный, что всей ли татарве карнаухой* грозён был...

Старик, словно во сне, через силу доканчивает свою сказку. Не говорит, а будто каплет. Я тоже сквозь сон его слушаю. Сморило совсем. А река медленно струится по сторонам; ещё медленнее сменяются по берегам щедро облитые солнечным светом жидковатые рощи, кое-как поднявшиеся на месте вековых порубленных боров, как хилое и золотушное поколение детей, сменившее когда-то сильных, рослых и здоровых отцов. Наконец,

сквозь тяжёлый полдненный сон слышу я свисток... Колёса шибче заработали, пароход стало встряхивать...

— Сейчас богатая пристань будет. Челны!.. Вы, кажется, любопытствуете?

Смотрю, тот же старик с зелёным картузом будит меня.

— Тут страсть что хлеба сплавляют... Ишь — сколь барок понасажано...

Действительно, берега сплошь унизаны свежими барками. Далеко пахнет сосною. Под солнцем даже их в пот ударило — янтарная смола проступает сквозь барочную обшивку; на барках никого: точно сонное царство какое-то. На самом берегу правильные ряды хлебных сараев. Из-за них едва-едва мерещатся кровли и ярко горят на солнце золочёные главы церквей.

— Сюда со всей округи купец идёт — хлеб закупать. Есть такие, что по триста тысяч кулей сплавляют, вот как! Тутешний купец, будем так говорить, левиофан-рыба промежду других. У него за голенищей столь складено много, столь много... Только одного в них нет — по человечеству не понимают.

— Как это?

— Придут крестьяне, которые должны ему, — он зимою задатки задаёт, чтобы по малой цене хлеб взять. У мужика, известно, зимой нужна лютая... Ну, а к лету, бы-

* Карнаухий, корноухий — с обрезанными или изуродованными ушами (Новый толковый словарь русского языка под ред. Т. Ефремовой).

вает, цены в гору въедут... За рупь порядился, а цена три! Сойдутся мужики к ему, к левиофану-то, и давай молить его... А он сидит у окошечка, чай пьёт, и точно никого перед им... Молчит да вздыхает. Видал я раз, как мужики наши по этому самому случаю плакали. Стоят сердешные, седые которые, и, что ребята, ревмя ревут: помилуй Степан Ефимыч. А Степан Ефимыч стакашек за стакашком холостит себе знай и умом не ведёт. Вот они какие. Ноне на жиди всё валят; я тебе скажу одно: с жидом куда вольготнее, чем с нашим православным купцом...

Отсюда все грузы идут к Рыбинску. Как мужики хлебопашцы, точно также и бурлаки вовсе не имеют повода радоваться своим нищенским заработками. На барках поставленные купцами прикащики дерут такие цены за харчи, что вятские и пермские судоходы денег никогда не увидят; поэтому, случается, переймёт их где-нибудь другой левиофан, они и бросают хозяйские суда посередь реки, на произвол судьбы, пока хозяин, в свою очередь, не перехватит с следующего каравана.

— Мы, родимый, тутотка грабежом живём, — поясняли мне в Челнах.

— У нас, будем так говорить, без грабежа нельзя, потому нас и в хвост, и в голову. Оглядишься, ну и сам давай за тоёжь рукомесло...

На отмелом побережье* сложены «уточками», как выражаются здесь, т.е. углами вверх, полешко к полешку, выловленные из реки дрова: сушатся на солнце. Часто плоты с ними разбиваются — местные рыболовы и пользуются. Как хозяина не найдётся — себе на пользу. «Эта рыбка у нас в лесах растёт, — смеются они. — Эта рыбка у нас в чести, ни потрошить её, ни солить, хоша год пролежит тебе — не попортится!.. Ну, и покупатель на неё ласковый, согласный».

Около Челнов большой затон, где зимует множество судов и камские пароходы с баржами. В этот затон заходит крупная рыба, а раз случилось даже и чудо, созданное, верно, кем-либо из местных остряков.

— Как бы ты думал, — рассказывал мне тот же, наклонный к баснословию старик в зелёном картузе, — белугу раз в Челнах поймали... Совсем князь-рыба; билась, билась, наконец-таки одолели, выгасили. Потрошить давай, взрезали утробу, а в утробе-то, Господи милосливый, человек, и совсем как есть целый... Проглонула она его, как был в красной рубахе да плисовых шароварах, так в них и остался. И сапоги целые!

— Рантовые? — заинтересовался рыбак около.

— А уж этого, друг ты мой, не знаю...

... около Пьяного Бора ловы, действительно, могут быть чудесные. Против самого села в озёрах попадаются сомы пудов до пяти. Повыше, против ключей, есть островок. Пошли туда черемисы дрова рубить. Слышат, какой-то шум около. Точно что-то громадное бьётся в воде. Побежали — и действительно, чудище какое-то обсохло на мелкоречье, ворочается, мутину вокруг такую подымает, что и не разобрать. Черемисы думали чёрт и струсили. Бегом домой. Пришли русские — оказалась в ложбине колоссальная белуга, пудов в пятьдесят.

— Отчего имя такое дали — Пьяный Бор?

— А по всей нашей округе — пьяная земляника растёт.

Действительно, от местной земляники чувствуется лёгкое опьянение, кружится голова, клонит ко сну.

Леса отсюда опять пошли. По обеим сторонам Камы — дрёма беспросветная. Сама река среди них кажется необыкновенно пустынной. Из круглых зелёных облаков

* Отмелое побережье — пологий берег реки с отмелью.

** Рантовая обувь — сапоги или ботинки с полоской из кожи, к которой одновременно пришивается и подошва, и верх обуви.

молодой и весёлой липы стройно выскакивают верхушки елей и правильные красивые пихты, так напоминающие южные кипарисы. Ими горы покрыты точно острыми шпилями. Удивительно эффектно они в золотистом блеске летнего солнца, резко выделяясь тёмными силуэтами из зелёного царства кудрявых лесов, лениво спящих в зное и свете по скатам и крутогорьям. Кама суживается здесь, но вода струится ещё тише и медленнее, точно и она поддалась поэтической дрёме обступивших её зелёных вершин. Всё это место красивое, сочное, лесистое, называется Тихими Горами. Солнечный свет, кажется, постоянно зыблется на этих горах, тихих потому, что здесь ни сильного ветра, ни штормов не слышали. Караваны барок отдыхают среди этого задумчивого приволья. Штормы начнутся опять в Пьяном Боре, где горы отходят назад, открывая лениво текущую реку на жертву северо-восточному ветру.

— Тут чаща такая — не пройти. Липняк, орешник, мелкий дубок переплелись. Солнцу сквозь не пробиться; там в сырых низинах грибу раздолье, высоко подымается. Черви кишат, змеи даже водятся. По Каме змеи здоровые. Иная в руку. Есть по чернолесью посёлки, народ совсем тёмный живёт. Точно и до него солнце пробиться не может. Шибко пьют у нас. Вина сколько хочешь. В одном Сарапуле четыре, да в его уезде в Елабужском, вместе шестнадцать больших винокурен. Большие деньги обирают. Наши крестьяне сами было хотели обществом держать завод, всё бы доходу больше было — писаря помешали. Вопче, милый ты мой, одно тебе скажу — по всей нашей округе писарь самая первая язва. Вон, вишь, Сослоуши — татарская деревня.

— Вижу. — И я стал всматриваться в чистенькие избы, словно дождём обмытые на некрутом берегу.

— Там народ живёт хорошо. Главная причина — питейного дома к себе не пускают. Хотели было силой, писарь верховодил, мирового* улещал, чтобы кабак к ним, татарам, посадить беспременно; ну, бунт вышел. Сказывают, двух мухаметов в Сибирь сослали, а кабака всё ж у них и посель нет.

Село Тихие Горы Ушаковым живёт. Ушаков поставил здесь химические заводы для обработки купороса и купоросного масла. Серный колчедан для этого добывается вдали, в Гороблагодатском округе по реке Салде, и сплавляется в Каму по Чусовой. Количество такого сплава в иной год доходит до 860 000 пудов. Самые заводы на вид крайне неказисты, а между тем, дело в них делается большое, миллионное. Самоё село Тихие Горы видно ещё издали. Река там делает излучину, и над нею, где берега совсем сходятся, точно в воздухе висит оно со своею стройною белою церковью. Народу живётся здесь плохо. В самое лучшее время больше пятнадцати рублей в месяц семья не заработает; кругом места людные, и цены на заводе постоянно сбиваются пришлым голодным людом. За Тихими Горами Кама ширится. Берега точно засыпаны сёлами. У самой воды — русские, подальше отойдя, среди лугов, мерещатся татарские и башкирские. Деревянные мечети под косыми лучами солнца точно загораются.

— Башкирам беда теперь! Солдат нужно натурой ставить. Давно это было, у татар и у башкир разная солдатчина оказывалась. Башкиры вместо её лошманили.** Лиственницу из Перми, из-за Урала сплавляли сюда. Теперь под серую шапку должны. И солдаты же из ихних выходят! Поросёнок уронит... Жидкий народ, ещё наших тошней.

* Мировой — мировой судья. Институт мировых судей был создан по судебной реформе в 1864 г. в 10 губерниях России и просуществовал до 1889 г.

** Лошман — доставка лису сплавом. Слово удержалось до сих пор. — (Примечание В.И. Немировича-Данченко).

По всем здешним местам чудесные охоты: охотья по всему берегу. Сын пароходовладельца Сироткина* повыше Балахны, в восьми верстах, не раз бивал лосей. Медведей по здешнему чернолесью тоже сколько хочешь. У вотяков даже есть очень остроумный способ заставлять медведей самих избивать себя. На ульях устраивают род качелей — самобитка. Сверху висит тяжёлая чурка. Она мешает медведю добратся до лакомого мёда. Он её лапою — она раскачается и по морде мишку. Тот её опять лапою — она его снова в лоб. Медведь чем больше злится, тем сильнее бьёт, и тем сильнее дуёт его чурка. Наконец, царь вотяцких лесов окончательно стерженеет, теряет всякое соображение и ведёт с чуркою смертельный бой. В результате — ничем не попорченный мех и спасённый от лохматого лакомки улей.

Есть счастливые места, где вотяки таким способом добывают по несколько зверей в лето.

— Дерево — дерево, а такого зверя превозмочь может! — изумился старик-елабужец вместе со мною слушавший рассказ о злосчастных медведях прикамских лесов.

Невдалеке от устья реки Ик — Кама стала совсем красавицей. Гряды береговых гор одна за другою вступают в реку крутыми откосами, то серые и песчаные, то зелёные от покрывшего их леса. Позади за ними смутно рисуются другие, ещё далее мерещатся едва-едва, словно туман, лежащий на воде, — третьи. Кое-где на самых горбах стоят церкви. Часто далёкий выступ маревом чудится, а из этого марева ярко сверкает золотистая искорка. Подплываем ближе, искорка разгорается в золотой купол, купол вырастает в целую церковь. Тут народ живёт богато. Иковцы своею предприимчивостью славятся на округу. Они торгуют лесом, заготавливая его в казённых дачах, сеют много хлеба, умеют избегать кулаков-скупщиков. Большинство богатых елабужских купцов из приустыинских икских крестьян вышли. Всё это народ пошире остальных. Умеют наживать, умеют и тратить. Так, например, Стахеев пожертвовал 200 000 рублей на устройство реального училища, выстроил десять церквей на Афоне и ещё более воздвиг храмов по Вятской губернии. Иковец встретится на всяком базаре, даже на Волге. Иковцы заезжают с товарами и в отдалённую Сибирь. Им вообще не сидится на месте. Дома и жёны их тут, а сами хозяева — ищи вчерашнего ветра. Раз в год явятся, сходят в церковь, попарятся в бане, отдохнут дня два-три и опять, смотришь, уж снимаются с якоря. Бродяга-иковец даже мало прилежит к своему селу. Архангельский крестьянин, уходящий на долгие отхожие промыслы, весь свой заработок убивает на то, чтобы дома вывести избу попросторнее да повыше, яруса в два с мезонином, украсить её зеркалами, немецкою мебелью, картинами почуднее. Иковцу всё равно. Как отец и дед его жили, так и новое поколение живёт. Лучше хоронить деньги, и он бережёт их пуще глаза. Поэтому в икских сёлах хороших построек вовсе нет. Бабе и так хорошо, а мужу всё равно — редко домой попадает. Когда наш пароход, пыхтя и выбрасывая тяжёлые клубы чёрного дыма, проходил мимо — иковския бабы и девки с гребня поспешно сбегали вниз к пристани. Ветер во все стороны разбрасывал яркие полотнища их пёстрых сарафанов, на солнце кумач горел как поल्या, весёлая песня не совсем скромного содержания неслась к нам на встречу.

— Ну и бабы! — с видимым удовольствием вздыхает сосед.

— Здесь баба дорогая! Двух мужиков ограбить может. Силы в ей сколько хошь. С здешней бабой без ласки нельзя — обидит.

* Дмитрий Васильевич Сироткин (1865–1953) — прошёл путь от полунищего мальчишки-лодочника до владельца Волжского буксирного флота, известный нижегородский меценат, друг М. Горького. Умер в эмиграции, в Белграде.

— Нет бабы лучше, как на Ике... Ходовые! С баркой управиться могут; глубже её плугом земли не взроешь... Ты как думал? Иковская баба есть Матрёна, с ружьём на медведя ходит; этакое ипостасного зверя бьёт!.. Вот она какая тут!

Жаль было, что пароход уходил так быстро...

Опять Кама сузилась, вновь начинаются сочные, зелёные, красивые места. Вот устье реки Ижа против такого же устья Ика. На верховьях Ижа — знаменитые заводы, вёрст за 200 отсюда. Мы плывём мимо татарских, башкирских и русских деревень. И странное дело, оказывается, что русские здесь были очень церемонными завоевателями и колонизаторами. Они заняли под свои посёлки худшие места. На лучших сидят башкиры, на средних — татары, на самых неспособных — русские построились. Чуть лужайка поярче — татарское или башкирское сельбище; русь гнездится на глинистых горах. Разумеется, устья — места подходящие для сплава, у нас. Сюда татарин и не ходит, совсем не его дело, не умеет он пользоваться этим. По Ижу, например, весною ходят барки, беляны, летом плоты бегут, но ни на тех, ни на других, ни на третьих нет чужой молвы, нет бусурманского облика. Скуластая и узкоглазая татарва только с берега любителюется на кипучую деятельность христиан и не завидует ей, хорошо зная, что русский бурлак не своё гонит, а хозяйское, не на своём плывёт, а на хозяйском. Не завидует татарин потому, что он лучше ест и лучше живёт, чем наши вятчане и пермяки. Тут и купцы татарские есть. И нужно сказать правду: они к своим гораздо лучше относятся, чем русские к нашим. Все эти Бикмаевы, Юнусовы, Тевтелевы вовсе не пользуются дурною славою, а последний даже избран муфтием в Уфе. В противоположность Ижу — Ик река совсем пустынна. Предприимчивые иковцы работают на чужой воде; по Ику, не смотря на его доступность маленьким пароходам, не гонят даже сплавных судов весною. Изредка только из притока Ика, Мензелинки, выплзет жалкая лодчонка, пощупает неводом воду и спешит назад. Белицкие едва могли поставить на Ике мельницу: так сильно течение, так глубоко, что запруды здесь трудны, и зачастую их сносит прочь.

— Омутистая река наша... Сколь в ей нечисти! — говорят иковцы. — Сказывают, есть такие места, которые Ермаком закляты. Туда он свои клады хоронил. И пононе пойдёт кто туда купаться, его нечисть эта самая за ноги на дно тянет. Не осилишь — Господа забудешь помянуть, и не видать тебе света божьего! Тут-то над Иком, ежели по ночам прислушаться, в воде разный язык слышен, словно бы из одного омота в другой перекликаются... Страх возьмёт!..

— Откуда же в Ик попал Ермак?

— Тимофеевич-то! Слава Богу! Ему ежели не попасть, так кому же. Он здесь от царских приставов долго хоронился. Но только и ему поперёк горла подошло... Устье-то воевода как-то занял и давай вверх на него тучей надвигаться. В берега не уйдёшь, ишь крутоярье какое!.. Ничего тут не поделаешь!.. Думал сначала Ермак бой принять, да силы у него не хватило... Выплыл он с лодкой своей посередь реки и взял с собой только одну любимую царевну татарскую Алмаз.

— Как?

— Алмаз царевна прозывалась. Выплыл это он и крикнул: ах ты гой еси, река Ик могучая, кланяюсь я тебе всем добром моим: серебром, золотом, камением самоцветным, товаром дорогим... И побросал в реку всю казну свою. Замутилась река, приняла Ермаково добро... Тогда он взял меч свой булатный, напоследок царевну Алмаз поцеловал в уста сахарны, да как полоснёт — так на смерть прямо... Взял он это её, голу-бушку, и в воду!.. Бултых!.. Опосля он давай молить реку Ик, чтобы вызволила его из лихой беды, спасла от конца неминуемого. Ну, река Ик богатыря послушала... Не успел он ещё в своё становье вернуться, как поднялась непогода, взбушевал Ик и потопил

царские суда с приставами и московскою дружиною! С таё самое поры Ик и помутнела... Омутами её всю затянуло, потому что она в этих омутах казну Ермакову хранит.

Меня поразило сходство этого предания с волжскою легендой о том, как Стенька Разин подарил Волге-матушке персидскую царевну. Когда я записывал это, между моими соседями спор поднялся.

— А знаешь ли ты, кому Ик река свои клады отдаст?

— Кому?.. Никому не отдаст... Что ей отдавать...

— Ан отдаст!

— Ан нет!.. Скажи, если знаешь?

— Старцу отдаст, который по старой вере живёт... Святой старец такой объявится. Когда перестанут старую веру гнать, и по всей Москве будет нашим вольно молиться и в свои била звонить, тогда придёт сюда старец благочестивого жития и станет здесь большой скит на Ике-реке ставить... Построит кельи, амбары всякие, пристани, а на храм Божий казны у него не хватит. Ну, он тогда возьмёт лодку, выедет посередине реки, как Ермак, и взмолится Ику, чтобы тот ему свою казну схороненную отдал. Река и отдаст казну. И станут в месте этом и день, и ночь панафидки* по Ермаку служить и по татарской царевне Алмаз, убиенной Тимофеичем, молиться... И воздвигнется тут храм, и будет ему всякая слава и честь и великолепие!..

— Скоро это?..

— Скоро, скоро!.. Будет у нас царь такой, который немца изгонит и свою старорусскую, исконную, кондовую веру вспомянет... Иргизских** старцев на Москву созовут, тогда станут они вкупе и в любви с митрополитами стадо своё пасти!..

Публикуется с сокращениями по: Вас. Немирович-Данченко. Кама и Урал (Очерки и впечатления). С. — Петербург, 1890. С.67–88.

* Панихиды.

** Иргизские старцы — монахи иргизских старообрядческих монастырей. Это группа монастырей, которые были построены на берегах р. Большой Иргиз в 60–70-х гг. XVIII в. В XIX веке там было 5 старообрядческих монастырей; после преобразования Иргизских монастырей в единоверческие (т.е. после того, как они признали себя входящими в юрисдикцию официальной православной церкви) из пяти монастырей осталось всего три — 2 мужских и 1 женский.

НА ФОНЕ ТРЁХ РОСКОШНЫХ КРАСАВЦЕВ

* * *

С раннего утра под моими окнами слышен адский вой. Это горемыки-родители волокут своих отпрысков в садик.

Слушая какофонию, я крещусь и благодарю Бога за то, что у меня есть родители и муми-тролль.

Среднего в садик отводят родители. Мои папа и мама, по очереди. Наверное, тянут спички каждый вечер, выбирая, кому же завтра идти на Голгофу.

Святые люди, оспади. Каждое утро, преодолевая порывистый ветер, они бегут отводить любимого внука в то самое учреждение дошкольного образования. Мне это на руку аж три раза — можно вставать не в пять, а в половину седьмого, не надо краситься и воссоздавать лицо по черепу, не надо выталкивать себя каждое утро из постели в этот враждебный мир.

Да и Глебан доволен тем, что прогуляться до садика можно не с матерью, а с более приятными собеседниками.

Хотя что Глебан, вот старшенький... Когда, переодев его и дав ценные указания, я собиралась покинуть группу, ребёнок вцеплялся в меня мёртвой хваткой. В итоге дитё держали в четыре руки воспитательница и нянечка, а я позорно бежала босиком на улицу и там уже натягивала сапоги. Что характерно, к тому моменту, когда я подходила к окну группы, чтоб помахать на прощание, сын вообще не ревел. И даже проявлял нетерпение, чтоб я поскорей отошла от окна и не мешала ему наслаждаться жизнью.

Сама я в садик не ходила. Мои папа и мама оказались бесхарактерными людьми, и после месяца истерик меня было решено воспитывать в спокойной домашней обстановке. Да, и про муми-тролля.

Муми-тролль — прекрасен. Каждый день, пока средний в садике, муми-тролль прокрадывается в квартиру (подозреваю, что он прошмыгивает в дверь, когда я выхожу) и оставляет под подушкой средненького всякие славные вещи. Забавный леденец в виде соски, полезный сок или вредную конфету, а иногда даже игрушку.

Каждое утро, отправляясь в садик, Глебан поддерживает своё мужество сознанием того, что, придя домой, он обязательно найдёт маленький подарок. И не от абы кого, нет! От самого настоящего муми-тролля. Жалко, что он приходит, когда Глеба нет дома. А старший в детском саду дружил с гномиком.

Гномик оставлял подарки в шкафчике для одежды.

* * *

Если б я не сподобилась родить троих детей к своим двадцати восьми, наверняка я была бы сейчас успешной молодой интересной женщиной, может быть, даже феминисткой и чайлд-фри. Может быть, я бы морщилась, услышав детские вопли, и укоризненно смотрела на растерянных родителей этого чада. А потом постила бы на каком-нибудь бездетном форуме: «Ну совсем эти свиноматки охамели со своими чадушками. Не умеешь воспитывать — не рожай. И вообще, зачем плодить нищету? Что ждёт людей в этой убогой стране?..» Дальше бы следовали умные рассуждения о политике. Закрыв модный ноутбук мак от эппл, я бы чувствовала себя ещё более успешной, более молодой и более интересной.

Если бы я не стала счастливой обладательницей сынарника на отдельно взятой жилплощади, я бы наверняка жила сейчас в уютной однокомнатной квартирке на последнем этаже (ведь оттуда такой красивый вид на ночной город), оформленной в стиле минимализм. У меня был бы светлый диван, на стене висел бы телик (хотя я всё равно бы его не включала — это зомбирование), дивная ванная комната с аккурратно разложенными белыми полотенцами (ну, я видела в одном журнале), и обязательно просторная гардеробная. На кухне стоял бы холодильник только с ручкой, а кастрюли я бы видела только на стеллажах в гипермаркетах. Вместо кастрюль (слово-то какое) у меня был бы небольшой сотейничек, в котором можно отварить яичко на завтрак, ведь я ем, как птичка.

Ещё я сохранила бы прекрасную фигуру и, наверное, подумывала бы о пластике груди, чтоб эстетично. Утро у меня начиналось бы с фитнеса в модном клубе, а потом бы я фоткала свою накачанную, похожую на персик попку в зеркало своим айфоном и постила бы в инстаграмме, собирая кучу лайков (на самом деле я и сейчас фоткаю свою унылую задницу в зеркало, но только в прихожей, когда никто не видит, а на заднем плане стоит коляска и висят разнокалиберные пуховики. Эти шедевры я никому не показываю, фотографирую только, чтобы поплакать).

На самом деле жутко и страшно представлять свою жизнь без детей к своим двадцати восьми. Я люблю разнокалиберные пуховики в прихожей, груды варежек и шарфов, полотенца со смешариками и ежевечерний пасьянс из носков.

Всё вышеописанное я буду иметь к сорока пяти. Ну, кроме того, что вряд ли я стану чайлд-фри. Вместо записей на тематиче-

ских форумах я буду постить фото себя красивой на фоне трёх молодых роскошных красавцев парней на страничках в соцсетях. И нигде, нигде не подпишу, что это мои сыновья. Сохраню интригу.

Руккола, попа-персик и интерьер в стиле минимализм — ждите.
Я иду! Иду!

* * *

Дети не в силах объяснить своих переживаний из-за очень скудного словарного запаса, они просто плачут.

Нет, неправильно, не просто плачут, рыдают. Так, что сердце заходится от ощущения страшного, непоправимого горя.

Потому что папа пришёл на утренник, а рядом с мамой не сидит. А сидит с другой тётёй, с которой, как утренник кончится, и уйдёт. И маленький человек его не увидит ещё очень долго — несколько дней, а может быть, и две недели или, не дай Бог, ещё дольше.

Какое тут веселиться и плясать вокруг ёлочки, тут бы на коленках посидеть, обнять его, хоть какое-то время побыть с ним рядом.

И плачет маленький человек в костюме львёнка возле ёлки, горько рыдает, расквасив губы и размазывая слёзы, а родители, не осознавая величину внутреннего горя и страха, пихают его: «Ну что же ты! Дед Мороз сейчас придёт, будут подарки! Ну что ты плачешь, как можно себя так вести!» Не понимая, что лучший-то подарок — вот он, рядом сидит. А ведь не обнимешь — не поймут, заругают, расстроятся, насильно отправят петь фальшивые песни и водить ненужные хороводы.

А потом, через много лет, какой-нибудь мужчина напишет в блоге: «Не люблю Новый год. Он пахнет одиночеством».

* * *

Мелкий стоит в кроватке, кошка сидит на подоконнике. Наблюдают «жизнь за бортом».

Иногда начинают обсуждать увиденное. Мелкий негромко озвучивает кошке своё мнение, кошка одобрительно машет хвостом, соглашаясь. Идиллия.

Когда мелкого принесли домой в виде непонятной креветки величиной с её, кош-кин, хвост, кошка очень переживала. Подозревая во мне плохую мать, кошка лично несла вахты возле кроватки и бдительно следила — правильно ли я надеваю памперс на креветку.

Я даже хотела кошку отдать, боясь, что она решит, что это её котёнок, по нелепой случайности попавший в мои кривые руки. Кошка, конечно, не оказалась такой душой. Душой, как выяснилось, оказалась я, раз такое подумала.

Стремясь ухватить кошку за усы, мелкий впервые совершил решительный рывок и пополз. Не было бы кошкиных усов — кто знает, когда б он ещё сподобился. Усы — это не хрен с горы, это мощный стимул, говорю вам как опытная женщина.

Мелкий и кошка смотрят в окно.

Я подглядываю за ними из-за угла, чтоб не мешать.

У кошки никогда не было имени. Вернее, было чисто номинальное, только звали её всё время просто — кошка.

Хотя ей вполне бы подошло Арина Родионовна.

* * *

У младшенького режутся зубки.

Моляры. Для тех, у кого нет многодетей, — коренные, которые сади.

Поэтом у я стала зомби. Не сплю, питаюсь через раз и обрела прекрасные синяки под глазами.

Ранним утром, не в силах встать с дивана, где валяюсь без эмоций после ночных бдений, я кричу (это мне кажется, на самом деле я могу только сипеть) старшенькому:

— Лёва, сыночка, сделай маме кофе, если не хочешь остаться сиротой.

Сыночка всегда рад стараться, не потому, что знает, что такое сирота, просто ему очень хочется за компьютер. А за компьютер мама пускает только, когда добрая, то есть после литра кофе. Варить настоящий кофе Льву не разрешается по малолетству, поэтому дитё заваривает маме сублиматуху якобс и, расплёскивая кипяток, бежит выслуживаться. Его жена мне будет очень благодарна. Попомните моё слово.

* * *

Мне недавно позвонили и порадовали:

— МарьСиргевна, вы, как многодетная мать, стали лауреатом всего на свете и, как лучшая мама в школе вашего старшенького, приглашаетесь на награждение с призами. Явка обязательна, просьба не опаздывать.

Честно говорю, не люблю официальные мероприятия, но, начитавшись про ювенальную юстицию, а также столкнувшись в своей жизни с представителями опеки и попечительства, запаниковала. Удостоверения многодетной у меня нет, поскольку не люблю бюрократию, пособия не требую и вообще стараюсь не отсвечивать. Поэтому то, что некто выбрал меня лучшей многодетной мамой, внушало опасения. В общем, я не решилась проигнорировать приглашение. Поэтому надела всё лучшее сразу и помчалась вкушать славу, признание и восхищение. Более того, нарядила старшенького в лучший костюмчик и поволокла за собой.

Пришла. Опоздала, естественно. Скромный молодёжный центр, бабушки-церберы на входе торжественно запустили нас в зал, где уже шёл концерт во имя.

Зал награждений меня удивил. Не здесь я представляла свой триумф, не здесь. Это была небольшая комнатка пятнадцать на двадцать, где на стульях, обтянутых шторами, потели, отбывая повинность, штук тридцать многодетных матерей. Матери рабски слушали концерт. Я прошмыгнула в конец «зала» и сосредоточилась на празднике. Праздник состоял из немодных песен, исполняемых в караоке полноватой девицей в мини-юбке. После песен нас ждал сюрприз — коротёнькая, минут на сорок, лекция психолога на тему «Этика семейной жизни».

И всё.

Совсем всё.

Многодетные мамы расходились с видимым облегчением.

Даже носового платка им не подарили в знак признания материнского героизма...

Сын расстроился, сказал, мама, хоть бы грамоту дали.

Я сказала, сын, придём домой — и напечатаем таких грамот штук десять.

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ВОСТОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

(Цикл стихотворений)

*Обретения и потери
мы подсчитываем к февралю.
К нам приходят различные звери
по Восточному календарю.
Годы Крысы, Драконы и птички...
Увлекательное кино.
А годов в человеческом обличье
нам дождаться не суждено.*

ПЕТУШИЙ СОНЕТ

Личину надевает Арлекин.
Минувший год – личина обезьянья,
и мы могли бы угадать заранее
её итог: подгнивший апельсин.

Туманно излагает важный чин
итоги обезьяньего камлания.
Он жаждет трепета и пониманья,
мудрец из новоявленных Афин.

А если нас опять обманы ждут?
Сегодня пряник, а назавтра кнут?
И будет мир окрашен в злые краски?
И клюнет в темя петушок из сказки?

Год Петуха – на радость или боль?
Непредсказуема петушья роль.

ГОД СОБАКИ

Петух отступает, Собакой гоним.
Прославим Собаку: помощника, друга,

в работе, в войне и в минуты досуга
бредущего рядом по тропам земным.

Ей вечно хранить человеческий дом:
избу и усадьбу, страну и планету.
И кто возразит нам захочет на это?
Всё будет, как должно. Всё будет ладом.

Однако и пёс чистокровных кровей,
приказу садиста-хозяина внемля,
швыряет тебя, бедолагу, на землю,
и зубы сомкнутся над плотью твоей.

Собак одичавших живое кольцо
вокруг городов и посёлков России.
Морозные ночи пронзительно сини,
и холод собачий, и ветер в лицо.

Как знать наперёд, что скрывает судьба
в причудах и тайнах грядущего года
с момента прихода до часа ухода?
Захлопнуты двери, и вьюга слепа.

А всё же собака – простая душа.
В ней есть человечьи терпенье и верность.
И в годе Собаки таится безмерность,
хоть мы от пророчеств давно без гроша.

А СВИНЬЯ НЕПЛОХА

Небо звёздно. Восходит луна.
Начинается год Кабана.

Говорят, он стабилен и благостен:
ведь свинья человеку сродни.
Он приносит нехитрые радости,
обещает погожие дни.
Ну, чуть-чуть пороссячьего визга,
да какой-то неважный пустяк,
да немного обычного свинства —
всё, к чему мы привыкли и так.

Поднимаем бокалы с вином.
Рады чокнуться с Кабаном.

Через топи кабаньими тропами
год пройдем и уложимся в срок.
За Америками и Европами
простирается Древний Восток.
Люди верят в предначертанье,
в то, что Время повернуто вспять,
и предсказанное заранее
как-то легче понять и принять.

А свинья — что ж, свинья неплоха,
и не знает вины и греха.

Признаёмся в родстве без печали.
Жить хотим без особых затей.
Нам и деньги бы не помешали
для себя и, конечно, детей.
Нас уже не зовут баррикады.
Нас не манят былые огни.
Нам утопий сегодня не надо:
слишком дорого стоят они.

Мы не будем смотреть в небеса.
Мы не верим уже в чудеса.

ПРИВЕТ КРЫСАМ

*Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
вбежавши, крысе мышь сказала.*

И.А. Крылов

Соседка, слышала ль ты добрую молву?
Год Крысы настаёт, мышам теперь раздолье.
Им полагается — что в поле, что в подполье —
пить в лужице винцо, грызть сало и халву.

Я по рожденью Кот, но с Крысою в родстве.
Благодарю судьбу за сей подарок скромный.

Ей в лапках целый год держать наш мир огромный
в небесной синеве и трепетной листве.

Всем Крысам мой привет. Они опять, как встарь,
сквозь розы и шипы идут к заветной цели.
Они не плачутся – и раньше не умели,
и да поможет им всевластный календарь.

ЗАЯЦ И КОТ

Прибавилось света – совсем на немножко.
Январь изнемог в новогодней гульбе.
К нам в гости пришла своенравная Кошка,
которая ходит сама по себе.

Конечно же, Заяц – такой симпатяга.
Он белый, пушистый и друг детворы.
А Кот независим: извечный бродяга
и любит подъезды, подвалы, дворы.

Нам год обещает всего понемножку,
и верить не стоит пустой похвальбе.
Он будет, увы, своенравен, как Кошка,
которая ходит сама по себе.

Пусть всех нас минуют лихие мгновенья.
Пусть полною чашею будет наш дом.
Дано человеку по праву рожденья
быть милым Зайчишкой иль гордым Котом.

ПОСЛУШАЙТЕ ЗМЕЮ

Тринадцать – несчастливое число.
И с талисманом нам не повезло.

Гадюка, кобра, безобидный уж
ползут к нам из глубоких чёрных луж.
К пожарищу, где пепел и зола,
змеиная тропинка пролегла.
Мы жмёмся у потухшего костра
и утешаемся: змея мудра!
Мудра, умна от жала до хвоста,
а мудрости прилична доброта
(и яд её, в размере малых доз,
успешно лечит остеохондроз).
Нам предстоит теперь аж целый год
жить в обществе бразильских анаконд,
змеиные повадки перенять,
а может быть, и шкуру поменять.

Не предавайтесь панике, друзья.
Ведь с нами — осторожная Змея.
Она, прожив уже миллионы лет,
способна дать нам взвешенный совет.
Не верьте предсказаниям беды.
Не повторяйте всякой ерунды.
Декабрь прошедший дал нам всем урок:
не покупайте соль и спички впрок!
Да, нынче наступает год Змеи.
Но будут петь весною соловьи,
цвести сады, в полях колосья зреть.
Кому-то жить, кому-то умереть!
И всё-таки он будет с нами добр —
год анаконд и королевских кобр.

К ГОДУ ЛОШАДИ

В позабытые сегодня годы
табунами славились народы.
Всадник — путешественник и воин —
был приёма доброго достоин.
Лошадь всаднику давала крылья.
Лошадь ограждала от насилья.
Лошадь пашню древнюю пахала,
и она ж пространства покоряла.

Наше время — свары да препоны.
Рушатся картонные короны.
Но рождается в наш век недобрый
жеребёнок, матери подобный.
Табунов исчезнувших наследник,
маленький глазастый привередник
с мягкой шёрсткой, шёлковой гривой
и надеждою на год счастливый.

ПО КОЗЬИМ ТРОПАМ

Год на исходе. Кто потел на кляче,
кто финиш брал на вороном коне,
кому — терпенье, а кому — удача,
и всем — надежда в призрачном окне.

Теперь нам всем скакать по козьим тропам,
ловить остатки козьего меню.
И если мы не посраим Европы,
то уж авось не сгинем на корню.

ЛЮБИТЕ, ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

ХАМЗА ШАРИПОВ

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Многие люди могут и не подозревать, что в них дремлет поэт, художник. Любовь Сивко на своём примере демонстрирует пробуждение души, которое, мне кажется, вызывает не только восхищение и радость от её творчества, но является неким образцом того, что нам нужно быть смелее, уделять больше внимания своим устремлениям, желаниям, чтобы они не оставались просто мечтой. Потому что нереализованная мечта — это что-то очень грустное. Люба умеет воплощать свои мечты в жизнь. Её творчество прекрасно, потому что оно искреннее, идёт от сердца. Это всегда оказывается важнее, чем даже мастерство или знания, которые часто бывают несколько стереотипными. Человеку важно быть искренним, а Люба искренняя. В ней есть чистота души, которая присуща детям, и которую нам, взрослым, трудно сохранить. Но при этом она не пишет, как дети, спонтанно или неосознанно. За тем, как она отражает мир, есть мировоззрение и отношение к миру — оно у неё позитивное, доброе, светлое. И это уже является настоящим искусством.

ХУДОЖНИК ЛЮБОВЬ СИВКО

В гавани х, м, 80×70 2012 г.

Натюрморт с синим чайником и розой х., м., 35×45. 2012 г.

ЛЮБИТЕ, ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Ромашки х. м., 40×40. 2013 г.

Дачники х., м., 40×40. 2013 г.

За неделю до Нового года х., м., 40×35. 2014 г.

ХУДОЖНИК ЛЮБОВЬ СИВКО

***Ветер в спине** х., м., 60×50. 2014 г.*

***Лёгкий завтрак** х., м., 32×42. 2014 г.*

***Монастырь** х., м., 25×30. 2010 г.*

ЛЮБИТЕ, ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Цветные сны бум., пастель, 50×35. 2013 г.

Падает тёплый снег бум., пастель, 30×41. 2013 г.

Рябиновая осень х., м., 45×40. 2012 г.

Вспоминая Небит-Даг х., м., 40×40. 2012 г.

ЛЮБИТЕ, ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Белый день х., м., 30×40, 2015 г.

Эби х., м., 25×30, 2014 г.

Марусин листопад х., м., 30×25, 2010 г.

ХУДОЖНИК ЛЮБОВЬ СИВКО

Осенний лист х., м., 25×20. 2015 г.

Снег идёт х., м., 50×40. 2013 г.

Умытые дождём х., м., 50×40. 2014 г.

Цветок х., м., 70×60. 2011 г.

ЛЮБИТЕ, ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Оазис х., м., 35×45. 2015 г.

И снился месяц мне х., м., 60×50. 2014 г.

В трёх соснах х., м., 45×40. 2013 г.

Николай Шишкин. «История города Елабуги с древнейших времён». СПб.: Маматов. 2014 г. 256 с.

Настоящая книга – уже третье издание уникального труда священника Н.И. Шишкина «История города Елабуги с древнейших времён». В отличие от двух предыдущих, его текст адаптирован к правилам русской орфографии и сопровождается редкими фотографиями видов Елабуги конца XIX – XX века. «Рождение» этого издания стало символичным как для Елабужского государственного музея-заповедника, который в 2014 году отмечал свой 25-летний юбилей, так и для России в целом в связи с объявленным годом культуры.

Вторая публикация явилась подарком для всех, кому дорога история города, так как она была приурочена к тысячелетию Елабуги в 2007 году. Книга была написана в 1901 году и с тех пор является библиографической редкостью.

Открывает издание предисловие автора, в котором он проводит краткий исторический экскурс, завершая его словами благодарности за содействие и выражая надежду на то, что труд его будет полезен и жителям города, и всем любителям отечественной старины.

Далее, с момента знакомства с Чёртовым городищем и рассуждений о времени основания села Трёхсвятское (нынешней Елабуги), читатель погружается в прошлое этого удивительного города. Несмотря на обилие исторических фактов, имён, дат и прочих цифр, книга не воспринимается тяжело, а напротив, очень увлекает.

С историей села Трёхсвятское связано «очевидное заступление Божье». А как ещё объяснить спасение села от разорения Акаем, предводителем бунтовщиков, сжигающих всё на своём пути? Или благополучный исход в «эпоху Пугачёвщины, страшной в начале и продолжении и столь отрадной в окончании?»

Город рос, развивался, жил своей жизнью, о чём свидетельствуют многочисленные факты, приведённые в книге: открытие воскресной школы, проведение литературных вечеров в 1862 году, открытие новой больницы в 1863 г., а в 1865 г. – открытие типографии мещанином Кобычевым... И многое, многое другое. Каждое из этих значимых событий являлось действительно важным для города. Впрочем, как и события печальные: «22 марта (1866 г.) в Елабуге умерла 83-х лет от роду известная писательница – девица – кавалерист Надежда Андреевна Дурова. Похороны девицы-кавалериста почтил местный кадровый батальон приличным воинским конвоем, проводившим её до могилы; георгиевский крест нёс офицер...»

А чего стоит «Современное описание города Елабуги», который «...в настоящее время один из самых красивых и благоустроенных городов Вятской губернии. Несколько лет тому назад в городе Елабуге была устроена публичная библиотека. Год тому назад благо-

даря стараниям и энергии Елабужского потомственного почётного гражданина, инженер-механика Фёдора Васильевича Стахеева... появилось на улицах электрическое освещение и устроен прекрасный водопровод...» И главное: «Умственный рост известного города измеряется количеством находящихся в нём учебных заведений; в данном случае Елабуга опередила многие уездные и губернские города в России...»

Это лишь несколько «штрихов к портрету» истории города, в которой очень много полезного и интересного, известного и неожиданного, отразившегося на страницах этого уникального издания.

Николай Рачков. Русь — это нация духа. Стихи. Исторический цикл. Санкт-Петербург, 2014.— 208с.

Держа в руках книгу Николая Борисовича Рачкова, невольно настраиваешься на серьёзно-торжественный лад: на тёмно-синем фоне обложки небольшая икона Георгия Победоносца и золотым тиснением — буквы... Строгость и сдержанность в сочетании с внутренней роскошью и величием (как это, однако, по-русски...)

Автор — человек достаточно известный. Поэт, секретарь правления Союза писателей России, Академик Петровской академии наук, почётный гражданин Ленинградской области и многократный лауреат все-российских и международных литературных премий. Его сборник посвящён русской истории, её победам и трагедиям, героям и неоднозначным, но ярким личностям, жертвенному служению Отечеству и размышлениям о судьбе России.

Красной нитью проходит мысль о том, что мы — нация героическая и очень гордая, можно сказать, особенная, потому что «не умеем сдаваться, но умеем побеждать», и при этом, несмотря на неимоверное количество страданий, выпадающих на нашу долю, никогда не утрачиваем своего великодушия.

*...Ну так что же,
разве мы без рук?
Милостыню сроду не просили.
Это же естественно, мой друг,
Говорить в России
о России.*

*О родном поплачем, о своём.
Проклинать ничьи не будем тени.
Разве это плохо, что встаём
Только перед Богом на колени?*

*...Мир, как бомба, во зле взорвётся,
Будет всем в аду горячо.
А Россия сама спасётся
И врагу подставит плечо.*

Может показаться, что такое количество стихов о славе России и гордости за неё — слишком много для одной книги, такой концентрат патриотизма и пафоса. Но, странное дело, листая страницу за страницей, замечаешь, что постепенно наполняешься гордостью и заряжаешься любовью к своей Родине, к народу. Той любовью, которой мы так стесняемся. Мы, приученные и привыкшие ругать и критиковать всё «наше». А ведь нам есть чем гордиться. И поэт смог это доказать. Потому и патриотизм его — настоящий, «чистый». И слово «пафос», в последнее время утратившее свой первоначальный смысл (а ведь, согласно словарям, — это воодушевление, подъём, энтузиазм), здесь более, чем уместно.

Первая часть книги «Без подвига нет чести» охватывает период со времён Древней Руси до Первой мировой войны (1914 год). Вторая – «Крестный ход» – возвращает нас к событиям Гражданской и Великой Отечественной войн... Афганистан, Чечня, подводная лодка «Курск», Украина... Человеческие трагедии, сломанные судьбы... И среди всего этого – Вера:

*Нас не разрушит разруха.
Нас закаляет беда.
Русь – это нация духа
Прежде всего и всегда.*

Хочется привести два интересных высказывания:

«Народ, не имеющий национального самосознания – есть навоз, на котором произрастают другие народы». (П.А. Столыпин, государственный деятель).

«Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя!» (Отто фон Бисмарк, первый канцлер Германской империи)

Есть над чем задуматься... Но если с самого раннего детства нас будут сопровождать не плоды иностранных культур, порой сомнительного свойства, а вот такие книги, то за наше национальное самосознание и истинные ценности можно не беспокоиться.

Рамиль Сарчин. Жизнь и судьба Фатиха Карима: биографический очерк, статьи. Казань, Татар.кн.изд-во, 2014.— 239с.

Имя Рамиля Сарчина не нуждается в особом представлении читателям журнала. Являясь автором замечательных статей о творчестве поэтов Татарстана, он в сентябре 2014 года стал лауреатом первой литературной премии журнала «Аргамак. Татарстан» за лучшие публикации. Все труды его как литературного критика, литературоведа, поэта и, прежде всего, человека увлечённого, отмечены неизменной способностью дойти до сути и явить читателю самое главное.

Не стала исключением и новая книга Рамиля Сарчина «Жизнь и судьба Фатиха Карима», в которой по архивным документам, по воспоминаниям, по материалам писем поэта, его родных и близких впервые читателю представляются донныне неизвестные сведения о жизни этой легендарной личности – классика татарской литературы, героя Великой Отечественной войны и просто удивительно светлого и доброго человека.

Книга состоит из четырёх частей биографического плана, нескольких статей об особенностях творчества поэта и статьи дочери Фатиха Карима Каримовой Л.Ф. На заключительных страницах размещён список упомянутых в книге лиц с краткими сведениями о них, который воспринимается с неменьшим интересом.

Из небольшого предисловия автора мы узнаём о том, как изначально запланированная литературоведческая направленность превратилась в историко-биографическое исследование. Потому как судьба и творчество неотделимы друг от друга, возникла необходимость максимально точно воссоздать жизненный и творческий путь поэта. Отсюда и большое количество архивных материалов, воспоминаний, писем, фотографий, создающих полное погружение в атмосферу того времени.

Первая глава «Истоки» повествует о крестьянском детстве Фатиха Карима, тяжёлом, но и отрадном. Чуткие и добрые отношения в семье, природная любознательность и чувство юмора, любовь к «малой родине» – это та благодатная почва, в которой всходил талант будущего поэта. Далее – приобщение к литературе, встреча со своей судьбой – будущей женой Кадриёй, журналистика и первые стихотворные опыты на страницах газеты.

Название второй главы – «В кругу близких» – говорит само за себя. Именно о самом дорогом – о семье, родных и друзьях всё лучшее из написанного в его поэзии, прозе, драматургии.

«Дело № 12032» – третья глава книги, описывает дни, полные отчаяния и надежды: арест, приговор, попытки подавленного, но не сломленного поэта добиться справедливости и, наконец, возвращение домой. Заключительная часть повествует о годах войны, когда Фатих Карим показал себя особенно ярко и создал стихотворения, которые вошли в сокровищницу татарской поэзии: «Твой узорчатый алый платок», «Птица души моей», «Луна услышала...» и др.

*Ржаному полю радуется глаз.
Оно, соскучившись, встречает нас,
И кажется, кивает каждый колос:
«Вперёд, вперёд, боец!» – он говорит,
«Врагу пришёл конец!» – он говорит,
И в сердце проникает мягкий голос.*

*Как море, бесконечные поля,
Отчизны милой тёплая земля!
Мы движемся ползком,
но с мощной силой.
Сгорим, когда прикажешь ты: сгори!
Умрём, когда прикажешь ты: умри!
О, тёплая земля отчизны милой!*

Перевод Семёна Липкина

Трагические страницы нашей истории сотканы из миллионов судеб. И одна из них, оставившая тёплый свет в сердцах, открылась перед нами в этой книге.

Николай Перовский. Книга Книг. Избранные стихотворения.
Орёл, «Вешние воды», 2014. — 464 с.

В декабре прошлого года в Орле на вечере памяти, посвящённом 80-летию со дня рождения Николая Михайловича Перовского, прошла презентация сборника избранных стихов – итоговой «Книги книг», в которую вошли лучшие стихотворения из 18 поэтических сборников (всего их более двадцати, включая прозу), а также произведения, не публиковавшиеся ранее. Подготовлена книга вдовой поэта Лидией Ивановной, дочерью Маргаритой Михайловной и филологом Геннадием Тюриным, который, возвращая читателя к истоку, выверял стихи по рукописным вариантам, убирая редакторские искажения.

Книга открывается вступительной статьёй Маргариты Перовской о том, что «...Поэт всегда на грани, «на переломе и на стыке», а значит, во власти стихии, кораблекрушения – последний корабль на последней волне,
...полёт и паренье над бездною.

Из первородных глубин вынырнешь на буриданово стояние между эпикой и лирикой: вопросы – эпические, ответ – лирический.

*Какой судьбы, какие кисти
Тебя сметали по сусекам?
Так собирает осень листья
По лесосекам, по лесосекам. /.../*

*Листва раскинется периной,
Лопух подушкой обернётся,
Шатёр небес согреет спину,
И жизнь вернётся, и жизнь вернётся...»*

В том, что Перовский — поэт действительно великий, нет никаких сомнений, и сегодня в этом убеждается огромное количество читателей, проявляющих всё больший интерес к его творчеству. Это настоящий мастер слова, обладающий редким даром...

Сюжеты его строк — это сама жизнь. И память, вместившая в себя судьбу поколения детей военного времени, раннее сиротство, голод и скитания, которые не сломали, но закалили поэта, наделив его трагической харизмой:

*...Мне кажется, я не был молодым,
беспечным, избалованным судьбою,
а сразу стал сутулым и седым,
короче говоря, — самим собою.*

Его образы удивительно живы: одна фраза, одно слово — и ты уже видишь, слышишь, чувствуешь...

Чрезвычайно требовательный к себе, сочетающий трогательную лиричность с остротой классической точности, своими стихами он умел делать, по словам Людмилы Балыковой, «прививки от литературной пошлости», избавляя поэзию от графоманов. Когда-то, после одного из литературных вечеров, на котором «блистали» столичные поэты, Николай Михайлович, прочитав свои стихи, и его стали называть «провинциальным гением России». И сейчас когда, по мнению многих, настоящая литература уходит вглубь России, эти слова дорогого стоят.

О Николае Перовском теперь говорят как о поэте, «сумевшем отразить трагическое и героическое, передать сочный колорит эпохи и стать вестником от былого к будущему».

Дмитрий Цыганков. «Среди людей». Рассказы и стихи. Казань, ОАО «ТАТМЕДИА» «ГИК «Идел-Пресс». 2014 г. 128 с. Предпечатная подготовка — Татарстанское отделение Союза российских писателей.

Первая книга Дмитрия Цыганкова «Среди людей» — это сборник рассказов и стихов, в котором автор выступает и как иллюстратор. Эта его многогранность вызывает ещё больший интерес, когда из вступительного слова «О себе» мы узнаём, что перед нами — человек думающий, тонко чувствующий, с непростой судьбой, который смог пережить и мудро принять личную трагедию, приведшую к инвалидности.

Он пишет о людях, об их взаимоотношениях в повседневной жизни, о таких привычных для каждого переживаниях, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, почти не обращая на них внимания. Но автору удаётся, будто вдумчиво разглядывая на ладошке, довольно точно и как-то по-доброму описать каждое из них.

Большую часть сборника занимают три рассказа. Темы их близки и понятны как автору, так и читателю: сочувствие человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, тонкие движения детской души, тёплая и трогательная любовь отца к дочери. Особое место в рассказах занимает природа, которая, переплетаясь с ощущениями детства, изображена настолько рельефно и осязаемо, что читатель легко погружается в мир произведения, становясь свидетелем или соучастником событий:

«Валька бежал, выставив перед собой руки, и сбитая зернистая роса, слетавшая с оперенья высокой травы, окатывала лицо мягким проливным дождём. Липкие капли ударялись градом об одежду и раздувались на ней мокрыми одуванчиками...»

Романтические мотивы стихотворений Дмитрия Цыганкова, составляющих вторую часть книги, настраивают на возвышенный лад, при этом органично сочетая в себе и элементы высокого стиля, и бытовые зарисовки:

*А после дум, с течением схожих,
Свершал привычный ритуал –
У вежливых всегда прохожих
Куришь бессовестно стреляя,
И с дымом сигарет, блаженно,
Запятав всякий стыд в карман,
Вдыхал Варшавы дух нетленный
И Вислы утренний туман.*

Анастасия Устинова. Стерва, или Эпоха по имени Люська. СПб. Литературный фонд «Дорога к жизни», Общество «Молодой Петербург». СПб. 2014. — 64с.

Молодая писательница и поэтесса из Новокуйбышевска Анастасия Устинова уже не новичок в литературе. Её произведения неоднократно печатались в российских газетах и журналах. Настя победитель и лауреат различных поэтических конкурсов и фестивалей, обладатель гранта для одарённых людей фонда «Виктория», а в 2013 году она стала лауреатом всероссийского конкурса «Высокий стиль» в номинации «Проза-дебют», проводимого всероссийской газетой «День Литературы». В том же году вышла её книга стихов и прозы «Я иду по солнечному кругу».

Новая книга «Стерва, или Эпоха по имени Люська» читается на одном дыхании. Автор с первых строк обнажает перед читателем то сокровенное, что позволяет ощущать свою причастность ко всему происходящему, и уже не отпускает до конца книги.

Героиня её историй — девушка, переживающая то, что свойственно её возрасту. Здесь и отношения со сверстниками, и увлечение модными культурами, и щемящее чувство от мысли о неизбежности взросления, и настоящее горе от потери близкого существа... Серьёзная и ироничная, дерзкая и задумчивая, самоуверенная и ранимая, она трогательно любит и понимает кошек, как очень близких ей созданий. Она только постигает жизнь, но при этом уже ощущает какую-то «взрослую» от этой жизни усталость.

Язык писательницы лёгок и точен, образы выписаны детально, но лаконично, а рассуждения порой исполнены какой-то печальной женской мудрости. Думается, что таланту Анастасии Устиновой ещё предстоит раскрыться в полную силу, в чём мы непременно сможем убедиться.

«Новая Немига литературная». Литературно-художественный журнал. № 5. 2014 г. Минск. ООО «ВИТпостер». 200с.

У «Аргамак» с журналом «Новая Немига литературная» несколько лет назад установилось тесное сотрудничество. «Немига» выходит в Беларуси, но, как и «Аргамак», приглашает на свои страницы авторов из других стран, в том числе из России. Это символизирует особые, тёплые, братские отношения, о которых в рубрике «Армия» говорит и полковник Владимир Макаров, упоминая свою статью с таким ёмким названием: «Беларусь не торгует дружбой с Россией».

Номер открывается поздравлением с юбилеем русского поэта, члена редколлегии журнала, Глеба Арханова (Юрия Игоревича Алексеева), деятельность которого связана с восстановлением уникальных архитектурных

памятников — монастырей, храмов, а также с переводом на русский язык произведений других поэтов. После повести «Литвинка» М.Ю. Лермонтова, публикация которой приурочена к 200-летию со дня рождения великого русского поэта, представлены и стихи Глеба Арханова, а также статья о его творчестве «Глаголы ковчега» Алексея Филимонова.

Раздел «Проза» открывает окончание фантазмагии «Ладья Харона» известного поэта и автора повестей, а также романов на исторические темы Юрия Фатнева. В продолжении рубрики тоже немало интересного. Это и рассказы Светланы Замлеловой «Сторожка» и «Берендеево царство» с чередой чётко выписанных портретов и наблюдением за миром нашим внешним и внутренним. И истории екатеринбуржца Александра Кердана «Берёзка» и «Честь мундира» о том, что скрывается за суровыми лицами людей в форме. О трагедии юной студентки 80-х повествует Светлана Сударикова в своём рассказе «Во имя любви». А короткие эссе Алины Костюк настраивают на гармонию с собой и миром, бесконечно огромным и бесконечно прекрасным.

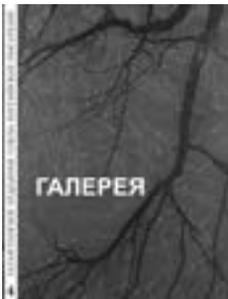
Здесь же опубликовано начало фантастической повести Наталии Новаш «Деревянная девочка, или Ди — королева кукол», в которой автору удаётся избежать ощущения тяжести, свойственного постапокалиптике.

Драматургия представлена пьесой Виктора Кустова «Эпоха перемен. Отцы и дети», где поднимается вечная тема и говорится об ускользающих ценностях: семье, корнях и осознании своей ответственности друг перед другом.

Поэтическое пространство номера отмечено такими именами как Виктор Петров, Юрий Перминов и Аршак Тер-Маркарян. Подкупают своей глубиной и искренностью стихи следующих авторов: «Трилистники» Василия Куликова-Ярмонова и «Развоплощение» Глана Онаняна, «Моя родословная» Николая Алешкова и «Русское счастье» Михаила Аникина. Вообще в этом номере много замечательных стихов хороших поэтов.

Страницы критики журнал отвёл для статьи Людмилы Воробьёвой «Восхождение к совершенству, или Таинственный код прозы Елены Поповой», где автор раскрывает перед нами особенности таланта драматурга и прозаика.

В рубрике «Часовня» интересно рассуждение протоиерея Павла Боянкова о «несчастной» для России войне 1914–1918 гг. Сколько раз ещё предстоит нашей истории быть пересмотренной и переписанной? Кто они — наши вожди? Словами об одном из них, о Ленине, и завершается статья: «Совсем скоро он напишет: «Россия завоёвана большевиками». Обычно так говорят о вражеской стране».

ГАЛЕРЕЯ. Альманах Татарстанского отделения Союза российских писателей. Выпуск четвёртый. Казань — Санкт-Петербург, ФормаТ, 2015.

Новый выпуск литературного альманаха «Галерея» посвящается 80-летию Виля Салаховича Мустафина (1935–2009), известного казанского поэта и мыслителя, создателя и председателя Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, руководителя литературного объединения при Музее Константина Васильева, основателя литературного альманаха «Галерея», лауреата литературной премии имени А.М. Горького (Казань, 2005) и международной Цветаевской премии (Елабуга, 2014).

Открывает альманах не печатавшееся ранее стихотворение Виля Мустафина «Друзьям», которое вдова поэта Галина Михайловна Килеева обнаружила в архивах мужа. Она же предоставила для публикации в «Галерее» письмо Мустафина от 18.09.1988 к известному российскому поэту Борису Алексеевичу Чичибабину (1923–1994), в котором Виль Салахович подробно пишет о себе, своей семье и завершает рассказ стихами «Зачем слова?»

К юбилею Виля Мустафина редактор-составитель альманаха, председатель Казанской писательской организации СРП Александр Воронин написал очерк «Три плюс три – как дважды два», а Людмила Уфимцева в свою подборку поместила воспоминания «Учитель, перед именем твоим...»

Так получилось, что Год литературы в Татарстанском отделении Союза российских писателей совпадает с юбилеями и знаменательными датами нескольких его членов. Поэтому в четвёртом выпуске альманаха «Галерея», помимо постоянных его авторов Валентины Зикеевой, Наиля Ишмухаметова, Светланы Грунис, Камиля Хайруллина, Светланы Мингазовой, Натана Солодухо, вышли публикации юбиляров. Так, в хорошей творческой форме своё 75-летие готовится встретить алексеевский поэт Александр Бочкарёв. Мы также будем отмечать 70-летие двух наших державинских лауреатов – председателя Татарстанского отделения Союза российских писателей Николая Алешкова и руководителя литературного объединения имени В.С. Мустафина Михаила Тузова, их большие публикации открывают и завершают новый выпуск литературного альманаха «Галерея» за 2015 год.

Добавим, что большую конкретную помощь в выпуске альманаха казанским коллегам оказала член правления Союза российских писателей, председатель издательской комиссии СРП, литературный редактор альманахов «Лёд и пламень» и «Паровоз» Валентина Кизило – в рамках программы поддержки региональных изданий Союза российских писателей. Оттого четвёртый выпуск альманаха «Галерея» оказался весьма весомым.

Наши авторы

стр. 128 АВРУТИН Анатолий Юрьевич — поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в 1948 г. в Минске, окончил Белорусский государственный университет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Симеона Полоцкого, «Литературный европеец» (Германия), им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Бориса Корнилова «Дорога жизни», всероссийских премий им. А. Чехова, «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова, «Герой нашего времени», им. Николая Минского, «Русь единая», украинской премии им. «Молодой Гвардии», годовых премий журналов «Аврора», «Молодая Гвардия» и других. Живёт в Минске.

стр. 201 АКЧУРИНА Дельфина Фаридовна (Анна Акчурина) — художник, поэт, автор статей по искусству для разных изданий России. Родилась в 1970 г. в Казани. Окончила педагогическое отделение Казанского художественного училища им. Н. Фешина. Преподавала в Малой Академии искусств, в школе Акварели. Неоднократно участвовала в районных и городских выставках в Подмосковье, в Казани. Печаталась в изданиях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Архангельской области, Ростова-на-Дону, г. Шахты. Сотрудничает с журналами «Талант», «Казань», «Бег» (Санкт-Петербург), с литературно-художественным альманахом «Эхо Шахтинских прогулок». Печаталась в газетах «Казанские Ведомости», «Вечерняя Казань», на сайте Российского сервера современной поэзии СТИХИ.РУ. Автор 34 статей по изобразительному искусству, театру, истории моды и так далее. В 2014 г. выпустила книгу стихов «Страж» с авторскими иллюстрациями. Автор иллюстраций к роману Валерия Хацкина «Белое золото» (о последних днях адмирала Колчака (2012), иллюстраций к книге стихов Ирины Мудриченко «Судьба Винограда» (2013), рисунков к поэтическому трехтомнику Леонида Колчинского «Рифмованный дневник» (Казань, издательство Сергея Бузукина, 2014 г.). Работает над книгой по актуальным проблемам искусства.

стр. 137 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве. Живёт в Набережных Челнах. Лауреат литературной премии имени Г.Р. Державина, Всероссийской литературной премии «Ладосга» имени А. Прокофьева.

стр. 107 БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск, где и окончил школу. После окончания Иркутского государственного университета (отделение журналистики) работал в сельских и областных газетах Восточной Сибири. В девяностые годы прошлого века — преподаватель Иркутского государственного университета. В первом десятилетии нынешнего века возглавлял издательство «Иркутский писатель», работал главным редактором альманаха народов Восточной Сибири «Созвездие дружбы». В настоящее время — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль». Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах и коллективных сборниках, а также в Чехословакии, Германии, Франции. Лауреат Всероссийских литературных конкурсов: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), имени Василия Шукшина (1999). Большая литературная премия России (2007), лауреат областных премий — имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), Губернатора Иркутской области (2002, 2011, 2012).

стр. 223 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х – 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году – книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году – сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году – «Осень с дыханьем весны». Член Союза российских писателей. В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

стр. 169 ГРАЧЁВ Сергей Анатольевич родился в подмосковном Подольске 11 февраля 1961 года. После окончания в 1986 году Литературного института им. А.М. Горького служил в армии. Работал в подольских и московских газетах, издательствах «Мир книги», «Славянская школа», в литературно-художественном и публицистическом журнале «Новая Россия. Воскресенье» (бывший «Советский Союз»), в журнале «Строительный сезон». Публикуется с 1979 года. Первые рассказы были напечатаны в газете «Подольский рабочий» в 1982 году. Затем рассказы публиковались в журналах и альманахах «Истоки», «Дон», «Москва», «Литературная Кубань», «Подольский альманах», «Уральский следопыт», «Московский писатель», «Московский вестник», «Слово» и других. В Союзе журналистов России – с 1990 года, в Союзе писателей РФ – с 1997 года. Живёт в Подольске, работает главным редактором информационно-общественного журнала «Деловой Подольск», заместителем главного редактора информационно-аналитического журнала «Стратегия занятости».

стр. 169 ДМИТРИЕВ Сергей Николаевич родился 10 июня 1959 года в Великом Новгороде. С 1977 года живёт в Москве. Окончил исторический факультет МГПИ им. Ленина. С 1981 по 1994 год работал в издательстве «Молодая гвардия», пройдя путь от младшего редактора до главного редактора издательства. Впоследствии и по настоящее время – главный редактор издательства «Вече». За 33-летний период своей книгоиздательской деятельности принимал участие в подготовке и выпуске более 12 тысяч книжных изданий. В 1989 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Автор книг «Письма совести

и веры. История завещания Короленко» (М., 1991), «Союз союзов и профессионально-политические союзы в России. 1905–1906» (М., 1992), сборников стихов «Письмена. 150 стихотворений из старой тетради» (М., 1998), «Заветное. Двадцать лет спустя» (М., 2000), «Слезы небес» (М., 2002), «О жизни, смерти и любви...» (М., 2005), «Лирика любви» (М., 2008), альбомов фотостихотворений «По русским далям и просторам» (М., 2006), «По свету с камерой и рифмой» (М., 2009), «На Святом Афоне. Стихи русского паломника» (М., 2013), историко-литературного и фотопозитического труда «Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века» (М., 2014), а также более 100 статей на исторические темы. Член Союза писателей России, действительный член Академии российской словесности. С 2004 года – секретарь Правления Союза писателей России. Награждён государственными и общественными наградами, в том числе медалями «За трудовое отличие», «Медалью Пушкина», «В память 850-летия Москвы», «300 лет российскому флоту». Лауреат премий имени Александра Фадеева (2003) и Валентина Пикуля (2004). За поэтическое творчество удостоен звания лауреата премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2005), за книгу «Лирика любви» – премии «Лучшие книги года» (2008), за издательскую деятельность – премии «Золотой венец Победы» (2011), а за книгу «Персидские напевы» – историко-литературной премии имени Александра Невского (2014). В 2006 году С.Н. Дмитриеву указом президента России присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». С 2002 года увлекается фотографией. В различных периодических и книжных изданиях опубликовано огромное количество его фотографий, организовал и провёл несколько фотовыставок. В 2014 г. получил Президентский грант в области культуры на создание мультимедийного интернет-проекта фотопэзии «Россия моей мечты». Активный путешественник по России и миру, посетивший более 70 стран. Женат, имеет двух сыновей и внука.

стр. 65 ЗАЙДУЛЛИН Ркаиль Рафаилович (Ркаил Зайдулла) родился 23 января 1962 года в деревне Чичкан Чувашской республики. После средней школы окончил филологический факультет Казанского государственного университета. Многие годы работал в редакциях разных газет и журналов Казани, был литературным консультантом Союза писателей Татарстана. В настоящее время – профессиональный писатель.

Р. Зайдулла – автор одиннадцати сборников стихов и поэм, рассказов и исторических повестей, пьес, детской прозы и публицистики. Некоторые пьесы Р. Зайдуллы ставились на сценах татарских театров. Произведения его переведены на другие языки и опубликованы в журналах «Хедже» (Анкара), «Дружба народов», «Октябрь», «Наш современник» (Москва), «Аманат» (Алматы), «Бельские просторы» (Уфа), «Тыван Атыл» (Чебоксары) и др. Р. Зайдулла – лауреат Республиканской премии имени М. Джалиля, Государственной премии имени Г. Тукая и других литературных, театральных премий РТ. Заслуженный деятель искусств РТ.

стр. 54 КАШЕВАРОВА Светлана Николаевна (Светлана Летяга) родилась 8 сентября

стр. 241 1970 года в Пензенской области. Окончила филологический факультет Елабужского государственного университета. Работала учителем русского языка и литературы. Победитель конкурса молодых поэтов «Непризнанный гений», организованного в рамках проекта «Читающий город» (г. Набережные Челны, 2014). Публикуется впервые. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 47 КОЛЯДИНА Елена Владимировна родилась 24 июня 1960 года в г. Череповце в семье металлургов. В 1983 году окончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1995 по 2001 годы сотрудничала с журналом «Cosmopolitan», в течение 10 лет являлась собкором, а затем редактором отдела писем «Комсомольской правды». Лауреат премии «Русский Букер» 2010 года за роман «Цветочный крест». Проживает в Подмоскowie..

стр. 118 КРАМЕР Александр Борисович родился на Украине, в Харькове. Последние 16 лет живёт на севере Германии, в Любеке. Окончил политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Пишет ещё с харьковских школьных времён. В Харькове появились и несколько первых поэтических публикаций. В Германии стал писать прозу. Публиковался в периодических литературных изданиях разных стран, в том числе в России, Украине, Канаде, Болгарии и Германии. В 2009 г. несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013 г. в сборник рассказов «Десятьдомиков».

стр. 188 ЛОБУЗНАЯ Дания Ахметзяновна родилась 13 ноября 1940 года в селе Карино

(Нухрат) Кировской области. Татарка. Детство прошло в Забайкалье, в бурятском поселении Томпа, где с 1939 года находился в ссылке её отец. В 1958 году Дания окончила среднюю школу в шахтёрском посёлке Кизел Пермской области. В этом же году поступила в Казанский государственный университет на факультет русского языка и литературы, который окончила в 1963 году. Работала в районах Крайнего Севера: преподавала русский язык и литературу в средней школе посёлка Ревда Ловозерского района Мурманской области, была заместителем директора средней школы № 2 г. Мурманска, а также одним из организаторов первого праздника Дней славянской письменности (г. Мурманск). Ветеран труда, Отличник народного просвещения РСФСР. Кандидат педагогических наук. Позже работала переводчиком с норвежского языка в г. Киркенесс в Норвегии. С 1996 года живёт в Пензе. Член Союза писателей России.

стр. 42 ЛУКЬЯНОВА Ольга Ивановна родилась в городе Новошахтинске Ростовской области. Детство прошло в Богучарском районе на Дону. Окончила филологический факультет Луганского педагогического института. Работала в различных периодических изданиях Луганска. Жила в Соединённых Штатах Америки. Стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», в коллективных сборниках «Поиск» (Донецк), «День поэзии». Автор сборников стихотворений «Горлинка», «Свет мой вечный». В настоящее время живёт в Воронеже.

стр. 64 НОВИКОВА Алёна Николаевна родилась 3 ноября 1977 г. в городе Набережные Челны. После школы закончила заочно Самарскую Экономическую Академию. Серьёзно фотографией начала заниматься с 2012 года. Специализируется на свадебной и семейной фотографии. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 142 ПРИХОЖАН Пётр Борисович (1940–2010) родился в городе Евпатория Крымской АССР, в учительской семье. Закончил Харьковский инженерно-строительный институт. Первые публикации появились в Харьковской областной молодёжной газете «Ленинская смена» в 1962 году. В студенческие годы участвовал в работе литературной студии поэта Бориса Чичибабина. Работал на строительстве лесопромышленного комплекса в городе Братске Иркутской области, где его стихи регулярно публикова-

лись в альманахе «Ангара». По поэме Петра Прихожана «Дума о граде Китеже» областная студия телевидения в 1968 году сняла фильм. Произведения Петра Прихожана публиковались в журналах «Новый мир» (Москва), «Рабочее-крестьянский корреспондент» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Чаян» (Казань), «Идель» (Казань), «Аргамак» (Набережные Челны). В 1970 году в Восточносибирском книжном издательстве вышел первый сборник стихотворений поэта «Гул-ливеры». Второй сборник стихотворений «Знакомство» вышел уже в Таткнигоиздате в 1986 году. В 1990 году в московском издательстве «Прометей» увидел свет ещё один поэтический сборник Петра Прихожана «Плата за гадание», в который вошло лучшее из написанного поэтом в разное время. В 2008 году в издательстве «Московский писатель» отдельной книгой вышла компилятивная поэма «Новая Илиада», написанная Прихожаном по мотивам «Илиады» Гомера на основе перевода Н. Гнедича. Первая посмертная книга стихов и поэм Петра Прихожана «Дума о граде Китеже» была выпущена Татарстанским отделением Союза российских писателей в 2011 году.

стр. 240 СИВКО Любовь Юрьевна родилась 5 августа 1963 года в городе Елабуга. Живёт в Набережных Челнах. Имеет педагогическое образование. Преподавала в школе; работала корреспондентом газеты «КАМАЗ-Металлургия», главным редактором Службы новостей на радиостанциях «Русское радио», «Ретро FM» и «Европа плюс» (Набережные Челны). Участвует в художественных выставках с 2004 года, дипломант городского конкурса «Художник года-2013». Работы находятся в фондах картинной галереи г. Набережные Челны, содержатся в частных коллекциях России, Украины, Туркменистана, Германии.

стр. 213 СУВОРОВ Виктор Семёнович родился 9 апреля 1953 года в селе Новошешминск Чистопольского района Республики Татарстан. Свою трудовую деятельность начал в 1970 году на Чистопольском часовом заводе слесарем-сборщиком. Срочную воинскую службу проходил в Западной группе советских войск в Германии. После увольнения в запас работал токарем, старшим техником-планировщиком, инженером-диспетчером на Уральском автомобильном заводе в Свердловске (ныне Екатеринбург). Там же закончил исторический факультет Уральского государственного университета, а в 1995 году — экономический факультет Москов-

ской коммерческой академии. В 1979 году Виктор Суворов приехал в Набережные Челны, на КАМАЗ. В системе профессионального образования трудится более 25 лет. В 1989 году на конкурсной основе избран директором Торгово-кулинарного училища № 117. Статус возглавляемого Суворовым училища неуклонно рос: 1992 год — коммерческий лицей, 1997 год — Торгово-технологический колледж, 2004 год — Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт. Не останавливается в своём совершенствовании и ректор НГТТИ. В 1999 году В.С. Суворов успешно защитил кандидатскую диссертацию, осенью 2005 года докторскую. Много лет он возглавлял Совет директоров учебных заведений профессионального образования республики и города. Имеет почётные звания: «Заслуженный учитель РТ», «Директор года — 96», «Директор года — 97». «Почётный гражданин города Набережные Челны». В 2003 году награждён нагрудным знаком «За заслуги в образовании». В 2005 году ему вручена медаль «К 1000-летию Казани». Имеет более 60-и научных статей, монографий, учебных пособий в области управления качеством профессионального образования.

стр. 26 СУПРУНОВА Светлана Вячеславовна родилась в 1960 году в г. Львове. После окончания Ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении районной больницы. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас — начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях. Лауреат Международных конкурсов «Литературная Вена-2012» и «Согласование времён-2012» (Германия). Член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников.

стр. 231 УМЫСКОВА Мария Сергеевна родилась 2 марта 1986 года в Набережных Челнах. Имеет музыкальное образование по классу фортепиано. Работала в детском саду музы-

кальным руководителем. Потом судьба связала с журналистикой — несколько лет была корреспондентом радиостанций «Европа плюс», «Русское радио», «Ретро FM». Сейчас воспитывает троих сыновей, в свободное от воспитания время трудится копирайтером и ведёт блог.

стр.
3

ШАМСУТДИНОВ Николай Меркамалович родился 26 августа 1949 года в Яр-Сале Ямальского района Тюменской области. В 1966 году окончил Нефтеюганскую среднюю школу. Работал монтажником в НГДУ «Юганскнефть», рабочим в геологических партиях. С 1968 по 1970 год служил в ВВС, а затем вернулся на Тюменский Север. Работал художником-оформителем, тележурналистом.

В 1980 году одновременно с окончанием Литинститута выходит его первая книга стихов. Поэт печатается во многих журналах и альманахах. Занимается переводами стихов с татарского, хантыйского, аварского, грузинского, киргизского и печатается на языках этих народов, а также украинском, английском, датском, словацком.

С 1983 года — руководитель литературного поста журнала «Сибирские огни» в Приобье. Продолжительное время вёл в Сургуте городское литобъединение. Переехав в Тюмень, возглавил Тюменское отделение Союза российских писателей и областной фонд защиты творческой интеллигенции. Был директором издательства «Берлек». Член Сою-

за писателей с 1982 года. Весной 1991 года Н. Шамсутдинов, единственный из тюменских литераторов, был приглашён в Данию, где прочитал цикл лекций в Королевских университетах Копенгагена и Одене.

Живёт и работает в Тюмени.

стр.
35

ШАРИФУЛЛИНА Эльмира Мухаметовна родилась 4 июня 1947 года в деревне Семяково Муслюмовского района Республики Татарстан. В 1976 году вышла её первая книга «Безнең, зоопарк» («Наш зоопарк»), адресованная детям. В 1984 г. Э. Шарифуллина издаёт поэтический сборник «Янгыр жиле» («Запах дождя»), тепло встреченный литературной общественностью. «Её произведения полюбили своей сдержанностью, светлой грустью, искренностью и открытостью», — писал поэт Зульфат в предисловии к книге. В 1986 году выходит книга прозы «Мизгел» («Мгновение»). В этой книге две повести. Одна из них — повесть-воспоминание «Мизгел» — посвящена мужу автора, татарскому писателю Фаилю Шафигуллину, трагически погибшему в 1982 году. В последующие годы появляются ещё три сборника стихотворений поэтессы: «Гәлләрылы» («Год цветов»), «Зәңгәр эңгер» («Голубые сумерки») и «Таң чыгы» («Утренняя роса»). В 1993 году Э. Шарифуллиной присвоено почётное звание заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан. С 1985 года она член Союза писателей Республики Татарстан.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПЕВ

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ КУРАЙ.....	3
--	---

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ЗИМЫ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН ОСТРОВ СВЯЖСКО СТАНЕТ ГРАДОМ МУЗЕЙНЫМ.....	12
КСЕНИЯ ЖАРКОВА ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ БЛАГОДАРНОСТЕЙ.....	17
ВЛАДИМИР КАРПОВ В ЧЕЛНАХ И ЕЛАБУГЕ НА НИКОЛАЯ УГОДНИКА.....	18

ЖЕНЩИНА. ЛЮБОВЬ. ВЕСНА

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА ТРОПИНКИ ПО КРУГУ <i>Стихи</i>	26
ЭЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА СЕРДЦЕ С СЕРДЦЕМ ГОВОРИТ <i>Стихи</i>	35
ОЛЬГА ЛУКЬЯНОВА ОКОШКО В НЕБО <i>Стихи</i>	42
ЕЛЕНА КОЛЯДИНА РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ ДО СЛЁЗ.....	47

НОВОЕ ИМЯ

СВЕТЛАНА ЛЕТЯГА СТРОКИ ВЫДОХНЕШЬ – И ОТПУСТИТ... <i>Стихи</i>	54
---	----

ФОТОВЕРНИСАЖ

АЛЁНА НОВИКОВА ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ПОДАРКА ПАПЫ.....	64
---	----

ПРОЗА НАШИХ ДНЕЙ

РКАИЛ ЗАЙДУЛЛА НАМ, ТАТАРАМ, ВСЁ РАВНО <i>Повесть</i>	65
АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН УТРОМ НЕБО ПЛАКАЛО, А НОЧЬЮ ВЫПАЛ СНЕГ <i>Рассказ-притча</i>	107
АЛЕКСАНДР КРАМЕР МОРЕ ВОЗНИКЛО ВНЕЗАПНО <i>Короткие рассказы</i>	118

ИМЯ В ПОЭЗИИ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН БЕЛЫМ ПО ЧЁРНОМУ <i>Стихи</i>	128
--	-----

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ПРОФЕССИЯ. ПРИЗВАНИЕ. СУДЬБА.....	137
ПЕТР ПРИХОЖАН СТРОЙКА.....	142

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ, СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ ИСТОРИЯ – НАША ПРОФЕССИЯ.....	169
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ И. А. БУНИН: «ПУТЕШЕСТВИЯ МЕНЯЮТ ЧЕЛОВЕКА».....	177

ЧЕРЕЗ РУССКУЮ РЕЧЬ**ДАНИЯ ЛОБУЗНАЯ**

МОЁ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....188

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИРЫ**АННА АКЧУРИНА**

ИГРА С ДИНАМИТОМ.....201

ПОЛЕМИКА**ВИКТОР СУВОРОВ**

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ.....213

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ЛЮДИ БЛИЗКОГО КРУГА218

АРХИВНАЯ ПОЛКА**НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ**

ЕЛАБУГА, КРАЙ ЛЕГЕНД.....223

ВАС. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

ЧЕЛНЫ И ПЬЯНЫЙ БОР. РЕКА ИК И ИКОВЦЫ. ПРЕДАНИЕ О ЕРМАКЕ.....225

У КОНОВЯЗИ**МАРИЯ УМЫСКОВА**

НА ФОНЕ ТРЁХ РОСКОШНЫХ КРАСАВЦЕВ.....231

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ВОСТОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.....235

ЛЮБИТЕ, ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ**ХАМЗА ШАРИПОВ**

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО.....240

ИЗДАНО В РОССИИ**СВЕТЛАНА КАШЕВАРОВА**

.....241

НАШИ АВТОРЫ

НАШИ АВТОРЫ.....249

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ФОТОВЕРНИСАЖ АЛЁНЫ НОВИКОЙ**ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ФОТОВЕРНИСАЖ АЛЁНЫ НОВИКОЙ****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ... ХУДОЖНИК ЛЮБОВЬ СИВКО****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ... ХУДОЖНИК ЛЮБОВЬ СИВКО**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 16.02.2015 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 2000 экз.

Заказ О-343

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Редакционная подписка на журнал «Аргамак. Татарстан» на весь 2015 год (четыре номера по два экземпляра каждый) – 1000 руб. Необходимо связаться с редакцией по телефонам и e-mail, указанным ниже.

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Любовь СИВКО. Июль х., м., 40×30. 2013 г.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

Мотор басовито гуркнул и пошёл, пошёл бодро и непринуждённо вращать свой многоколенный вал.

У него мозжило руку, саднило посечённое окалиной лицо, в глазах стояла ночь с росчерками молний, но в те минуты он тихо ликовал животорной радостью и молча, будто в забытьи, слушал и слушал это сдержанное бормотанье ожившей «тридцатьчетверки!»...

— Ну, Пётр, двинули помаленьку, — объявил он, разворачивая машину к последнему пределу своей войны. — Посматривай там...

Рассказ выдающегося русского писателя-фронтовика Евгения Ивановича Носова «Памятная медаль» и другие материалы, посвящённые 70-летию великой Победы над фашистской Германией.

ВИЛЬ МУСТАФИН

Несут меня потоки временные
в неведомые дали бытия,
где царствуют красоты неземные
и лики жития совсем иные —
отличные от нашего житья...

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

Множественность миров... Виль Салахович понимал не столько метафорически, как многие стихотворцы, и не только метафизически, как немногие духовидцы, но математически точно и объёмно... Поразительным образом Виль Салахович связывал все эти научные гипотезы с учением Иисуса Христа, который говорил ученикам «Вы во мне, а Я в вас». И Мустафин был убеждён, что это совсем не притча, не метафора, а сама суть Христова «видения»...

*Из материалов к 80-летию
казанского поэта, мыслителя, математика
Виля Салаховича Мустафина — светлая ему память!*